ТЕЛЕУТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
ИМЕНИ Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ТЕЛЕУТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Издание второе,
исправленное и дополненное

МОСКВА
2020

УДК 82.398
ББК 82(253.7)-6
Т31

Утверждено Ученым советом Института этнологии и антропологии РАН

Книга подготовлена в рамках проекта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (грант № 14.Y26.31.0014)

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН, доктор филологических наук *А.В. Дыбо*

Рецензенты:
кандидат филологических наук *Д.М. Токмашев*,
кандидат исторических наук *Е.П. Батьянова*

Т31 **Телеутский фольклор** / сост., вступит. ст., запись, нормализ. текстов, пер., коммент. Д.А. Функа / отв. редактор чл.-корр. РАН А.В. Дыбо. Изд. второе, исправленное и дополненное. – М.: ИЭА РАН, 2020. – 428 с.

ISBN 978-5-4211-0267-0
DOI: 10.33876/978-5-4211-0267-0-1-428

В книге представлены образцы фольклора бачатских телеутов, одного из самых малочисленных тюркских народов Южной Сибири, записывавшиеся начиная с первой трети XIX в. и до настоящего времени несколькими поколениями исследователей и собирателей фольклора, в том числе самими телеутами. Книга может представлять интерес для тюркологов – лингвистов и этнологов, а также для широкого круга читателей, интересующихся культурой народов Южной Сибири.

УДК 82.398
ББК 82(253.7)-6

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2020
© Томский государственный университет, 2020
© Д.А. Функ, идея, составление, вступительная статья, запись, нормализация и перевод текстов, комментарии, 2020

ISBN 978-5-4211-0267-0

Содержание

ТЕЛЕУТСКИЙ ФОЛЬКЛОР *(Д.А. Функ)* 7

ҚАЙ ЧӦРЧӦКТӦР
ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС

Сказка об Алтай-Куучуны 31

Борозы-Каан *(Фрагмент)* 51

К сказке Борозы каан 51
Борозы каан 52

Алтын тӱктӱ ақ уй атту Алтын-Эргек 72
Алтын тӱктӱ ақ уй атту Алтын-Эргек 76
Алтын-Эргек на златошерстном светло-соловом коне 77

Сӱт ақ атту Маладу
Маладу на молочно-белом коне 130
Вариант 1 130
Сказка 130
Вариант 2 134

Алғыр-Мерген *(Фрагмент)* 139

ЧӦРЧӦКТӦР
СКАЗКИ 157

Тарданақ
Тарданак 157

Көйӧйим кижи
Купец 164

Тодыл ала қушқачақ
Дрофа 170

Кер-Сағал
Кер-Сагал 173

Ӱч күлӱк сӧстең қорқуғандар
Три героя, слов испугавшиеся 182

Пашпарақ
Пашпарак 188

Эрмен-Чечен, Эркен-Чечен
Эрмен-Чечен и Эркен-Чечен 192

Ақтандас
Актандас 198

Палтыр-Тас
Палтыр-Тас 208

Эргектий-Уул (Телеут қалығының чөрчөгиниң ўзўги)
Эргектий-Уул (Мальчик-с-пальчик)
(Отрывок из телеутской народной сказки).....211

КЕП СӦС, УҚАА СӦС, ЎЛГЕР СӦС
ЛЕГЕНДЫ, ПРЕДАНИЯ, НРАВОУЧЕНИЯ 213
Қолборқо
Колборко..... 213
Јанар-Қуш
Йанар-Куш..... 214
Шўнў
Шуну 216
[Откровения Шуну-кайракана] 218
Шал-Қайрақан
Шал достопочтенный..... 220
Ўлгер сӧс
Нравоучение 222

САРЫННАР
ПЕСНИ 223
Қаңза-Пийдиң сарыны
Песнь богатыря Кангза-бия..... 223
Вариант 1..... 223
Каңза Пий..... 223
Кангза-бий..... 226
Вариант 2..... 228
Каңза Пий
Кангза-бий..... 228
Вариант 3..... *232*
Қаңза-пийдың сарыны
Песнь Кангза-бия..... 232
Мырат-пий
Мырат-бий..... 234
Вариант 1..... 234
Мырат-пий..... 234
Мырат-Пи 237
Вариант 2..... 242
Вариант 3..... 244
[Телеутский царь в Москве] 252
Табыр
Игровые песни 254

Ӳрей
Колядки ... 264
Ӳрей! ... 264
[Призывание на рождественские вечерки к Пачаям] ... 265
Плясовые («частушки») ... 266
Из любовной лирики ... 275
Мырзалай-јигит йару ... 276
Парень Мырзалай ... 277
Чӳчеке
Чучеке ... 278
Пала пайлаған сарыны
Колыбельные песни ... 280
Тӳлкӳчек ... 280
Лисенок ... 280
Қозаноқ/Қойоноқ ... 280
Зайчонок ... 280
Вариант 1 ... 280
Вариант 2 ... 281
Бай, бай, баламды
Баю-бай, мое дитя ... 281
Той сарыны
Свадебные песни ... 282
Қомудалду сарыны
Песни-печали ... 293
Сӧгӳш сарыны
Песни-насмешки ... 300
Мениң Тойын энежим ... 301
Моя бабушка Тойын ... 302
Сығыт
Причитания ... 304
Песнопения на библейские сюжеты ... 334
[Песнь Якова] ... 334
Вариант 1 ... 334
Вариант 2 ... 335

АЛҚЫШТАР
РИТУАЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ ... 337
Кормление эмегендер ... 337
Кормление сомдор ... 346
Алас
Обращение к Май-эне ... 363

Чымыр
Заговор в обряде изгнания злого духа 368

ҚАРҒЫШТАР
ПРОКЛЯТИЯ 375
Женские ругательства 375

Литература 418

Сведения об исполнителях 426

ТЕЛЕУТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Прошло более 15 лет со времени выхода моей книги «Телеутский фольклор» (2004). Книга попала и к специалистам (*Бурыкин* 2007), и в некоторые дома телеутов, которым, собственно говоря, она и была адресована в первую очередь, но, поскольку тираж был небольшим (всего 300 экз.), имевшийся спрос удовлетворить, разумеется, не удалось.

За эти годы мне посчастливилось найти еще несколько телеутских текстов в архивах и в публикациях, прежде мне неизвестных, а также дополнительно записать новые и расшифровать некоторые из записанных мной ранее текстов. Сегодня, как и столетие назад, стали издаваться книги с образцами фольклора, записанными самими телеутами в Кемеровской области и в Республике Алтай. Часть ранее сделанных мною расшифровок и переводов удалось уточнить, переосмыслить. С учетом всего этого, а также принимая во внимание растущий интерес широкого круга читателей к такого рода материалам, было принято решение готовить второе издание книги.

* * *

Телеуты – один из самых малочисленных тюркских народов Южной Сибири. Около 2,5 тыс. человек в настоящее время проживают в основном в сельских населенных пунктах Беловского, Гурьевского и Новокузнецкого районов Кемеровской обл. Этот народ известен также под названием «бачатские телеуты»,

поскольку большая его часть расселена по берегам рек Большой и Малый Бачат – притоков р. Ини, впадающей в Обь. Сохраняют свою этническую идентичность и небольшие группы телеутов в Степном Алтае – в Заринском р-не Алтайского края, а также в Горном Алтае – в основном в г. Горно-Алтайске и частично в Шебалинском р-не Республики Алтай. Подавляющее большинство вошедших в книгу фольклорных материалов было записано у бачатских телеутов. Важность предпринимаемого издания во многом объясняется включением лингвистами телеутского языка в группу языков, находящихся под угрозой исчезновения.

Карта-схема основных мест расселения телеутов в середине – конце XX в.

Впервые телеутские фольклорные тексты были изданы в России в 1844 г. Во второй книге «Исторического обозрения Сибири» П.А. Словцов опубликовал восемь пословиц, шесть песен (по восемь стихов каждая) и нотную запись одной из них с попыткой воспроизведения двух стихов на языке оригинала. Все тексты были предоставлены ему архимандритом Макарием, главой Алтайской духовной миссии (*Словцов* 1844: 285, прибавления 5–9).

Первая публикация телеутского фольклора на телеутском языке, до недавнего времени остававшаяся наиболее значительной по объему, принадлежит В.В. Радлову. В 1866 г. в первом томе «Образцов народной литературы тюркских племен Южной Сибири» (*Радлов* 1866; *Radloff* 1866) тогда еще начинающим тюркологом было помещено значительное количество телеутских текстов: 97 пословиц и пого-

ворок; 44 песни-импровизации (к сожалению, без разделения на алтайские и телеутские); эпическое сказание «Ай Қаан», записанное от телеутов на Алтае (в Муйту); несколько сказок, легенд, преданий, в т.ч. «Қалғанчы Чақ» («О конце света»), «Јанар Қуш», «Төлöс, Мундус, Қочқор Мундус», «Шуну», «Шыдар Убаң»; исторические песни «Қаңза Пий», «Мырат Пий», «Ақ Көбөк», «Сақсы Бай», «Пеш Қазақ» («Пять казаков»), «Пий Таш»; один шаманский текст («Қамдың мӱргӱ сöс») и четыре хвалебные песни. Позже в книге В.В. Радлова «Aus Sibirien» некоторые из этих текстов были переизданы, а шаманские «молитвы» существенно дополнены на основе миссионерских публикаций (*Radloff* 1884).

Вид на с. Бековo.
Здесь и далее, если не указано иное, фотографии Д.А. Функа

Если говорить о переводах на русский язык текстов, записанных В.В. Радловым, можно упомянуть предпринятую неизвестным «восточным поэтом» на основе немецкого перевода телеутского оригинала (автор назвал его «теленгитским») попытку литературного стихотворного перевода песни «Мырат Пий». Стихотворение было опубликовано в 1874 г. в одной из казанских газет (Восточный поэт 1874: 1 [30]).

Во второй половине XIX в. появляются новые издания телеутского фольклора на русском языке. Благодаря работам православного миссионера В.И. Вербицкого (*Вербицкий* 1858; 1870; 1882–1883) и известного путешественника и ученого Г.Н. Потанина (*Потанин* 1883:

178–179, 180, 182, 185, 192–193, 204, 213–214, 218, 226, 247–249, 286, 288, 362–363 и др.) исследователи получили в свое распоряжение значительное число мифов, легенд, исторических преданий, песен, существенно дополнивших радловские материалы. Этим, собственно говоря, перечень имен ученых, записывавших и издававших телеутский фольклор в XIX столетии, исчерпывается.

Развалины Пантелеймоновской церкви в с. Бековo. 1988 г.

Восстановленная Пантелеймоновская церковь в с. Бековo. 2014 г.

Публикации телеутского фольклора в XX в. относительно многочисленны, но неоднородны как по своему объему и отбору жанров, так и по степени близости к оригиналу.

В 1915 г. при содействии Г.Н. Потанина в третьем томе «Трудов Томского Общества изучения Сибири» была помещена объемная подборка телеутских материалов, собранных телеутом Г.М. Токмашевым (*Токмашев* 1915). В нее вошли следующие сказания: «Сказка объ Алтай-Куучуны», записанное в улусе Челухое «со слов сказочника Чымыя» (68 л.), и «Козика и Баян-Сылу», записанное там же в 1912 г. телеутом Д. Хлопатиным, а также мифологические рассказы «Какъ Јајучі – творецъ переселился съ земли на небо, оставивъ на ней горе и печаль» и «Колборко».

Попутно можно отметить, что «сказочник Чымый», от которого было записано сказание об Алтай-Куучуны, это известнейший сказитель-қайчы Чымый Токтулович (христ. имя – Андрей Алексеевич) Алагызов – легендарная личность в восприятии телеутов (о чем свидетельствуют и мои полевые исследования). С 9 по 11 июня 1911 г. от него же, скорее всего А.В. Анохиным, было записано на языке оригинала эпическое сказание «Ӱч кулакту аі-кара-атту Алтын-Кан» («Алтын-хан на трехухом иссиня-черном коне»[1]) объемом более 80 тетрадных страниц. К сожалению, была зафиксирована лишь малая часть обширного репертуара сказителя. Сам Чымый в беседе с А.В. Анохиным называл, помимо упомянутых текстов, эпические сказания «Канатту да кан кара атту Канатай-Мерген» («Канатай-Мерген на кроваво-черном крылатом коне»), «Ак пос атту Ак-Каан апшак» («Старик Ак-хан на пепельно-беловатом коне»), «Кара сагышту кара алып» («С черными мыслями Черный алып»), «Ак сагышту Ак-Каан бий» («С чистыми помыслами Ак-хан бий»), «Теңередең јайалып тӱшкен Ай-Көөк» («Спустившаяся с небес Ай-Кёёк»), «Ай-Каан Алтын-Пилек уулду» («Ай-хан и его сын Ак-Пилек») и др. (Архив МАЭ[2]. Ф. 11. Оп. 1. № 33. Л. 1–49, 80–112; № 35. Л. 14–15об).

В том же 1915 г. в Омске было издано на русском языке знаменитое собрание алтайского эпоса «Аносский сборник» (*Никифоров* 1915). При внимательном ознакомлении с материалами книги

[1] Перевод названий (в скобках) здесь и далее в этом абзаце предложен мной. – *Д.Ф.*

[2] Архив МАЭ – Научный архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

можно обнаружить по крайней мере один эпический текст, вероятнее всего, от алтайских телеутов. Это сказание «Ақъ-би» (с. 128–147), записанное Семеном Чонашевым в д. Мыюту. Известно, что население Мыюту формировалось в основном из бачатских телеутов-переселенцев. Сам же Чонашев (Кочеев) – определенно телеут из сеока[1] (рода) Мерет. Кстати, этот текст мог быть и самозаписью; Чонашев был известным сказителем, позже он неоднократно записывал свои произведения и исполнял их для записи по просьбе алтайских фольклористов.

Г.М. Токмашев, чьи записи составили названную выше подборку «Телеутские материалы», в 1910–1920-е годы вел активную собирательскую работу и много публиковался. В 1918 г. он издает на русском языке первую часть эпического сказания «Борозы Каан», записанного от Чымыя Алагызова (*Токмашев* 1918). Из его писем к Г.Н. Потанину известно, что собиратель работал над переводом на русский язык таких телеутских эпических сказаний, как «Қыйан-Ару», «Ақ-Қаан», «Алгара-Мерген» (*Батьянова, Рюмина* 2003: 112), однако эти тексты остались неопубликованными. Известно также, что в 1926–1927 гг. Г.М. Токмашев под псевдонимом *Очы* опубликовал в Центральном издательстве народов СССР две брошюрки на алтайском (фактически на телеутском) языке (см.: *Самаев* 1991; *Батьянова, Рюмина* 2003: 119). В одну из них вошло значительное число песен-такпактар (*Очы* 1926), в другую – довольно объемное, около 1,5 тыс. стихотворных строк, эпическое сказание «Ақ-Олдош» (*Очы* 1927). Это был период становления графики и орфографии языка, и потому неудивительно, что в опубликованных текстах обнаруживается множество неточностей.

Позднее, уже в 1920-х годах, в статьях этнографов А.В. Анохина (*Анохин* 1912; 1929), Н.П. Дыренковой (*Дыренкова* 1926: 248–249; 1927: 74–76), Л.Э. Каруновской (*Каруновская* 1927: 22, 24–25, 27–28, 31, 33–34, 35), А. Ефимовой (*Ефимова* 1926) появляется еще несколько фольклорных образцов, главным образом свадебные песни бачатских и алтайских (чергинских) телеутов. Наиболее плодотворным был этот период в плане публикации множества ритуальных текстов – заговоров и заклинаний (*алқыш*). Следует особо отметить посмертное издание записанного Н.П. Дыренковой камлания

[1] Телеутское (далее – тел.) написание: *сөөк.*

духу Кычкыл-хану по случаю получения шаманом нового бубна (*Дыренкова* 1949)[1]. Во всех работах этих исследователей телеутские тексты были приведены не только на русском, но и, что важно, на телеутском языке.

Общий вид с. Черга на Алтае. Фото С.И. Борисова. 1911–1913 гг.
Алтайский государственный краеведческий музей, № 12595/114

Н.П. Дыренкова вела активную собирательскую работу среди многих этнических групп Саяно-Алтая, в т.ч. и среди телеутов, у которых она сама или с помощью своих информантов записала несколько песен, включая героические и колыбельные, около десятка погребально-поминальных причитаний (*сығыт*), 100 загадок, 47 поговорок и пословиц, а также несколько крупных эпических текстов. Блок эпоса («героическая сказка» в терминологии Н.П. Дыренковой) стал наиболее значительным по объему. Мне удалось выявить и идентифицировать в архиве исследовательницы десять эпических сказаний, основная часть которых датируется 1936 г. Среди полных текстов в этом архиве хранятся, в частности, сказания «Jezi Mökö» (Архив МАЭ. Ф. 3. Оп. 1. № 27. Л. 1–41 – чистовик, 43–65об – черновик), «Qān Zolo» (Архив МАЭ. Ф. 3. Оп. 1. № 28. Л. 1–38 –

[1] Впрочем, эта посмертная публикация, к сожалению, не отличается особым качеством ни текста оригинала, ни его перевода и, на мой взгляд, требует доработки и переиздания.

чистовик, 71–89об – черновик), «Qara Qan»[1] (Архив МАЭ. Ф. 3. Оп. 1. № 29), а также несколько версий сказания «Козийқа и Пайан-Сылу» (подробнее см.: *Функ* 1992: 65–70)[2].

Кайчы Шанпар Бедреев с кай-комусом в руках у своей землянки в улусе Тарабинском, один из тех, с кем работала Н.П. Дыренкова. Фото А.Г. Данилина и Л.Э. Каруновской 1929 г. из собрания МАЭ РАН, №4125-38. В описании стеклянной пластинки в архиве указано: «Улус Тараба: мужчина играет на топшуре»

Часть фольклорных записей исследовательница не успела переписать начисто: это листы с не всегда понятными отдельными словами и с большим количеством сокращений, т.е. собственно полевые записи. Все или практически все песенные и эпические тексты – только на телеутском языке, в записи латиницей; к переводу их на

[1] Полевые записи без названия. Сказание начинается с того, что Кара-хан, оставив дома супругу Алтын-Кас, отправляется на ратные (но неправедные) подвиги, а все последующие события связаны с рассказом о его сыне Алтын-Эргеке, который родился в отсутствие отца. Учитывая распространенную практику давать название эпосу по имени богатыря первого поколения, скорее всего, это сказание называлось именно «Қара-Қан».

[2] Хочу особо оговорить, что указанные в названной публикации фамилии сказителей, от которых, как мне тогда представлялось на основе предварительного знакомства с архивом Н.П. Дыренковой, исследовательница записывала эти тексты, не во всех случаях точны. Надеюсь, что при подготовке телеутских эпических текстов, записанных Н.П. Дыренковой, все такого рода вопросы удастся прояснить.

русский язык, судя по всему, исследовательница не приступала. Как следует из анализа материалов ее архива, она намеревалась подготовить к изданию отдельный том телеутского фольклора[1].

Начиная с 1949 г. (когда были опубликованы записи Н.П. Дыренковой, сделанные в 1930-е годы) и вплоть до 1974 г. новых материалов по фольклору бачатских телеутов практически не издавалось. Из перепечаток можно упомянуть, например, сказание «Ай Қан», включенное в первый том сборника «Алтай баатырлар» (Алтай баатырлар 1958: 53–77), переиздание первого тома «Образцов народной литературы...» В.В. Радлова в Блумингтоне (*Radloff* 1967), а также публикацию К. Кёгальми в переводе на венгерский язык некоторых песен и шаманских текстов, записанных В.В. Радловым и Н.П. Дыренковой (Samandobok 1974: 11–40). В 1958 г. в книге Н.А. Баскакова, посвященной алтайскому языку, в разделе «Образцы текстов» был помещен и образчик «диалекта телеутов (телеут кижи[2])» – сказка «Ак-көбөк» на телеутском и ее перевод на русский язык (*Баскаков* 1958: 88–91). Текст не был прокомментирован, однако сравнение его с аналогичным, опубликованным В.В. Радловым, показывает их идентичность; вариант Н.А. Баскакова формально оказался менее соответствующим оригиналу, поскольку не был разбит на стихи. Порой образцы телеутского фольклора встречались в исследованиях или в сборниках текстов на алтайском языке (см., напр.: Алтай кеп сöстöр... 1956: 17; *Суразаков* 1960: 50–51), но в целом это не меняет общую ситуацию.

В конце 1950-х – начале 1960-х годов появляется несколько специализированных публикаций одного из первых алтайских фольклористов С.С. Каташа, посвященных выявлению возможных путей проникновения казахской лироэпики на Алтай (*Каташ* 1957; 1961). Для анализа, помимо казахского эпоса «Козы-Корпеш и Баян-Слу», им привлекались как собственно алтайские варианты эпоса с аналогичным сюжетом, так и телеутское сказание «Козийка».

Лишь в начале 1970-х годов положение с публикациями телеутского фольклора начинает существенно меняться. Появляется полевой материал, который исследователи постепенно вводят в научный оборот. В 1974 г. в восьмом томе сборника «Алтай баатырлар»

[1] См. ниже в разделе «Разновидности телеутского фольклорного материала».
[2] Конструкция «телеут кижи» в языке телеутов отсутствует.

(«Алтайские богатыри») было опубликовано эпическое сказание «Ӱч қулақту ай қара ат» («Трехухий лунно-карий конь») объемом 3,4 тыс. стихотворных строк, записанное в 1956 г. от Ф.Н. Челухоева алтайским фольклористом С.С. Суразаковым (Алтай баатырлар 1974: 134–185). И это не единственный текст, зафиксированный С.С. Суразаковым у бачатских телеутов. В 1957 г. он сделал краткие записи вариантов сказания «Алтай-Қуучун» от К.А. Баксарина и от О. Мандыякова (см.: *Суразаков* 1985: 123).

На свадьбе у В.Н. Челухоева, улус Закюртей, февраль 1957 г. Среди стоящих в центре мужчин: первый слева – сын шамана Канакая, сказитель Федор Николаевич Челухоев, третий слева – его двоюродный брат, сказитель Степан Алексеевич Челухоев. Из личного архива Д.А. Функа

В 1970-х – начале 1990-х годов в небольших по объему статьях этнографов и лингвистов, в газетных заметках и в сборниках детских сказок появилось еще несколько образцов телеутского фольклорного материала. Это песни-причети (*Сыркашева* 1971; *Дьяконова* 1975: 54), свадебные (*Тыбыкова, Чумакаева* 1981: 78; *Укачина* 1989: 112) и колыбельные (*Кондратьева* 1989) песни, т.н. родовые дразнилки (*Батьянова* 1983) и сказки (Jӱс сагыш 1987: 61–68; Телеутские сказки 1990: 87–88).

Значительный вклад в изучение телеутского языка и фиксацию образцов телеутского фольклора внесла Г.Г. Фисакова, в 1965–

1973 гг. ассистент кафедры английского языка факультета иностранных языков Кемеровского педагогического института. В ее научных публикациях и газетных статьях можно обнаружить различные виды фольклорных материалов: загадки, поговорки, колядки, благословения по поводу надевания нового платья на девочку и по поводу первого укладывания новорожденного в колыбель, лирические песни «Ана Пайадым» и «Чӱчеке» (*Фисакова* 1976: 99; 1976а; 1977; 1990; 1990а; 1990б; 1992).

Кроме этого, несколько телеутских текстов – мифологических рассказов, легенд, преданий, песен, загадок, поговорок, пословиц – попало в фольклорные сборники и научные статьи и книги, изданные в г. Горно-Алтайске (*Каташ* 1978; *Укачина* 1984; др.), хотя в них зачастую специально телеутские материалы не выделялись. Исключение составляла «телеутская страница», периодически публиковавшаяся в начале 1990-х годов в газете «Алтайдың чолмоны» («Звезда Алтая») в г. Горно-Алтайске.

О «телеутской странице» следует сказать подробнее, т.к. именно она регулярно предоставляла алтайским читателям различные сведения по истории, этнографии и современному социальному развитию телеутов, а также фольклорные тексты. Наиболее плодотворным по числу «страничек» и объему фольклорных материалов был 1990 г. (мной просмотрены все номера газеты за 1990–1998 гг.), когда «Алтыйдың чолмоны» начала издаваться на алтайском языке. Первая «телеутская страница», тогда еще не имевшая постоянного названия, появилась в газете № 54 от 17 марта 1990 г. Помимо образцов фольклоризованной прозы основоположников телеутской и алтайской литературы М.В. Чевалкова и Г.М. Токмашева, она содержала краткие современные записи фольклора З.С. Казагачевой, Ю.И. Шейкина и Т.М. Садаловой. Это были несколько строк из обряда «алас» в записи от В.С. Хлопотиной и песенка зайчика от У.А. Челухоевой из д. Челухоево, 14 строк текста, сопровождающего обряд «чымыр», от А.П. Алаганчаковой и две свадебные песни (каждая из восьми стихов) от А. Бараевой и О. Кистаровой из д. Шанда, а также четыре поговорки (кеп сӧстӧр) без сведений об информантах. Второй выпуск «страницы» (№ 81 от 25 апреля 1990 г.; с этого времени «страница» получила постоянное название «Қайыш қурлу қалыгым»[1]) был украшен

[1] «Мой народ, подпоясанный поясом из сыромятной кожи». – *Д.Ф.*

сказкой «Эрмен-Чечен, Эркен-Чечен», записанной в д. Верховская от Прасковьи Степановны Чештановой. Четвертый выпуск «телеутской страницы» (№ 105 от 5 июня 1990 г.) состоял полностью из фольклорных материалов: начала большого эпического сказания «Ӱч қулақту Ай-Қара ат», впервые опубликованного в 1974 г. С.С. Суразаковым (см. выше), и добротного современного текста игровой песни *табыр*, записанного в мае 1990 г. в Горно-Алтайске от жительницы д. Шанда М.Н. Андрюшкиной.

Вид на д. Шанда Гурьевского р-на Кемеровской обл.
от Памятника скорбящей матери

Кроме упомянутых выше фольклористов, этнографов, лингвистов и этномузыкологов, записывавших образцы телеутского фольклора в 1970–1980-е годы, можно назвать также имена Ю. Макышевой, С.П. Тюхтеневой, И.К. Травиной, В.Я. Бутанаева, а также самих телеутов – В.И. Челухоева, Н.В. Калишева, Л.Т. Рюминой, М.Ф. Кочубеевой.

Продолжая тему работы алтайских фольклористов и самозаписей, сделанных телеутами, следует упомянуть о двух томах фольклора, выпущенных на Алтае в 1993 и 1994 гг. в серии «Из библиотеки “Ак-Чечек”»: «Алтай алкыштар» и «Алтай кеп-куучындар». В первый, помимо трех отрывков из статьи Н.П. Дыренковой «Материалы по шаманству у телеутов» и одного из статьи А. Ефимовой «Телеутская свадьба», вошли девять кратких, но оригинальных телеутских текстов: обращение к хозяйке огня (с. 43–44) в записи Дедых (?) 1994 г. от алтайского телеута М.Я. Шабуракова, два варианта одной свадебной песни из восьми стихов (с. 83–84) в записи

К.И. Максимова от Р.И. Бедреевой (степные телеуты) и П.С. Каргиной (бачатские телеуты) и четыре варианта обращения к покровительнице детей Май-эне (с. 94–95), два из которых были записаны телеуткой В.Т. Сыркашевой (бачатские телеуты) (Алтай алқыштар 1993). Во второй том вошли лишь два телеутских текста: «Каңза-Бий» (восемь стихов в записи Т.М. Садаловой от А.П. Алаганчаковой) и предание «Шал-Кайракан» (самозапись 1957 г. Г.М. Токмашева) (Алтай кеп-куучындар 1994: 205). Все оригинальные тексты, включенные в эти тома, были извлечены из архива Горно-Алтайского НИИЯЛИ (ныне – НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова).

Середина 1990-х годов ознаменовалась появлением сразу двух сборников телеутского фольклора.

В 1994 г. в Горно-Алтайске вышла небольшая книжка телеутских сказок (*Тыдыков* 1994) в самозаписи Афанасия Афанасьевича Тыдыкова. В нее были включены несколько песен, поговорок и благопожеланий, а также семь сказок, одна из которых – «Ак Көбөң баатыр» – фактически является эпической песнью. Несмотря на довольно большой тираж (1000 экз.), книга эта осталась практически не известной телеутам Кемеровской области.

Заметным событием в новейшей истории публикации телеутских фольклорных материалов стало издание в 1995 г. в Горно-Алтайске сборника «Алтай фольклор» («Алтайский фольклор»), составленного Т.М. Садаловой из архивных записей телеута К.И. Максимова (1926–1987) и изданного на телеутском языке (АФ 1995; см. также: *Функ* 1997: 170–174).

Сборник состоит из трех основных разделов: эпосы («Кай чӧрчӧктӧр»; с. 17–56), обрядовая поэзия («Чӱм-јангдарла колбулу поэзия»; с. 57–76) и песни («Сарындар»; с. 77–99), к каждому из которых сделаны примечания (в общей сложности более 250) с переводом непонятных читателю телеутских слов и выражений на алтайский язык. В сборнике имеются также заключительные примечания – сведения об информантах («Ајарулар»; с.101–104) и дополнительные материалы («Јемей материалдар»; с. 105–127), куда попали несколько интересных текстов.

В раздел «Кай чӧрчӧктӧр» включены два эпических сказания. Первое – «Алтын тӱктӱ ак уй атту Алтын Эргек» («Алтын-Эргек на златошерстном светло-соловом коне») (890 стихотворных строк) – было записано в 1976 г. у степных телеутов в улусе Кытмановском

Октябрьского р-на Алтайского края от сказителя-*қайчы* Степана Дмитриевича Канзачакова (1912 г.р.) из сеока Қадын. Второй текст – «Көзийке» – был записан в 1982 г. (1984?) у бачатских телеутов в д. Верховская Бековского сельского совета Беловского р-на Кемеровской обл. от известного знатока традиции, сказителя[1] Кузьмы Андреевича Баксарина – этот вариант стал первым, опубликованным на телеутском языке.

Весьма любопытны приведенные в сборнике записи шаманских текстов. Разрозненные, отрывочные, часто (это видно по тексту) зафиксированные не во время исполнения обряда, а под диктовку, они все же чрезвычайно важны. Важны, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, они дают некоторое представление о состоянии шаманистского мировоззрения у телеутов 1970–1980-х годов. Небольшие отрывки из некогда грандиозных по масштабам текстов шаманских камланий, которые К.И. Максимову удалось записать от двух пожилых женщин-нешаманок (А.К. Максимовой и А.М. Мажиной), только на первый взгляд могут быть сочтены безусловным показателем значимой трансформации традиции. Думается, что число записанных К.И. Максимовым отрывков из разных шаманских и иных ритуальных текстов, как и канонический характер образов, фразеологических оборотов, лексики, напротив, позволяет говорить о хорошей сохранности шаманского фольклора в памяти представителей старшего поколения телеутов. Во-вторых, в этой подборке шаманских текстов встречаются неизвестные ранее образцы и новые сведения. В частности, следует отметить пять причетей (*сығыт*).

Песенный раздел (собственно тексты; с. 79–97) оказался также весьма информативным. В него вошли два варианта (60 и 81 стих соответственно) игровых песен (*табыр*), 11 пар строф свадебных песен (*той сарындар*), две колыбельные (*қабай сарындар*), песни (*чöйö сарындар*) (впервые выделенная категория протяжных песен), десять парных строф и одна строфа без пары песен-печалей (*қомудалду сарындар*) и, наконец, более 150 стихов плясовых (*тандирлер*).

В книге представлены многие записи К.И. Максимова, однако следует отметить, что наследие собирателя этим не исчерпывается. Известно, например, что им в 1971 г. от телеутского сказителя

[1] В сборнике К.А. Баксарин назван сказителем-*қайчы*, но известно, что он не исполнял эпос горловым пением (*қай*).

В.Д. Актёшева было записано эпическое сказание «Ак-чоокыр тайга минген Алана-Тайчы» («Алана-Тайчи, ездящий на светло-чубаром коне-трехлетке») (1000 стихотворных строк) (см.: *Суразаков* 1985: 254), а в 1984 г. – эпос «Јерде јадып өскөн Јези-Бөкө» («Дьези-Бёкё, на земле выросший»[1]) от неизвестного сказителя[2].

Из добротных литературных переводов телеутского эпоса – кстати, они появились также в середине 1990-х годов – можно упомянуть перевод сказания «Козика», выполненный А.В. Преловским (Колчан сердечных стрел 1995: 110–145, 432). Основой для литературной версии, как сказано в примечаниях, послужил «подстрочник» сказания, записанного в 1924 г. К.А. Вертковым от Н. Пачаева. Текст был обнаружен в Научном архиве МАЭ известным специалистом по этнографии нивхов Амура и Сахалина Ч.М. Таксами, неоднократно обращавшимся в своем творчестве к фольклору тюрков Саяно-Алтая. В отношении «подстрочника» я могу заметить, что при разборе телеутских фольклорных материалов в архиве Н.П. Дыренковой телеутский оригинал текста мне не посчастливилось встретить, там были лишь 18 страниц машинописного текста «Козика» на русском языке с пометкой о записи его от телеута Пальшея (Николая) Пачаева «в вершине р. Чаргы» в июле 1924 г. У телеутов фамилии Пачаевы не существует. Возможно, это неверно записанная фамилия Параевы из сеока Тёлёс, либо – и это более вероятно – эта фамилия была образована от имени одного из основателей большого юрта Пачайлар в составе фамилии (патронимии) Челухоевы из сеока Йуты.

В начале 2003 г. в г. Кемерово была опубликована небольшая (57 страниц) брошюра, содержавшая телеутские фольклорные тексты с переводами на русский язык (*Рюмина-Сыркашева* 2003), которая осталась практически не замеченной в академических кругах. Возможно, виной тому место ее тиражирования: типография Управления внутренних дел г. Кемерово. Мне этот небольшой сборник впервые попал в руки даже не год спустя после того, как я издал свою

[1] Без контекста сложно точно перевести. Возможно, здесь речь идет о том, что богатырь рожден на земле, в смысле – без родителей, но, может быть, и о том, что рожден именно на земле, а не в подземном мире и не на небесах.

[2] Запись на кассете, зарегистрированная под номерами ФЭ-2 (оригинал) и ФЭ-6 (копия) в архиве НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова (см.: Алтай фольклор 1995: 103). Без знакомства с этим текстом сложно сказать, насколько сюжет этого эпоса близок к сюжету сказания «Jezi Mökö», записанного Н.П. Дыренковой (см. выше).

книгу «Телеутский фольклор» (*Функ* 2004), а, к сожалению, гораздо позже. Он существенно отличается от упомянутой ранее публикации материалов К.И. Максимова, поскольку является двуязычным изданием. В брошюру вошли некоторые тексты из сборника В.В. Радлова (1866), в частности, песня «Мырат-Пий» (с. 5–7), пословицы и поговорки из собрания миссионера Михаила Васильевича Чевалкова, телеута по происхождению (с. 38–39). Однако большая часть включенных в нее образцов телеутского фольклора – это уникальные материалы из архива самой Л.Т. Рюминой-Сыркашевой, основу которых составили тексты песен (исторических, игровых, свадебных, шуточных, печальных и др.), записанные в разные годы самой исследовательницей, ее отцом, а также другими людьми. Прекрасное знание телеутского языка помогло Людмиле Тимофеевне справиться со значительным числом устаревших телеутских слов, столь часто встречающихся в фольклоре, и в целом на высоком уровне выполнить все переводы на русский язык.

Из относительно недавних алтайских публикаций телеутских фольклорных материалов достойны упоминания по крайней мере еще две книги.

В 2011 г. стараниями Т.М. Садаловой была издана довольно объемная, более 130 страниц, книга «Ана-Байаттың эрјине сӧзи» («Родины-матери драгоценные слова»), полностью составленная из материалов упоминавшегося выше А.А. Тыдыкова (*Тыдыков* 2011). Структурно книга близка сборнику материалов К.И. Максимова «Алтай фольклор», который также готовила Т.М. Садалова. В издание 2011 г. вошли песни, поговорки, благопожелания, девять сказок (две – это переводы или пересказы тувинских сказок, а одна – «Алтын-Эргек баатыр», по словам самого автора, – фактически героический эпос[1]), три богатырских сказания (песнь «Ак-Кӧбӧң баатыр» и действительно эпические сказания «Байбак-Баш», около 400 стихотворных строк, и «Кан-Тодый баатыр», около 800 стихотворных строк), несколько ритуальных текстов и комментариев к праздничным и обрядовым действам, краткие воспоминания о шаманах и сказителях и автобиографические рассказы. Тексты опубли-

[1] А.А. Тыдыков указывает: «Бу кай чӧрчӧктиң ӱлгерлик бӱдӱми ундулып калган» («Стихотворная форма этого эпического сказания забыта». – *Д.Ф.*) (*Тыдыков* 2011: 45).

кованы на телеутском языке, хотя и в алтайской орфографии. Эти тексты – самозаписи того, что А.А. Тыдыков слышал в детстве и в зрелом возрасте «от стариков» (как он порой указывает в примечаниях к тем или иным текстам) или от конкретных сказителей. Это не записи фольклора от неких исполнителей, а именно воспоминания самого Афанасия Афанасьевича. И этим, мне кажется, книга и интересна. Она показывает, какой объем фольклорно-этнографических материалов может храниться в памяти непрофессионалов (не сказителей).

И, наконец, в 2016 г. в Горно-Алтайске вышел еще один сборник текстов «Алтайские народные сказки», подготовленный Мирой Демчиновой при участии Кузелеш Яндановой (обе – известные алтайские фольклористы), в который, помимо собственно алтайских фольклорных материалов, были включены две «сказки бачатских теленгитов» (Байатта јаткан теленґиттердиҥ чӧрчӧктӧри). Речь, разумеется, идет о бачатских телеутах. В комментариях к своим текстам, приведенным в книге, сам рассказчик четко называет свою этническую группу *теленґеттер*:

> «Пайан-Сулу теген Кӧзийка-а» – теленґеттердиҥ пистиҥ йаан чӧрчӧк. <…> Йарыкта пистиҥ ак јеленґеттердиҥ арасында анди паатыр йаттыр, Кӧзика теп (Алтайские народные сказки 2016: 183).

Лишь в переводе на русский язык в этом тексте вдруг появляются «теленгиты»:

> «Пайан-Сулу и Кёзика» – большая сказка наших теленгитов. <…> На свете, среди наших белых теленгитов жил такой патыр (богатырь. – *Д.Ф.*) по имени Кёзика (Там же: 184).

Возможно, и не было бы необходимости обращать на это внимание, но слишком уж явно прослеживается тенденция «обалтаивания» различных этнических групп Южной Сибири в публикациях местных исследователей. Под названием «Алтайский фольклор» вышел в свое время сборник челканских текстов (АФ 1988), «Алтай фольклор» был назван сборник телеутских фольклорных материалов (АФ 1995). В принципе, подобная деятельность вполне вписывается в реализуемый в НИИ алтаистики проект «Конструирование региональной идентичности в Республике Алтай (конец XX – начало XXI вв.)», но, думается, что «игры» в такого рода конструктор требуют более академичного, более взвешенного подхода.

В д. Телеуты (черта г. Новокузнецк Кемеровской обл.),
июль 2014 г.

Тщательно записанный от Михаила Тыдыкова (он не был сказителем) текст прозаической версии телеутского эпического сказания «Кёзика и Пайан-Сулу» (с. 108–167) оказался самым объемным из всех включенных в книгу. Надо заметить, что это была первая – после издания в пересказе на русском языке столетие назад (*Токмашев* 1915: 82–91) и после выхода в 1995 г. этого эпоса лишь на телеутском языке (АФ 1995: 41–53) – публикация версии «Кёзика и Пайан-Сулу» не только в записи на языке оригинала, но и в переводе на русский язык.

Разумеется, названными фольклорными текстами не исчерпывается все богатство устного творчества бачатских телеутов. В этом мне пришлось убедиться во время полевой работы с пожилыми телеутами в 1982–1984, 1987–1992, 1994, 1999 годах, а затем и в начале 2000-х, и в 2014 г., когда мне удалось записать несколько телеутских песен, преданий, легенд, эпических сказаний, сказок, загадок, заговоров, благопожеланий. Часть телеутских фольклорных и шаманских текстов, записанных или же впервые обнаруженных мной лично в архивах Санкт-Петербурга и Томска, была опубликована с обширными комментариями отдельными изданиями, а также в книгах и статьях в 1990-е годы. Рассмотрению собственно фольклорных материалов было посвящено несколько сделанных мной обзоров и часть монографии 1992 г., а также первое двуязычное монографическое

издание образцов телеутского фольклора 2004 г. (*Функ* 1992; 1993: 271–183, 302 и др.; 1995; 1997; 2004; др.).

Даже краткий обзор истории публикаций телеутского фольклора позволяет отметить, с одной стороны, факт издания образцов довольно-таки многих жанров устного народного творчества телеутов, а с другой стороны, в большинстве случаев выявить неполноту и фрагментарность опубликованных материалов, отсутствие специальных (двуязычных, хорошо документированных, с профессиональными комментариями) изданий текстов и, как следствие, монографических исследований фольклора телеутов.

Разновидности телеутского фольклорного материала

Одна из самых лестных оценок телеутского фольклора принадлежит перу А.В. Анохина. В специальном исследовании музыкального творчества народов Саяно-Алтая, осуществленном еще в 1920-х годах, он писал: «Из всей северной группы алтайских турков (по мнению А.В. Анохина, это тубалары, кумандинцы, челканцы, "матурцы", шорцы и телеуты. – *Д.Ф.*) по богатству поэтического и музыкального народного творчества особое место занимают телеуты… Ни у одного другого племени алтайских турков нет такого количества исторических рассказов, былин, легенд, пословиц, поговорок и нет такого разнообразия в музыкальном творчестве, какое мы встречаем у телеутов» (Архив МАЭ. Ф. 11. Оп. 1. № 196. Л. 66). Исследователем была предложена и классификация телеутских мелодий (точнее, разновидностей фольклорного материала, где все произведение или его часть поется): «лирические – сарын, игровые – табыр, плясовые – тандыр, шуточные – кор сарын, свадебные – той сарын, колядки – ӱрей, траурные – сыгыт, героические – маатыр сарын, сказочные – чӧрчӧк и разнообразные шаманские – алкыш» (Архив МАЭ. Ф. 11. Оп. 1. № 196. Л. 67). Эта же классификация, судя по имеющимся архивным записям, была принята и Н.П. Дыренковой (Архив МАЭ. Ф. 3. Оп. 1. № 44. Л. 20), хотя при подготовке плана работы над томом «Телеутский фольклор» на основе собственных полевых материалов ею было использовано иное деление: «1. Героическая сказка…; 2. Сказка…; 3. Легенды; 4. Песни. Историческая песня» (Архив МАЭ. Ф. 3. Оп. 1. № 238. Л. 1–3).

Основываясь на всех доступных мне опубликованных, хранящихся в архивах и собственных полевых записях, я попытаюсь назвать все разновидности фольклорного материала телеутов[1]:

қуучын (букв. повесть, рассказ) – мифологические рассказы;
уқаа сöс –легенды;
чöрчöк – сказки, эпос:
а) сказки:
волшебные,
крестьян чöрчöги – бытовые,
о животных,
б) *қай/қай-чöрчöк/чöрчöк* – героический эпос;
сарын – песни:
лирические,
тапқақ – частушки (как правило, в сопровождении
тандыр – плясовых мелодий),
табыр – игровые,
ӱрей – колядки,
пала пайлаған сарыны/пубай сарын – колыбельные,
той сарын – свадебные,
айтыс/қор сарын – шуточные,
мақ сöс/мақ сарын/мақтулу сарын – хвалебные,
маатыр сарын – исторические,
христианские песнопения на библейские сюжеты,
чöйö сарын – протяжные песни,
қомудалду сарын – печальные песни,
сöгӱш сарын – песни-насмешки,
сығыт – погребально-поминальные причети;
алқыш – заговоры, благопожелания, шаманские тексты;
қарғыш – проклятия;
кеп сöс – предания, легенды;
кеп сöс/ӱлгер сöс/қабай сарын – поговорки и пословицы,
«родовые дразнилки», наставления, притчи;
сöгӱш/тапқақ – «родовые дразнилки»;
табышқақ, табысқақ, тапқыр сöс – загадки;

[1] Впервые попытка классификации телеутского фольклора была предпринята мной в 1992 г. (см.: *Функ* 1992: 15–16).

қобрақ – скороговорки;
пелге, темдек – приметы.

В ряде случаев один и тот же термин мог использоваться для обозначения разных видов фольклорного материала. В частности, это хорошо видно по семантическому полю терминов *кеп сöс* и *ӱлгер сöс*. Следует также заметить, что не только каждый вид песен имеет свой мелодический рисунок – музыкальное сопровождение (*қайларға*) героического эпоса также состояло в прошлом из нескольких десятков мелодий (*кӱӱ/арғу*).

В настоящее время у телеутов совсем не осталось сказителей, помнящих богатырские эпические сказания, почти невозможно записать мифологические рассказы, легенды и предания, полные шаманские тексты (в связи с отсутствием шаманов). Редки люди, знающие лироэпику и даже обычные сказки. Наиболее «живучи» оказались песни; современным телеутам – как правило, женщинам и, как правило, уже не молодым – они известны практически во всех своих разновидностях.

Задачи книги

В истории изучения телеутского фольклора, насчитывающей к настоящему времени почти два столетия, сложилась довольно любопытная ситуация. Если охватить одним взглядом все имеющиеся к настоящему времени публикации, можно отметить, что подавляющее их большинство составляют собственно тексты – но при этом их количество оказывается столь мало, что не позволяет выйти на уровень обобщений. Попыток сделать это вряд ли наберется больше десятка, а серьезных крупных монографических исследований фольклора телеутов вообще нет. Одной из уважительных причин следует, бесспорно, считать узость базы источников. Частные записи практически не опубликованы и не известны, сотни интереснейших текстов в различных государственных архивах страны десятки лет лежат без движения, часто ввиду элементарного недопуска к ним ученых.

Предлагаемая вниманию читателей книга – не антология телеутского фольклора, не сборник лучших образцов и, конечно же, не издание поэтических переводов. Задумывая ее, я главным образом

хотел значительно увеличить объем опубликованных оригинальных текстов (включая по возможности разновременные варианты записей), которые максимально полно отражали бы обилие разновидностей телеутского фольклорного материала.

Не менее важной задачей было опубликовать тексты по возможности сразу на двух языках – на телеутском и на русском[1], а также предложить более или менее подробные этнографо-лингвистические комментарии. Сделанные мной переводы в одних случаях можно определить как смысловые, в других, видимо, как лингвистические (хотя лингвистический принцип перевода мне было сложно выдержать из-за невозможности совладать с архаической лексикой). В целом в данной работе я продолжал следовать тем уже в какой-то мере отработанным схемам перевода, которые были использованы мной при подготовке предыдущих публикаций телеутских шаманских камланий и собственно фольклорных текстов – как телеутских, так и шорских. Значительным подспорьем при переводе стали «Шорско-русский и русско-шорский словарь», составленный Ф.Я. Апонькиным и Н.Н. Курпешко-Таннагашевой (ШРС 1993), и дополнения к нему (*Функ* 1999; *Esipova*, *Arbačakova* 2006), «Телеутско-русский словарь», составленный Л.Т. Рюминой-Сыркашевой и Н.А. Кучигашевой (ТРС 1995), «Ойротско-русский словарь» под редакцией Т.М. Тощаковой и Н.А. Баскакова (ОРС 1947), академический «Хакасско-русский словарь» под редакцией О.В. Субраковой (ХРС 2006) и ряд других современных словарей, а также классические словари В.И. Вербицкого (Словарь… 1884) и В.В. Радлова (*Радлов* 1888–1911).

В этой книге впервые удалось решить еще одну важную задачу издания телеутских фольклорных материалов: сопровождение аудио- и видеозаписями некоторых публикуемых мной текстов (все они отмечены QR-кодами, отсылающими читателя к оригинальным записям). Фиксацией образцов телеутского фольклора я целенаправленно занимался во время своих этнографических поездок с 1988 по 1992 гг. и, хотя уже не столь регулярно, занимаюсь этим

[1] Именно из-за отсутствия оригиналов на телеутском языке и, в силу этого, невозможности определить степень адекватности опубликованных на русском языке текстов (к сожалению, изобилующих грамматическими и стилистическими ошибками) я не включил в историографический обзор учебное пособие Д.В. Кацюбы, в котором были представлены некоторые шорские и телеутские образцы с вопросами-заданиями к ним (Устное народное творчество 2001).

вплоть до настоящего времени. Записи делались от руки, с помощью диктофонов, а позже – цифровой аппаратуры. Сопровождение текстов голосами их исполнителей не только позволит придать особый колорит написанному на бумаге, но и существенно повысит интерес к книге со стороны лингвистов и самих телеутов.

Благодарности

На разных этапах перевода текстов на русский язык мне много и охотно помогали сами телеуты, среди которых я с особой признательностью могу назвать имена Ульяны Андреевны и Василия Николаевича Челухоевых. Большое содействие в решении организационных вопросов во время моих экспедиций к телеутам всегда оказывал мне Владимир Ильич Челухоев, за что я хочу сказать ему огромное спасибо.

Особо благодарю своего давнего друга и коллегу, алтайского этнолога Светлану Петровну Тюхтеневу, чей огромный опыт полевой работы, глубокое знание культуры тюрков Саяно-Алтая и тонкое чувство родного языка всегда помогали мне находить оптимальное решение в «борьбе» с устаревшей лексикой или скрытыми от посторонних смыслами тех или иных фраз. Ей же принадлежит бóльшая часть первичного перевода публикуемого здесь эпоса «Алтын-Эргек». Без ее помощи вряд ли можно было бы сделать перевод столь быстро и, надеюсь, столь качественно.

В работе над книгой, хотя и не так, как планировалось изначально, принял участие и прекрасный знаток культуры своего народа телеут Михаил Георгиевич Токмашев. Преждевременная кончина помешала ему осуществить все задуманное, однако часть текстов все же была им подготовлена. М.Г. Токмашев успел перевести фрагмент эпоса «Алғыр-Мерген» и весь блок поговорок и пословиц. Эту книгу я посвящаю светлой памяти Михаила Георгиевича.

Большое спасибо Рудольфу Фердинандовичу Итсу, прекрасному этнографу, долгое время возглавлявшему Ленинградскую часть Института этнографии АН СССР и Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), и Леониду Павловичу Потапову, моему Учителю – выдающемуся специалисту по истории и культуре тюрков Саяно-Алтая. Именно благодаря их поддержке мне всегда удавалось получать доступ к работе с уникальными

материалами, хранившимися в архиве ИЭА РАН, и именно они советовали мне серьезно работать над переводом, научной обработкой и изданием фольклорных и шаманских текстов, записанных А.В. Анохиным и Н.П. Дыренковой десятилетия назад. В последние пару лет, после того как директором Кунсткамеры стал один из самых ярких отечественных сибиреведов А.В. Головнёв, доступ к архиву музея оказался полностью открыт, и я получил возможность заказывать копии необходимых материалов, не тратя время на поездки в Санкт-Петербург и на собственно работу в архиве. Искренне ценю эту помощь Андрея Владимировича Головнёва и его коллег.

Благодарю также всех, с чьей помощью удалось оцифровать старые магнитные ленты и таким образом впервые открыть доступ к этим записям для широкой аудитории.

Работа над рукописью, к которой я смог полноценно вернуться лишь в 2019 г., была завершена в феврале 2020 г. в рамках выполнения проекта Министерства образования и науки Российской Федерации (грант № 14.Y26.31.0014, рук. А.В. Дыбо).

Д.А. Функ

ҚАЙ ЧӦРЧӦКТӦР
ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС

Сказка об Алтай-Куучуны

Телеутский эпос «Алтай-Куучун»[1], записанный телеутом Георгием Маркеловичем Токмашевым в начале XX в. от знаменитого в то время сказителя-қайчы Чымыя Алагызова, был опубликован на русском языке более столетия назад в большой подборке телеутских фольклорных материалов «Труды Томского общества изучения Сибири» знаменитым ученым и общественным деятелем Григорием Николаевичем Потаниным (*Токмашев* 1915: 62–81). Сюжет эпоса – в большинстве случаев известного под названием «Алтай-Буучай» – с большими или меньшими вариациями фиксировался многократно у всех групп алтайцев, за исключением челканцев, а также (к сожалению, лишь в пересказах или отрывках) у телеутов на всем протяжении XX в. История записи и публикации сказания «Алтай-Буучай», анализ сюжета и многочисленных вариантов, идей и образов этого эпоса детально представлены в монографии алтайского

[1] Сказка Алтай-Куучуны известна и алтайцам под названием Алтай-Бучый; вариант, записанный мною в долине Катуни, печатается в «Записках Западносибирск. Отдела Геогр. Общества», кн. XXXVII; другой, записанный в долине Урсула, отправлен в Геогр. Общество в Петроград. У черневых татар вариант записан покойным Н.М. Ядринцевым под именем Демичи-ерен (Потанин, Очерки с.-з. Монг., IV, 369). Г. Потанин. (Здесь и далее по тексту «Сказки об Алтай-Куучуны» все примечания, если не указано иное, сделаны Г.Н. Потаниным. – *Д.Ф.*)

Записана у бачатских телеутов в Кузнецком уезде Томск. губ., в улусе Челухое, со слов сказочника Чымыя (68 л.). (Чымый – Чымый Алагызов из сеока-рода Меркит, один из самых известных телеутских сказителей-*қайчы* рубежа XIX–XX вв. Подробнее см. в предисловии к книге. – *Д.Ф.*)

фольклориста С.С. Суразакова «Героическое сказание о богатыре Алтай-Буучае» (*Суразаков* 1961). У телеутов, насколько я могу судить по своим беседам с пожилым уже в то время сказителем Кузьмой Андреевичем Баксариным, эпос о богатыре Алтай-Куучун сохранялся до начала 1980-х годов. На Алтае же сказание «Алтай-Буучай» еще и сейчас можно услышать в живом исполнении[1].

Текст приводится с сохранением орфографии и пунктуации оригинала, опубликованного в 1915 г. Г.М. Токмашевым.

Это было тогда, когда сотворилась земля;
Когда со всех сторон стал проявлять себя Iези[2],
Когда земля, раскалываясь, стала покрываться травой,
Когда деревья раскалываясь, покрывались листьями,
Когда появились живые существа, опираясь на ноги,
Когда они стали дышать.
Алтай-Куучуны владел тогда столькими народами,
что они не знали друг друга языка,
И было у него столько скота, что и по шерсти
всех не запомнить[3].
Сидя в седле, пил он хлебное вино, в айране[4]
мыл он руки.
Живет и кричит он по-богатому, свистит
по-богатырски.
Один конь его – Темчи-йерин[5], небом данный;
Другой конь его – Бай-чокур[6], данный Байяном[7];

[1] Видеозапись исполнения и расшифровка эпоса «Алтай-Буучай», записанного мной в июле 2018 г. от *кайчы* Кыдраша Шумарова, готовятся к изданию – *Д.Ф.*

[2] *Iези*, на языке алтайцев – Иезим – хозяин гор, горный дух (правильно ээзи – «(дух-)хозяин». – *Д.Ф.*).

[3] Эта эпическая формула описания богатства богатыря хорошо известна по героическому эпосу шорцев. Примеры см., напр.: ШГЭ 1: 86–87, 228–229, 280–281; ШГЭ 3: 98–99, 130–131. – *Д.Ф.*

[4] Айран – кислое молоко.

[5] Темчи-йерин – значит рыжий и прыткий.

[6] Бай-чокур – сильно чубарый.

[7] Байян – добрый дух у телеутов. (*Пайана* – общее наименование духов воображаемой земли *jер-jолы*, в основном доброжелательных по отношению к человеку. – *Д.Ф.*)

Третий конь его Ульбус-чокур[1], данный Ульгенем[2].
Есть сестра у него младшая, зовут ее Эрке-чечен,
Есть жена у него, зовут ее Эрме-чечен,
У него пара птиц-соколов, пара борзых собак –
Если уж дальше говорить, то из всех
четырехкопытных
Нет лучше коня его Темчи-йерина.
Из людей, которые имеют пять пальцев,
Нет, и не родился лучше еще Алтай-Куучуны –
Сам он воевать не ходит,
А кто пойдет против него,
Того он домой живым уже не отпустит.
Говорить о нем можно скоро.
Но жить ему было дано долго.
Стал Алтай-Куучуны из юных лет выходить,
Стал подходить к средним годам,
Тогда говорит он сестре своей Эрке-чечен
И жене своей Эрме-чечен:
«Я пойду на охоту на девять лет.
Вы (до моего приезда) на гору, которую зовут
Іуутунын іурун ту, Кан-кылдаган Кара ту[3]
не заходите».
Взял он с собой пищу на девять лет
И обуви на девять лет
И еще раз сказал: «Смотрите ж,
Не заходите на гору Іуутунын іурун ту
Кан-кылдаган Кара ту
Пока я не вернусь домой».
Выпустил он своих двух птиц-соколов,
Отпустил своих двух собак борзых –
Коня Ульбус-чокур, данного от Ульгеня,
Взял он на повод с правой стороны,
Коня Бай-чокур, данного от Байяна,

[1] Ульбус-чокур – чубарый с иным оттенком.

[2] Ульгень – небесное доброе существо.

[3] Скорее всего, следует читать так: *Јуутының Јўрўн туу, қаңқылдаған Қара туу* – гора Тьюрюн рода Тьууты (Йутты/Йуты), звенящая Черная гора. Далее в тексте оставлено, как в оригинале. – *Д.Ф.*

Взял на повод с левой стороны.
На коня Темчи-йерин, данного с неба,
Сел он сам и отправился на охоту.
Переехал он свои белые тайги[1],
Въехал в черную чернь
И стал там охотиться.

Как только он уехал, сестра его Эрке-чечен говорит жене его Эрме-чечен: «Сноха! Брат мой никогда не запрещал нам ходить на эту гору Іуутунын іурун ту Кан-кылдаган Кара ту. Чтобы это такое могло значить?». И вот Эрке-чечен с Эрме-чечен сговорились побывать на той горе Іуутунын іурун ту Кан-кылдаган Кара ту. На следующий день, когда, встряхиваясь, взошло солнце, вздрагивая, блеснула заря, Эрке-чечен с Эрме-чечен стали подниматься на гору Іуутунын іурун ту Кан-кылдаган Кара ту. Достигнув вершины горы, они стали осматриваться и увидали за семью небесами, за семью лугами, землю двух братьев Арайана и Чарайана, и еще увидели двух уток, плавающих на воде, около мостка, где Арайан и Чарайан брали воду. Кроме уток они ничего не видели и спустились с горы. Возвратясь, Эрке-чечен и Эрме-чечен стали посылать птенцов соколов и щенков собак, и наказывать им: «Идите вы за семь небес и за семь лугов, где живут два брата Арайан[2] и Чарайан. И там, около мостка, где они берут воду, плавают две утки. Поймайте их и принесите нам. Принесите, покрывши их вашими крыльями, принесите их, зацепивши вашими когтями, не проливайте их крови и не причиняйте им боли. Если вы не принесете их, то срежем мы вам вашу красную душу и прольем вашу дорогую кровь. Если вы не вернетесь, то мы за вами пошлем других щенят и птенцов, двух молодых соколов и двух молодых собак, которые догонят вас и умертвят. Эрке-чечен и Эрме-чечен отпустили двух детенышей тайганов[3] и двух шонкоров[4].

И из-за семи небес, из-за семи лугов, из царства Арайана и Чарайана посланные соколы и собаки принесли двух уток. Принеся их, соколы стали на свои места, собаки тоже стали на свои места. Эрке-чечен и Эрме-чечен взяли двух уток и понесли в жилище.

---

[1] Горы.

[2] В оригинале периодически встречается написание Арайян и Чарайян. Всюду исправлено на Арайан и Чарайан. – *Д.Ф.*

[3] Тайган – охотничья собака.

[4] Шонкор – сокол.

Они, поглаживая спины уткам, накормили их всякой пищей и стали спрашивать их: «Знаете ли вы на этом свете кого-нибудь лучше богатыря Алтай-Куучуны? Ведь нет реки, через которую бы вы не перелетали, нет гор, через которые бы вы не перебирались, нет народа, которого бы вы не знали, нет царя, которого бы вы не видали. Состарился, ведь, Алтай-Куучуны, прошли уж его годы». Те две утки отвечают: «И теперь лучше Алтай-Куучуны нет богатыря». Тогда Эрке-чечен и Эрме-чечен уток рассадили, приговаривая: «Что одна скажет, то другая повторяет». Одну в одну сторону посадили, другую в другую. Разъединив их, стали они спрашивать прежде селезня: «Скажи нам, как же не может быть лучше богатыря Алтай-Куучуны на белом свете? А вы не говорите… Вы, ведь, птицы с крыльями, должны, видеть и знать». «Такого нет!» отвечает птица. «Говори!» спрашивали Эрке-чечен и Эрме-чечен. Стали при этом щипать перья на спине «Говори, спрашивали, говори». «Нет, такого не знаю; умереть я должен за правду!» говорит селезень: «Лучше Алтай-Куучуны нет богатыря. Я не говорю неправды!» Стали они тогда щипать пух на зобу. Но и так птица ничего не говорила, кроме одного: «Если умереть, то за правду, не говоря худого и ложного!» Тогда Эрке-чечен и Эрме-чечен стали говорить: «Чем умирать, говори лучше. И если только укажешь лучшего богатыря, то у нас есть лекарство; на место пера будут перья, на место пушинки, будет пух». Селезень говорил одно: «Если и умереть, то за правду». Тогда изломали они ему крылья и оторвали голову по шею. И погиб тогда селезень. А когда погиб селезень, напали они тогда на самку-утку: «Скажи, что есть богатырь лучше Алтай-Куучуны. Если не скажешь, то и тебе тоже будет, что селезню. Не может быть, чтобы на этой земле не было лучше богатыря Алтай-Куучуны». Эрке-чечен и Эрме-чечен говорят: «Пусть они над нами не смеются и пусть не говорят о нас». И Эрке-чечен и Эрме-чечен снова стали допрашивать: «Неужто нет лучше богатыря, чем проживший свой век и проведший свои молодые годы?» И опять стали щипать утке спину и шею. Но не успели они щипнуть на шее три раза, как утка вскрикнула: «Постойте, скажу, не щиплите пух мой на спине и шее моей!» Эрке-чечен и Эрме-чечен снова допрашивают: «Где есть лучший богатырь?» «За семью небесами, за семью лугами два брата Арайан и Чарайан. Самые лучшие богатыри они; лучше их нет!» Так сказала утка. Тогда Эрке-чечен и Эрме-чечен прилепили на спину утки белую бумагу с письмом: «В полнолунье

седьмого месяца пригоните семь тысяч воинов, завоюйте нашу землю и увезите нас. Когда возвратится Алтай-Куучуны, напоим мы его хлебным вином и предадим в ваши руки. Напоим его вином, пока он не опьянеет. И тогда режьте мясо готовое, тогда рвите материю готовую». А в это время уехавший на охоту Алтай-Куучуны убивал черных соболей, навьючивал их на коня Ульбус-чокур; убивал зверей жирных, навьючивал их на коня Бай-чокур; и уже возвращался домой. Но вот конь Темчи-йерин что-то споткнулся. Тогда Алтай-Куучуны говорит ему: «Ни разу не спотыкался ты, почему же ты споткнулся? Ни разу ты не запинался, почему же ты запнулся? Не узнал ли ты свою смерть, не предсказываешь ли мне мою смерть?» Конь Темчи-йерин говорит: «Сестра твоя Эрке-чечен и жена твоя Эрме-чечен приготовили столько вина, что даже некуда ногой ступить, и ждут тебя домой. Если напьешься хлебного вина, умрешь раньше времени, предашься смерти не вовремя. Суслики твои останутся после тебя, плача. Царство твое останется пустым, черная война найдет на него, кровяные пули налетят на него». Едет он дальше. Когда доехал до половины пути, конь йерин опять споткнулся. Алтай-Куучуны спрашивает: «Эх, что же ты спотыкаешься! Разве узнал ты свою смерть, или чуешь мою?». Конь Темчи-йерин говорит тогда: «Черное твое царство осталось разоренным, кровяные пули побывали в нем. Сестра твоя Эрке-чечен, жена твоя Эрме-чечен напоили пьяного вином хлебным, а напоивши вином, предали пьяного». Стал он подъезжать к дому. Конь Темчи-йерин опять споткнулся. Алтай-Куучуны свалился через его голову вниз. Он поднялся и снова вскочил на коня. Тогда конь йерин стал говорить: «Жена твоя и сестра твоя тебя предали понапрасну». У богатыря Алтай-Куучуны гнев стал, как море разливаться, он, как гора, стал пухнуть и сказал: «Уж я этим двум женщинам! Повыдергаю я им косы и проверчу им ноздри». Алтай-Куучуны приехал домой. Жена Эрме-чечен налила в золотую чашу вина и вынесла навстречу. Алтай-Куучуны поднял плеть свою до самого царя-неба, плеть, свитую из бычьих кож, но в это время жена Эрме-чечен повернула назад и ушла в дом. Алтай-Куучуны успел ударить только по подолу, отсек часть его и рассёк слой земли. Потом вошел он в свое белое жилище. Там было приготовлено много пищи и соли. Даже ступить было некуда. И говорит Алтай-Куучуны: «Свадьба ли сына твоего, который еще не родился? Свадьба ли дочери твоей, которая родилась после сына? Зачем приготовлено столько вина и пищи?» Стал бить жену Эрме-

чечен. Тогда сестра Эрке-чечен говорит: «Ты был один, не было с тобой проводника и никого, кто бы гнался за тобой по следу. Мы думали, он соскучился в поле и усталый – едет домой. Мы ждали брата, не имеющего детей, приготовивши хлеба, пищи, вина и соли. Если брат не будет пить, то пусть выпьет земля». И она понесла выливать вино на землю. Тогда подумал старик Алтай-Куучуны: «Я поверил лошади, у которой снаружи твердо, а внутри жидко». И закричал: «Постой, постой, не выливай вино! Неси его мне!» Сестра Эрке-чечен внесла вино, и Алтай-Куучуны говорит: «Мне ли не выпить вина? Налейте вина в золотую чашу!» Сестра Эрке-чечен налила вина в золотую чарку. Алтай-Куучуны продолжал: «Вина можно выпить. Я поверил лошади, у которой снаружи твердо, а внутри жидко. Избил напрасно жену свою Эрме-чечен. Налейте еще одну чарку. Налейте три чарки, я выпью». Вино, которое он пил, если вылить на камень, камень сгорал, не оставляя пепла; если вылить на дерево, оно сгорало, не оставляя золы. Он выпил третью чарку и опьянел. Итак, он стал говорить: «Ситцевую подушку и постель, подобно озеру, приготовьте мне на улице. Я опьянел, и теперь буду спать девять лет. Мой алмас-полот[1], саблю, положите на руку мою. Пику мою, режущую подобно месяцу, положите, подпирая. Двух птиц моих соколов отпустите. Двух собак моих борзых отпустите. Коня, данного от Ульгеня, Ульбус-чокур, отпустите. Коня данного от неба – Темчи-йерин отпустите. Коня, данного от Байана – Бай-чокур тоже отпустите». Старый Алтай-Куучуны перед сном девятилетним продолжал: «Жена и сестра мои! На гору Іуутунын іурун, на черную гору, которая стучит, не заходите». Эрме-чечен жена и Эрке-чечен сестра стали советоваться: «Что это значит? Сколько раз приезжал он с охоты и не говорил никогда, чтобы не заходить на эти горы. Зайдем на гору Іуутунын іурын, на гору черную, которая стучит». Они сговорились пойти туда, когда заря займется, встряхиваясь, когда взойдет солнце, встряхнувшись. Заря занялась, солнце взошло. Двое: Эрме-чечен и Эрке-чечен стали подниматься на гору. С утра, как только солнце взошло и до заката все шли они. Зашли на вершину горы и переночевали. Тогда из царства двух братьев: Арайана и Чарайана направилось войско в семь тысяч. Концы его копий подобны были лесу. Концы его мечей подобны были огню. Лица людей подобны пламени. На царство Алтай-Куучуны шла черная война.

[1] Алмас-полот – значит сталь-алмаз.

Множество пуль надвигалось. Народ, данники Алтай-Куучуны, стали тогда говорить: «Не вырезайте нашу красную душу, не проливайте нашу дорогую кровь. Наш богатырь напился хлебного вина и потерял голову».

Братья Арайан и Чарайан покорили весь народ и данников. А старику Алтай-Куучуны отрезали большой правый палец. Оказалось, душа Алтай-Куучуны была в его большом правом пальце. Все пришедшее войско не могло поднять отрубленный палец. Тогда Эрке-чечен, младшая сестра его, говорит: «Эх! Оказывается, брат мой был очень сильный. Пришедшее войско не может поднять один его палец».

Сама погладила себе обе руки и подтыкала себе два подола. Подняла палец и положила его себе в кибитку, в которой она подъедет сама. В эту минуту из-под подола Эрме-чечен жены спустился ребенок-мальчик и побежал на гору Іуутунын іурун, на гору черную, которая стучит. Эрме-чечен, мать его, погналась за ним. В руках она держала медные ножницы. Ребенок забирался все выше и выше. Мать Эрме-чечен кричит:

«Постой дитя мое! Пососи молоко из правой груди. Оно будет тебе пищей: ты никогда больше есть не захочешь, оно будет тебе обувью никогда неизносимой!»

Мальчик отвечает:

«Иди и роди от Чарайана! Иди, роди от Арайана! Иди, корми детей от них».

Так они перекрикивались, и в это время Эрме-чечен догнала мальчика. Медными ножницами отсекла мальчику правую ногу. Мальчик стал взбираться дальше. Мать Эрме-чечен говорила:

«Куда ему без ноги! Будет пищей птиц и собак».

Сама повернула, села в кибитку и уехала. Ехали они три дня. На третий день конь, данный от Ульгеня – Ульбус-чокур, притворившись мертвым, лег. Человек, на нем ехавший, побежал к Эркечечен, сестре, и говорит:

«Ты говорила, что твой брат богатырь и силач. Конь, на котором он ездил, не мог провезти меня три дня».

Эрке-чечен сестра говорит:

«Не может быть, чтоб пропал конь богатыря. Смотрите, хоть хватайтесь за гриву и не отпускайте».

Когда они пришли, на трех местах конь повалялся, поел на трех местах, а сам убежал. Дальше они едут. На пятую ночь издох конь,

данный от Байана – Бай-чокур. Человек, который гнал его, прибежал, говорит Эрке-чечен сестре:

«Ты говорила, что брат твой богатырь и сильный. Коня, на котором он ездил, нам не хватило ездить на пять дней».

Эрке-чечен говорит:

«Не пропадают кони, на которых ездит алып[1]. Идите, держите его за гриву до моего прихода и не отпускайте».

Когда они пришли, то конь, данный [от Байана][2] Бай-чокур, повалялся на пяти местах, поел вершинки пяти растений и убежал. Они едут дальше. Доходят на седьмой ночлег. Не дойдя до седьмого ночлега, конь Темчи-йерин издох. На нем ехал сам Арайан. Он пинает в живот и бьет по голове. Снимает с коня узду, снимает седло и все принадлежности. Потом бежит к Эрке-чечен и говорит:

«Ты говорила, что твой брат богатырь. Конь, на котором он ездил, меня не мог провезти семь дней».

Эрке-чечен говорит:

«Горе, идите и хватайтесь хоть за гриву, пока я не приду. Конь, на котором ездил богатырь, не пропадает».

Когда прибежали они, йерин ат – конь рыжий повалялся на семи местах, оторвал у семи травок вершинки. Он фыркнул – рассеялся соленый туман. Был туман такой, что друг друга не найдешь; был ветер такой, что крича друг другу, не услышишь. От ветра остались камни. Эрке-чечен говорит:

«Когда убежал рыжий конь (Темчи-йерин) должно быть все освободится. Свет, в котором мы будем жить, будет нам (служить) не долго». Посмотрев туда, потужила, посмотрев сюда, всплакнула. Три коня (Алтай-Куучуны) сошлись. Данный от Байана Бай-чокур конь и конь, данный Ульгенем, Ульбус-чокур, спрашивают у коня, данного небом, Темчи-йерина:

«Как это поправить! Арайан и Чарайан везут двух птиц, двух собак и большой палец нашего богатыря Алтай-Куучуны. Вот, как же это выручить? Это ты должен же знать». Стали кланяться йерин-коню. Они кланялись, протягивая свою суставную шею:

«Сноровку ты имеешь, а у нас нет».

---

[1] Алып – великан. (Неточное толкование. *Алып* – «богатырь». – *Д.Ф.*)

[2] В оригинале опечатка: «онъ».

Они кланялись йерин ату. Вот сделался йерин ат лисицей золотошерстной и лег на пути. Увидали эту лисицу люди Арайана и Чарайана и стали спускать своих собак. Кто-то отпустил двух собак Алтай-Куучуны. Два кезер тайгана[1] (гнались за лисой) теснили там и тут, ловили, поворачивали там и тут. Когда скрылись с глаз, они узнали йерин ата. Они собрались все пятеро. Все кланялись йерин ату. «Только на тебя надежда. Ты должен выручить».

Йерин ат пошел выручать двух птиц соколов. Он превратился в птицу с золотыми перьями и улетел на путь. Увидали птицу люди Арайана и Чарайана и говорят:

«Восходит месяц».

«Не месяц, а звезда (взошла)», говорили некоторые. Народ Арайана, когда подошла ближе, сказали:

«Птица с золотыми перьями! Давайте поймаем!», говорили они.

Кто-то спустил двух птиц шонкор, говоря: «Птицы богатыря должны быть богатырями».

Погнались два «шонкор куша»[2] за золотоперой птичкой. Крылья их закрывали месяц. Ловили птичку там, хватали здесь, поймать не могли. Они исчезли из глаз. Дальше они все собрались вместе. Соединившись, стали кланяться кан йерину:

«Ты должен знать, надежда на тебя, на нас нет надежды. Нужно выручить большой палец нашего богатыря».

Йерин ат говорит:

«Тогда я постараюсь. Смотрите, возле нашего богатыря пусть не ходит собака (букв. «не давайте ходить худой собаке»). Пусть не клюет его птица, хоть тогда, когда он перейдет на том месте, где не надо, и перевалится не на том месте (хоть когда умрет)».

Сказал так и убежал. Он ушел к хозяину камней и льда. И поднялся к хозяину дождя. Стал молиться. Он умолял и просил. Протягивал свою позвонковую шею. Хозяин града спрашивает:

«Йерин ат, зачем пришел?»

Тот говорит:

«Мой богатырь Алтай-Куучуны, напившись хлебного, опьянел, напился вина и одурел. Умер там, где не надо, перешел, где не надо. Мы теперь – вода без берега, одежда без ворота. Мы теперь – скот

[1] *Кезер тайған*/кезер тайғыл – «храбрая (большая) собака». – *Д.Ф.*

[2] *Шоңқор қуш* – «птица-сокол». – *Д.Ф.*

в пустыне. Я теперь конь без хозяина. Добрый мой хозяин умер. Победили его кровяные пули, накрыла его черная война. Правый большой палец идет в царство к двум братьям к Арайану и Чарайану. Выручить (палец) дай теперь, град!»

Хозяин льдов говорит:

«Ну хорошо, дам!»

Стал спускать град каменный. Народ Арайана стал погибать. Когда народ стал гибнуть, Эрке-чечен взяла большой палец Алтай-Куучуны, сделала из него сарай, Оставшийся народ собрался под сарай и там спасался от каменного града. В это время йерин ат превратился в птичку, сел на большой палец и со стуком клюет, с грохотом бегает по пальцу. Тогда Эрке-чечен сестра говорит:

«Кто там, посмотрите!»

Народ не выходит из-под пальца.

«Кто выйдет? Если упадет еще камень, значит, придется умирать», говорили они. Сестра Эрке-чечен, жена Эрме-чечен говорят:

«Почему не выйти? (Нужно ведь посмотреть)».

Один вышел, посмотрел и говорит:

«Там птичка».

Спрашивает Эрке-чечен:

«Нос птички горбатый?»

«Да, нос горбатый».

«Ах, крикнула она, йерин ат прибежал!»

Йерин ат схватил большой палец и исчез, а Эрке-чечен осталась плачущая.

«Ах, говорила она, отпустили Йерин ата. Он унес теперь большой палец, теперь для нас будет света мало».

А Йерин ат принес правый большой палец, приложил его к руке Алтай Куучуны, но оживить не было средства. Говорит Йерин ат:

«Теперь вы оказывайте помощь».

Два кезер тайгана, две корош шонкор куги птицы[1], конь от Ульгена – ульбус-чокур, конь от Байана бай-чокур – все молили Темчи йерин ата:

«Ты можешь подать помощь, у нас же нет такой силы, как у тебя».

Йерин ат говорит:

[1] *Две корош шонкор куги птицы* – скорее всего, это описка и опечатка. Следует читать: две корош(?) *шоңқор куш* птицы. – *Д.Ф.*

«Так я пойду. Смотрите, не давайте ходить собакам[1], не давайте летать птицам возле хозяина моего, Алтай-Куучуны. Если же умрет, смотрите, караульте (сына) Алтай-Куучуны богатыря на горе Іуутунын іурун, на горе Кан-кылдаган Кара ту. Не давайте ходить собакам, не давайте летать птицам».

Йерин ат зашел на девять небес, к Старшему Творцу. У девяти творцов девять дочерей. У старшего Творца одна дочь. Девять дочерей девяти творцов устраивают игрище, а дочь старшего Творца стоит и смотрит на них. Прибежавший туда Йерин ат положил золотой повод через седло, стал ходить, как не хаживал, стал гулять (возле дочерей Творцов), как не гуливал. Увидала его дочь Старшего Творца и говорит:

«Мой отец много творил лошадей. Поймайте его, я поезжу на нем».

Девять дочерей девяти Творцов хотели поймать Йерин ата. Он сам им в руки дался. Дочь Старшего Творца села на него и ездила туда и сюда. Проезжая так, она говорит:

«Это конь, с которого не нужно спускаться, а только ездить на нем».

Йерин ат, прогуливаясь так, вдруг пустился в бег и стал спускаться на землю. Если дочь старшего Творца думает упасть с правой стороны, Йерин ат придерживает правой щекой, если спустится сзади, придерживает хвостом, если хочет упасть через голову коня, придерживает двумя ушами. Йерин ат прибежал на землю и стал молиться единственной дочери Jajачи Творца:

«Привез тебя не от радости, привез тебя, когда нет радости. Привез тебя не от надежды, привез, когда нет надежды. Помер мой добрый хозяин, привез тебя лечить его. Ты не бойся. Я тебя свезу обратно».

Единственная дочь Творца говорит:

«Много имеется лекарств лечить его. Есть средство оживить его. Только оно далеко. Дорога туда есть, но обратно нет дороги. Хорошие богатыри там умирают, силачи падают там».

Йерин ат говорит:

«Там умирают лучшие чем я, там падают лучшие чем я. Жизни моей не жаль, почему же мне не идти? Я пойду».

Единственная дочь Творца говорит:

«За девяносто небес, за девяносто лугов отсюда обитает нечистый змей. Рога его в девяносто отростков. Внутри него летают птицы, живет скот и народ. Едущие к нему не возвращаются. Лекарство в его рогах

[1] Собак телеуты считают нечистыми животными.

между отростков. Если добудешь его, то погаснувший огонь добудешь, умершего человека воскресишь. Кто пойдет к нему, не возвращается».

Тогда Йерин ат говорит:

«Внутренность моя зин(?)[1], наружность моя тулак(?)[2]. После смерти моего хозяина нет пользы в моей жизни. Поеду. Давай, садись теперь на мою спину, я увезу тебя на небо».

«Ох! сказала дочь Творца, теперь я неспособна возвратиться к Отцу моему. Теперь я утратила небесную силу. Я должна жить теперь на земле».

Йерин ат возвратился обратно к Царю Неба. Собрал в кучу сто звезд, сделал из них сто девиц и спустился. Эти сто девиц, которые спустились, и единственная дочь Творца остались на земле и устроили игрища. Йерин ат сказал двум собакам, двум птицам соколам, коню бай чокур ат, коню Ульбус чокур ат:

«Смотрите, не давайте голодать этим девицам, не давайте им похудеть и изнашиваться их одежде. Убивайте зверя и этим питайте. Ловите птиц и кормите».

Сам йерин отбежал за девяносто небес, за девяносто лугов, переехал через белые горы и переправился через текущие реки. Кан йерин ат дальше продолжает путь. То, что нужно ехать в месяц, он пробегает в один день. Путь, на который нужно потратить год, он проезжает в один месяц. Когда бежал йерин ат таким образом, то увидел богатыря ростом до неба, который ехал домой на вороном коне. И увидел он двух Кан-Кереде. Стянув вершины семи желтых сосен и семи черных лиственниц, устроили они себе гнездо и сидели в нем.

Говорят они:

«Вот одного ведет. Он будет нашей пищей».

Кан йерин стал ломать четырнадцать лесин. Кан-Кереде погнались за ним, стали шуметь крылья. Горла их проглатывают волос. Гнались семь дней. Устали их крылья, вышла их сила, ударились они грудью оземь и сели на черный камень. И закричали вслед йерин ату:

«Куда бежишь Кан-йерин? Постой, будем золотыми друзьями».

Кан йерин, не оглядываясь, бежит дальше, а два Кан-Кереде опять кричат ему:

---

[1] Возможно, *јин* – «слизь». Здесь и далее в тексте все слова, сопровождаемые знаком вопроса в скобках, были отмечены таким образом самим издателем, Г.Н. Потаниным. – *Д.Ф.*

[2] Возможно, *туулақ* – «голый, безволосый». – *Д.Ф.*

«Постой, Кан-йерин, будем золотыми друзьями. Если нам будет предстоять мучение, прибегай к нам на помощь, если тебе будет грозить беда, мы прилетим к тебе».

Не оглянувшись, Кан йерин бежал дальше, вытягиваясь как ошлага[1], вытягиваясь как талиновая кора. Рассказать об этом можно скоро, но ему пришлось бежать долго. Не доезжая семидневного расстояния, почувствовал кан-йерин, что притягивает его к себе нечистый змей с рогами в девяносто отростков. Увидал йерин ат, что огромный змей верхними губами уперся в небо, нижними в землю. Изо рта птицы вылетают и влетают, звери выбегают и забегают, богатыри выходят и заходят.

Богатыри говорили:

«Земля с солнцем имеет ветры. Пойдемте обратно. Там нет ветра и тихо».

Йерин ат пьет у воды сильную, ест у травы вершинную. Видит йерин ат, что змей с рогами в девяносто отростков спускает верхнюю губу. Тогда кан йерин стал звать небеса в свидетели, стал взывать к Ульгеню и всем богам:

«Зачем же вы творили меня, если мне суждено погибнуть от змея».

Йерин ат повернулся и побежал обратно. Јек-јылан (змей) погнался за ним. Попадется гора йерин ату на пути, он (ударами задних ног) вталкивает ее в рот змею. Попадется камень или куст, вталкивает туда же. На седьмой день живот јек-јылана наполнился. Отяжелел змей, остановился и закричал:

«Йерин ат, никто еще от меня не убегал. То, чем набил мне живот, будет мне пищей пять дней. Хотя эти пять дней будешь бежать от меня, все-таки возвратишься ко мне и попадешь в мой рот. И никто из моего рта не вырывался еще».

Пять дней бежал йерин ат, на шестой стало притягивать его назад. Тогда йерин ат лег на пласт и стал отдыхать. Пять дней тянет его јек-јылан. Смотрит йерин ат, змей вытащил нижнюю губу из земли, а верхнюю спускает с неба. Йерин ат повернул обратно и опять стал наполнять живот змея камнями и деревьями. В три дня наполнил его. И закричал тогда јек-јылан:

«Когда сказали, что ты родился, кольнуло меня в мое колючее сердце, и вздрогнула моя рука – пулано(?). Йерин ат, скажи, зачем пришел, по какому делу?»

[1] *Ошлага* и, ниже по тексту, *отшлага*. Может быть, «обшлага» (рукавов)? – *Д.Ф.*

Повернулся к нему йерин ат, стал кланяться, умолять, протягивая свою шею, и говорить:

«Добрый мой хозяин умер, как животное валяется в пустыне, сделался одеждой без ворота, сделался водой без берега. Чтобы исцелить его, я пришел к тебе, прибежал за черным мозгом, который у тебя среди рогов в девяносто отростков».

Говорит јек-јылан с рогами в девяносто отростков:

«Йерин ат, что ты просишь у меня, я тебе дам. Почему не дать? Черный мозг лежит между рогами. Как ты добудешь его? Попробуй расшиби ударом. Если не расшибешь, я от боли могу втянуть тебя в свой рот. Не обижайся тогда на меня, йерин ат!»

Отвечает йерин ат:

«Јек-јылан с рогами в девяносто отростков! На что теперь жизнь? Я – лошадь без хозяина, я – вода без берега, я – одежда без ворота. Если разобью твой лоб, то воскрешу своего хозяина, если нет, то буду жить в твоем животе».

После этого јек-јылан крепко уперся, а йерин ат побежал на полдень месяца греть свои ноги. Он бежал вперед три дня. Не согрелись его ноги. Он бежал девять дней и повернул обратно. Прибежавши разбил чарку јек-јылану. Достал черный мозг и побежал к хозяину. Месячный путь пробегал в один день, дневной путь пробегал в полдня. Тянулся как отшлага, вытягивался как таловая кора. Прибежал йерин ат в царство двух Кереде. После погони за йерин атом, они только что вернулись в свое гнездо. От усталости крылья их дрожали.

Один говорит:

«Бежит йерин ат. Давай погонимся за ним».

Другой отвечает:

«Нет, не будем гнаться. У меня до сих пор дрожат крылья».

Добежал йерин ат до росстани (дорог), ошибся и взял другой путь. Там между двумя горами воевал земляной сорупу јер соруп с пепельным сорупом – куль сорупом[1].

Куль соруп кричит:

«Йерин ат бежит помогать мне».

Јер соруп возражает:

[1] В современной орфографии: Јер-Соруп, Кӳл-Соруп. В телеутской мифологии эти персонажи мне нигде больше не встречались. – *Д.Ф.*

Тебе [не][1] должен помогать йерин ат, он за меня постоит».

Во время их спора йерин ат повернул обратно. Тогда они оба, засыпали его множеством стрел. Воткнулись стрелы как чаща в бока йерин ата и бежал он с ними на свою землю. Употребив последние силы, перевалил последний перевал, но не добежал до хозяина своего и пал, истекая кровью. На родине Алтай-Куучуны сто девиц еще забавлялись игрищами. Сто первая, дочь Старшего Творца, сказала им:

«Постойте, человек спустился с гривы. Я пойду, посмотрю его».

Когда она пришла, йерин ат лежал, истекая кровью. Бока его были утыканы стрелами. Говорит он девице:

«Я сбился с дороги и попал к воюющим. Меня одолели кровяные стрелы. Вынимай стрелы и обмой мои раны. Среди основания моих больших зубов есть мозг јек-јылана, намажь мои раны, чтобы не умереть мне, когда не нужно».

Единственная дочь Творца вынимала стрелы. Брала черный мозг и мазала понемногу раны. Вскочил йерин ат на ноги сильнее, чем прежде, в десять раз, лучше, чем прежде, в два раза. Он пришел к своему юрту, собрал сто девиц, сделал из них сто звезд и унес на небо. Стали они снова звездами. Дочь Старшего Творца говорила:

«Я не могу идти к отцу, я не буду любима им. Живя на этой земле, я потеряла свои небесные свойства».

Вот они двое приложили на место правый большой палец Алтай-Куучуны и помазали черным мозгом. Вскочил Алтай-Куучуны и сказал:

«Проснулся ли я от сна, или воскрес от смерти?»

Втроем зашли они на гору Іутунын іурун ту Кан кылдаган Кара ту. Зайдя туда, увидели, что у сына Алтай-Куучуны тела не осталось, а оголившиеся кости распались. Помазали они раз кости мозгом – соединились кости, помазали два раза – наросло мясо, помазали три раза – вскочил сын Куучуны живым и сказал: «Я воскрес из мертвых, загорелся погасший».

После этого стал Алтай-Куучуны внимательно осматривать свои владения и видит, что царство его ископано, черная война завоевала его, пули засыпали.

Говорит ему Кан йерин ат:

[1] В оригинале отрицание «не», требующееся по смыслу, пропущено. – *Д.Ф.*

«Добрый мой хозяин! Теперь я не буду твоим конем, а буду конем твоего сына Эрке-Мӧндӱр'а».

У Алтай-Куучуны остались кони Бай чокур и Ульбус чокур. Эрке-Мӧндӱр стал говорить:

«Слушай, отец, сор не гниет, месть не старится. Пойдем к этим псам, двум братьям, к Арайану и Чарайану».

Сел Эрке-Мӧндӱр на йерин ата, Алтай-Куучуны на чокур ата и поехали за семь небес, за семь лугов, в царство Арайана и Чарайана. Неизвестно, сколько лугов, сколько небес проехали, показалось царство двух братьев. Царство увеличилось, народ умножился.

Заговорил Алтай-Куучуны:

«Сын мой, незачем нам ехать к Арайану и Чарайану, нечего нам там делать. Поедем обратно домой».

Отвечает Эрке-Мӧндӱр:

«Отец, пришли мы мужьями, зачем же нам возвращаться землей? Подожди меня здесь, а я посмотрю их царство».

Слез Алтай-Куучуны с коня, достал трубку, достал табак, сел под деревом и закурил. Сын же сел на коня и поскакал в царство Арайана. Подъехал под окно и крикнул:

«Дома ли Арайан?»

Арайан отвечает: «Дома».

Эрке-Мӧндӱр кричит ему:

«Выходи поиграть со мною. Потянемся сквозь железную лиственницу».

«Что это за чертовский человек?» говорит Арайан. Посмотрел в окно, увидел Эрке-Мӧндӱра и согласился выйти к нему. Вот пошли они к железной лиственнице, протянули свои руки друг другу и стали тянуться. Эрке-Мӧндӱр не сильно тянул, но оторвал Арайану руку, вытащил его самого, схватил за ногу и ударил о железную лиственницу. Не осталось крови, которую полизала бы собака, ни мяса, которое пободала бы корова. Только в руке осталась его черная голова. Отрубил Эрке-Мӧндӱр головы Арайану и Чарайану. Пригнал свой белый скот, пригнал свой албаты[1] народ. Стал сбираться смотреть себе невесту. Смотря на јурт[2] Сары-каана, отправился туда и стал сватать:

[1] *Албаты* – «подданный», «дань платящий». – *Д.Ф.*

[2] *Јурт* – «юрт», «поселение», но также и конкретное жилище («юрта»). – *Д.Ф.*

«Погнался я сюда по следу красного зверя, приехал сватать твою дочь, погнался я за синим зверем, услыхал, что у тебя молодая дочь. Будем раскалывать голову и доставать мозг вместе, будем раскалывать кость и доставать мозг вместе. Корову, которая пришла с ревом, не бей по голове. Меня, который приехал сватать, не гони обратно». Так сказал он. А Сары-каан говорит: «Если человек не сватается, я звать не буду, если же сватается, то не буду гнать. На шестом кате-слое (неба) – месяц. Принеси его ко мне, поставь около дверей моих. Пусть идет на маргаан[1]. Тогда я выдам дочь свою».

Эрке-Мöндӱр повернулся и пошел к кузнецу. Наложил на себя железную кольчугу[2] в шесть слоев и стал подниматься на шестой кат к отцу-месяцу. Отец-месяц спрашивает:

«По каким делам пришел? Зачем ко мне поднялся?»

Говорит Эрке-Мöндӱр:

«По каким делам мне идти? Не от радости я пришел. Когда было радостно, не приходил я. Сары-каан просит принести тебя к его дверям. Если принесу, то выдаст за меня свою дочь. Если не сумею – отсечет мне голову. Вот почему я пришел к тебе».

Говорит ему отец-месяц:

«Если так, я пойду».

Когда спускался с месяцем Эрке-Мöндӱр, четыре слоя кольчуги лопнули от мороза и отпали. Стали умирать от мороза ближние народы Сары-каана, стал пропадать от мороза ближний скот. В печке у Сары-каана чугунок с кипящей водой замерз и лопнул. Тогда просит Сары-каан:

«Неси обратно, народ мой умирает».

«Что говорит Сары-каан?» спрашивает отец-месяц. Эрке-Мöндӱр отвечает:

«Просит отнести тебя на место». Эрке-Мöндӱр хотел взять отца-месяца и отнести, но месяц сам стал подниматься. Сурлан басто[3] полетел(?).

---

[1] *Маргаан* – «поклон(?)». (*Марган* – «пари», «заклад». В данном случае, скорее всего, *мöргӱ* – «поклон». – *Д.Ф.*)

[2] Не самый удачный перевод. Термин *қуйақ*, используемый во всех известных мне фольклорных текстах у тюрков Южной Сибири, безусловно, обозначает некий доспех, но не кольчугу. Судя по имеющимся фрагментарным описаниям, это пластинчатый доспех, нечто (кожаная куртка, шуба) с нашитыми поверху защитными, скорее всего, металлическими пластинами. – *Д.Ф.*

[3] Возможно, *сурланбасқа* – «не сверкая, не блестя». – *Д.Ф.*

Эрке-Мөндүр стал и говорит:

«Чем умирать слову, пусть умирает голова. Держишь ли ты свое слово?»

Сары-каан отвечает:

«Нет, не будет на один – маргаан[1]. На седьмом кате-слое неба – мать-солнце. Принеси, поставь под окном моим. Вот тогда я выдам за тебя дочь свою».

Эрке-Мөндүр наложил на себя медную кольчугу в семь слоев, стал подниматься к матери-солнцу. Спрашивает его мать-солнце:

«По какому делу пришел?»

Эрке-Мөндүр говорит:

«Не от радости я пришел. Сары-каан выдаст дочь свою за меня только, если я принесу тебя к нему под окно».

Говорит мать-солнце:

«Ну, хорошо я опущусь. Спускайся вперед ты, а я за тобой». Когда спускался Эрке-Мөндүр, расплавилась его кольчуга на пять слоев. Принес он мать-солнце и поставил под окном Сары-каана. У Сары-каана чугунок с водой в печи выкипел до дна, а народы стали умирать от жары. Тогда говорит Сары-каан:

«Иди, унеси солнце, народ мой сгорает. Отдаю тебе теперь свою дочь».

Мать-солнце само взлетело вверх. Блеснула только солнечная искра. Оно стало на свое место. Эрке-Мөндүр опять говорит Сары-каану:

«Чем умирать слову, пусть умирает голова. Выдаешь или нет свою дочь за меня?»

Отвечает Сары-каан:

«Почему не выдать? Выдам. Только прежде спущу темный день, будет черное озеро без начала и конца. Если дойдешь до конца и головы этого озера, будет дочь твоей женой, если нет, то смерть твоя будет там».

Так настращал Сары-каан Эрке-Мөндүра.

«Хорошо, я опять пойду», говорит Эрке-Мөндүр. Сары-каан спустил темноту, переселил камни вихрем. День стал темным. Не услышишь крика друг друга. В темноте не найдешь друг друга. Эрке-Мөндүр отправился. Он бежал, бежал. Камни вихрем перемещаются с места на место. Дальше спускается он в темноте. Шел, шел он и устал.

[1] В этой фразе, скорее всего, потеряна какая-то важная часть. – *Д.Ф.*

Думая, что дошел до конца, прилег, зажмурились глаза его, и он заснул. Утром, проснувшись, увидел, что до конца озера только шесть сажен. В черном озере остался золотой нож без конца. Возвратился обратно Эрке-Мöндӱр и видит, дочь Сары-каан как золото стала желтеть, стала сохнуть подобно дереву. Лежит больная. Говорит она ему: «Муж мой, Эрке-Мöндӱр, видел ли ты в черном озере золотой нож! Это моя душа. Думал ты, что до конца дошел и ночевал. Оказалось, что нет. Теперь этот нож не попадет в наши руки, и мы разлучимся. Если добудешь его, я поправлюсь»[1]. Тогда Эрке-Мöндӱр сел на кан йерина, пустился к черному озеру. Долго ехал он. Наконец доехал. Отпускает кан йерина и приказывает ему: «Пей на белом молочном озере, ешь на горе Сӱрӱн»[2].

Эрке-Мöндӱр сам превратился в белого чебака с золотыми плавниками. Тот нож с золотой ручкой проглотила большая щука со ртом томыл[3]. Стал гнаться, стал рыскать по дну моря. Схватился за большую гриву щуки чебак. Сделав так, белый чебак с золотыми плавниками, плыл по берегу белого моря и вдруг встряхнулся, стал богатырем. Большую щуку выбросил на берег моря. Ставши богатырем, вспорол живот щуке, разорвал желудок ей, достал золотой кестик-нож, обмыл белым молоком. Стал блестеть нож, как блеск месяца. Поехал Эрке-Мöндӱр домой и видит, что дочь Сары-каана ходит, опираясь на костыль. После этого они сделали шестимесячный пир, семь лет веселились. Убили девять животных байтал[4], их не хватило на пир. Убили еще девять животных. Худые люди дрались за волосы, лежа. Худые собаки дрались (ели друг друга), лежа. Эрке-Мöндӱр с женой приехал домой. Что знал – рассказал, что не знал – осталось. От себя я не говорил, от хороших людей эти слова я слышал.

---

[1] В оригинале: «*выздоровлю*». – *Д.Ф.*

[2] Такого рода эпическая формула хорошо известна по шорским сказаниям. Богатырь Ай-Толай, приговаривая: «На Сюрюм-гору пойдя, / На трехостной траве пасись, / На берег молочного озера пойдя, / Трижды глотнув, воды выпей!» – отпускает своего светло-каурого коня (ШГЭ 2010: 333). Еще примеры см.: http://corpora.iea.ras.ru – *Д.Ф.*

[3] С беловатым (или врачующим?) ртом (*уузы томул*). Аналогичный образ (*уузы томғул/уузы томду Кер-Палық*) встречается в телеутском шаманском камлании Талай-хану (Телеутский фольклор 2004: 113). – *Д.Ф.*

[4] *Байтал* (тел. *пайтал*) – жертвенное животное – конь, но также и овца. – *Д.Ф.*

Борозы-Каан

(Фрагмент)

Телеутское эпическое сказание «Борозы-Каан», отрывок из которого включен в этот том, судя по объему первой части, является, пожалуй, одним из самых больших известных на сегодняшний день телеутских текстов. Как и предыдущий текст, этот эпос также был опубликован более столетия назад и тоже на русском языке. Сказание было издано в последних выпусках издававшегося в 1917–1918 гг. журнала «Школа и жизнь Сибири» (*Токмашев* 1918: 8–22). Кратко о сказителе и обстоятельствах записи текста рассказывается во фрагменте воспроизводимого ниже предисловия[1] автора перевода и первого издателя этой уникальной записи, телеута Г.М. Токмашева. Все постраничные примечания сохранены в том виде, в каком они были подготовлены самим Г.М. Токмашевым. Стиль текста и пунктуация сохранены. Изменению подверглась лишь устаревшая орфография. Первичная сверка компьютерного набора с оригиналом выполнена по моей просьбе С.Б. Березовской. Все дополнительные примечания мои. Сохранился ли перевод второй части эпоса и где находится телеутский оригинал, мне пока установить не удалось.

К сказке Борозы каан

Сказка Борозы-кан принадлежит бачатским телеутам, живущим в Кузнецком уезде по реке Бачату; записана мной в 1913 году во время поездки с А.В. Анохиным, командированным Академией Наук на Алтай для сбора этнографических материалов. Я сам по происхождению алтаец-телеут. (*Телеутами называется один из алтайских народцев.*) <…> Одним из популярных сказочников в Челухое является бедный старик Чумый[2], от которого записана

[1] Предисловие приводится здесь в сокращении, поскольку часть его не имеет прямого отношения к публикуемому тексту и интересна, скорее, с позиций анализа представлений об истории своего народа первой телеутской интеллигенции, к которой, без сомнения, принадлежал Георгий Маркелович Токмашев. – *Д.Ф.*

[2] Чумый – наиболее известный телеутский сказитель начала XX в. Подробнее см.: с. 31, примеч. 1, абзац 2. – *Д.Ф.*

сказка «Борозы кан». Сказки он рассказывает под аккомпанемент балалайки «Чертме»[1]. Чумый по своим старческим годам и по своей доброте, и как большой сказочник пользуется уважением окружающих, а также и любовью детей, которым он всегда рассказывает детские сказки. Чумый умеет разделять печаль, радость со всеми, поэтому он везде бывает почетным гостем. Теперь Чумый живет в бедной телеутской избе, со своим внучком, которого воспитывает, почти от полугодового возраста оставшегося сиротой.

Челухойцы и теперь в длинные зимние ночи собираются в избу Чумыя и слушают его сказки. Сказку Борозы кан я помещаю, чтобы познакомить читателя со сказками нашего народа. В сказке читателю может быть не будет понятным значение тех или других действий героев сказки, которые могут быть объясняемы, как стихийные явления или олицетворения природы.

При переводе сказки я стремился как можно точнее сохранить самое содержание ее, а также все обороты и особенности алтайского языка.

Переведена сказка в 1915 году в г. Томске.

Г. Токмашев

Борозы каан

Телеутская сказка Боро-чокур атту Борозы каан, записанная в 1913 г. 15 июня в с. Челухое Томской губернии, Куз. уезда, от сказочника телеута Чумый 76 лет, соок чынзай[2].

Записана г. Токмашевым и переведена на русский язык им же в 1915 г.[3]

---

[1] *Чертме*, или *кай-комус*, – двуструнный музыкальный инструмент типа домбры, аналогичен шорскому кай-комусу и алтайскому топшуру. – *Д.Ф.*

[2] *Сöök* (сеок) – «кость», «род». Указание на сеок Чынзаи (Чынзай или, возможно, Чынзан/Чынзаң) применительно к фамилии Алагызовых – скорее всего, недоразумение. Алагызовы, и это хорошо прослеживается по всем родословным, относились к сеоку Меркит. Вместе с тем основания для фиксации именно такого генонима (или, точнее, родового подразделения – *кезек*, или же фамильной клички – *чола*) все же есть. В записях В.В. Радлова мы находим упоминание об ач-кыштымских сеоках Чүнгүс и Анг (*Radloff* 1884: 216). Именно как Чинзан этот геноним был позднее зафиксирован А.И. Ярхо (*Ярхо* 1947: 12) и некоторыми другими исследователями. – *Д.Ф.*

[3] Все имена в приведенном фрагменте даются в соответствии с их написанием в оригинале. – *Д.Ф.*

Боро чокур атту Борозы каан[1]
Поселился у подножья белой горы
На берегу белого моря.
Был у него сын
Ак чалдар атту Алтын Сурум[2],
Был у него слуга
Ак конур атту Ак-Саит[3]
Боро чокур Борозы каан
Не знал весь свой народ,
И не знал своих богатырей;
На берегах молочного озера,
И на склонах горы «Сурун»
Он провел свои молодые годы
И когда стал входить
в средние лета, то сказал своей жене
Кан Орокон:
«Свари мне пищу на девять лет,
Сшей мне обуви на девять лет,
Я хочу победить царя волка[4],
У которого хвост шести сажен длиной,
Живущего на берегу
Молочного белого озера.
Хочу покончить с ним!»
И поехал на охоту на девять лет.
После отъезда на охоту Борозы каан'а,
Сын его, Ак чалдар атту
Алтын Сурум говорит:
Ак конур атту Ак Саит'у:
«Отец мой, наверно, не женит нас,
А мы уже возмужали.
Пойдем теперь сами

[3] *Боро чокур атту Борозы каан* – Белый царь, ездящий на бело-чубаром коне. (Здесь и далее по тексту все примечания, если не указано иное, сделаны Г.М. Токмашевым. – *Д.Ф.*)

[2] Золотой Сурум, ездящий на светло-игренем коне.

[3] Ак-Саит, ездящий на бело-кауром коне.

[4] Царь-волк переведен не совсем правильно: в тексте сказа Ал-пору (пору-волк, ал – прибавляется для усиления).

Искать жен для себя».
Ак конур атту Ак Саит отвечает:
«Нет дома моего царя
И как уехать нам из дома,
Если мы уедем,
Кто будет распоряжаться народом,
Кому народ будет платить дань?»
Тогда Ак чалдар атту Алтын Сурум
Набросил на коня потник, с широким чепраком,
Наложил седло чугунное,
Крепко подтянул шестьдесят подпруг,
Наложил потфею и нагрудник,
Сел на него и поехал.
Переезжает он через свои текущие воды,
Переезжает через свои белые горы,
Едет искать себе невесту.
Он не встречает ни людей
Не встречает ни богатырей.
Ехал он ехал,
И приехал к лесу «олорчок»[1]
Алтын Сурум говорит себе;
«Нужно въехать в этот лес
И там поискать себе невесту».
Едет Алтын Сурум по темному лесу,
Встретился с ним богатырь
В золотой шубе
С золотым воротом
На бело-сивом коне, Алтын Казыр.
Алтын Казыр спрашивает Алтын Сурум'а:
«Так измученный и усталый
Куда ты едешь?»
И говорит ему:
«Поедем, опустимся в лог
Там голодного тебя накормлю,
Тощего тебя насыщу,
Сварю тебе пищу в котле».

[1] Непроход<имый> лес.

Ак чалдар атту Алтын Сурум
Сидел на своем коне
И не отвечал ему ни слова.
Ак Пос атту Алтын Казыр
Ударил своим огнивом,
Добыл огонь,
Достал котел,
Сварил звериное мясо
И стал угощать Алтын Сурума.
Алтын Сурум был голодным и усталым,
Сел на своего коня и поехал дальше
Даже не простившись
С Алтын Казыром.
Алтын Казыр говорит вслед Алтын Сурум'у:
«Эх, не стоишь ты даже
Одной ноги отца твоего!»
Алтын Сурум едет дальше.
Вдруг, среди темного леса,
Он видит, стоит избушка
С сердце человека,
Выходит дым из трубы
Как дыхание человека.
Алтын Сурум хотел привязать коня,
Но не было коновязи.
Он закинул повод
За луку седла, оставил коня,
Сам вошел в избушку.
В избушке он увидел
Старуху, лежащую на полу,
Она своим правым ухом
Одела себя в три пласта,
А левое ухо перегнув в три изгиба
Положила вместо подушки.
Увидев Алтын Сурум'а
Старуха встала с места,
Правым ухом оделась,
Левым ухом подпоясалась
Конец уха заткнула за пояс и спросила:

Далеко или близко ты поехал?
С добрыми ли мыслями
Вошел ко мне
Или со злыми намерениями?
Алтын Сурум отвечал:
Не далеко я поехал,
И не со злыми намерениями,
Я заехал к тебе.
Я заехал с добрыми мыслями.
Я человек заблудившийся,
Разыскиваю себе невесту,
Укажи мне такую невесту,
Которая была бы чиста и красива.
Ты всех знаешь,
Нет горы, которую бы ты не переезжала,
Нет реки, через которую бы ты не переправлялась,
Нет людей,
Которых ты не знаешь,
И нет человека,
Которого ты не встречала бы.
Если женюсь на указанной тобою невесте
Угощу тебя после чистым байталом[1].
Старуха говорит:
«Сын мой, я никуда не езжу
И нигде не бываю,
Невесты подходящей для тебя не знаю.
Есть у меня сестра, старше меня,
Живет еще глубже в этом лесу.
Поезжай к ней
По этой узкой черной дороге.
Может быть она и укажет тебе невесту».
Алтын Сурум сел на своего коня,
Поехал по узкой дороге,
Он долго ехал по темному лесу.
Вдруг видит среди темного леса.
Стоит избушка больше первой

[1] См.: с. 50, примеч. 4.

Выходит дым сильнее
Чем из трубы первой избушки.
Нигде не видно коновязи
И некуда привязать коня,
Алтын Сурум слез с своего коня,
Повод закинул за луку седла,
Сам вошел в избушку
Видит на полу лежит старуха,
Еще страшней первой
Она была одета своим правым ухом,
в пять пластов,
Под головой вместо подушки
Было положено левое ухо,
Сложенное в пять изгибов
И лицо у этой старухи крупнее,
Чем у первой, и глаза больше.
Увидев Алтын Сурума
Старуха поднялась на ноги,
Оделась правым ухом,
Подпоясалась левым, а конец его
Свесила спереди
Вместо передника, и спросила Алтын-Сурум'а:
«Далеко или близко ты поехал?
С хорошими ли мыслями
Или с худыми приехал?»
Алтын Сурум отвечает:
«Тетушка, не с худыми мыслями,
Я пришел к тебе с хорошими мыслями:
Говорили мне, что нет реки
Которою бы ты не переправлялась,
Нет горы,
Через которую бы ты не переезжала,
Нет народа,
Которого бы ты не знала,
Нет человека, которого бы ты не узнавала.
Тетушка, ты не знаешь ли для меня невесты,
Красивой и чистой
Я за этим и приехал к тебе».

Старуха встала с места,
И стала хлопотать,
Поставила стол, положила пищи
Принялась угощать Алтын Сурума.
Громко она похохатывала и говорила:
«О Боже, дитя мое, это верно,
Нет реки, которою я не переправлялась
Нет горы, которую бы я не переваливала,
Нет народа, которого бы я не знала.
Ты поезжай по этой черной дороге,
И приедешь в Царство Каан Кыса[1]».
Алтын Сурум сел на своего коня,
Поехал по черной дороге
И приехал в царство Каан Кыса.
У палат ее стоял конь мухортый
Привязанный к коновязи.
Этот конь принадлежал
Йель Монусу племяннику Йекка[2] злого духа
(ел – ветер, монус – великан).
Йель Моныс сватал Каан Кыса за себя.
Каан Кыс не хотела выйти за него замуж.
Она надела на себя старую шубу
От горя стала уходить в землю
Она спустилась в землю уже до пояса,
В это самое время
Подъехал к ней Алтын Сурум.
Каан Кыс радостно встретила его,
И так сказала:
«Вот он приехал, мой жених,
Тебя мне послало небо

[1] Каан-Кыс (Царь-девица).

[2] Йекк (йек), правильно *јек* – одно из «видовых» имен злых духов наряду с *айна, көрмөс* и др., наиболее часто переводимыми на русский язык словом «черт». Следует обратить внимание на то, что долгая гласная приводит в телеутском языке к кардинальной смене значения слова: йеек (*јеек*) означает «плетеная тесемка». Ср. также словарн. форму в алт. яз.: *јеек көр-* – «смотреть с отвращением», «ненавидеть». – *Д.Ф.*

Ты мне обещан Ульгенем!»[1]
Алтын Сурум выхватил
Свою стальную саблю
И с большим шумом
Вошел в палату
Йель моныс, сватавший Каан-Кыс'а,
Прыгнул под землю.
Алтын-Сурум поспешил на улицу,
Чтобы изрубить Мухортого коня Йель-моныс'а
Рассерженный Алтын-Сурум
Хотел коня разорвать,
Как рвут тряпку,
Хотел изрубить Мухортку,
Как рубят мясо.
Но Мухортка успел порвать повод,
Рассечь землю и скрыться из глаз.
После этого,
Алтын Сурум с Каан Кысом
Стали готовиться к свадьбе.
Послали на лошадях
Звать дальних гостей,
За ближними гостями послали пеших.
Убили трех байталов,
Собрали весь народ
И устроили свадьбу.
Шесть месяцев пили,
Семь лет веселились.
Алтын Сурум, выпивая хлебное,
Сильно, опьянел.
Он сказал Каан Кысу:
«Хочу немного поспать»
Каан-Кыс уложила его спать
На постель, подобно озеру,
Подложив подушку под его голову,
Алтын-Сурум заснул крепким сном.
В это время из-за девяти небес,

[1] Ульгень – верховное божество.

Из-за девяти лугов,
Приехал богатырь «Айтоло».
У которого ширина в плечах две сажени,
Расстояние между глазами
Два аршина,
Голова его была с большой чан.
Айтоло вошел в палату
Поймал Каан-Кыса.
Заложил ее за пазуху
И поехал домой.
Алтын Сурум в это время крепко спал.
Он заснул на девять лет
Богатырским непробудным сном.
А дома, в царстве Борозы Каан'а
Ак Саит правил народом.
Он сильно беспокоился о своем царе
Борозы Каане и его сыне Алтын Суруме.
С тех пор как уехал царствующий мой царь,
Начальствующий начальник мой,
Боро чокур атту Борозы-Каан
Прошло уже девять лет.
С тех пор, как уехал Алтын-Сурум,
Сын начальника, мой начальник,
Сын царя, мой царь
Прошло уже шесть лет.
Ак-Саит стал проситься у Кан Орокон'а,
Жены Борозы Каана,
Чтобы ехать искать которого-нибудь;
Или царя Борозы-Каана, или его сына,
Алтын-Сурума.
Кан-Орокон говорит:
«Борозы Каан на своем веку
Много хлеба поел,
И много лет прожил
Уж не стоит его разыскивать.
Лучше поезжай ты, Ак Саит, искать
Моего сына Алтын-Сурума».
Ак-Саит, выслушав Кан Орокона,

Наложил на своего коня
Потник с широким чепраком,
Оседлал коня в золотое седло;
Сел верхом,
И вскачь выехал из царства,
Поехал искать Алтын-Сурум'а.
Доскакал он до царства Каан-Кыса.
Конь его бежал все быстрее,
Закусив удила задними зубами.
Пробегая мимо золотых палат
Каан Кыса,
Ак-Саит хотел остановить коня,
Но не мог сдержать его.
Іробегая мимо Алтын-Сурума,
Который спал на постели
Подобно озеру,
Он успел ударить плетью по спине его,
Плетью сплетенной из девяти кож больших быков.
Дальше конь Ак-Саита
Побежал по темному лесу,
Догнал богатыря (чудовище) Айтоло,
У которого голова с большой чан,
Ширина плеч в две сажени,
Расстояние между глазами в два аршина.
Айтоло вез за пазухой Каан Кыса и гнал за собой
Скот и народ ее.
Ак Саит, догнавший Айтоло
Ударил его саблей,
Сабля изломалась,
Осталась одна ручка;
Попробовал кольнуть пикой,
Пика изломалась
В руках Ак-Саита
Осталась только ручка от пики,
Айтоло не почувствовал боли
И даже не оглянулся назад.
Ак Саит поехал обратно.
Приехал он в царство Каан Кыса.

Здесь, поцарапывая голову,
Пробужденный от сна ударом плетью,
Сидел на постели Алтын Сурум
С взъерошенной головой,
От удара у него горела спина.
Он встал и зашел в золотые палаты.
В палатах было пусто,
Только эхо раздавалось,
Царство Каан-Кыса было опустошено,
Не было ни данников, ни скота.
Приехавший Ак-Саит,
Гневно сказал Алтын Суруму:
«Для головы отца твоего,
Или для груди матери твоей ты женился?
Жену твою Каан-Кыса,
На которой ты женился,
Увез богатырь Айтоло,
Живущий за девять небес.
Я догнал его
И ударил саблей по спине,
Но сабля моя изломалась,
В руках осталась только ручка.
Кольнул его пикою,
Пика изломалась
Остался от нее только черенок
Айтоло не почувствовал боли,
И даже не оглянулся».
Алтын-Сурум выслушав все, говорит:
«Ты, Ак Саит, поезжай домой,
И царствуй там вместо меня, царя,
И начальствуй за начальника меня,
А я погонюсь за богатырем Айтоло».
Ак-Саит послушался – поехал домой,
А Алтын-Сурум погнался за Айтоло.
Едет он по темному лесу,
Едет по солончаковым степям,
Проехал он весь белый свет
Дальше едет опять по темному лесу.

В темном лесу Алтын Сурум
Наконец догнал богатыря Айтоло.
Долго они собирались бороться,
И стояли друг пред другом.
Долго не могли схватиться.
Наконец схватились,
Схватились за концы воротников,
Держались за плечевые кости,
Когда они боролись,
То извилисто-текущие реки
Разливались по лугам,
Затопляли соленые степи,
Горы с высокими вершинами
Они отталкивали как кочки
Горы, с острыми вершинами,
превращали в плоские,
Разрушали в песок большие камни,
Разлетались, как пыль, пески.
Уж в борьбе с Алтын-Сурумом Айтоло
Стал ослабевать ногами
Прополз на четвереньках
Побеждая чудовище Айтоло,
Алтын-Сурум говорит:
«Одевайся в свою нарядную шубу,
Говори свое последнее слово!
А когда будешь на том свете
Не говори себе похвального слова».
«Не увозить тебе больше чужих жен».
Тут Алтын Сурум подбросил Айтоло до неба,
И ударил его о черный камень,
Не осталось от Айтоло и крови,
Чтоб хватило полизать собаке
Не осталось кости,
Которую бы пободали коровы.
Алтын Сурум выручил Каан-Кыса
И с ней поехал домой.
Дорогой он одним ударом бьет коня
Другим ударом Каан Кыса.

Едет по темному лесу,
Едет по гладкой степи,
Ударил он нечаянно жену
По месту, где находилась душа и убил ее.
Душа Каан-Кыса, отделившись от нее
Со свистом и криком стала удаляться,
Не плакавший Алтын Сурум, заплакал,
Не туживший, затужил.
Алтын-Сурум помчался за душой Каан-Кыса,
По темному лесу, по гладкой степи,
За девять небес, за девять лугов,
И кричал ей вслед:
Я не отстану от тебя
Я пойду вместе с тобою!
Он гнался до желтого ядовитого моря,
Встал возле берега
«Сур»[1] Каан-Кыса кричал на другом берегу.
Алтын-Сурум искал броду:
Думал переплыть на бревне,
Но от ядовитой воды горючей,
Сгорело бревно не оставляя пепла,
Хотел переплыть на камне,
Спустил его в море.
Сгорел камень, не оставляя угля.
Кругом объехать море – не было ему конца.
В это время к нему подъехал

[1] «Сур» – душа. (Правильно *сӱр*. *Сӱр* – возможно, от арабск. sūrat > sūr [at] – «вид», «образ», «изображение» [*Баскаков* 1973: 110]. Представления телеутов о *сӱр* неоднозначны. Обычно *сӱр* понимается как материализованный двойник человека, который, как и *кут-јула*, может отделяться от человека за несколько лет до его смерти. Это, видимо, послужило основой для встречающегося в литературе вывода о том, что «sür представляет собой материальную субстанцию души djula, принявшей тот или иной вещественный образ, чаще в виде двойника – человека – обладателя соответствующего djula» [*Баскаков* 1973: 110]. Но дело в том, что, в отличие от *јула*, шаман не мог вернуть человеку его *сӱр* – человек был обречен на смерть. «После смерти человека, его сӱр направляется к тому бајана (духу), от которого человек получил кут на свое земное существование» [*Анохин* 1929: 261]. У скота *сӱр* отделяется в момент смерти, после чего переселяется в иной, загробный мир [см. подробнее о представлениях телеутов о душах-двойниках: *Функ* 1993: 221–224]. – *Д.Ф.*)

Ак-Пос Атту[1] Алтын-Казыр.
Он спрашивает Алтын-Сурума:
«За каким делом ты сюда приехал?»
Алтын-Сурум отвечает:
«Я приехал из-за своей жены:
У меня Айтоло украл жену.
Я только что выручил ее
И вез обратно домой,
Но по дороге нечаянно убил.
Вот за этим морем слышу крик ее души
И хочу догнать ее».
Алтын Казыр говорит:
«Ого, много в тебе оказывается дури,
Живой человек, хочет догнать
Душу умершего человека!
Никогда не слыхано, чтобы живой человек
Сошелся с мертвым!»
Лучше поедем домой
И приберем труп жены твоей:
Если она умерла в лесу
Вынесем ее на чистое место,
Прикроем молодой травой,
Чтобы хищные птицы не клевали
Чтобы собаки не терзали.
Алтын-Сурум и Алтын Казыр
поехали домой.
Ехали по гладкой степи,
Ехали по темному лесу,
В темном лесу, как ночь
В логу глубоком
Видят, лежит тело Каан-Кыса.
Они вывезли ее на чистое место,
Закрыв травою и мусором.
Алтын Казыр наказывает Алтын Суруму:
«Смотри! больше не гонись за голосом,
Который будет тебя звать,

[1] См. выше: бело-сивый (*ақ пос ат*). – *Д.Ф.*

Поезжай лучше домой».
Отъехав немного
Алтын Сурум оглянулся назад,
Алтын Казыр исчез куда-то.
Алтын Сурум поехал домой,
Слезы текли из глаз его, как из озера ручей.
Один печально едет он
И вдруг слышит чей-то голос.
Оглянулся и увидел,
Что гонится за ним жена его Каан-Кыс,
Ее воскресил Алтын Казыр,
Который оказался не богатырь,
А был большой лекарь.
Он был близкий друг Борозы Каана,
Поэтому воскресил Каан Кыса
И послал ее вслед за Алтын-Сурумом.
Алтын Казыр, превратился в траву
Чтобы скрыться от Алтын-Сурума
И, оставшись один, воскресил Каан-Кыса.
Алтын-Сурум посадил жену на коня
Сам сел позади седла,
И радостный поехал домой.
Теперь он, охраняя Каан Кыса, говорил:
«Смотри, больше не падай,
И опять не убейся».
Приехавши в царство Каан-Кыса,
Убили один «байтал» и сварили,
Собрали немного народу,
Сделали однодневную свадьбу.
Появилась светлая заря,
Взошло яркое солнце,
Каан Кыс говорит:
«Не живут в доме (девичьем)
А живут в доме мужа».
И поехали на родину Алтын-Сурума.
Погнали домой к Алтын Суруму
Немного скота, немного народу.
Приехавши в царство Борозы-Каана,

Убили девять байталов,
Собрали весь народ;
Убили шесть байталов,
Созвали всех людей;
За дальними гостями посылали на конях,
За ближними гостями посылали пеших,
Шесть лет пили, семь лет веселились.
Только Ак-Саит не мог веселиться
Он везде ходил печальный и плакал.
Его заметил Алтын-Сурум,
И громко надсмехаясь над ним
говорил ему:
«Не правду ли я говорил тебе:
Поедем вместе поженимся,
Теперь и ты был бы женат»;
А потом указывал на него другим:
«Смотрите люди, как он мне завидует».
А сам опять откидывался назад
И громко смеялся над ним.
Ак Саит отвечал ему:
«Нет я не завидую тебе,
Я скучаю о моем царе,
Который воспитал меня с тех пор
Когда я был не больше пальца,
Вот почему я плачу!»
«С тех пор, как он уехал,
Прошло много, много лет,
И нет о нем никакой вести.
Был бы дома Царь мой, Начальник мой,
Так же и я веселился бы,
Как веселится этот народ.
Вот почему я плачу».
Кан Орокон говорит:
«Если тебе жалко царя и начальника
твоего,
Поезжай искать его!»
Ак Саит просит:
«Дайте мне шубу моего царя,

Которую он носил на бегах»[1].
Кан Орокон подала шубу,
Ак Саит сел на своего коня,
И поспешно выехал из дома.
Ехал, ехал, он
Дорогой конь ему говорит:
«Смотри, мой добрый хозяин,
Едешь ты вперед,
Но вернешься ли обратно?»
Ак Саит не слушает коня, едет дальше и говорит:
Царствующий царь мой,
Начальствующий начальник мой
«Он вскормил меня,
Я должен его искать».
Ак Конур ат-конь его повернул назад.
Ак Саит рассердился:
Разлился подобно морю,
Приподнялся как высокая гора,
Ударил плетью коня по бедру,
И рассек его до кости.
Большой рот коня разорвал до ушей,
Повернул коня, поехал вперед.
Из берега «Сут-ак кол» (молочное белое озеро)
Из-под горы «Сурун»[2]
Выбежал царь волк, с хвостом в девять сажень
Ак Саит погнался за царем волком.
Он гнался, огибая Алтай шесть раз,
Кругом основания неба обежал четыре раза.
Царь волк прибежал обратно к «Сут-ак коль» и
«Сурун» горе.
Конь Ак-Саита говорит:
Смотри, мой хозяин, глазами острее,
Волк обернется в зеркало с ладонь.
И ты успевай схватить это зеркало,

[1] «На бегах» – имеются в виду конные скачки. – *Д.Ф.*

[2] Сут-ак кол/сут-ак коль, сурун – неточно воспроизведенные тел. Сӱт ак кӧл (Бело-молочное озеро) и Сӱрӱн (гора Сюрюн) (иногда в эпических текстах также *Сӱмӱр*, *Сӱбӱр* – образ и название, явно восходящие к мифической Сумеру). – *Д.Ф.*

Если успеешь схватить его,
Будешь победителем,
Если не успеешь, –
Будешь побежден.
Тогда волк тебя затащит на синий лед,
Который так покроет всю землю,
И что его не охватит взгляд человека.
А сам волк превратится в богатыря, и убьет тебя.
Царь волк превратился в зеркало,
С человеческую ладонь.
Ак-Саит только хотел схватить его,
Но уж зеркало превратилось в богатыря.
Ак-Саит схватился с богатырем,
Тут земля стала покрываться синим льдом,
Ак Саит стал уже ослабевать ногами,
Пришлось ему упираться о землю руками.
Конь Ак-Саита, Ак-коныр-ат
Побежал к Кан-Маске (царь молоток),
Кующему гвозди,
«Ак коныр ат» говорит Кану Маске:
Настало время умирать, ты будь нашим спасителем,
Пришло время погибать, будь нашим отцом,
Остановились все дела у моего хозяина!
«Тут наполнились слезами глаза богатырского коня.
Ты на каждую мою ногу подкуй подкову
по тридцать пудов,
А всего на сто двадцать пудов».
Кующий гвозди Кан Маска
Взял в одну руку молот в тридцать пудов,
В другую наковальню – в шестьдесят пудов,
Побежал в кузницу[1],
Приковал подковы к ногам Ак-Коныр-ат
В сто двадцать пудов.
Ак-Коныр ат побежал, не простившись

[1] Образ кузнецов, тем более играющих положительную роль, довольно редко встречается в эпических текстах тюрков Саяно-Алтая (подробнее см.: *Функ* 2012: 26–37). – *Д.Ф.*

с Кан-Маска, Сказав, поговорим о чем нужно после.
Когда он прибежал на синий лед,
Ак-Саит был уже совсем без сил.
Он почти не опирался ногами, а больше хватался
за землю руками.
Ак Коныр ат стал бегать вокруг двух богатырей,
От подков в сто двадцать пудов
Стал подламываться синий лед.
Ак-Коныр ат бегает быстрее
Лед ломается и тает все сильнее.
Земля ото льда освобождается
У Ак Саита силы прибавляется.
Ак Саит передохнул оправился,
Схватил за ворот богатыря.
В это время земля уж освободилась ото льда.
Ак Саит собрал все свои силы,
Вдруг схватил за грудь и косу[1] богатыря,
Поднял его до царя неба и сказал:
«Говори заветные слова,
Одевайся в погребальную шубу,
Если придешь на тот свет,
Обо мне лишнего, порочного не говори,
Не из-за меня ты умираешь,
А из-за себя».
Ударил богатыря об острый камень,
Разорвал его на девять кусков.
В это время с неба спустились девять воронов
И схватили каждый по куску,
Полетели на царь-небо.
Тут прибежал конь Борозы Каана,
Сам Борозы Каан, давно умер.
Кони понюхали друг друга в норки,
Покусали друг друга за гривы[2],
зажмурили глаза и заплакали:

[1] Скорее всего, здесь идет речь о *кеjеге* – заплетенных в косу волосах на макушке. – *Д.Ф.*

[2] Примета лошадей: когда лошади из одного двора произошли, то при встрече через долгое время узнают друг друга и чешут зубами друг другу гривы.

Ак-Саит спрашивает у коня Борозы-Каана:
«Где лежат кости моего царя?»
Боро чокур ат отвечает:
Кости Борозы-Каана лежат
В ущелье горы в густом лесу.
Ак Саит говорит: «веди меня к нему».
Они пришли в каменистое ущелье,
Где белея, лежали кости Борозы Каана,
Очистившиеся от мяса.
Конь его говорит Ак Саиту:
«Приложи кости сустав к суставу».
Ак Саит соединил.
Боро чокур ат прыснул раз из ноздрей,
Склеились кости,
Прыснул второй раз,
На костях наросло мясо,
Прыснул третий раз;
Борозы Каан поднялся, сел и стал говорить:
«О, Дети, я был мертв, или долго спал?»
Борозы Каан спрашивает Ак Саита:
Был у меня сын, где он,
Почему не он поехал разыскивать меня, а ты?
Ак-Саит говорит:
Он женился и остался дома,
Справлять свою свадьбу,
А я поехал искать тебя,
Если же ты умер – похоронить твои кости.

(Продолжение следует)

Алтын тӱктӱ ақ уй атту Алтын-Эргек

Сказание о богатыре по имени Алтын-Эргек широко распространено на Саяно-Алтае. Только у телеутов ранее оно фиксировалось еще как минимум дважды. В 1930-х годах Н.П. Дыренкова от известного в то время среди телеутов пожилого сказителя Василия Егоровича Обышева (тел. Чуптай-Латый) записала эпическое сказание, название которого в архивных материалах обнаружить не удалось, но, судя по именам главных героев (Архив МАЭ. Ф. 3. Оп. 1. № 29. Л. 1–8об), возможно, речь идет об эпосе «Алтын-Эргек». Еще один его вариант – «Алтын-Эргек батыр» – в виде прозаического пересказа был опубликован не так давно А.А. Тыдыковым (*Тыдыков* 2011: 38–45) без указания на имя сказителя, от которого он его услышал. В этом эпосе Алтын-Эргек, ездящий на златогривом пепельно-белом коне, мстит братьям Кара-Кечме и Сары-Кечме за убийство своего отца Тормон-хана и возвращает угнанные ими скот и народ.

Известно одноименное сказание и шорцам: в 1861 г. эпос «Алтын-Эргек» был записан В.В. Радловым в верховьях р. Мрассу (*Радлов* 1866: 376–391). В этом сказании Алтын-Сабак растит своего младшего брата, нареченного его конем Алтын-Эргеком. Трехлетний богатырь узнает, что их родителей убили, а имущество забрали девять Кара-Монгусов. Он отправляется на их поиски, совершает акт возмездия, а по дороге находит себе и друзей, и невест. Сюжет этого шорского эпоса, как видим, весьма близок тому, что было записано А.А. Тыдыковым у телеутов.

Спустя 125 лет одноименное шорское эпическое сказание мне удалось записать от Марии Ермолаевны Токмагашевой в д. Казас (в наст. время не существует) в низовьях р. Мрассу (см.: Корпусы ИЭА РАН http://corpora.iea.ras.ru). Здесь иное развитие сюжета и иные персонажи. Алтын-Эргек в этом сказании – сын Алтын-Шаппа и Кара-Торгу. Кара-Торгу отправляет сына за золотой стрелой отца. Алтын-Эргек на златогривом соловом коне (*ақ ой ат*) настигает стрелу во владениях Улуг-хана, ловит ее и объясняет, что они не чужие друг другу и что ей не следует убивать собравшихся здесь богатырей. Затем он, преодолевая все препятствия, которые встречаются на пути в землях Узют-хана и Эрлик-хана, помогает в поисках суженых двум своим побратимам, богатырям

Чаш-Торчук и Чаш-Картыга, и находит свою суженую – дочь Единственного создателя. То, что в основе одноименных сказаний лежат порой сходные, а порой и не очень, сюжетные линии и почти всегда речь идет о персонажах, носящих разные имена (за исключением главного героя), характерно для эпических традиций этого региона, хотя, разумеется, известны и случаи, когда сюжет и имена основных действующих лиц довольно полно и точно сохраняются из поколения в поколение.

Публикуемый здесь героический эпос «Ездящий на светло-соловом коне Алтын-Эргек» был записан в 1976 г. К.И. Максимовым от казителя-*қайчы* Степана Дмитриевича Канзачакова (1912 г.р.) в улусе Кытманово в Степном Алтае. Текст впервые был опубликован Т.М. Садаловой на языке оригинала (АФ 1995: 19–41) с приложением в виде толкования/перевода отдельных телеутских слов на алтайский язык (с. 54–55). При первой публикации издателем были внесены некоторые изменения, в частности, краткие формы глаголов заменены на полные, слова, казавшиеся русскими (напр., *кошко*), заменены на алтайские (*киске, кискени, кискелерди*), вставлены отдельные пропущенные слова (напр., *малынаң* [*мал*] *коробогон*). Но значительная часть диалектных форм все же была сохранена: например, *кайжы* (вместо *кажы*), *ийебен (ийе берген), jӱребен (jӱре берген), абиак (абышка/апшыйак), пончы (полды).*

При повторной публикации я позволил себе отказаться от восстановленных до полных глагольных форм, вернув их в первоначальный вариант, т.е. например, не *сал[ып]*, а сал и т.п., а также привести к нормам телеутской орфографии формы с начальным «б» (в тел. требуется «п», т.е. вместо *барала – парала* и т.п.) и «д» (*деп* всюду исправлено на *теп* и т.п.). Излишние долготы в глагольных формах (*каак*, *каап*, *чаап*, *ээт-*, *jеет-* и т.п.) были убраны, написание приведено в соответствие с современной орфографией. Вместе с тем явно недостающие долготы (в словах *педи*, *педилер* и т.п.) восстанавливались мной до литературной нормы (*пееди*, *пеедилер* и т.п.). Буквы «к» и «г» в соответствующих местах заменены на «қ» и «ғ». Те случаи, где мне казалось важным указать на специфику написания того или иного слова в исходной публикации 1995 г., я особо оговаривал в примечаниях. Часть очевидно пропущенных при первом издании стихов (или их фрагментов) была восстановлена мной. Вставки в квадратных

скобках в телеутском тексте принадлежат Т.М. Садаловой (они сохранены в соответствии с первым изданием), за исключением вставок нескольких очевидно пропущенных при первой публикации стихов или их фрагментов, которые были восстановлены мной (это оговаривается в примечаниях).

К сожалению, дирекция Института алтаистики имени С.С. Суразакова не сочла возможным предоставить мне копию рукописного оригинала (ФМ-357; хранится в архиве института). Во всех моих комментариях в отношении тех или иных словоформ указание на оригинал текста означает отсылку лишь к опубликованному Т.М. Садаловой варианту, поскольку у меня не было возможности свериться с оригиналом. После перевода примерно четверти текста на русский язык я обратился за помощью к своей коллеге С.П. Тюхтеневой, которая не только перепроверила сделанное мной, но и довела эту работу до конца, за что я ей безмерно благодарен. Некоторые примечания в тексте сделаны С.П. Тюхтеневой. На финальной стадии работы с текстом обсуждение всех деталей, включая уточнение смысла отдельных слов и правильности возможных толкований, осуществлялось нами совместно. В тексте перевода вставки в круглых скобках содержат слова и словосочетания, отсутствующие в телеутском оригинале, но необходимые для лучшего понимания текста русскоязычным читателем.

Кӱрмӱжек.
Антропоморфная деревянная фигурка
покровителя дома, д. Телеуты

Алтын тўктў ақ уй атту Алтын-Эргек

Озо-озо полтыр,
Озоғызының соңында полтыр,
Эмдигиниң алдында полтыр.
Қалбақбыла қабыш полтан чақта,
Сусқубыла суу пөлтин чақта.
Ўч теңире өткөн
Алтын өргө туртун полтыр,
Анда јаттын
Ўч қулақту ақ уй атту
Алтын-Эргек паатыр.
Ааң ачазы
Ўч қулақту қан јерин атту
Қара сағышту Қан-Соло полтыр.
Қан-Соло ўйдең чығала парғанда,
Көп эреме ödўп қалтыр.
Алтын-Эргек қыблап турза,
Алатан кижи
Ай-Қаанның қызы Алтын-Сабақ.
Кижее партан эремези[1] јет қалтыр.
Ай-Қаанның јуртында
Алып јақшызы јуулыштын.
Ат јепселин јепсеп јит,
Қат қуйағын қатан јит,
Оғы-јаазын артын јит.
Ат пуузы алтын чақыға пуулайт,
Ақ кебис токум салды,
Адының сыртына салды,
Алтын эзерин токум ўстине салды,
Алдынаң ползо, алтон[2] қолоң тарт јит,
Ўсўнең ползо, ўч он қолоң тарт јит.
Эжиктерге мўргўп алды,
– Паратан јерге паратам – теди.

[1] *Эреме* – рус. «время». – *Д.Ф.*
[2] В оригинале: алтын.

Алтын-Эргек
на златошерстном светло-соловом коне

Давным-давно было, оказывается,
Давнего после было, оказывается,
Нынешнего прежде было, оказывается.
В тот век, когда ложкой схватывалась (земля),
В тот век, когда ковшом воду делили.
Три (слоя) неба пронзивший,
Золотой дворец стоял, оказывается.
Там жил
Имеющий трехухого светло-солового коня
Алтын-Эргек богатырь.
Его старший брат,
Имеющий кроваво-игреневого трехухого коня,
Злой, с черными мыслями, Хан-Соло был, оказывается.
С тех пор как Хан-Соло, из дома выйдя, уехал,
Много времени прошло, оказывается.
Алтын-Эргека вдруг осенило:
Его суженая –
Дочь Ай-Хана Алтын-Сабак.
Время девушке замуж выходить пришло,
оказывается.
Во владениях[1] Ай-Хана
Лучшие из алыпов собрались.
(Наш богатырь) сбруей коня убирает,
Многослойный куяк надевает,
Стрелы и лук на спину себе надевает.
Повод коня к золотой коновязи привязывает,
Белый войлочный потник постелил,
На хребет коня своего постелил,
Золотое седло поверх потника положил,
Снизу шестьдесят подпруг затягивает
Сверху тридцать подпруг затягивает.
Дверям поклонился,
– В землю, в которую ехать надо, поеду, – сказал.

[1] Букв. «в юрте» (юрт в данном случае понимается как поселение). Все комментарии, если не указано иное, сделаны мной. – *Д.Ф.*

Ақ тасқылды ажыра пастырды,
«Тап» пер келип[1] чап ийди,
Қара јери сақсыл қалды,
Қан-теңире қалтырап қалды,
Қайжы[2] пилер јақшылар:
– Артық алып, күч күлүк пар јат.
Паза қайжы пилбес јамандар айт јат:
– Қалғанчы чақ јет јит,
Қалған кептерин кийип јалар,
Қалған аштарын јип јалар.
Алтын-Эргек пара-пара, уқ турза,
Эки қузнес наковальнаға
Малатоқпла қақ јит тезе,
Эки алып, күч күлүк қағыштын.
Қара сағышту Қан-Соло ачазы
Тегинең ле тегин алыпты
Ақ јаландала қағып-соғуп партын.
Алтын-Эргек қорқыбады – үркүбеди,
Јет парала, аттаң түжүре секирди:
– Қалақ-қоқый, ача,
Нерек по кижини тегинең ле тегин
Соғып-қағып јазың?
Ол алыпты ачазының қолынаң
Суурып тарт ийди.
– Саа керек оқ па? – теп,
Алтын-Эргекти қап парды.
– Токто, токто, ача!
Аттарыс јаар көрийзең,
Не полып јадылар?
Қан-Соло айтты:
– Менде қарындаш јоқ,
Мен ағаштаң јарыл чыққан кижи!
– Је, көрзөң!
Аттар не пол јалар?

[1] В оригинале слитно: *перкелип.*
[2] Лит. *қажы.*

Через белый таскыл[1] перевалил,
«Тап!»[2] – и мгновенно ускакал,
Черная земля его закачалась,
Хан-небо затряслось,
Каждый, кто знает, хорошие (говорят):
– Лучший алып, могучий силач едет.
А не знающие плохие говорят:
– Последний век наступает,
Оставшиеся одежды надевают,
Оставшуюся пищу едят.
Алтын-Эргек ехал-ехал, слышит,
Два кузнеца по наковальне
Молотками бьют как будто, предположил,
(А это) два алыпа, (два) могучих силача бьются.
С черными мыслями его старший брат Хан-Соло
Безо всякой причины алыпа,
В чистой степи ударяя, бьет.
Алтын-Эргек не испугался, не забоялся,
Подъехав, с коня наземь спрыгнул:
– Ой, горе-беда, брат,
Почему этого человека ни за что
Ударяя, бьешь?
Этого алыпа из рук брата
Потянув, оттащил.
– Тебе тоже нужно[3]? – сказав,
Алтын-Эргека схватил.
– Постой, постой, брат!
Посмотри-ка на наших коней,
Что с ними происходит?
Хан-Соло сказал:
– У меня брата нет,
Я из дерева вылупившийся человек!
– Ну, посмотри-ка!
Что кони делают?

[1] *Таскыл* – невысокая лысая гора.

[2] Тап – подражательное слово, выражающее быстрое, моментальное действие (ОРС 1949: 142).

[3] В смысле: «Тебя тоже побить?»

Анаң пурул көрийзе,
Аттары пийтеш јалар:
Ӱч қулақту қан-јеерин ат,
Ӱч қулақту ақ уй-ат.
– Је, чындап, сен мааға қарындаш кижи полтырзың!
– Ача, сен по алыпты паза тийбе!
Тойғо парақ па?
Мен кижи аларға пар јадым.
– Э-э, қарындаш, – Қан-Соло айт јит, –
Сеең паратын јолың мынары,
Меең паратын јолым мынары.
Мен алтон там јер алдын,
Јети қатап орой јӱрерим,
Јеек[1] јаманын қырарым.
Ақ јарық јер ӱсӱн
Алты орой јӱрерим,
Алып јақшыларын қырарым.
Паратан јолыңа пар – теп,
Айт салбай қайтты,
Адына минип, мына чаба перди.
[Соқтырған паатырды]
Алтын-Эргек эмин алып, эмдеп јит,
Томын алып, томдоп јит.
Озоғыдаң он артық эт[2] јит,
Эмдигизинең эки артық эт јит.
Јас ийди.
Алып алқыжына айт јит:
– Адаңбыла артық алып,
Кӱч кӱлӱк пол,
Ақ сағышту полтырзың,
Алдың сеең ачық ползын.
Алдыңнаң паштири[3] пар ползын,

[1] В данном случае в тексте всюду сохранено написание как в оригинале (*јеек*), хотя в телеутском языке слова *јеек* и *јек* имеют разные значения. См. подробнее: с. 58, примеч. 2.

[2] В оригинале здесь и в следующем стихе: *ээт.*

[3] В оригинале: *паш тири*. В данном случае слово *паштири* абсолютно очевидно восходит к *баштаар* – «руководить, возглавлять, начинать, приступать». – *С.Т.*

Затем, повернувшись, увидел,
Кони вшей друг у друга ищут[1]:
Трехухий кроваво-игреневый конь,
Трехухий светло-соловый конь.
– Да, верно, ты мне брат, оказывается!
– Брат, ты этого алыпа больше не трогай!
На свадьбу поедем?
Я жениться еду.
– Э, брат, – говорит Хан-Соло, –
Твоя дорога туда ехать,
Моя дорога сюда ехать.
Я под шестьюдесятью слоями земли
Семь раз вокруг проеду,
Зловредных йеков[2] уничтожать буду.
По земле белого света
Шесть раз вокруг проеду,
Добрых алыпов уничтожать буду.
Своей дорогой иди, – сказав,
Сказал и был таков,
На коня сев, в эту сторону поскакал.
[Побитого батыра]
Алтын-Эргек, лекарство взяв, лечит.
Снадобье взяв, врачует.
Лучше прежнего в десять раз делает,
Лучше нынешнего в два раза делает.
Вылечил.
Алып в благодарность говорит:
– Мощнее[3] отца твоего алыпом[4],
Могучим силачом будь,
С белыми мыслями ты, оказывается,
Перед тобой пусть (все) открыто будет.
Впереди тебя дорогу тебе прокладывающий пусть будет,

[1] См. примечание Г.М. Токмашева: с. 70, примеч. 2.
[2] См.: с. 58, примеч. 2.
[3] Букв. «лучше».
[4] Вариант перевода: «Лучшего отца лучший сын-алып». – *С.Т.*

Кийиниңнең қуарға[1] пар ползын.
Паратан јериңе пар, палам.
Сееңбиле мен пирге парыжып албазым.
Алтын-Эргек адына минип алды,
Эзен-салам айдып алды.
Эрмек-јооқты чачалды:
– Је, мен пар јадым, – теген,
«Тап» пер чап ийди.
Қан теңире қалтырап қалды,
Қара јерим соқсыл қалды.
Парып јат көрүп турза,
Қан теңире чығара
Өс қалып кел туртан қуу қомырғай
– Көрзөң – тептин, – јеек јаманы
Меең јолыма пуудақ сал кел,
Мында қубулчы полып туртынчы.
Пу јеекле перишпеске,
Парар јолғо пararға.
Улу јолғо кирип ал кел јатса,
Көрүп јитса,
Атту парғандардың
Јолы ас полтыр.
Јойу парғандардың
Јолы көп полтыр.
Јеек јамандары партын полтыр.
Пир қубул, пир чубулип,
Пойы қодыр тас пол алды,
Адын қуу түгү[2] түшпеген јабаға эт алды.
Ойлоп-сойлоп қамчылай перди,
Ады қойрығыла пулғандый пербий қайтты.
Једе – јет парза,
Ат пуузы алтын чақыда
Јапақ қулақту ай қара ат
Јаңысқан ла тур јит.

[1] В оригинале: *кууарға*. От гл. қуу- – «следовать», «преследовать». «Позади тебя следующие за тобой пусть имеются». – *С.Т.*

[2] В оригинале: *түгүн. – С.Т.*

Позади тебя следующие за тобой пусть будут.
В землю, в которую надобно ехать, езжай, дитя мое.
С тобой вместе я не смогу поехать.
Алтын-Эргек на коня сел,
Эзен-салам сказал, попрощался.
Предложение-речь кратко сказал:
– Что ж, я еду, – сказал,
Мгновенно ускакал.
Хан-небо затряслось,
Черная земля моя закачалась.
Едет и видит,
До Хан-неба достигая,
Сухой (Бледный) борщевик вырос и стоит.
– Смотри-ка, – говорит, – зловредный йек,
На моем пути препятствие сотворив,
Здесь, (борщевиком) обратившись, стоит.
С этим йеком чтобы не сражаться,
Дорогой своей надо ехать.
На большую дорогу когда въехав, едет,
Видит,
Ехавших верхом
(По) дорог(е) мало было, оказывается.
Пешком шедших
(По) дорог(е) много было, оказывается.
Зловредные йеки это шли, оказывается.
Раз – изменившись, два – превратившись,
Сам паршивым плешивцем стал,
Коня своего со скатавшейся сухой шерстью
облезлым жеребенком-двухлеткой сделал.
Направо-налево камчой стегать стал,
И конь и хвост закружились.
Достигая (владений Ай-Хана), доехал когда,
На привязи у золотой коновязи
С прижатыми ушами вороной конь
Один совсем стоит.

Алтын-Эргек пойының јабағазын
Ааға јаба пуула[п] ийди.
Кирнесте чығып, қайа пақ көрзö,
Эки ат тиштештин тезелер,
Азулары једишпийт.
Тебиштин тезе,
Туйғақтары једишпийт.
Алтын-Эргек алтын ўйге кирип парды.
Јабақ қулақту ай қара атту
Қара Моңыс айт јит:
– Келетен Алтын-Эргек па?
Келбес Алтын-Эргек па? – теп,
Айт јит Ай-Қаанға.
– Јақшлап та апарарым,
Јамандап та апарарым қызыңды.
Таш очоғың оот саларым
Талқан-кўлиң собыр саларым!
Ай-Қаан қыблаза:
Алтын-Эргек јет келди,
Эжиктең пир тас кир келди.
– Ма, палам,
Алтон алып ичетен
Ала-поро чарадаң
Арақы ич алзаң.
Алтын-Эргек эки қолыбыла алды,
Алтын столға пар келип,
Аш-тус јий перди.
– Көрзöң, кўндўдиң ириндўлери
Маа кел јыжын јит!
Ириңин арлап, јыш јит.
Қаққаныла Алтын-Эргекти,
Тас кеби таштalды,
Мен пойбыла тура парды.
Ай-Қаан айт јит:
– Укқан қулағығар сақ уғуғар,

Алтын-Эргек своего двухлетку
С ним рядом привязал.
На крыльцо поднявшись, назад посмотрел,
Два коня покусать друг друга хотят,
Да зубы не достают.
Лягнуть хотят,
Копыта не достают.
Алтын-Эргек в золотой дом вошел.
Ездящий на с прижатыми ушами вороном коне
Кара Монгыс говорит:
– Приедет ли Алтын-Эргек?
Не приедет ли Алтын-Эргек? – так
Говорит Ай-Хану.
– И по-хорошему увезу,
И по-плохому увезу твою дочь.
Каменный очаг твой разрушу,
Золу густую, как толокно, развею!
Ай-Хан смекнул:
Алтын-Эргек приехал,
В дверь какой-то плешивец вошел.
– На, дитя мое,
Для шестидесяти алыпов предназначенной
Из пестро-серой чаши
Араки испей.
Алтын-Эргек двумя руками[1] (чашу) взял,
К золотому столу подошел,
Хлеб-соль есть начал.
Кара-Монгыс говорит:
– Смотри-ка, солнечной земли гниль
Меня, придя, задирает!
От гноя очищая себя, трет (глаза).
Ударил когда Алтын-Эргека,
Плешивца облик с него спал,
Сам собой вновь стал, стоит.
Ай-Хан говорит:
– Слышащие уши ваши пусть внимательно слушают,

[1] Из рук старшего с уважением, т.е. двумя руками. – *С.Т.*

Көргөн көзигерди қурч көрўп отырығар,
Мөрөй сал јадым:
Јетон қулаш јер алдын
Јети орый чабарға.
Алақанча ақ-јарық јер ўсин
Алты орый чабарға.
Ўч теңире чығара тарсан[1]
Көк кебисти кем
Ажыра адыла чийзе,
Туйғағы қапий қалза,
Ааға перетем қызымды.
Эки алып, қўч кўлўк
Столдың ки[й]нинең қырынаң
Айманып чықтылар.
Алтын-Эргек ат пуулап салтын чақыдаң
Адын чечип алды.

Јаазын кўнге – пөкө сўўртеп алып јўре перди.
– Ай-Қаанның јеринде
Мениң адыма минетен кижи пар ба?
Пир кеден кўнектў,
Кендир чўрмештў
Қыс палазы келди.
– Қайда, мен минетем сениң адыңды.
– Қой, палам!
Сен мениң адымның уузын тудуп чыдабазың.
Экинчи қыйғырған,
Ол оқ қыс пала келген.
– Қой, палам, сен меең адымның
Уузын тудуп чыдабаң.
Учўнчи қыйғырғанда,
Ол оқ қыс пала келди.
– Је, айда ползо, сен минерзиң.
Эки ат «тап» пер, чап ийдилер.

[1] Эта словоформа дважды встречается в тексте именно в таком виде и один раз (746 строка) как *тартсан*. В комментариях Т.М. Садаловой она трактуется как стяженное *тартып салған* (АФ 1995: 54, примеч. 23).

Видящими глазами своими остро смотрите,
Состязание объявляю:
В семьдесят саженей под землей
Семь раз вокруг проскакать.
С ладонь бело-ясную землю поверху
Шесть раз вокруг проскакать.
До трех небес протянутого[1]
По верху синего ковра кто (из вас)
Сверху конем своим, будто линию чертя,
Копытом не дотронется,
Тому отдам дочь свою.
Два алыпа, могучих силача
Из-за стола,
Торопясь, вышли.
Алтын-Эргек от коновязи, к которой коня
своего привязал,
Коня отвязал.
Лук свой к солнцу наклонив, волоча, уехал.
– На земле Ай-Хана
На моего коня способный сесть человек есть ли?
Какая-то в холщовом платье,
С льняными косичками
Девушка подошла.
– Ну-ка, я сяду на твоего коня.
– Ах, дитя мое!
Ты моего коня узду удержать не сможешь.
Во второй раз крикнул.
Та же девушка пришла.
– Ах, дитя мое, ты моего коня
Узду не удержала.
В третий раз когда крикнул,
Та же девушка пришла.
– Ну, если так, ты сядешь.
Два коня мигом поскакали.

[1] Вариант: «На три горизонта растянутого» (ср.: ШГЭ 2010: 209, примеч. 14).

Салқын кирези сабырыш қал јалар,
Қуйун кирези қуйбуруш қалдылар.
Қана парған аттар!
Қана келген аттар?!
Көр таппай қалдылар.
Алтын ўргее кир пардылар,
Алтын столдың кийнине
Отырып салдылар паатырлар.
Алтын-Эргек стол кийнинде
Отырып чыдабай салды,
Јер тўнигине јўгўре кирбей қайтты.
Қорўп турза, јеек јаманның ады
Јетон там јер алдын
Ўч орой айлан чық келтир.
Алтын тўктў ақ уй ат
Пўдўн[1] јарым ла қатап чыққан.
Анаң тыңдаза,
Қыс палазы пир қыйғырғанда,
Теңири јарыл јит.
Пир қыйғырғанда,
Јер јарыл іит.
Эки ала пўри
Алтын тўктў ақ уй аттың
Эки тақымынаң қап салтыр.
Эки қара қускун
Қыс паланың көзин ойорго јалар.
Пирзин Алтын-Эргек аңдара қақ јит қамчыбыла.
Алтын-Эргек оқ-јаазын алды,
Пир оққо тизе адып ийди
Эки қара қускунды,
Эки ала пўрини.
Анаң ары алтын тўктў ақ уй ат
Салқын чылап сабырыл қалды,
Қуйун чылап қуйул қалды.
Јеек јаманның ады тўртинчизине оролоштында,
Алтын тўктў ақ уй ат

[1] В оригинале: *пўдўм. – С.Т.*

Словно ветер умчались,
Как вихрь улетели.
Куда ускакали кони!
Куда прискакали кони?!
Глядя, найти не смогли.
В золотой дворец вошли,
За золотой стол
Сели батыры.
Алтын-Эргек за столом
Усидеть не смог,
В дымоход земли бегом вбежал.
Смотрит, худшего йека конь,
Семьдесят слоев под землей
Трижды вокруг обежав, вышел.
Златошерстный светло-соловый конь
Полтора раза всего обошел.
Потом прислушался,
Девушка когда раз крикнет,
Небо трескается.
Другой раз крикнет,
Земля трескается.
Два пестрых волка
Златошерстному светло-соловому коню
В две подколенных впадины вцепились.
Два черных ворона
Девушке глаза выколоть готовы.
Одного Алтын-Эргек наземь сбил камчой.
Алтын-Эргек лук взял,
Прострелил, на (одну) стрелу нанизав,
Двух черных воронов,
Двух пестрых волков.
После этого златошерстный светло-соловый конь
Как ветер взметнулся,
Как вихрь завертелся.
Йека плохого конь, в четвертый раз когда круг обегал,
Златошерстный светло-соловый конь

Ӱч қатап оролыжып келди, једиже перди.
Алтын-Эргек јер тӱбинең парбит,
Эки ат јетон там јер алды,
Јети қатап теңге јӱӱр ийдилер.
Алақанча ақ јарықтың ӱсине
«Сойп» эдип, чығара келдилер.
Анаң ары пар јитса,
Алтын тӱктӱ ақ уй ат
Алдына кийдире сқопий қайты,
Алтын-Эргек алтын ӱргее кире парды,
Қара Моңысқа қоштой отурды.
– Ну-қа, ну-қа! – деш пердилер. –
Ат кел јит!
Алтын тӱктӱ ақ уй-ат кел јит,
Алтын тӱктӱ ақ уй-ат
Јаңысқан ла кел јат! – теп,
Ӱч теңире ажыра тарсан
Кӧк кебисти ажыра таңып,
Туйғағы қапий қалды! – теп, айт јалар.
Қара-Моңыс айт јит:
– Аттың тизеде, эрдиң пелинде.
Энедең тууған пеш сабарға пош перере.

Эки алып алтын ӱргеедең чыға келип қабыштылар,
Јазы-пӱкке тӱшкендер,
Јақа-паштаң қабыш јалар,
Јарын-төштӧң тудуш јалар.
Сым молот чылап сыңрап јалар,
Сооқ мус чылап тайқыл јалар.
Эңе-пӱге қабыш јалар,
Эмдик мал чылап тебиш јалар,
Қарс айу чылап қабыш јалар.
Тайқа болзо, теңге јӧлӧниш јалар,

Третий круг сделал, догнал.
Алтын-Эргек из-под земли не выходит,
Два коня из семидесяти слоев под землей
В семь слоев неба ушли.
С ладонь величиной на белый свет
«Сойп!» [1]– и поднялись.
Дальше едет когда,
Златошерстный светло-соловый конь
Вперед выскочил,
Алтын-Эргек в золотой дворец вошел,
С Кара-Монгысом рядом сел.
– Ну-ка, ну-ка! – говорят. –
Конь сюда скачет!
Златошерстный светло-соловый конь бежит,
Златошерстный светло-соловый конь
– Один бежит! – говорят, –
На три горизонта растянутый
Синий ковер сверху перескочив,
Копытом не задел! – так говорят.
Кара-Монгыс говорит:
– У коня – в коленях, у мужа – в пояснице (сила).
От матери при рождении [полученным]
пяти пальцам свободу дайте.
Два алыпа, из золотого дворца выйдя, схватились,
Сгибаясь, упали,
За шиворот хватают,
За лопатки-грудь хватают.
Как настоящий булат звенят,
Как холодный лед скользят.
Сгибая-наклоняя, схватку ведут,
Как необъезженные кони лягаются,
Как медведи с оскалом дерутся.
Тайга если (рядом окажется) – одинаково (лишь)
касаются (ее),

[1] *Сойп/суйт* – звукоподражание, используемое для обозначения очень быстрого движения. Ср., напр., в совр. алт. яз.: *ийт суйт этти* – «собака прошмыгнула». – *С.Т.*

Талайға ползо, пер келип,
Теңге jölönip jалар.
Пулар экўдиң қабыш-тудуштарына
Ай ачылбас ачу туман тўш қалды.
Jе, пулар jақшыла қабыш алзындар,
Мен аттарым пар көрödим.
Алтын тўктў ақ уй ат қыблап турза,
Jеек jаманның ады қача пертир.
Алтын тўктў ақ уй ат
Jеек jаманның адын сўре перди.
Jер тўбўне тўжўре пербей,
Алты азузын[1] суурызына падыра пасты.
Jеек jаманның ады
Қачып озын албас[2] полғондо,
Уузынаң қара қошқо
Чығара jўгўрип келди.
Jеек jаманның тыны полтыр.
Алтын тўктў ақ уй аттың
Уузынаң ақ қошқо
Чығара jўўр келди.
Қара қошқоны сўре перди.
Аттар тиштешкенче,
Тебишкенче полтырлар.
Мен қошқолорды көрö пердим.
Қара қошқо қач jит,
Ақ қошқо сўр jит.
Паратын ла jери jоқ полғондо,
Ақ-jарықтың ўсўне чығара
Jўгўрбий қайты қара қошқо.
Қара қошқо Қара-Моңыстың
Уузына кирерге этти,
Ақ қошқо аңтара тартты.
– Маа, – тептин Алтын Эргекке, –
Мыны уужай тудуп ий,
Қара-Моңыс öл тўже перер.

[1] В оригинале: *азуын. – С.Т.*
[2] В оригинале опечатка: *анбас. – С.Т.*

Море если, заходя (в него),
Одинаково (лишь) касаются (его).
От их борьбы-схватки
Туман едкий, что луна не видна, опустился.
Ну, пусть эти хорошенько подерутся,
Я коней своих пойду погляжу[1].
Златошерстный светло-соловый конь узнал,
Йека плохого конь сбежал, оказывается.
Златошерстный светло-соловый конь
За конем йека плохого погнался.
Под землю спуститься не давая,
Шесть клыков в основание хвоста вдавил.
Йека плохого конь,
Когда не смог освободиться, чтобы убежать,
Из (его) пасти черная кошка
Наружу выскочила.
Йека плохого душа, оказывается.
Златошерстного светло-солового коня
Из пасти белая кошка
Наружу выскочила.
Черную кошку гонять стала.
Кони все еще кусаются,
Лягаются, оказывается.
Я стал за кошками смотреть.
Черная кошка убегает,
Белая кошка догоняет.
Когда больше места не осталось,
На бело-ясную поверхность
Выбежала черная кошка.
Черная кошка Кара-Монгысу
В рот забежать хотела,
Белая кошка, (ее) потянув, опрокинула.
– На, – говорит Алтын-Эргеку, –
Это разомни (руками),
Кара-Монгыс, умерев, упадет.

[1] Ремарка сказителя.

Мен сеең уузыңа кидире jүгүр парарым.
Алтын-Эргек қапқан қара қошқоны уужай тутты.
Ақ қошқо Алтын-Эргектиң
Уузына кидире jүгүре перди.
Қара-Моңыс пойыла ажа перди.
Ай-Қаан қыблап турза,
Алыптың ашқаны пилдир jит,
Эки эдегин қыстан сал кел,
Эки пилегин сыйман сал кел,
Туманду jараттаң кел,
Ақ-jарықтың үсүне
Алтын-Эргек чықты.
Ай-Қаан пар кел,
Алтын-Эргектиң қолынаң қапты.
– Ай, палам! Туулза да,
Мындый эр тууылзын!
Туулбаза, туул қалзын.
Jеек қанын jеңийдиң!
Эмди той сал jадым.
Ай-Қаанның алған кижизи
Столғо аш сал jит:
Одыс күн jизе,
Ортозы ормойбос,
Қырық күн jизе,
Қыйузы қырланбас.
Урақтағыларын қағасла айтыр jалар
Jууқтағыларын тилибиле айтыр jалар.
Эмди тойложо пердилер.
Қанча-қанча ичкен соңында,
Қанча-қанча jиген соңында
Алтын-Эргек қыблап турза,
Парар ай ödö пертир.
– Jе, Ай-Қаан қайнаға,
Jабыс та ползо, тууым пар,
Тайғыс та ползо, сууым пар,

Я внутрь твоего рта забегу.
Алтын-Эргек схваченную черную кошку смял.
Белая кошка Алтын-Эргеку
В рот бегом забежала.
Кара-Монгыс сам собой умер.
Ай-Хан узнал,
Что алып умер, ясно стало,
Два подола подоткнув, идет,
Два запястья поглаживая, идет,
От туманного берега идет,
На поверхность бело-ясную (земли)
Алтын-Эргек вышел.
Ай-Хан, подойдя,
Алтын-Эргека за руку схватил.
– Ах, дитя мое! Родится если,
Такой вот муж пусть рождается!
Не родится если, то пусть зародится.
Йек-хана победил!
Теперь пиршество устрою.
Ай-Хана жена
На стол еду кладет:
Тридцать дней если есть,
В середине не убавится,
Сорок дней если есть,
Конца не будет.
Дальних письмами приглашают,
Ближних словами зазывают.
Теперь праздновать стали.
Когда много-много выпили,
Когда много-много съели,
Алтын-Эргек понял, что
Уезжать пора пришла, оказывается.
– Ну, Ай-Хан, тесть,
Невысокая хоть, да своя гора есть,
Неглубокая хоть, да своя река есть,

Јерлӱ кижи јерсип паадым,
Јери-јуртума јанадым.
– Је, палам, писти қарғандарды
Көр-оқ сал јатсаң.
Малдаң мал пӧлип перейин ба?
Элдең эл пӧлип перейин ба?
– Элим, малым пар,
Айақтуда маа не керек пар.
Ай-Қаан пир кӱн јерге узат пар јыт.
Ичкенче ичип јалар,
Јигенче јип јалар.
Алтын-Эргек айтты:
– Ай-Қааның қызын Алтын-Сабақты
Алтын [јӱстӱк][1] эдип,
Чымалчығыма кийип алдым.
Алтын тӱктӱ ақ уй атты мин ал,
«Тап» пер чап ийебен[2].
Қан теңире қалтыра қалды,
Қара јерим соқсол қалды.
Ай-Қаан ай[т] јит:
– Оно мыный-оқ учун
Јеек јаманды јең сал пар јит.
Алар јат қалдылар.
Мен Алтын-Эргекти сӱрӱп пар јадым.
Аа парарға узақ пол јит,
Маа айдарға узун пол јит.
Сыбысқылу[3] сындарға чық јит,
Јери-јуртын көр, тан јит.
Көр тур јитса,
Малынаң [мал] қоробоғон,

[1] Здесь и ниже первый издатель текста Т.М. Садалова всюду давала слово *јӱстӱк* в квадратных скобках, что позволяет предполагать либо замену некоего телеутского слова на алтайское (маловероятно, поскольку в тел. яз. «перстень, кольцо» – *јӱстӱк*, хотя, впрочем, также и *пурба*), либо вставку пропущенного сказителем слова. Комментарии в книге (АФ 1995) по данному поводу отсутствуют.

[2] Первый издатель текста Т.М. Садалова правомерно считала эту форму стяженной от *ийе берген* (АФ 1995: 19).

[3] *Сыбысқылу сындарға* – ср. в шорском эпосе: *сылағайлыг сынға* – «на гладкий хребет».

Землю имеющий я по земле своей соскучился,
К юрту[1] своему вернусь.
– Ну, дитя мое, за нами, стариками
Приглядывай уж.
Из скота скот тебе выделю?
Из народа народ тебе выделю?
– Народ, скот свой есть,
Ноги покуда есть, что мне надо, все есть.
Ай-Хан на расстояние в день езды проводить поехал.
Пьют, пока пьется,
Едят, пока естся.
Алтын-Эргек сказал:
– Ай-Хана дочь Алтын-Сабак,
В золотое кольцо превратив,
На мизинец надел я.
На златошерстного светло-солового коня сев,
«Тап!» – и мигом отправил коня вскачь.
Хан-небо затряслось,
Черная земля моя закачалась.
Ай-Хан говорит:
– Именно потому, что таков,
Йека плохого победив, уезжает.
Они жить там остались.
Я, Алтын-Эргека догоняя, еду.
Ему ехать далеко,
Мне говорить долго.
На хребты, как дудка поющие, поднимается,
Землю-поселение свое видит, узнает.
Стоя, смотрит,
От скота ущерба нет,

[1] Букв. «к земле-юрту своему».

Элинең эл қоробоғон.
Ақ тасқылды ажыра пастырды,
Ат пуузы алтын чақыға
Адын тур[г]ус салды.
Алтын [jўстўкти] чымалчығынаң
Суурып келип, полғо тўжерин,
Алтын-Сабақ мен пойыла тура тўшти,
Тойложо-оқ пердилер.
Урақтағыларын қағасла-оқ айттыр jалар,
Jууктағыларын уусла айттыр jалар.
Ичкенче ичип jалар,
Jигенче jип jалар.
Алтын-Эргек пирле пилин келзе.
Пир айға-оқ ичип салтырлар.
По тойдо арық кижиниң [қулағы]
Қызарғанча семиртир,
Арық ийттиң қойрығы
Қарбайғанча семиртир.
Қазан тўби пызыл jит,
Қалған қалық тарап jит,
Тепши тўби тежил jит,
Текши қалық тарап jит.
По тойдо тўгезе jақшы,
Тўгезебис ичтис.
Паза қажылары айт jит:
– Пу тойдо кем ичкен?
Кем тойғон?
Қалық-улустар паады,
Амырынча – энчўинче.
Алтын-Эргек ле Алтын-Сабақ
Jада пердилер.
Алтын-Сабақтың айы-кўни толып келип,
Пир эр пала тап алды.
Қырық қат торқобыла орогондо,
Тосқыра теп, пағыр jит.
Пери экелип, пуйа пас jалар,
Ары экел, туйа пас jалар,
Киндигин кезелбей jалар,

От народа убыли нет.
Белый таскыл переваливая, спустился,
К золотой коновязи
Коня своего поставил.
Золотое кольцо с мизинца
Сняв, на пол уронил когда,
Алтын-Сабак сама собой встала,
Праздновать вновь начали.
Дальних письмом же приглашают,
Ближних словами зазывают.
Пока не напьются, пьют,
Пока не наедятся, едят.
Алтын-Эргек первый раз очнулся когда,
Один месяц уже пили, оказывается.
На этом пиршестве у худого человека уши
Докрасна налились от того, что потолстел,
Худого пса хвост
Торчком стоит от толщины.
Казана дно выскребается до дыр,
Оставшийся люд расходится,
Чаш с мясом дно дырявится,
Весь народ расходится.
На этой свадьбе все хорошо,
Все мы пили.
А еще некоторые говорят:
– На этой свадьбе кто пил?
Кто досыта наелся?
Народ-люди разошлись,
С миром-покоем.
Алтын-Эргек с Алтын-Сабак
Жить стали.
Алтын-Сабак, по прошествии времени,
Мальчика родила.
В сорок слоев шелком пеленает когда,
(Он) во все стороны пинаясь, кричит.
Сюда принеся, так нажимают,
Туда несут, этак давят,
Пуповину отрезать не могут,

Пайа пала амыр пар келип,
Ўч қатап энезиниң эмчегин соор алды,
Јер соро тарт, уқтай перди.
Пайа пала
Пир қон, пийтче пол јит,
Эки қон, ийтче пол јит,
Ўч қон, кижиче пол јит.
– Је, палам, – тийт Алтын-Эргек
ле Алтын-Сабақ, –
Адыңды адатырғадый.
Палаға јардық пайтал эт пер јалар.
Алты алып ичер
Ала-поро чараға
Арақы ур пер јалар.
Пала алып қыйғызын қыйғыр јит,
Матыр сығырузын сығыр јит:
– Адым адар јақшылар,
Алдыма кел турығар!
Адым адабас јамандар,
Ки[й]ниме чығып турығар!
Сыс туманның аразынаң
Пир ақшу[1] абышқа
Сағалын қурчан сал чықты:
– А-а, палам, көрзөң,
Сердиң јерде
Сеең адың адыйтын
Кижи јоқ пончы[2]!
Қоо-чоло адыңды
Адап салзам,
Јақшы полғой не?
– Јақшы ат адап салзаң,
Қулаққа сат уғулар,
Јаман ат адап салзаң,
Салқын сығыртып апарғай.
Арақызын пер јит,

[1] Возможно, *ақту,* поскольку рукописные «ш» и «т» порой выглядят очень похоже.
[2] Лит. *полды.*

Тот мальчик успокоился,
Трижды матери грудь пососав,
Высосав досуха, заснул.
То дитя,
Один день переночевав, с вошь вырос,
Дважды переночевав, с собаку вырос,
Трижды переночевав, с человека вырос.
– Ну, дитя мое, – говорят Алтын-Эргек
и Алтын-Сабақ, –
Именем тебя уже можно наречь.
Ребенку могучей нежеребой кобылицы мясо дают.
Для питья шести алыпов предназначенную
В пестро-серую чашу
Вина наливают и дают.
Дитя богатырским криком кричит,
Богатырским свистом свистит:
– Имя мне дать способные хорошие люди,
Встаньте передо мной!
Имя мне не способные дать худые люди,
Позади меня встаньте!
Из-за влажного тумана
Один седой (незнакомый?) старик,
Бородой своей подпоясавшись, вышел:
– Э-э, сынок, погляди,
На вашей земле
Имя тебе дать способного
Человека нет!
Красивым именем-прозвищем
Если назову,
Хорошо ли будет?
– Хорошим именем если назовешь,
Ушам долго слышно будет,
Плохим именем если назовешь,
Ветер, свистя, пусть унесет.
Вино подает,

Абышқа аны ич јит,
Эттең јий перди.
Ооқ сööктöри тумчығынаң чық јит,
Јаан сööктöри уузынаң чық јит,
Сағалағын слап сыйман салды:
– Укқан қулағын сақ ук отыр,
Көргön көзиңди қурч көр отыр,
Адыңды адыйара јадым – теп, –
Ўч қулақту ақ уй атту
Алтын-Топчы сен полорың.
Абаңның минген малына мин ал.
Па[й]аларым ақир келип,
Қырық қатпашту[1] ўйге уйуқтазып јалар.
Паза қанча-қанча полғон соңында
Пулардың палазын
Ажыра ползо,
Ай тийбегендий полтыр.
Кечире ползо,
Күн тийбеге[н]дий полтыр.
Таң јарып,
Күн қызар чығар алдында
Ат пуузы алтын чақыға
Ат кел турды.
Алтын түктў ақ уй-ат
Қатап тууылып јайал чықтыр.
Јаш пойыла пол қалтыр.
Пийик партын пулуттар
Јал қамақтаң пölö соғылып партын,
Јабыс партын пулуттар
Јарым төшкö пölö соқ партын.
Алтын-Топчы керилип-чöйилип,
Уйғана пербей қайтты.
Ўйдиң ичин пас јўребен,
Алтын ўргее ары-пери јайқал тур қалбай қайтты,
Јўзў[2] қолын јунуп ал јит,

[1] В оригинале было записано в два слова: *кат пашту.*
[2] В оригинале, скорее всего, опечатка: *ўзў.*

Старик его выпивает,
Мясо есть стал.
Мелкие косточки из носа выходят,
Крупные кости изо рта выходят,
Бороду свою погладив (говорит):
– Слышащее ухо твое да слышит внимательно,
Смотрящим глазом своим остро гляди,
Имя твое назвать готов, – говоря, –
Ездящий на трехухом светло-соловом коне
Алтын-Топчы ты будешь.
Коня, на котором отец твой ездил, седлай.
Те (родители его) (в дом) приведя,
В доме с сорока комнатами спать укладывают.
По прошествии многого-многого времени
Их ребенка,
Повдоль если,
Луне не объять (таким) оказался.
Поперек если,
Солнцу не объять (таким) оказался.
Заря забрезжила когда,
Перед тем как солнце, краснея, должно взойти,
К золотой коновязи
Конь, придя, встал.
Златошерстный светло-соловый конь
Заново родившись, появился.
Молодой, как раньше, стал.
Высоко идущие облака
Задевая за гриву и разделяясь надвое, идут,
Низко идущие облака
О середину груди ударяясь, надвое разделяясь,
проходят.
Алтын-Топчы, потягиваясь-вытягиваясь,
Проснулся.
Внутри жилища ходит,
Золотой дворец туда-сюда покачиваясь, стоит,
Лицо и руки моет,

Қат қуйағын қатан јит.
Энези алтын столдың ки[й]нинде отурып,
Аш-тусла сыйлайт,
Қанча отурып ичип турғандарда,
Қанча отурып јип турғандарда,
Јайаған қағас јайа тўшти:
«Алтын-Эргек қырық қат теңирең
Ўсине чық кел јадатан».
Аны қычыр ийдилер.
Эмеген-абышқа теңериң ўсине тартыла педилер,
Алтын-Топчы јаңысқан јат қалды.
Анаң қыбылап турза:
Алатан кижизи
Кўн-Қаанның қызы Кўмўш Сырға
Кижее паратан эремези јет келтир,
Аны аларға јуулыштын
Алыптар көп полтыр.
Оғы-јепселин јепсен јит,
Ақ-кебис тоқумын сал јит,
Алтын эзерин сал јит.
Алдынаң ползо,
Алтон қолоң тар[т] јит,
Ўсинең ползо,
Ўч он қолоң тар[т] јит.
Алтын ўргеезине мўргўп јит,
Адына минип алып,
Ақ тасқылды[1] ажыра пастырды,
Анаң чап ийебеен.
Қара јери соқсыл қалды,
Қан-јери қалтыра[п] қалды.
Анаң пар јит көр јитса,
Эки қажат пиргиш қалды теп көр јитса,
Эки алып қабыш салтырлар.
Қара сағышту Қан-Соло абиағы
Пир алыпты ақ ла јаланда
Тудуп алып,

[1] В оригинале опечатка: *таскалды.*

Многослойный куяк надевает.
Мать его, за золотым столом сидя,
Хлебом-солью потчует,
Сидя пили пока,
Сидя ели пока,
Раскрытое письмо, плашмя, упало:
«Алтын-Эргек на сороковой слой небес
Поднявшись, жить (там) должен».
Его прочитали.
Старуха и старик на небеса поднялись,
Алтын-Топчы один жить остался.
Потом его осенило:
Предназначенной ему в жены
Дочери Кюн-Хана Кюмюш-Сырге
Замуж пора выходить пришла, оказывается,
На ней жениться желая, собравшихся
Алыпов много, оказывается.
Лук-стрелы берет,
Бело-ковровый потник (на коня) кладет,
Золотое седло (поверх потника) кладет.
Снизу если,
Шестьдесят подпруг затягивает,
Сверху если,
Тридцать подпруг затягивает.
Золотому дворцу своему кланяется,
На коня сев,
Через белый таскыл медленно перевалил,
Потом вскачь пустился.
Черная земля содрогнулась,
Родная земля задрожала,
Далее едет, смотрит,
Два холма соединились как будто бы, смотрит,
(А это) два алыпа схватились, оказывается.
Злой Хан-Соло, его дядя,
Одного богатыря в чистом поле
Схватив,

Пелдеп-соғып партын полтыр.
– Қалақ-қоқий, абиақ!
Сен пу кижини
Не тегенеле қағып-соғуп јазың?
Пайа алыпты абиағының қолынаң
Сура тарт и[й]ди.
– Саа керек-оқ па? – теп,
Алтын-Топчыны қап парды.
Алтын-Топчы ай[т] јат:
– Ийт, алуңа туттурдың ба?[1]
– Менде тууған јоқ!
Мен ағаштаң јарыл чыққан кижи –
[теп Қан-Соло].
Ӱч қулақту қан јерин ат
[Қан-Солоның ады] айтты:
Ӱч қулақту ақ уй атқа:
– Сен, палам, Јайағанчаа чыққын,
Мааға чығарға јарабий јит.
Сен ақ сағыштудың ады,
Мен қара сағыштудың ады.
Јайағанчаа айт:
– По јаманның кӱчин тӱжерзин, – теп,
Анаң өскӧ пу јаш паланы
Қыйнап салып ӧлтир салар.
Мен јетон қат јер алдына тӱжёрим,
Јеек јаманнаң педрерим.
Айса, пир-пир алып чықты,
Пу јаманның пажына чығара.
Јетон там јер алдын
Қан јерин ат јети орой јер југӱр келди,
Қана ла парғанда:
– Адабас неме аны адазын,

[1] В публикации 1995 г. (АФ 1995: 32) было дополнительно вставлено необязательное, с моей точки зрения, [*дел*].

Кружит-избивает, оказывается.
– Горе-беда, дядя!
Ты этого человека
Почему ни за что колотишь-избиваешь?
Того алыпа из рук дяди
Выхватил.
– Тебе тоже нужно? – говоря,
Алтын-Топчы схватил.
Алтын-Топчы говорит:
– Собака, глупость тобой овладела, что ли?
– У меня родни нет!
Я из дерева вылупившийся человек! – [Хан-Соло говорит].
Трехухий кроваво-игреневый конь
[Хан-Соло конь] сказал:
Трехухому светло-соловому коню:
– Ты, сынок, к Создателю поднимись,
Мне подниматься нельзя.
Ты доброго, с белыми мыслями человека конь,
Я злого, с черными мыслями человека конь.
Создателю скажи:
– Этого злодея силу пусть умерит, – скажи, –
Иначе (он) это молодое дитя
Замучив, убьет.
Я под семьдесят слоев земли спущусь,
У йека плохого поищу.
Может быть, какой-нибудь алып родился,
(Который) этого злодея победит.
Семьдесят слоев под землей
Кроваво-игреневый конь семь раз вокруг обежал,
Куда бы ни пришел:
– Пусть немой его покличет,

Јолдобос неме јолдозын![1]
Алақанча ақ јарық пер! – теп,
Ўсин орой јўр келди.
Аны [Қан-Солоды] јеңитан алып чықпады-оқ.
Ўч қулақту ақ уй ат
Јерге тўш келди,
Қан јерин ат-оқ паады,
Эки ат пиригиш ал пардылар.
– Је, палам, қандый? – теп,
Ақ уй аттаң сурап јит, –
– Не ле теп айтты Јайаачы?
Ақ уй ат ай[т] јыт:
– Ажыра қол сунбазым[2]
Артық айақ алтабазым, – теп айтқанда;
– Мен Јайаачыға јаай пербессим – теп,
Қан-Соло ай[т] јит.
– Көрö-көрö öл[т]ўртпессис, – тийт
Қан-јерин ат Алтын-Топчыны.
Қан-јерин ат ақ уй атқа ай[т] јит:

– Паза-оқ қатап чық, палам,
Јайаачыға.
Мен паза-оқ јеек јерине парарым,
Ақ јарық[3] ўсўне орой јўрерим,
Айса, пир алып чық келеди.
Ақ уй ат қан теңиреге тартыла пееди,
Қан-јерин ат јер тўўнигине пар ийди.
Јетон там јерин орой јўр пар келди

[1] *Адабас неме аны адазын, / Јолдобос неме јолдозын!* – практически полный аналог этой формулы встречается у шорских сказителей, как у нижнекондомских (*көрбес небе көрзўн, адабас небе адазын* – из сказания «Қыр-Чайзаң» [*Токмашев* 2018: строки 466, 695], так и у нижнемрасских (*адам адазын, по-стабан постазын ол алыпты* – из сказания «Қара-Қан» в самозаписи Владимира Егоровича Таннагашева [см.: Корпусы ИЭА РАН. http://corpora.iea.ras.ru]). Таннагашев так передавал смысл этой формулы на русском языке: «…страшно назвать этого богатыря – такой он сильный» (Полевые материалы Д.А. Функа 2006).

[2] В оригинале: *сунбазын*. Исправлено исходя из предположения, что в этих строках конь передает слова Создателя. – *С.Т.*

[3] В оригинале опечатка: *јерик.*

Неходячий подойдет! [все так испуганно говорили]
С ладонь (хоть) белый свет дай! – сказав,
Покружив, наверх прискакал.
Его [Хана-Соло] победить способный алып
не нашелся-таки.
Трехухий светло-соловый конь
На землю спустился,
Кроваво-игреневый конь тоже прибежал,
Два коня встретились.
– Ну, дитя мое, как? – так
У светло-солового коня спрашивает, –
– Что же сказал Создатель?
Светло-соловый конь отвечает:
– Через [пространства] руку не протяну,
Лишний шаг ногой не шагну, – так сказал.
– Я Создателю волю не дам, – так Хан-Соло говорит.
– Будем смотреть, убить не дадим, – говорит
Кроваво-игреневый конь – Алтын-Топчы.
Кроваво-игреневый конь светло-соловому коню
говорит:
– Еще раз все же поднимись, дитя мое,
К Создателю.
Я еще раз на йека землю сбегаю,
По бело-ясной [земле] вокруг ходить буду,
Вдруг один какой-нибудь алып появится.
Светло-соловый конь на Хан-небо (нитью) потянулся,
Кроваво-игреневый конь к дымовому отверстию
земли пошел.
Семьдесят слоев под землей прошел

Қан јерин ат,
Қан-Солоны јеңетен кижи јоқ полды.
Ақ јарықтың ўсўн орой јўрўп келди
Қан јерин ат.
Қан-Солоны јеңетен кижи тапи[й] салды.
Ўч қулақту алтын тўктў
Ақ уй ат јерге тўш келди.
Ўч қулақту қан јерин ат
Ээзилерине јет-оқ келди.
– Је, не, палам?
Қан јерин ат
Ақ уй аттаң сурап јит.
– Ажыра қол сунтун ползо,
Ажыра айақ алтантын ползо,
Тöбöзине алақанча қағас тўжирерим,
Кўчин соро тартып парарым, – [теп]
Айдала, айтқан јöп-алқышты.
Теңиредең ақ қағас тўш јит тöбöзине,
Қан-Соло отурыза кел тўшти.
Алтын-Топчының кўчин гладқала
Ол ал салтыр.
Алтын-Топчы ўшкир кел,
Кўч алынып јит,
Сығыр кел,
Сағыш алын јит.
Қан-Соло отырған јеринең туралбит,
Алтын-Топчы парып қолынаң қап,
Қан-Солоны турғыза тар[т] јит:
– Тур, абиақ!
Адыңа минип ал кел,
Јерибиске-јуртыбысқа[1] јанарзың.
Қачан Қан-Соло адына минанда,
Қан јерин айтты Алтын-Топчыға:
– Кўн-Қааның јуртына
Јаңысқан полорым теп эзебе,

[1] В оригинале: *јурттыбысқа*.

Кроваво-игреневый конь,
Хана-Соло победить способного человека не было.
Белый свет обошел
Кроваво-игреневый конь,
Хана-Соло победить способного человека не нашел.
Трехухий златошерстный
Светло-соловый конь на землю спустился.
Трехухий кроваво-игреневый конь
К хозяевам (тоже) пришел.
– Ну, что, дитя мое? –
Кроваво-игреневый конь
У светло-солового коня спрашивает.
– Протянет руку если,
Шаг (навстречу) шагнет если,
На темя с ладонь величиной письмо спущу,
Силу его высосав-вытянув, унесу, – так
Сказав, произнес согласие-благословение.
С небес белое письмо спустилось на темя,
Хан-Соло сидел когда, упало.
Силу Алтын-Топчы размером с копну[1]
Он забрал, оказывается.
Алтын-Топчы вздохнул,
Силу вбирает в себя,
С присвистом,
Разум вбирает в себя.
Хан-Соло с места, на котором сидит, встать не может,
Алтын-Топчы подошел, за руку схватил,
Хана-Соло потянув, поднимает:
– Вставай, дядя!
На коня своего садись,
В нашу землю – в наш юрт ты вернешься.
Когда Хан-Соло на коня верхом сел,
Кроваво-игреневый сказал Алтын-Топчы:
– (Что) в стране Кюн-Хана
Одиноким буду, так не думай,

[1] Уверенности в правильности данного перевода нет. Я исходил из того, что в телеутском слово қлат (*қлатқа*) означает «скирда, стог».

По јаманды мен апар сал келип,
Күн-Қаанның јерине пара перерим.
Алтын-Топчы
Күчин алынып кел,
Сағыжын јуунал келип,
Күн-Қаанның јерине парееди.
Пар јат көри[й]зе,
Қан теңире чығара
Қуу қомырғай өс қал тур јит,
Алтын-Топчы ай[т] јит:
– Көрзөң, јеек јаманы,
Меең јолыма
Пуудақ сал келип,
Мында туртынчы.
По јаманбла перишпеске,
Партын јолым парадым.
Анаң ары пар јат көрзө,
Атту парғанын јолы ас,
Јайу парғандардың јолы көп-оқ.
Пир қубулыйды,
Пир чубулыйди.
Пойы тас полып алды,
Адын қуу түги түшпеген
Ат эт алды,
Оңдоп-солдоп қамчылап сабай пееди[1],
Адының қойрығыла планда[2]й-оқ перди.
Јет пар көр турза,
Ат пуузы алтын чақыда
Пулалу туртын,
Алтон қулаш сынду ай қара ат туртын.
Пойының адын апарып,
Чақаға пулап-оқ салды.
Кирнестеге чық парып,
Қайа пақ көри[й]зе,
Эки аттың

[1] В оригинале: *субай педи*. – *С.Т.*
[2] *Пулғандый.* См.: строка 128.

(Когда) этого негодника я увезу,
В Кюн-Хана землю пойду.
Алтын-Топчы,
Силу вобрав,
Разум свой собрав,
В Кюн-Хана страну поехал.
По дороге увидел,
До Хана-неба
Бледно-серая дудка выросла,
Алтын-Топчы говорит:
– Гляди-ка, йек худой,
На моей дороге
Препятствие положив,
Тут стоит.
С этим худым чтобы не связываться,
По своей дороге поеду.
Дальше едет, смотрит,
На коне ехавших (по) дорог(е) мало,
Пешком шедших (по) дорог(е) много.
Раз – изменился,
Два – превратился.
Сам плешивцем стал,
Коня своего в облезлого
Коня превратил.
Направо-налево плетью хлестать стал,
И конь и хвост закружились.
Доехав, смотрит,
На привязи у золотой коновязи
Привязанный стоит,
Шестидесятисаженный вороной конь стоит.
Своего коня подведя,
Тоже к коновязи привязал.
На крыльцо поднявшись,
Назад оглянулся, посмотрел,
У двух коней

Тиштежерге тиштери јетпит,
Тебижерге айақтары јетпит.
Алғын-Топчы ўргее кир парза,
Кўн-Қаан абышқа қыблап турза,
Алтын-Топчы јет келди.
Алтон алып ичетен
Ала поро чараға
Арақы ур перди.
Аны көртин Қара-Мөкө
Јеек јаманы
Ай қара аттың ээзи
Көзин јум и[й]тир.
– По тас кий[1] тўже перер,
Анча арақыны ичий кел.
Алтын-Топчы јақшы қоштой пар,
Столдоң аш-тус алып јий перди.
– Көрзөң, кўндўдиң ириңдўзин!
Маа кел јыжынтын! – [теп].
Алтын-Топчы қақ ий[е]н,
Алтын-Топчы мен пойыла тура перди.
Кўн-Қаан ааны көрип айтты:
– Көргөн көзигер қурч көр турғар,
Уққан қулағығарды сақ уқ отырғар,
Мөрөй сал јадым:
Јетен там јер алдын
Јети орой-орой чабарға.
Ақ-јарық јер ўсин
Алты орой чабарға.
Эки алып алтын [ўргеедең] тең чықтылар,
Ат пуузы алтын чақыдаң

[1] Издатель посчитала слово *кий* (принятое за прилагательное) недостаточным и ввела в квадратных скобках слово *кеп* (*кий кеби*), что, как мне показалось, изменило смысл оригинала. Вместо «одежда» (*кий*) получилось нечто вроде «надетая одежда» (*кий кеби*). Кий в данном случае, на мой взгляд, диалектная или разговорная форма слова *кийим* – «одежда». Наши с С.П. Тюхтеневой трактовки разошлись. По ее мнению, здесь речь идет об облике, созданном посредством волшебства, «сквозь» который другой волшебник все же может видеть.

Кусаться чтобы, зубы не достают,
Лягаться чтобы, ноги не достают.
Алтын-Топчы во дворец вошел когда,
Кюн-Хан старик понял,
(Это) Алтын-Топчы приехал.
Шестидесяти алыпам предназначенную
Пестро-серую чашу
Аракой наполнил.
Это видящий Кара-Мёкё
Злобный йек[1],
Вороного коня хозяин,
Глаза прикрыл.
– Этого плешивца облик изменится
(он сам собой станет),
Если столько араки выпьет.
Алтын-Топчы очень близко рядом сел,
Со стола хлеб-соль взяв, есть начал.
– Ты посмотри! Солнечной [земли] гнойник!
Меня задирает! – сказав,
(Он) Алтын-Топчы ударил,
Алтын-Топчы сам собою стал.
Кюн-Хан, это увидев, сказал:
– Видящими глазами своими остро глядите,
Слышащие уши ваши пусть внимательно слушают,
Состязание объявляю:
Семьдесят слоев под землей,
Семь раз огибая, проскакать.
Бело-ясной земли поверхность
Шесть раз обогнуть.
Оба алыпа из золотого дворца разом вышли,
От золотой коновязи

[1] Букв. «плохой йек» или, скорее, «худший из йеков».

Аттарын чечип алдылар.
Алтын-Топчы қыйғыр јит:
– Күн-Қаанның јатқан јуртында
Мениң адымды минер кижи пар ба?
Пир қыс палазы-оқ јүгир келди:
– Қана! Мен минейин! – теди.
– Меең адымның уузын тудалбассың, палам!
Қыс палазы қалық ортозына кирди.
Паза ла-оқ қыйғыр јит Алтын-Топчы,
Ол-оқ қыс палазы чық келди,
– Меең адымның уузын тудалбассың!
Алтын-Топчы үчинчизин қыйғыр јит,
Ол-оқ қыс палазы чықты.
– Је, айда ползо, минерзиң, палам,
Алтын түктӱ ақ уй атты.
Уузын јира тудуп кел тур салды,
Анаң аттарды пожодиндерде,
Салқын чылап салыш қалдылар,
Қуйун чылап қуйбуруш қалдылар.
Алыптар алтын ӱргее кирдилер,

Алтын-Топчы алтын ӱргеде отурып энчикпидында,
Јер түӱнигине парды.
Анаң парып көр турза,
Алтон қулаш сынду
Ай қара ат
Адынаң урақ парып јит,
Алтын түктӱ
Ақ уй ат једалбит.
Алтын түктӱ
Ақ уй атла пирге қоштой јӱр јит
Ӱч қулақту қан јерин ат.
Айда партында,
Қыс палазы көр јитса,
Қан јерин аттың суурызында
Қара қазан кирези
Көбик қайнап јит.
– Қан јерин!

Коней отвязали.
Алтын-Топчы кричит:
– В юрте, в котором Кюн-Хан живет,
Человек, способный сесть на моего коня, есть ли?
Одна девушка подбежала:
– Ну-ка! Я верхом сяду! – говорит.
– Моего коня узду ты удержать не сможешь, дитя мое!
Девушка в толпу народа ушла.
Вновь кричит Алтын-Топчы,
Та же девушка вышла.
– Моего коня узду ты не удержишь!
Алтын-Топчы в третий раз кричит,
Та же девушка вышла.
– Ну, если так, ты верхом сядешь, дитя мое,
На златошерстного светло-солового коня.
Пасть раздирая, взяли коней (под уздцы), (рядом) поставили,
Потом коней пустили,
Как ветер они умчались,
Как вихрь, закружившись, умчались.
Алыпы в золотой дворец вошли,
Алтын-Топчы в золотом дворце не усидел,
К дымовому отверстию земли поехал.
На пути видит,
Шестидесятисаженный
Вороной конь
Впереди его коня далеко идет,
Златошерстный
Светло-соловый конь догнать (его) не может.
С златошерстным
Светло-соловым конем вместе рядом идет
Трехухий кроваво-игреневый конь.
Когда так бежали,
Девушка видит,
У кроваво-игреневого коня в основании хвоста
С черный казан величиной
Пена кипит.
– Кроваво-игреневый!

Пу нениң пööзи пол јит?
Сеең суурызыңда қара қазан к[и]ре
Көбик қайнап јит.
– Ақ уй атқа күчүле күчине
Күч пер јадым.
Анаң ары көрөрдö,
Эки атты көрип таппай қалды.
Қан јерин пирге ле пар јит.
Паза қанча-қанча парған соңында
Алтын түктү ақ уй ат
Алтон қулаш сынду
Ай қара атқа
Јуунада соқты.
Қыс палазы көр јитса,
Қан јерин аттың суурызында
Аққан көп көбик қайнап јаттан.
– Қан јерин ат!
Сениң суурыңда
Анаң көп көбик қайнай пет!
– Ақ уй аттың күчине
Күч-оқ қош јадым!
Јер алдын алты орой јүгүрдилер,
Ақ уй ат ай қара атқа једиш келди.
Анаң қыс палазы көр јитса,
Қан-јерин аттың суурызында
[Аққан көп көбик қайнап јаттан-оқ.][1]
Қыс палазы ай[т] јат:
– Анаң көп сениң суурызыңда
Көбик қайнап јит.
[Паза да] күчине күч қош јадым – теп, – ақ уй атқа.
Јетинчизин айланыштында
Ақ уй ат алдына кир ал пар и[й]ди
Алтон қулаш сынду ай қара аттың.

[1] Здесь был явный пропуск стиха. Вставлено по аналогии с предыдущим пассажем (строка 722) с добавлением частицы *оқ*, указывающей в данном случае на продолжение процесса.

Это что такое происходит?
В основании твоего хвоста с черный казан
Пена кипит.
– Светло-соловому коню к его малой силе
силу даю.
Далее смотрят,
Двух коней из виду потеряли.
Кроваво-игреневый вровень с ними идет.
Еще сколько-то проехали когда,
Златошерстный светло-соловый конь
К шестидесятисаженному
Вороному коню
Приблизился.
Девушка смотрит,
У кроваво-игреневого коня в основании хвоста
Обильно натекшая пена кипит.
– Кроваво-игреневый конь!
В основании твоего хвоста
Еще больше пены кипеть-бурлить стало!
– К силе светло-солового коня
Еще силы прибавляю!
Под землей шесть раз кругом обежали,
Светло-соловый конь вороного коня догнал.
Потом девушка смотрит,
У кроваво-игреневого коня в основании хвоста
[Обильно натекшая пена кипит].
Девушка говорит:
– Еще больше в основании твоего хвоста
Пена кипит.
– Еще к силе силу прибавляю [говорит][1]
светло-соловому коню.
На седьмом круге
Светло-соловый конь обошел
Шестидесятисаженного вороного коня.

[1] В данном случае слово «говорит», имеющееся в телеутском тексте, является необязательным в русском переводе.

Алтын-Топчы алтын ўрге кире соқты.
Анча-мынча отурған соңында,
Аа јуулышқан қалық-улус
Қыйғырыжа пербей қайттылар[1]:
– Алтын түктў ақ[2] уй ат
Јаңысқан ла кел јит!
Ўч теңире тартсан көк кебисти
Чығара қақ сала перди.
Қара-Мөкө јеек айтты:
– Аттың тизеде,
Эрдиң пилекте!
Энедең тууған пеш сабарға
Пош перерге!
Алтын ўргедең экў пирге чықтылар,
Јазы-пўкке тўштўлер,
Јақа-паштаң қабыш јалар,
Јарын-төштөң тудуш јалар,
Эңе пўге тартыш јалар,
Эмдик мал чылап тебиш јалар,
Қайра пўге пазыл јалар,
Қара айу чылап қармаш[3] јалар.
Тайқаны ползо, тостыра
Пас јўре пеедилер.
Талайды ползо, пўге
Пас јўре пеедилер.
Пулардың қабыш турғанына
Ай ачылбас
Ачу туман тартыл қалды,
Кўн ачылбас
Көк туман тартыл қалды.

[1] В оригинале: кайтылар. – *С.Т.*

[2] В оригинале: *Ай* – это либо описка, либо зафиксированная собирателем оговорка сказителя.

[3] В оригинале описка: *карлаш.* В первом издании текста к глаголу *қарлаш јр* был дан комментарий: *ырқыраныжып јадылар* (АФ 1995: 55), что подходит по контексту («рычат»), но, скорее всего, не имеет отношения к смыслу текста. Ср.: алт. *карма-* – «зацеплять, захватывать, ловить» (ОРС 1947: 74). – *С.Т.*

Алтын-Топчы в золотой дворец вбежал.
Немного времени посидел пока,
Там собравшиеся люди-народ
Закричали, оказывается:
– С золотой шерстью светло-соловый конь
Один только сюда идет!
До трех небес растянутый синий ковер
Перескочил[1].
Кара-Мёкё йек сказал:
– У коня в коленях (сила),
У мужа – в запястьях!
От матери родившимся пяти пальцам
Волю дадим!
Из золотого дворца оба вместе вышли,
Разные приемы стали использовать,
За шиворот друг друга хватают,
За грудки хватаются,
Сгибая-нагибая друг друга, борются.
Как необученные лошади лягаются,
Назад нагибая, давят друг друга,
Как черные медведи, хватают друг друга.
Горы если, в песок их обращая[2],
Давя ногами, ходить стали.
Море если, течение меняя[3],
Давя ногами, ходить стали.
От их схватки
Непронзаемый светом луны
Густой туман расстелился,
Непронзаемый светом солнца
Синий туман расстелился.

[1] Если телеутскую строку читать как *чығара қал(ып) сала перди*, то в переводе будет «перескочив, ускакал». – *С.Т.*

[2] Букв. «рассеивая».

[3] Букв. «сгибая», «поворачивая». Большая часть характеристик эпических морей (они все без исключения «текут») указывает на то, что сказители понимали под ними все же не моря, а реки.

Пулар қабыштындар,
Мен аттарды көрödим.
Ўч қулақту ақ уй ат қыблап турза,
Ай қара ат қача пертир.
Аны сўре перди.
Јер тўнигинең пар тўже пееди.
Эки аттың јолы пиргеле партын,
Анаң уқ турза, тебишкенче, тиштешкенче
Ўч қулақту қан јерин атпла
Алтон қулаш сынду ай қара ат.
Ўч қулақту ақ уй ат једерине
Қан јерин айт јит:
– Лтам ла, палам!
Поның суурызына
Алты азуыңды падыр!
Алтын тўктў ақ уй ат
Азубыла қап паады.
Қан јерин ат пура таштайла, тепкең,
Ай қара аттың ичин
Јара теп тўжир ийди.
Аның ичинең
Алтын қайырчақ тўш келди.
Ол қайырчақты јара тиштеп ийен.
Јылан кееризи анда тыйрыңдаптан.
– Мына, токто, палам!
Қара-Мököниң тыны
Саға[1] алара уузыңа јарабас!
Мен пойым апарадым! – теп,
Қан јерин айтты.
Тижине тиштенип алала,
Чық ал јўре пееди.
Алыптарға јет парала:
– Мына, палам, Алтын-Топчы!
Қара-Мököниң тынын акелдим!
Оң қолына туттурыза[2] пе[рг]ен Алтын-Топчының,

[1] В оригинале: *сааға.*
[2] В оригинале: *тутурыза.*

Эти пусть борются,
Я на коней посмотрю[1].
Трехухий светло-соловый конь прислушался,
Вороной конь сбежал, оказывается.
[Кроваво-игреневый] его догонять стал.
В дымоход земли спускаться стал.
Двух коней дорога соединилась,
Дальше слышит: лягаясь, кусаясь,
С трехухим кроваво-игреневым конем
Шестидесятисаженный вороной конь (бегут).
Трехухий светло-соловый конь, когда догнал их,
Кроваво-игреневый говорит:
– Скорее, дитя мое!
В основание его хвоста
Шесть клыков своих вонзи!
Златошерстный светло-соловый конь
Клыками вцепился.
Кроваво-игреневый конь повернувшись,лягнул,
Черно-вороного коня брюхо
Рассек и уронил (на землю).
Из его брюха
Золотой сундук выпал.
Этот сундук раскусил зубами.
Змея огромная там извивается.
– Вот, постой, дитя мое!
Кара-Мёкё душу
Тебе взять в пасть нельзя!
Я сам понесу! – так
Кроваво-игреневый сказал.
Зубами зажав,
Выйдя (на землю), убежал.
До алыпов добравшись:
– Вот, дитя мое, Алтын-Топчы!
Я Кара-Мёкё душу принес!
В правую руку [алыпу] Алтын-Топчы схватить дал,

[1] Вновь ремарка сказителя, свидетельствующая о «присутствии в сказании».

Ол јылан кеерини ўзе тудуп ийди,
Қара-Мökö ўзе соғылып парды.
Күн-Қаан қыблап турза,
Алып јақшызы ашты,
Алтын-Топчы, туманды јара [пас чықты][1].
Күн-Қаан ай[т] јит:
– Ай, палам!
Пас, киреек алтын ўргееге!
Алтын столдың ки[й]нине отырыс келип,
Арақының қатуынаң перди,
Қурсақтың татуынаң салды.
– Эмди тойлоорыс!
Күн-Қаанның эмегени
Одус күн јизе,
Ортозы ормойбос
Аш акел салды,
Қырық күн јизе,
Қыйузы қырланбас
Аш акел сал јит.
Ыраақ тууғандарын қағасла ийип,
Қычыра пердилер.
Јууқ тууғандарын тилбиле
Јууа пердилер.
Аа јуулыжып иче педилер.
Иче-иче келгенде,
Пир айды ажыра ичип салтырлар.
Алтын-Топчы айтты:
– Күн-Қаан, қайын адам!
Јабыс та ползо,
Тууым пар,
Тайғыс та ползо,
Сууым пар.
Суулу кижи суузап паадым,
Јер-јуртума јанадым.
– Је, палам, јанарзың.

[1] Здесь очевидный пропуск. Вставка моя.

Тот змея огромного разорвал,
Кара-Мёкё (тоже) разорвался, умер.
Кюн-Хану ясно стало, что
Могучий алып умер,
Алтын-Топчы, туман раздвигая [вышел].
Кюн-Хан говорит:
– Ой, дитя мое!
Иди, зайдем в золотой дворец!
За золотой стол усадив,
Из араки – крепкую подал,
Из пищи – вкусной положил.
– Теперь праздновать будем!
Кюн-Хана супруга,
Тридцать дней если есть,
В пище убыли не заметно будет[1],
(Столько) еды положила,
Сорок дней если есть,
Не закончится[2],
(Столько) пищи кладет.
Дальних родственников, письма отправив,
Пригласили.
Ближних родственников
Созывать начали.
Там, собравшись, пить начали.
Пили-пили,
Больше месяца пили, оказалось.
Алтын-Топчы сказал:
– Кюн-Хан, тесть мой!
Хоть и низкая,
Гора у меня есть,
Хоть и мелкая,
Река у меня есть.
Имеющий реку человек, по реке соскучился я,
В землю свою возвращаюсь я.
– Хорошо, дитя мое, возвращайся.

[1] Букв. «в середине еды пустоты не образуется».
[2] Букв. «края не образуется».

Писти қарғандарды келип
Көр-оқ пар јатсаң.
Күмүш-Сырғаны
Ары эдип, пери эдип, Күмүш [јүстүк] эдип,
Чымалчыққа кий алды.
Күн-Қаан қайын адазы
Пир күнин једер јерди
Узадып парды.
Пир почқо арақылу,
Ичкенче-јигенче пардылар.
Анаң ары Алтын-Топчы
Эзен-салам айдыжып алып,
Эрмек-јооқты чечижип алды,
Адын қачырый перди.
Қара јерим соқсыл қалды,
Қан теңире қалтырап-оқ қалды.
Сыбысқылу сындарға чық јит,
Көр јатса,
Малдаң мал қоробоғон,
Элдең эл қоробоғон.
Алтын үргее кир келип,
Күмүш [јүстүкти] чымалчығынаң
Суур алып келип, полғо түжертин.
Күмүш-Сырға пу ла[1] пойы тура қалбай қайтты.
Эмди јери-јуртында
Той сала пербей қайтты.
Тууғандарды қағасбыла,
Тилбиле јуу-оқ пербей қайттылар.
Иче-иче, јий-јий келгенде,
Пу тойдо арық кижиниң
Қулағы қызара семиртир.
Арық ийттиң
Қойрығы қарбайғанча семиртир.
Қазан түби қағыл јит,

[1] В оригинале слитно: пула.

На нас стариков, приезжая,
Поглядывай.
Кюмюш-Сыргу
С руки на руку перебросив,
Серебряным перстнем сделав,
На мизинец надел.
Кюн-Хан, тесть его,
На расстояние в день езды
Проводить поехал.
С бочкой араки,
(Продолжая) пить-есть поехали.
Затем Алтын-Топчы
Эзен-салам сказал, попрощался,
Речь-разговоры (начистоту) договорив,
Коня погнал.
Черная земля моя содрогнулась,
Великое небо вздрогнуло также.
На хребты, как дудка поющие, поднимается,
Смотрит,
Скота убыли не было,
Народу убыли не случилось.
В золотой дворец войдя,
Серебряный перстень с мизинца
Стянув, на пол уронил.
Кюмюш-Сырга тут же сама собой встала.
Тотчас на своей земле – в своем юрте
Той устроил.
Родственников письмами
(И) словами зазывать стали.
Пока пили-пили, ели-ели,
На этом пиршестве у тощего человека
Уши докрасна поправились.
Тощего пса
Хвост торчком встал от сытости.
Казана дно пробивается,

Қалған қалық тарап јит,
Тепши тўби тежил јит,
Текши қалық тарап јит.
Пу тойдо тўгезе қалық ичти,
Паза қажылары айтқанда:
– Пу тойдо кем ичкен? Кем јиген?
Маа пирде арақы, эт пербеген,
Ааға тарынғаным ла,
Мен ақ қойоноққо минип алып,
Ўйге јан келдим.
Алар пуурағаш полып, пада қалдылар,
Мен өпкөчөк пол қайғалақтап, чық келдим.
Меең чөрчөгим пожоды,
Сеең чийгениң по ползын.

Оставшийся люд расходится,
Блюда дно продырявилось,
Весь народ расходится.
На этом тое весь народ пил,
Хотя некоторые говорили:
– На этом тое кто пил? Кто ел?
Мне ни вина, ни мяса не дали,
На них осерчав,
Я, на белого зайца верхом сев,
Домой вернулся.
Они, словно печень, утонули,
Я, словно легкое, всплыв, вылез.
Сказанье мое закончилось,
Тобою записанным оно пусть будет[1].

[1] Слова, обращенные сказителем к собирателю – К.И. Максимову.

Сӱт ақ атту Маладу
Маладу на молочно-белом коне

Вариант 1

Сказание «Сӱт ақ атту Маладу» («Маладу на молочно-белом коне») записано на русском языке в 1924 г. К. Вертковым от сказителя Василия Егоровича Обышева (Архив МАЭ. Ф. 3. Оп. 1. № 20. Л. 25–31об). Текст с сохранением всех особенностей правописания оригинала (он просто изобилует описками и ошибками) и с разбивкой на страницы согласно архивной рукописи был впервые опубликован мной в 1992 г. (*Функ* 1992: 72–76). Здесь этот текст приводится с минимально необходимой корректорской правкой. Имена персонажей и телеутские термины даны без изменений. Постраничные примечания, если не оговорено иное, принадлежат автору записи.

Сказка

Жили два брата. Один был – сидагату мулоту. Младший – карабос ату алып салай (храбрый). Сидят за столом, кушают разные кушанья и выпивают. Вдруг сделалось землетрясение; река заволновалась, вышла из берегов, всё начала затоплять, горы начали разрушаться и камни ломаться. Братьям стало страшно. Старший брат посылает посмотреть младшего и говорит: «Посмотри, кто там пришел с таким шумом? Или храбрый сильно или дурак?» Младший вышел, увидел все, испугался и, забежав в избу, упал и говорит: «Сам иди посмотри!»

Старший вышел, посмотрел и увидел: нижняя губа в землю уходит, а верхняя в небо, изо рта искры летят. Волк это. А хвост за рекой лежит, хвост у него 6 сажен. Волк спрашивает: «Сида-кату молоту где живет? По какой речке? Здесь ли, дальше ли?» Он ему отвечает: «А тебе на что?» – «На девятом небе создатель, а я его посланник, и вот он тебя вызывает». Молоту отвечает: «Я ему ничего не плачу и от него ничего не беру, и мне у него нечего делать». Волк говорит: «Не поедешь?» – «Не поеду». Волк побежал и от земли грязь к небу полетела, а от неба мрак к земле, и стал густой непроглядный туман. Братья много ли, мало ли опять сидели выпивали. Опять это

место затуманилось, и началось землетрясение пуще прежнего и с большим шумом. Старший опять посылает младшего. Младший вышел, увидел, напугался и опять упал в избу, и говорит: «Иди сам посмотри». Старший вышел. Волк опять спрашивает: «Поедешь ли или нет? Яючи (создатель) велел спросить, если поедешь, то поедешь, а если нет, то я тебя съем». «Поеду!» – говорит Сита кату молоту. Зашел в избу, а младший говорит: «Когда тебя Яючи зовет, то чего боишься? Если ты боишься, то я поеду». Старший брат осердился и говорит: «Куда я поеду, туда тебе во веки веков не дойти, и, если умрешь, то душа твоя не дойдет туда». Надевает чугунную кольчугу в несколько пудов, а сверху на второй ряд серебряных несколько, а сверх этого 70 шурупов, медные, и все завинтил туго. Копье взял, шашку, сел на лошадь – сӱдагат – и поехал. На третьем небе встречает его Яючи, берет за руку и повел на девятое небо в свою комнату (ӧргӧ ӧсӧнӧ), посадил за стол и начал угощать. Яючи говорит: «Ах, милое дитя, почто не приехал с первым посланником, приехал бы и чего-нибудь хорошее сделал». Сорок Яючи жили на земле и создали богатыря и поспорили с Яючи 9-го неба, что они переборют его богатыря Сида Кату молоту. «Когда первый раз я тебя звал, тогда у этого богатыря было четверть тягости земной, а теперь уже половина стало и чем дальше, тем больше у него становится тягости». Сида Кату Молоту спрашивает: «А где мы будем бороться?» «За сороковым небом», – отвечает ему Яючи[1]. Молоду мигнул 40 раз и очутился на сороковом небе. Подошел к большой лиственнице и ударил по ней шашкой, и пошел 40 дней, не переставая, шум, и все на земле услышали, и птицы, и звери, и люди, и проч. Лиственница потому долго шумела, что она на всех языках всем начала рассказывать о борьбе двух богатырей. И услышал и его противник. Пришел к нему на 40 небо, и завели они между собой разговор: мы, говорят, не враги, а только нас Яючи заставляет бороться, так вот, если ты меня убьешь, то поминай, а если я тебя, то тоже буду поминать. Взялись и начали бороться, боролись-боролись и думают, что 7 суток прошло, уже прошло 70. Молоту поднял другого богатыря от земли[2] до неба и ударил об камень. Тело сделалось горой, и кровь потекла как ручей.

[1] Если ты вперед доедешь первым, то там найдешь лиственницу, и ударь. Тогда будет и на земле, и в земле всем известно, что ты борешься, а если он успеет, то про него известно будет.

[2] За сороковым небом есть тоже земля.

Волк опять прибежал к Молоду и говорит, что Яючи велел Молоту ту большую лиственницу перевернуть, загнуть как дугу и воткнуть в землю. Молоту так и сделал. Волк опять говорит, чтобы тот шел к Яючи, а домой не ездил (так велел ему сказать Яючи). Молоту сел на своего коня Сӱдагат и поехал к Яючи. Яючи его опять встречает на третьей ступеньке и говорит: «За твою услугу дарю тебе этого волка. Как только тебе будет трудно, ты его помяни, и он к тебе явится на помощь». Волк повернулся и пошел спать, т.к. 40 лет он не спал.

Молоту взял у Яючи благословление и воротился к себе. Приехал домой и видит, что дома никого нет, нет ни скота, ни людей, все взято в плен, и его брат богатырь (тоже). Молоту подумал, что всё увел в плен себе, наверное, очень сильный богатырь, т.к. его уже весь свет знал. В пепле нашел письмо от брата, который пишет, что его забрали в плен Айдын одды алтын чарка[1]. «Ты не езди, а то тебе к ним не доехать и от них не уедешь, все равно убьют». Молоту стал[2] сильно начал плакать, боится ехать и брата жалко.

Решил ехать. Едет, зиму (по) холоду узнает, лето (по) дождю узнает. Едет и видит: не то морок[3], не то гора. Подъезжает ближе и видит, что это ледяная гора, и никак на нее не попадешь, ни зверь не зайдет, ни птица не залетит. Пошел на восход, стоят железные ворота закрытые. Вдруг оттуда выбегает его брат и говорит: «Ну, брат, я вырвался, теперь поедем домой!» Молоту говорит: «Нет! Если бы ты попал мне на 1/2 пути, то я бы вернулся, а теперь мне подъехавшему к воротам врагов-богатырей стыдно будет возвращаться, я должен с ними бороться. Ты, – говорит, – поезжай домой и кормись, чем можешь (зверьми, рыбами), а я буду отбивать свой скот. Если буду жив, то все приведу». Младший говорит ему: «Как заедешь в ворота, то там сильный туман будет, так что только копыта у лошади будет видно, а выше ничего не видать будет». Брат младший домой поехал, а старший в ворота поехал, и правда, заехал в густой туман. Выдернул шашку и начал рубить одним взмахом по 70 человек. К нему навстречу летит как огонь и ударил его в грудь, и покатился, а он его с коня рукой поймал и взял в левую руку, правой рукой воюет, а левой ру-

[1] Кӱнӱ ооды кӱмӱш/серебряный/чарка (два брата).
[2] Неразборчиво. – *Д.Ф.*
[3] Мрак.

кой к мячу добавляет камни. Он услышал голос одного из двух братьев-богатырей: «Отдай мне мячик, а то он тебя когда-нибудь убъет». Молоду говорит: «Покажи свою грудь, а то я не знаю, куда бросить». Послышался звон серебряного инструмента. Кӱнӧ ооду кӱмӱш чарка выехал и показывает свою грудь. Молоду бросил в него мяч, и от того ничего не осталось, кроме пепла. Молоду опять начал биться, одним взмахом по 70 человек (рубить). Опять белый огонь летит и ударил Молоду в грудь и чуть не сшиб его с коня, но тот поправился – смотрит: катится золотой мячик, поймал его правой рукой, левой воюет, а правой к мячу 6 гор добавляет. Айды уду алтын чарка ему говорит: «Кидай этот мячик обратно, а то он тебя когда-нибудь убьет». Молоду отвечает: «Пока тебя не увижу, до тех пор не буду кидать». Золотой инструмент зазвонил, и показался сам богатырь. Молоду замахнулся и бросил ему в грудь, и того всего расшиб, т.к. и собакам костей не осталось, и коровам крови понюхать нету. Тогда этой ледяной горы не стало и тумана не стало. У Алтын чарка и его брата была сестра–красавица, и подносит ему в правой руке закуску, а в левой вино. Он все выпил, поздоровался с ней и поцеловался, а она ему подала книгу, в которой написана его судьба. Они переменились кольцами (обручились). Молоду все забрал, и людей, и скот[1]. (На) 60 верблюдов золото-серебро навьючил и поехали. Ехали долго и приехали в свое место. По рекам народ заселяет, а по горам скот распускает. Заколол 60 лошадей, 60 бочек вина насидели такого крепкого, что если камень помажет, камень горит, лес помажет – лес горит, и затеяли свадьбу. Гостей созывают. Дальних письмами, ближних – посланниками.

Прогуляли, думали, 7 дней, а прошло 70 лет.
Тостоогы äді тозольды талай
улус тарады казан какграды
калык улус тарады.

Записано Василий Обышов (Очі сӧӧк),
Бачат, улус Шанды,
Телеутской волости,
Томск. губ. Кузнец. уез.

[1] Записать его выражения./Выражения см. в конце. Молоту так много гнал скота, что первые партии ели траву, а задние – коренья; так много шло людей, что первые топили лесом, а задние их пометом.

Вариант 2

Сказание «Сӱт ақ атту Маладу» («Маладу на молочно-белом коне») записано мной 26 июля 1988 г. от Василия Осиповича Борисова в сеоке Чалмалу (*төл* Поросенковых). В.О. Борисов родился в Большом Улусе, в 1929 г. семья переехала в д. Средний Телеут под г. Новокузнецком. Женат. Во время записи проживал в г. Новокузнецке. Сказание «Сӱт ақ атту Маладу» слышал от *чӧрӧкчи* Никиты Васильевича Накаева в 1950-х годах. Н.В. Накаев был младшим братом его матери – Пелагеи Васильевны Поросёнковой (дев. фамилия Накаева), сеок Тётпёр. По словам Василия Осиповича, Н.В. Накаев перенял это сказание от *чӧрчӧкчи* Степана Манжина или от *қайчы* Семена Тодышева.

Запись была сделана на русском языке. Во время сказывания присутствовали три слушателя.

* * *

Давным-давно жили в степи во дворце (өргӧн) два брата. Старшего звали Маладу, имеющий молочно-белого коня, а младшего – Алып-Салай. По широкой степи бродили стада скота, подле дворца подданный народ жил.

Сидели как-то раз братья в своем золотом дворце за золотым столом и вдруг услышали гром: совсем близко от дворца сильный шум послышался.

Говорит тогда Маладу своему младшему брату:

– Сходил бы ты, посмотрел, кто это нас там тревожит.

Вышел из дворца Алып-Салай и обомлел от испуга. Стоит у крыльца страшный пестрый волк с шестидесятисаженным хвостом (алтон қулашту қойруқту ала пӧрӱ). Весь трясущийся от страха, вбежал Алып-Салай обратно, заикаясь, рассказал брату о чудище. Хвост-то у волка, говорит, на 60 саженей, а пасть такая, что нижняя губа на земле лежит, а верхняя небо подпирает.

Вышел тогда из дворца старший брат. Спросил волка:

– Зачем ты тут нас тревожишь?

Отвечает ему волк:

– Не гневайся, Маладу. Меня послал за тобой Единственный Творец наш (йаңыс йайачы). Требует, чтобы ты к нему явился.

Выслушал Маладу ответ, подумал и говорит:

– Нет, пестрый волк, не поеду я. У меня и без этого дел хватает.

Повернулся пестрый волк к нему спиной, хвостом своим шестидесятисаженным махнул и исчез.

Прошел месяц. Снова вдруг подле дворца братья гром услыхали. Вышел опять из дворца Алып-Салай, увидел еще более страшного огромного волка и испугался. А Маладу вышел из дворца, узнал от волка, что вновь его Единственный Творец-создатель к себе требует, и вновь отказался к нему ехать.

Прошел еще месяц. В третий раз прибежал ко дворцу страшный волк. Не стал он даже и слушать Маладу, а просто пригрозил:

– Коли и на этот раз будешь отказываться ехать – я тебя съем!

Подумал Маладу и решил:

– Раз уж так зовут меня к Единственному Творцу, то, видно, на самом деле я там нужен. Хорошо, я поеду. Только ты, волк, сам беги, а я уж как-нибудь сам на своем молочно-белом коне доеду.

Волк убежал, а Маладу стал собираться в дальнюю дорогу. Оделся, взнуздал своего молочно-белого коня, простился с братом и уехал. Год ли, два ли ехал Маладу, добрался наконец до владений Единственного Творца-Создателя. Вошел в его золотой дворец, поздоровался.

Подошел к нему Единственный Творец, на приветствие ответил и начал выговаривать ему: почему так долго не ехал, трижды звать пришлось!?

Повинился Маладу. Стал тогда Единственный Творец угощать богатыря едой-питьем из золотой чаши (алтын чӧчий) и такую беседу повел:

– Ты, наверное, слышал, Маладу, о том, что под землей правят злые Сорок Создателей (кырык йайачы/йайучи)? Так вот, собрались они весь белый свет уничтожить. Побили уже многих славных богатырей. Теперь твоя очередь подошла сражаться с посланцем-слугой Сорока Создателей богатырем Кара-Пӧкӧ (Черный Силач). Если победишь его, белый свет останется, а если нет – тьма будет на всей земле. Место, где сражаться тебе придется, узнаешь по тополю-великану. Корни его вглубь земли уходят, крона небо достает. Когда биться будешь, этот тополь, листьями шелестя, на всех языках человечьих, птичьих и звериных будет говорить так, что во всех концах земли его слышно будет.

Сказал так Единственный Творец и подал Маладу чашу с молоком. Выпил Маладу молоко – большую силу в себе почувствовал. Выпил вторую чашу – алтын чӧчий – вес его прибавился, пол во дворце скрипеть стал. Хотел было еще чашу выпить, да не дал ему Единственный Творец: «Если еще чашу выпьешь – земля тебя держать не сможет».

Благословил Единственный Творец богатыря; сел Маладу на своего молочно-белого коня и помчался к месту битвы. Долго ли, коротко ли, доехал он до тополя-великана и стал ждать. Вынул из кармана кисет, закурил. И тут из-под земли появился посланник сорока творцов Кара-Пӧкӧ. Поздоровались они, беседу стали вести.

– Послушай, Маладу, – Кара-Пӧкӧ сказал, – почему мы с тобой драться должны?

– И правда, – думает Маладу, – друг друга не знаем, плохого ничего не сделали, зачем драться будем?

Тут вдруг пробежала между ними черная кошка (қара қызынқа). Говорит тогда Маладу:

– Ты почему пропустил ее, Кара-Пӧкӧ? Она ведь совсем рядом с тобой пробежала.

– Как это – рядом со мной?! – Кара-Пӧкӧ отвечает. Возле тебя она пробежала, ты и должен был задержать ее!

Заспорили они так, рассердились друг на друга, вздулись, словно горы, и бороться начали. Год ли, два ли бились. Тополь обо всех удачах богатыря Маладу всему свету рассказывает.

Вот увидел Маладу, что Кара-Пӧкӧ устает, ногами меньше опираться стал, больше стал руками за землю хвататься. Тогда собрал свои силы богатырь Маладу, схватил Кара Пӧкӧ, поднял к небу и, ударив о черный камень, на части разбил тело Кара Пӧкӧ (в оригинале этот эпизод дается в виде поговорки «ӱлгер» и звучит так:

Кӧлбӧгӧнгӧ кӧдӱр келип,
Кӱнге келип, шӱлте келип,
Ақ айасқа аңдыжып,
Айға келип, шӱлте келип,
Қара ташқа сыбап ийген!)

Тополь-великан тут же раззвенел об этой победе на весь мир:

– Радуйтесь, люди, звери и птицы! Богатырь Маладу, имеющий молочно-белого коня, убил посланца сорока творцов – злого Кара-Пӧкӧ.

А Маладу сел на своего коня и поехал к Единственному Творцу. Добрался до золотого дворца. Вышел ему навстречу Единственный Творец-Создатель:

– Спасибо тебе, – говорит, – за помощь. Теперь сорок творцов никому не опасны. Поезжай к себе домой и живи спокойно до следующих битв.

Год ли, два ли ехал Маладу, стал подъезжать к своей земле. Но только не может он узнать своего дворца, землю свою узнать не может. Где дворец стоял, гарь осталась, где скот пасся, вытоптанная земля осталась, где народ подданный жил, птицы дикие ходят. Брат его младший, Алып-Салай, пропал куда-то.

Стал он в горе ездить по свету, искать того, кто мог бы ему рассказать обо всем случившемся. И вот однажды повстречалась ему старушка, которая и поведала:

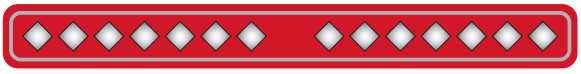
– Это, богатырь Маладу, дело рук братьев – Алтын-Чаккай и Кӱмӱш-Чаккай. Это они сожгли твой дворец, угнали с собой брата, весь скот и народ твой.

* * *

Василий Осипович Борисов помнит сказание лишь до этого эпизода. По его словам, «это лишь малая часть. Вся сказка три вечера рассказывалась».

Эпизод из телеутского сказания «Сӱт ақ атту Маладу», в котором главный герой по просьбе Единственного Создателя борется с черным богатырем (Кара-Пӧкӧ), созданным «злыми» Сорока Создателями, находит практически полное соответствие в шорском эпосе. В эпическом сказании «Чаш-Кылыш, ездящий на молодом саврасом коне» (вариант В.Е. Таннагашева, перенятый от П.Н. Амзорова), последняя «дорога» богатыря связана с борьбой – также по просьбе Единственного Создателя – с черным богатырем (Кара-алып), созданным Девятью Создателями из черной горы и имеющим силу семидесяти богатырей. В отличие от сохранившихся телеутских вариантов, в шорском сказании мотивировка необходимости борьбы с черным богатырем более прозаическая: Девять Создателей, сотворив черного богатыря, пришли к Единственному Создателю и побились с ним об заклад,

что если Чаш-Кылыш победит их богатыря, то они станут рабами (*сугчы-куллар*, букв. «рабы – носильщик(и) воды») Единственного Создателя, а если же черный богатырь одолеет Чаш-Кылыша, – то наоборот[1]. Сходный эпизод есть и в другом шорском сказании – «Сорокагрудая Кыдай-Арыг»[2].



[1] «Чаш кулаттыг Чаш-Кылыш». Самозапись на шорском языке сказителя-*қайчы* В.Е. Таннагашева 6–21 июня 2003 г. (Полевые материалы Д.А. Функа 2003. Тетр. 3. С. 13–22).

[2] Аудиозапись сказания от В.Е. Таннагашева сделана мной 10 декабря 2003 г.

Алғыр-Мерген

(Фрагмент)

Эпическое сказание «Алғыр-Мерген» было записано школьным учителем, телеутом Константином Степановичем Челухоевым (1907–1944) от своего старшего брата, сказителя-чӧрчӧкчи Николая Степановича (1905–1983). В свою очередь, Николай Степанович мог слышать и перенять это сказание, скорее всего, от своего отца Степана Алексеевича (1878–1972) или дяди по отцу Федора Николаевича Челухоева – оба они были известными сказителями. В первой половине 1980-х годов рукопись хранилась у дочери К.С. Челухоева Надежды Константиновны, о чем она сообщила мне в августе 1983 г. На следующий год я попросил студентку Кемеровского университета Юлию Макышеву снять для меня копию с этого текста, которая затем была выслана мне в Ленинград.

Очевидно, это была не единственная и не самая полная копия, поскольку русский перевод сказания практически без обработки (в публикации значится: «Алгыр мерген [отрывок, печатается в оригинале]», хотя, по-видимому, этот текст подвергся некой правке, поскольку в нем имеются отличия от моего экземпляра) и со множеством даже смысловых ошибок был опубликован в учебном пособии, составленном местным краеведом, профессором Кемеровского госуниверситета Д.В. Кацюбой (Устное народное творчество 2001: 52–64). Сведения о сказителе, время и место записи составитель не привел. Русский перевод опубликованной Д.В. Кацюбой «сказки» в два раза длиннее (467 стихотворных строк) рукописи, хранящейся в моем архиве (в ней всего 231 стихотворная строка на 12 страницах – это 6 листов формата А4, исписанных с обеих сторон).

Место хранения телеутского оригинала мне не известно. Две трети имеющейся у меня рукописной копии были снабжены подстрочным переводом на русский язык, при этом как телеутский, так и русский варианты были выполнены небрежно и изобиловали множеством ошибок.

Для данного издания редакция оригинала сказания и перевод были выполнены по моей просьбе М.Г. Токмашевым. Часть примечаний и отдельные уточнения принадлежат мне; все они особо оговорены.

Алғыр-Мерген

Ақ тайқаның пурунда,
Ақ талайдың јақазында,
Артық алып күч-күлүк
Пайлап јуртап јат јат.
Алғыр-Мерген абышқа
Ээн парған элдү полды,
Јазы толо малду полды.
Қайа ползо, көлөткизи полды,
Қармаза, қулағы полды.
Пойына тушту эмегени
Аргер-Ару атту полды.
Қары јаштары јеткенче,
Экүдиң палазы јоқ полды.
Күннүң ле сайын экү
Талайға теңдеп арақы азып,
Тайқаа теңдеп эт туурап[1],
Күннүң сайын јырғадылар.
Алғыр-Мерген абышқаның
Аргер-Ару эмегени
Арақыдаң ичип алып эзиргенче,
Абышқазына айдып турды:
– Меең пир айдатан сөзим пар,
Айтсам саа јарағайли ме?
Ол сөсти јылбаған пери,
Алтынчы јылы айдалбаған пери,
Алтынчы јылы эртип јат – теди.
Аны уққан абышқа айтты:
– Маа айтпағаңда, кемге айдатаң?
– Айтсаң, айтсаң, эмеген, – теди.
Эмегени айда перди:
– А, Қудай, абышқам, – теди, –
Јылқы эдинең эригип паадым,
Аңның эдин јирим тут јат.
– Аңдап-қуштап парзаң, – теди.

[1] *Туура-*: «крошить мясо». – *М.Т.*

Алгыр-Мерген

У белой горы на склоне[1]
У берега белого моря
Живет, богатеет
Добрый алып, силач-удалец.
У старика Алгыр-Мергена
Подвластный народ умножается,
Всю степь заполняет скотина.
Оглянется – там его тень была,
Пощупает – там было ухо.
Во все времена была с ним
Старуха его по имени Аргер-Ару.
До старческих лет дожили
Вдвоем, а детей не имели.
Каждый день они вдвоем
Курили море вина,
Крошили гору мяса,
Каждый день пировали.
Старика Алгыр-Мергена
Старуха Аргер-Ару,
Напившись араки допьяна,
Старику своему стала говорить:
– У меня есть слова, которые должна тебе сказать,
Если скажу – тебе понравится ли?
С тех пор, как это слово не забывается[2],
Шестой год как остается не сказанным,
(Уже) шестой год проходит, – говорит.
Услышавший это сарик сказал:
– Если мне не сказала, то кому же скажешь?
Скажи-ка, скажи-ка, старуха! – сказал.
Старуха говорить стала:
– О, Боже, старик мой, – говорит, –
От конского мяса я истомилась,
Звериного мяса (дичи) хочется поесть.
Иди-ка на охоту (на зверя-птицу) – говорит.

[1] *Пуурында* – букв. «на печени», «на боку». – *М.Т.*
[2] *Ылы-* (*ылый-*) – букв. «теряться», «пропадать». – *М.Т.*

Ол тушта абышқа
Ордунаң тура секирди.
Қарсылдада қатқырып салды.
Эжиктең төрґө пас парды.
– Пуун кўн кеч кирди, – теди. –
Адар таң ат келзе,
Ару кўним чық келзе,
Таңда эртен парарым, – теди. –
Аң турлайтан ай қара јыштаң
Не керегин адып акелерим, – теди.
Экў эзиргенче арақы ичип,
Ээстери чығып, уқтадылар.
Эртен-эрте эмеген турды.
Абышқазына аңдап парарға[1]
Ашты-тусты пелендеди,
Аштың татуун пыжырып,
Ақ столға салып ийди.
Абышқазы ордынаң турды,
Қолы јўзўн јунуп,
Ақ столдың кийине отурды.
Эмегени папқыр јазарға
Артқан кўчў арақазын
Алты[2] тутқалу айаққа урды,
Абышқазының алдына салып,
Абышқазы айақты қолына алды.
Алты јудуп ичип салды,
Аштың татузын тойо јиди.
Ақ қоңыр адын ээртеди,
Аңдап қуштап аттана перди,
Ақ қоңырдың парғанына

[1] Начиная со слов *аңдап парарға* и до начала пятого листа, до строки *недең қорқудың, недең ўркўдиң* подстрочный перевод в рукописи отсутствует. – *Д.Ф.*

[2] В версии М.Г. Токмашева всюду *алтын тутқалу* и, соответственно, в переводе – «с золотой ручкой». Однако, поскольку в рукописи встречается и *алтын тутқалу* (строка 57), и *алты (алту) тутқалу* (строки 165 и 207), т.е. и «с золотой ручкой», и «с шестью ручками» чаша, причем лишь вариант *алты (алту) тутқалу* был переведен на русский язык (именно как «с шестью ручками»), я позволил себе в данном случае не согласиться с М.Г. Токмашевым и всюду исправил *алтын тутқалу* на *алты тутқалу. – Д.Ф.*

В тот миг старик
С места вскочил.
Раскатисто хохотнул.
От дверей в передний угол прошел.
– Сегодня солнце уже к вечеру, – сказал. –
Когда рассвет, которому быть, наступит,
Когда ясное солнце, которому взойти, поднимется,
Завтра утром и пойду, – сказал. –
Из темной тайги, где водится зверь, принесу,
Подстрелив, то, что нужно.
Вдоем, напившись допьяна араки,
Без памяти заснули.
Рано утром старуха встала.
Старику своему на охоту идти
Хлеба-соли приготовила,
Из еды самое вкусное сварила,
На белый стол поставила.
Старик ее с постели поднялся,
Руки-лицо умыл,
За белый стол сел.
Старуха, чтобы лечить похмелье,
Немного оставшейся араки
В чашку с шестью ручками налила,
Перед стариком поставила,
Старик чашку в руки взял.
В шесть глотков (все) выпил,
Вкусной пищи досыта наелся.
Саврасого[1] коня своего оседлал,
На охоту отправился,
От поступи саврасого

[1] У М.Г. Токмашева *ақ қоңыр* всюду переводится как «бело-каурый». Применительно к этой масти (каурый – рыжеватый) определение «белый» вряд ли уместно, скорее, подошло бы прилагательное «светлый». При подготовке текста к изданию я все же решил пойти дальше и заменить перевод термина *қоңыр* (лишь в словаре В. Вербицкого он переводится как каурый [«коурый»; Словарь 1884: 142]) на «саврасый», т.е. светло-гнедой, с хвостом и гривой черного цвета. (Подробнее о мастях коней у тюрков Саяно-Алтая см.: *Функ* 2003: 53–60). – *Д.Ф.*

Јер эне чайбал қалды,
Ақ талайдың тымық суу
Јардаң јарға толқуланды[1].
Аңдап парған Алғыр-Мерген
Ай көрүнбес јышқа кирди.
Алды-қушты қорқутпасқа
Ақ қоңырды ақырын јортты[2].
Аңның семизин адарға
Алты қоноқ аңдады.
Алты күн өткөнчө,
Тырмақту неме туштабады.
Абышқа қунуғуп эзенди:
– Ат арыптыр, эр қарыптыр, – теди. –
Аның учун ай-қара јыш
Алдызын да қысқан јат, – теди.
Анаң чығып абышқа
Қуш турлайтан көбү[3] јышқа кирди.
Пеш күнге чығара қуштап
Јумду қуш таппады.
Анаң чығып абышқа
Ақ қоңырды пура тартты.
Айыл-јуртына јанып келди.
Эки тайғааң ортозында
Эр(ий)бей-сер(ий)бей[4] јортып јатты,
Ақ қоңыр ат токтой түшти.
Тур пере пышқырып турды,
Недең де ӱркӱп турды,
Нерек-нерек кеде јанды.
– Ох, – теди абышқа, –
Недең қорқыдың, недең ӱркӱдиң?

[1] Изначально в оригинале вместо *јардаң јарға* (фактически даже не *јарға*, а *јаратқа*) было написано *қаштаң қашқа*, т.е. букв. не от «яра к яру», а «от берега к берегу». – *М.Т.*

[2] *Ақарып* – «потихоньку». В этом значении в телеутском языке известно слово *ақырнақ*. Есть и слово *ақырын* с тем же значением. Возможно, *ақарып*, смысл которого мне не ясен, и есть искаженное *ақырын*. – *М.Т.*

[3] *Көбө* – «край», «окраина». – *М.Т.*

[4] В варианте М.Г. Токмашева было *эрбей-сербей*. Написание уточнено мной. – *Д.Ф.*

Мать-земля заколебалась,
Тихие воды белого моря
От берега до берега взволновались.
Едущий на охоту Алгыр-Мерген
Въехал в тайгу, где луну не увидишь.
Чтобы не спугнуть зверя-птицу,
Саврасого потихоньку пустил.
(Желая) подстрелить жирного из зверей,
Шесть дней охотился.
Шесть дней прошло,
Ничего с когтями[1] не встретилось.
Старик приуныл и подумал:
– Конь утомился, муж состарился.
Поэтому темная тайга
Даже зверя своего дать скупится.
Выйдя оттуда, старик
Поехал по краю тайги, где водятся птицы.
Пять дней он на птицу ходил,
Но птицы пернатой не смог отыскать.
Выйдя оттуда, старик
Саврасого поворотил.
К дому-стойбищу своему возвращается.
Между двумя горами
Проходя без устали и отдыха[2],
Саврасый конь остановился.
Остановившись, захрапел,
Чего-то напугался,
Почему-то назад повернул.
– Ох, – сказал старик, –
Чего испугался, почему вздрогнул?

[1] *Тырмақту неме* – «имеющий когти», «зверь». – *М.Т.*

[2] *Эрий-* (*эрик-*) – «томиться», «мучиться», «скучать»; *сери(й)-* – «отдыхать», «проветриваться», «освежаться» (ОРС 1947: 128); *эрийбей–серийбей* – букв. «не утомляясь–не отдыхая». – *М.Т.*

Эки көзин јыжа тартты,
Эбире де јанын пужулап көрди.
Эки таштың ортозында
Алтын мүүстү ақ кийик јатты.
Аны көрип, абышқа айтты:
«Қалдығаш қуру јүрбес јадым,
Қарғаның ырызы пар», – теди.
Оқ уйазын қолғо алды[1],
Ақ кийикти адарға көстөди.
Ташқа туруп теп салды,
Табылға тайанып алды.
Алтын мүүстү ақ кийик
Арқазын көстөй пожодып ийди.
Абышқаның атқан оғы
Тапқай ошқош чачылды.
Алтын мүүстү ақ кийик
Јатқан јеринең тура секирди,
Јараш таңып јүгүре перди.
Ачуланып абышқа қалды.
Ақ қоңыр адына минди,
Ақ кийикти ээжип сүрүже перди.
Алтай ичин алты айланды,
Јердиң үстүн јети айланды.
Теңери төзинче төрт оролды.
Алардың аның табыжынаң
Учар қуштар уйазынаң асты,
Үүрлү малдар үүринең асты.
Алтын мүүстү ақ кийик
Абышқадаң озолободы,
Алғыр-Мерген абышқа пойы
Ақ кийикке јеткени полбоды.
Ас-па көп-пө јарыштылар,

[1] В рукописи этот стих переведен как «Стрелу и лук свой в руки взял». *Оқ*, действительно, в телеутском языке понимается не только как «пуля», но и как «стрела» (также *јаа*). Правильность же прочтения слова *улзем* и его трактовка для меня остаются спорными. Я решил, что *улзем* – очень искаженное *уйазын*, ничего другого невозможно предположить по контексту. – *М.Т.*

Оба глаза протер,
Пристально вокруг посмотрел.
Меж двух камней (видит)
Златорогий олень[1] лежит.
Увидев его старик сказал:
– Пустым[2] не останусь,
У старого счастье есть.
Стрелу и лук свой в руки взял,
Стрелять в оленя приготовился.
Встав на камень, топнул,
О таволожник[3] оперся.
У златорогого оленя
Спина открылась для прицела.
Стрела, что выпустил старик,
Совно щепка разлетелась.
Златорогий олень
С места, где лежал, вскочил
И красивыми скачками стал убегать.
Старик остался огорченный.
Сел на саврасого коня своего
И следом за оленем погнался.
Внутри Алтая шесть раз оборотился,
Поверхность земли семь раз обогнул.
По поднебесью четырежды обернулся.
От их шума
Летающие птицы от гнезд отбились,
Табунные кони от табунов отбились,
Златорогий олень
Старика не опережал,
Алгыр-Мерген – старик сам –
Оленя настигнуть не мог.
Мало ли, много ли скакали,

[1] М.Г. Токмашев всюду в тексте переводил слово *кийик* как «сайгак», что вряд ли можно считать оправданным. Всюду заменено на «олень». – *Д.Ф.*

[2] *Қалдығаш қуру* – букв. «с пустым потомством». – *М.Т.*

[3] *Табылғы* во всех словарях переводится как «таволга», «таволожник». Это травянистое растение, а здесь герой опирается на него, как на посох. Кроме того, мне помнится, что из *табылғы* мастерили луки (*уйа*). – *М.Т.*

Јер түнүкке[1] јууқтадылар.
Јер түнүкке јеткенде,
Алтын мүүстү ақ кийик
Тур пере силкинди.
– Јер алдындағы Јек[2]-Қаан
Улу уулы полотом, – теп,
Абышқаның алдына алып полып тур полды.
Қарсылдада қатқырып ийди,
Алғыр-Мерген абышқаа айтты:
– Алуың јаан, абышқа, – теди. –
Алыпты мени алды эдип,
Адыңның төрт туйғагы јободып,
Ақ јарыкты айландыра
Не керек мени јыражып јадың?
Менде сеең нең пар?
Мени не керек адып јадың? – теди. –
Јети күнниң пажында
Јети муң черү сақта!
Қалың јуртуңды қазатам,
Терең јуртуңды тежетем! – теди.
Јектиң уулы айдып салды,
Јер алдына кире перди.
Аны уққан абышқаның
Көзиниң јажы ағып келди,
Мурдының суу мустады.
Эмегенине арбанғанче
Меңдей-соңдой үйине јанды.
Абышқа аңдап јанып келди.
Ақ қоңырды пуулап салды,
Алтын өргөзине кидире салды.
Јақшы да јаман да тебеди,
Ақ қайыш қамчызын алып,
Арбанғанча эмегенин соқты,

[1] *Түнүк* – «дымовое отверстие», јер түнүги – «вход в подземный мир». – *М.Т.*

[2] *Јек* – «бес», «дьявол», «злой дух». *Јер алдындағы Јек-Қаан* – «подземный властитель». – *М.Т.*

К земному отверстию приблизились.
Когда достигли земного отверстия,
Златорогий олень
Остановившись, встряхнулся.
– Я подземного Йек-хана
Старшим сыном буду, – сказал,
И перед стариком предстал алыпом.
Раскатисто засмеялся,
Старику Алгыр-Мергену сказал:
– Велика твоя глупость, старик!
Меня, алыпа, за зверя приняв,
Четыре копыта коня своего натрудив,
Зачем вокруг белого света
За мною гоняешься?
Что твоего есть у меня?
Почему в меня стреляешь? – говорит. –
Через семь дней
Семитысячного войска жди!
Обширный твой юрт вскопаю,
Глубокий твой юрт продырявлю!
Так сын йека сказал
И под землю спустился.
У старика, услыхавшего это,
Из глаз побежали слезы,
Вода из носа заледенела.
Ворча на свою старуху,
То поспешая, то запаздывая, домой отправился.
Старик с охоты домой вернулся.
Саврасого привязал,
В золотой дворец свой вошел.
Ни хорошего не молвил, ни худого,
Белоременную плеть свою взявши,
Стал, ворча на старуху, стегать ее.

Чылағанча соғып пожотты.
Эмегени пожоды, эзин јууп айтты:
– Қуру јанған кижини
Урушқанын сенең көрдим, – теди.
Абышқазын отурызып салып,
Алты тутқалу чарқызына
Арайанынаң уруп перди.
Абышқа арайанын ичип ийди,
Јаңылып қабарды айда перди:
– Алтын мүүстү ақ-кийик, тегеним,
Ақ јаланда қачырышқаным,
Јер алдындағы Јек[1]-Қаанның
Улу уулы полтыр, – теди. –
Јети күнниң пажында
Јети муң черү сақы, – теди.
Эмеген-абышқа јöптöжö перди,
Элди-јонды јууарға тешти.
– Эжикке јууп сақтарға, – тедилер.
Эли јоны јулып келди[2],
Эмеген абышқа јақыдылар.
– Қастағы[3] парығар, қастақ тудуғар,
Мылтық парығар, мылтық алығар.
Қолығарда неме јоқ,
Қорқып полғой турбағар, – тедилер.
Јети күн сақыдылар.
Јектең черү келбеди.
Сегизинчи күн эртезинде,
Келбес тежип јöптöштилер.
Јууған қалығын пожоттылар.
Паза түрче јуртадылар.

[1] В оригинале и подстрочном переводе этой строки значится: «Јер-Каан». – *Д.Ф.*

[2] В архивном тексте «Элди јонды јулып келди», перевод строки отсутствует. – *Д.Ф.*

[3] *Қастақ* (в шор. яз. *қоста*) – термин, известный в фольклорных текстах в значениях «железный наконечник стрелы» (ОРС 1947: 75), «звук, издаваемый летящей стрелой» (*Функ* 1999: 151), а также «богатырский лук, само-ходящий, как предмет одушевленный, отыскивающий врагов и их разящий» (Словарь 1884: 145, слово помечено как верхне-кондомское, т.е. шорское). В данном случае *қастақ* – это, скорее всего, «лук». В переводе у М.Г. Токмашева – «железные наконечники для стрел», «наконечники». Перевод исправлен мной. – *Д.Ф.*

Бил, пока не устал, отпустил, уставши.
Освободилась старуха, с мыслями собралась, сказала:
– Как дерется человек, без добычи пришедший,
На тебя посмотрев, я узнала.
Старика (за стол) посадила,
В чарку с шестью ручками
Наливши айрану, подала.
Старик айран ее выпил,
Запинаясь, ту весть излагает,
– Тот, кого я считал златорогим оленем,
Тот, за кем в чистом поле гонялся,
Он подземного Йек-хана,
Оказалось, был старшим сыном.
Через семь дней – говорит он –
Жди приход семитысячной рати.
Старуха и старик совещаются,
Порешили созвать весь народ свой.
– Ко дверям соберем, подождем, – говорят.
Весь народ, все их люди собрались.
Со старухой старик их напутствуют:
– Те, кто имеет луки, держите в руках луки,
Те, кто имеет ружья, возьмите ружья.
У кого ничего нет в руках,
Не бойтесь, не трусьте[1] – говорят.
Семь дней прождали,
Не пришло от йека войско.
На восьмой день, поутру
Решили, что не придет.
Собранный народ распустили.
Прожили еще немного,

[1] В переводе М.Г. Токмашева: «не стойте, труся». – *Д.Ф.*

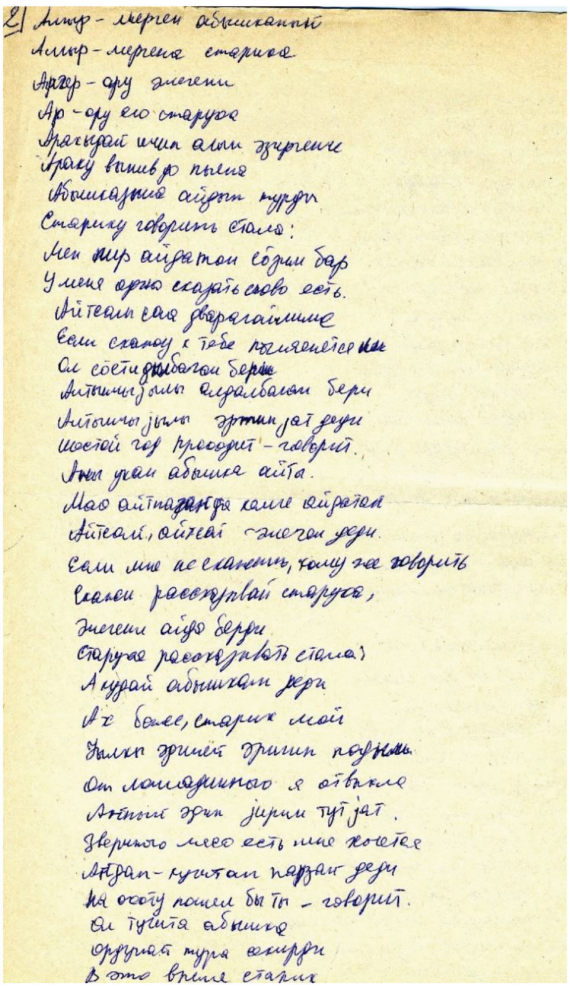
Паза қатап јырғай пердилер.
Дьекти[1] сақтап, асқан арақыды
Күннүң сайын ичиже пердилер.
Пир күн эмеген айтты:
– Абышқа, аңдап полгой, – теди. –
Қуш эдин јерим тут јат, – теди.
Абышқазы аа қарун перди:
– А, қудай, эмеген, не керек парбайтан?
Қуш турлайтан көбү јышта
Көбөлөктий қуштар пар.
Парзам ла қуру јанбассым.
Пуун күн кечкирип парды,
Таңдағы күнде парарым, – теди.
Таң артазы күн эмегени туруп,
Абышқазына папқырға јирге
Аштың татузын пелендеди,
Ақ столғо салып турду.
Алты тутқалу айағына
Арақының күчүн уруп[2],
Ақ столдың үстүне салды.
Абышқазын уйғузып ийди.
Абышқазы туруп келди.
Арақылу айақты қапты,
Алты қатап јудып ийди.
Ақ қоңырды ээртеп алды,
Аңдап қуштап атана перди.
Қуш турлайтан јышқа јетти,
Јети қоноқ јортып јүрди.
Қанатту неме туштабады,
Анаң чығып абышқа
Ичи-пууры пир табаш полып,
Алды туулу ай-қара јышқа кирди.
Тоғус қоноқ аңдап јүрди,

[1] В оригинале явная описка или оговорка сказителя: *абышқады*. Исправлено на *дьекти* мной. – *Д.Ф.*

[2] Начиная со строки *Алты тутқалу айағына арақының күчүн уруп*, в хранящейся у меня копии рукописного оригинала следует текст только на телеутском языке, подстрочный перевод отсутствует. – *Д.Ф.*

И опять пировать стали.
Поджидая йека, выгнанную араку
Каждый день стали пить.
Однажды старуха говорит:
– Старик, на охоту бы пошел, – говорит, –
Дикой птицы отведать хочется, – говорит.
Старик ей отвечает:
– О, боже, старуха, почему бы не пойти?
На краю тайги, где водится дичь,
Птиц, словно бабочек (много).
Если пойду, то пустым не вернусь.
Сегодня день уже к вечеру,
Завтрашним днем пойду, – говорит.
Назавтра старуха встала,
Старику своему, чтоб поесть с похмелья,
Из еды самое вкусное приготовила,
На белый стол выставила,
В чашку с шестью ручками
Из араки самую крепкую налила,
На белый стол поставила.
Старика своего разбудила,
Старик ее поднялся,
Чашу с аракой схватил,
В шесть глотков выпил.
Саврасого оседлал,
За зверем-птицей отправился.
Достиг тайги, где птицы водятся,
Семь ночевок (суток) ездил.
Ничего из крылатых не встретилось,
Оттуда выехал старик,
Внутренности его сжались в горсть.
Заехал в тайгу со звериной горой,
Девять суток (там) бродил,

Тырмақту аңға туштабады.
Абышқа анда ичинде эзенди:
– Пу јақшыға эмес болор, – теди.
Ақ қоңырын пура тартты,
Айыл-јуртуна јортты.
Эки тайға ортозында кел јатса,
Ақ қоңыр недең де қорқып,
Кенетийин токтой түшти.
Абышқа қанығып пажына қақты…



Страница (копия) рукописного оригинала сказания «Алгыр-Мерген» (из личного архива Д.А. Функа)

Зверя с когтями не повстречал.
Тогда старик про себя подумал:
– Это не к добру будет, – молвил.
Саврасого поворотил,
К дому, к юрту поехал.
Между двух гор проходя,
Саврасый конь чего-то испугался,
Внезапно остановился.
Старик, рассердившись, по голове (его) ударил…

* * *

В публикации Д.В. Кацюбы, о которой было сказано в предисловии к приводимому в этой книге фрагменту, есть еще 236 стихотворных строк, которые позволяют составить представление о продолжении этого сказания (Устное народное творчество 2001: 58–64). Старик видит однорогого оленя, стреляет в него, затем преследует его до входа в подземный мир. Олень превращается в богатыря, который оказывается средним сыном Тьек-хана (так в оригинале). Богатырь рассказывает, что он отправился на поиски огнива своего зятя Тьельбегеня. Выговаривает Алгыр-Мергену за то, что тот потревожил его и угрожает приходом девятитысячной армии через десять дней. Старик возвращается домой, бьет жену, пьет вместе с ней араку и рассказывает о происшествии. Подумав, что угроза, как и в первый раз, была ложной, старики не стали готовиться к возможному нападению. На десятый день к дворцу подходят войска Тьельбегеня и трех сыновей Тьек-хана. Тьельбегень пытается вызвать старика на бой, но тот не выходит. Враги заходят во дворец, вытаскивают на улицу стариков, готовят скот и народ к перекочевке в свои земли. Алгыр-

Мерген просит разрешения обойти свой дворец на прощание. Обходит его трижды, бормоча заклинание. Не дав старику в третий раз завершить обход дворца, Тьельбегень уводит его. С вершины Белой посмотрели: дворца нет, чистое поле осталось. Опасаясь последствий этого колдовства, враги приводят Алаш-кама (шамана) с шестью бубнами и велят ему узнать, куда делся дворец. Тот не справляется с заданием. (Попутно замечу, что имя Алаш-кам вполне вписывается в эпическую традицию телеутов и – шире – алтайских тюрков: шаман с именем Алаш впервые упоминается в эпических сказаниях «Ак-би» (*Никифоров* 1915: 131) и «Кан-Таджи, сын Ак-Бёка» (Там же 1915: 157 и далее); в последнем он играет одну из важных сюжетообразующих ролей.) Затем зовут Тьерик Шюлюдю с семидесятисаженным медным носом. Она семь раз сует свой нос в землю, пытаясь вынюхать хоть что-то, но тоже не справляется с заданием. Алаш-кама и Тьерик Шюлюдю наказывают. Враги решают все же вернуться в свою землю. По дороге ко входу в нижний мир у Аргер-Ару рождается мальчик-богатырь. Аргер-Ару выцеживает молоко из обеих грудей – образуется молочное озеро. Здесь, в пустынной земле, у озера, остается малыш.

В варианте Д.В. Кацюбы, как и в моей копии рукописи, к сожалению, также нет финала.

ЧӨРЧӨКТӨР
СКАЗКИ

Женское накосное украшение тана
в виде пятифранковой монеты 1842 г.,
д. Телеуты, 1989 г.

Тарданақ

Тарданак

В первые текст был опубликован В.В. Радловым (*Радлов* 1866: 26–29). При его воспроизведении я отказался от передачи сложных глаголов через дефис или же от их слитного написания, как это было у В.В. Радлова (напр.: *чāп-јат* передается как *чаап јат*, *сӱб-алды* как *су(ғ)уп алды* и т.п.; *туралып*, *туралды* как *тур алып*, *тур алды* и т.п.), – долготы показаны удвоением букв. Пропущенные буквы вставлены в квадратных скобках. Перевод на русский язык мой.

Тарданақ

Тарданақ қыра чаап[1] јат,
Јети паштуу Јелбеген
Тарданаққа парып келди,
Тарданаққа айтты:
– Тарданақ, мениң қабыма кирезиң бе?
Тарданақ: – Кирбей қайдайын? – теди,
Јелбеген Тарданақты қабына су[ғ]уп алды,
Јелбеген айлына јанып ийди,
Јолдо уйуқтай перди.
Јелбеген јерде уйуқтап ийеле
Тарданақ қаптаң чықты,
Қабына көп өлөң су[ғ]уп салды,
Ойто[2] парып қыразын чаап јатты;
Јелбеген уйуқтап туруп алды;
Эмди айлына јанып келди.
Јелбеген[н]иң палдары келди,
Қабын көрөлө айттылар:
– Адам өлөң алып қылаат, ойнорыс!
Јелбеген айтты:
– Қабымда өлөң эмес, палам,
Қабымда Тарданақ эбей, палам!
Алып келген қабын ачып көрдў,
Өлөң су[ғ]уп салды,
Тарданақ јоқ полғон.
Паза Тарданаққа паады,
Тарданаққа Јелбеген айтты:
– Мениң қабыма кирезиң бе? – теп
– Кирбей қайдайын? – теди.
Тарданақты қабына су(ғ)уп алды,
Айлына јанып ийди,
Айлына јанып келип
Қабын өрө пуулап салды.
– Қандый одунға пыжарың сен?

[1] В совр. тел.: *сўр-*.
[2] У В.В. Радлова здесь и ниже (в строке 98): *ойтто.*

Тарданак

Тарданак пашню пашет.
Семиглавый Тьельбегень
К Тарданаку пришел,
Тарданаку сказал:
– Тарданак, в мой мешок не полезешь ли?
Тарданак: – Полезу, что делать? – сказал.
Тьельбегень Тарданака в мешок затолкал,
Тьельбегень к себе домой отправился,
По дороге засыпать стал.
Когда Тьельбегень на земле заснул,
Тарданак из мешка вылез,
В мешок натолкал много сена,
Вернувшись, пашню свою пахать стал;
Тьельбегень, проснувшись, поднялся;
Теперь/потом к себе домой вернулся.
Дети Тьельбегеня пришли,
Мешок увидев, сказали:
– Наш отец сено принес, будем играть!
Тьельбегень сказал:
– У меня в мешке не сено, дети мои,
У меня ведь в мешке Тарданак, дети мои!
Открыв принесенный мешок, увидел,
(Там) сено натолкано было,
Тарданака не было.
Снова к Тарданаку пошел,
Тарданаку Тьельбегень сказал:
– В мой мешок не полезешь ли?
– Полезу, что делать? – сказал (Тарданак).
(Тьельбегень) Тарданака в свой мешок затолкал,
К себе домой отправился,
Домой вернувшись,
Мешок высоко привязал.
– На каких дровах ты сваришься?

– Пөкөн ағашқа[1] пыжарым.
Јелбеген одунға паады.
Тарданақ айтты,
Јелбеген[н]иң палдарын айтты:
– Јаанға јаан со[ғ]он эдип перейин,
Күчүүге кичинек со[ғ]он эдип перейин!
Мени чечигер, палдар! – теди.
Палдар уқтылар, сү[г]үндүлер,
Тарданақты чечип салдылар.
Тарданақ палдардың пажын кезип,
Палдардың ончозын қазанға салды,
Оночозын қайнадып қойды.
Палдардың пажын орунға салып
Эмди јерде оро қасты.
Эмди Јелбеген одунын алып келип
Јанып келди.
Қазанда қайнадып салған этти көрдү,
Этти көрүп айтты:
– Палдарым јақшы турбай,
Тарданақты өлтүрүп,
Қайнадып салған јақшы турбай!
Қазандағы этти чаарып ийди,
Јиген кийинде айтты:
– Палдар, тур алып эт јигер!
Палдар унчуқпас.
Јелбеген паза қычырды:
– Палдар, тур алып эт јигер!
Палдар турбас унчуқпас.
Јелбеген тур алды, орунға паады;
Палдардың тонын ачып ийди,
Полчоқ пажы то[ғ]лонып келди.
– Пу қайт[т]ы пу? – теди,
Қазанға паады.
Қазандағы этти көрдү:
Палдардың этти түлүп салды.

[1] У В.В. Радлова: *ағышқа.*

– На твердых дровах[1] сварюсь.
Тьельбегень по дрова ушел.
Тарданак сказал,
Детям Тьельбегеня сказал:
– Старшему большой лук сделаю-ка,
Младшему маленький лук сделаю-ка!
Развяжите меня, дети! – сказал.
Дети услышали, обрадовались,
Тарданака развязали.
Тарданак, головы детям отрезав,
Тела детей в казан положил,
Тела варить стал.
Головы детей на кровать положив,
Теперь в земле яму вырыл.
Вот Тьельбегень, дров набрав,
Вернулся.
В казане варящееся мясо увидел,
Мясо увидев, сказал:
– Дети мои хорошо сделали,
Тарданака убив,
Варить положили, хорошо сделали!
Из казана мясо достал,
Поев, сказал:
– Дети, вставайте мясо есть!
Дети молчат.
Тьельбегень снова позвал:
– Дети, вставайте мясо есть!
Дети не встают, молчат.
Тьельбегень встал, к кровати подошел,
Одеяло[2] с детей снял.
Круглые головы его детей покатились.
– Он что сделал? – сказал,
К казану подошел.
На мясо в казане посмотрел:
Мясо его детей (Тарданак) сварил.

[1] Возможно, имеются в виду обычные дрова, а не кизяк.
[2] Букв. «шубу».

Уйла перди, айтты:
– Тарданақ қайда паады? – теди.
Тарданақ тышқары айтты:
– Одун алып јадым.
Јелбеген тышқары чықты,
Тарданақ тышқары јоқ.
Јелбеген тышқары сурады:
– Тарданақ қайда эдең? – теди.
Тарданақ айлдың ичинең қычырды:
– Қазан[н]ың алтына от салып јадым!
Јелбеген ӱйге[1] кирип келди.
Тарданақ анда јок полды.
Јелбеген паза қычырды:
– Тарданақ қайда паады?
Тарданақ тышқары айтты:
– Тышқары одун алып јадым.
Јелбеген јӱрӧгӱнде[2] сурады:
– Тарданақ, қанайып тышқары чықты?
Көрӱнмӧс тышқары чығып јат.
Педреди, педреди,
Оттың јанында
Оро қазып салған көрдӱ.
Јелбеген ороғо кирди,
Қабыртазы патпады;
Тарданақ қапшығай[3] ӱйге кирип
Јелбеген[н]иң јанына келди,
Ӱстӱне ӱзӱ қайнап турған қазанды
Эт, мин уруп салды,
Јелбеген ӧлӱп ийди.
Тарданақ эмди ойто парды;
Қыразын чаап кирип ийди.

[1] У В.В. Радлова здесь и ниже (в строке 93): *ӱйгӧ*.
[2] У В.В. Радлова: *јӱрӧгӱндӧ*. В совр. тел.: *ј*ӱректенип.
[3] У В.В. Радлова: *қатшығай*.

Заревел, сказал:
– Тарданак куда ушел? – сказал.
Тарданак с улицы сказал:
– Дрова собираю.
Тьельбегень наружу вышел,
Тарданака на улице нет.
Тьельбегень там спросил:
– Тарданак, ты где? – сказал.
Тарданак из дома позвал:
– У казана огонь разжигаю!
Тьельбегень в дом вошел,
Тарданака там не было.
Тьельбегень еще раз позвал:
– Тарданак куда ушел?
Тарданак с улицы сказал:
– Я во дворе дрова собираю.
Тьельбегень в сердцах спросил:
– Тарданак, на улицу выйдя, куда ушел?
Не вижу, куда ты на улицу вышел?
Искал, искал,
Рядом с костром
Вырытую яму увидел.
Тьельбегень в яму спустился,
Наполовину не влез;
Тарданак, быстро в дом зайдя,
К Тьельбегеню сбоку подошел,
Сверху на него кипящий казан
С мясом и бульоном вылил,
Тьельбегень умер.
Тарданак затем домой вернулся;
Пашню свою пахать стал.

Көйөйим кижи

Купец

Телеутский текст впервые был опубликован В.В. Радловым (*Радлов* 1866: 7–10). Как и во всех приводимых далее образцах из собрания В.В. Радлова, при воспроизведении этого текста я следовал нормам современной орфографии телеутского языка; долготы показаны удвоением букв. Все грамматические формы, использованные В.В. Радловым, сохранены и лишь при необходимости прокомментированы с отсылкой к современным нормам телеутского языка. Перевод на русский язык мой.

Көйөйим кижи

Пир көйөйим[1] ӱч уулду полғон. Ол уулдарын(а) көйөйим айтты: «Қандый кижилер аларыңар[2] теп тӱженип көрӱгөр!» – теди. Уулдары пардылар. Јаан уулу јанып келди, јанып келеле айтты: «Көйөйим кижиниң палазын (тӱжӱмдө) алдым», – теди. Ортон уул јан келди, јанып келеле айтты: «Пий кижиниң палазын тӱжӱмдө алдым», – теди. Пайағы јаан уулы паза көйөйим кижиниң палазын алатам[3] теп сала берди. Пайағы ортон уулы паза пий кижиниң палазын алатам теп сала перди.

Кичинек[4] уулы јанып келди, јанып келеле айтты: «Мен кижи таппадым, – теди. – Тӱжӱмдө суудың қуйуунда пақа јадыры, – теди. – А[а]ны алдым», – теди.

Пайағы јаан уул јанып келди, көйөйим кижиниң палазын алып келди. Пайағы ортон уул јанып келди, пий кижиниң палазын алып келди. Кичинек уул педреди, кижи таппады, су[у]дың қуйунда пақа тапты, пақаны су[у]дың қуйуунаң алала, пайа пақаны ӱйӱнө алып келди.

Көйөйим айтты: «Јаан келдим кӱрмө эдип перзин! – теди. – Ортон келдим шалбыр эдип перзин! – теди. – Кичик келдим ӧдӱк эдип перзин! – теди. – Мен таңда қаанға парадым», – теди.

Јаан уулы јанып келеле абақайына айтты: «Адам сени кӱрмө эдип перзин теген!» – теди.

---

[1] Совр. тел.: *қойойын* (от рус. «хозяин»).

[2] Совр. тел.: *аларзығар.*

[3] Здесь и далее у В.В. Радлова: *алаттам.*

[4] Совр. тел.: *кӱчӱ.*

Ортон уулы јанып келеле абақайына айтты: «Адам сени шалбыр эдип перзин теген!» – теди.

Кичинек уулы јанып келип ақча тоолоды.

Пақа айтты: «Ақчаны негерек тоолоп јадырзың?» – теп айтты.

Уул айтты: «Лапқадаң[1] ӧдӱк садып алайын теп ақчаны тоолоп јадым, – теди. – Адам сени ӧдӱк эдип перзин, эртен јаан қаанға парадым теген, – теди. – А[а]ны садып албайынча қайда[а]р?» – теди.

Пақа айтты: «Одӱкти мен эткейим, – теди. – Ақча тийбе!» – теди.

Ол уул ақчазын ойто[2] уруп ийди уйуқтай перди.

Эртен пақа уулды ӱйғузуп алып айтты:

«Ӧдӱк пелен», – теди.

Уул туруп келзе, ӧдӱк јадыры, ӧдӱкти көрзӧ, алтын саймалуу ӧдӱк полды, а[а]ны тудунып алып адазының айылына па[а]ды. Эки јаан уул келди, эткен шалбыр, эткен кӱрмӧ көргӱсти. Адазы јаратпай чуқулдайгеле таштап ийди. Кичинек уулы ӧдӱгин адазына перди; адазы көрӱп јигин таппады, айтты: «Пу ӧдӱк јарады!» – теди.

Айдарда айтты: «Јаан келдим қалаш эдип перзин, – теди, – ортон келдим суқайры эдип перзин, – теди, – кичинек келдим ӧтпӧк эдип перзин! Мен эртен қаанға парадым», – теди.

Јаан уулдары јанып келеле адазының айтқанын қадыттарына[3] айдып пердилер.

Кичинек уулы ойтто јанды, јанып келеле ақча тоолоды. Пақа айтты: «Ақчаны негерек тоолодың?» – теди.

Уул айтты: «Адам сени ӧтпӧк эдип перзин теген, – теди. – Сени ӧтпӧк эдет теп санайын ма? – теди. – Аның учун пазардаң[4] ӧтпӧк садып алайын теп, ақчаны тоолоп јадым», – теди.

Пақа айтты: «Сен ақча тийбе, ӧтпӧкти мен эткейим!» – теди. Уул уйуқтай перди.

Эртен пақа айтты: «Тур! – теди. – Ӧтпӧкти апарып[5] пер», – теди.

Уул ӧтпӧкти алала адазына алып па[а]ды. Адасы алып көрӧлӧ, айтты: «Пу апағаш не дир?» – теди.

---

[1] *Лапқа* – рус. «(торговая) лавка», «магазин».

[2] Во всех телеутских текстах В.В. Радлов пишет *ойтто*. Исправлено в соответствии с современным написанием на *ойто*.

[3] Совр. тел.: *қаат* (в данном случае было бы: *қааттарына*).

[4] Пазар – от рус. «*базар*».

[5] Формы глаголов *апар-*, *акел-*, *отур-* даются согласно современной орфографии. У В.В. Радлова было: *аппар-*, *аккел-*, *оттур-* соответственно.

Уулы айтты: «Пайа мениң қодур пақа қатттымның эткен өтпөги», – теди. Адазы айтты: «Јарайт!» – теди.

Пайа эки келдиниң эдип акелген ажын јаратпай итке таштадып ийди. Көйөйим аның соонда айтты: «Эртен ӱч келдим ӱчӱбиле келип, маа қожоңдоп[1] перзин, алардың ӱнин уғайын!» – теди.

Јанып парала јаан уулдары қадыттарына айттылар: «Эртен адам келзин! – теди. – Маа қожоңдоп перзин! – теди». Эки јаан келди ончо торқобыла јазанды. Кичинек уул јанды, јанып келеле пақа қаттын айтты: «Мен қаттымды уйалбай апарбайдым[2]. Не јақшы чырайлуу теп алып парайын? – теди. – Пақада не јақшы ӱн пар теп санайын? – теди. – Öскö кижи јалдап алып, парып көргӱзип јақшы қожоңдододым», – теди.

Пақа айтты: «Кижи јалдаба, мен де пойым парып қожоңдоп пергейим!» – теди.

Уул пақа қаттына иженбей[3] санарқап уйуқтай перди.

Эртенгизи кӱн пақа айтты: «Шымдап тур!» – теди.

Уул турып келеле айтты: «Сен јаман қодур пақазың! – теди. –Мен сениң биле уйалбай пирге парбайдым!» – теди.

Пақа айтты: «Қандый да ползо экӱ паралы, адазына параға керек!» – теди.

Уул айтты: «Јоқ қожо парбайдым, мен озолоп парадым!» – теди.

Пақа айтты: «Је мениң уйалып јатқан ползоң озо пар!» – теди.

Уул сала перди, анда келеле, адазының јанында санарқап отурды. Адазы көрӱп отурза айтты: «Пақа керелӱ кижи қайда да јоқ! – теди. – Қожоны сӱрекей қубаттылу[4], чырайы ары көрзö айдый, пери көрзö кӱндий; эт öткӱре сööк көрӱнӱп отурат, сööк öткӱре јилик көрӱнӱп отурат. Туранының ичи аның јаражына јарқындана перет».

Эки келдиниң артығын ол теп адазы көрӱп отурды. Айдарда адазы эки јаан келди јар көрölö айтты: «Мындый пағай немелер мениң кедере чығығар!» – теди. Эки јаан уулына нени де, ақча да пербей сыбырып ийди.

---

[1] В тексте регулярно встречаются не просто устаревшие формы, но также и явные следы алтайского влияния. В данном случае вместо телеутского глагола *сарна-* (от *сарын* – «песня») использован алтайский эквивалент *қожоңдо-* (от *қожон*).

[2] Совр. тел.: *апарбассым*.

[3] У В.В. Радлова неточно: *эженбей* (*äжäнбäі*).

[4] У В.В. Радлова: *қубатылуу* (*кубатылӱ*).

Кичинек уулына, келдине не ле[1] турғанын перип қойды, пойы аның пеленине отура па[а]ды. Эки јаан уулын малчы этти, эки јаан келдин қазанчы этти, кичинек уулы пилерде кирбес көйөйим полды.

Тон ичинде эр јӱрер,
аны кем пилер?
Тоқум алтында ат јӱрер,
аны кем пилер?

Купец

У одного купца было три сына. Тем своим сыновьям купец сказал: «Тех, кого в жены возьмете, увидите в своих снах!» – сказал. Его сыновья ушли. Старший сын вернулся; когда возвратился, сказал: «Дочь купца (во сне) в жены взял», – сказал. Средний сын вернулся; возвратившись, сказал: «Дочь бия во сне в жены взял», – сказал. Тот старший сын, сказав «купеческую дочь в жены возьму», отправился. Тот средний сын, сказав «дочь бия в жены возьму», отправился.

Младший сын вернулся; возвратившись, сказал: «Я невесты не нашел, – сказал. – В моем сне у воды лягушка лежала, – сказал. – Ее взял», – сказал.

Тот старший сын вернулся, купеческую дочь в жены взяв, привел. Тот средний сын вернулся, дочь бия в жены взяв, привел. Младший сын искал, невесту не нашел, на берегу реки лягушку нашел, лягушку с берега реки взял, эту лягушку домой принес.

Купец сказал: «Старшая сноха пусть куртку сошьет! – сказал. – Средняя сноха пусть шаровары сошьет! – сказал. – Младшая сноха пусть сапоги сошьет! – сказал. – Я завтра к хану поеду», – сказал.

Старший сын, вернувшись домой, жене своей сказал: «Мой отец велел тебе куртку сшить!» – сказал.

Средний сын, вернувшись домой, жене своей сказал: «Мой отец велел тебе шаровары сшить!» – сказал.

Младший сын, вернувшись домой, деньги считать стал.

Лягушка сказала: «Деньги зачем считаешь?» – так сказала.

Парень ответил: «Чтобы сапоги в лавке купить, считаю деньги, – сказал. – Отец велел тебе сапоги сшить, завтра к великому хану поедет, говорит, – сказал. – Если их не купить, то как быть?» – сказал.

[1] У В.В. Радлова слитно: *неле*.

Лягушка сказала: «Сапоги сошью я, – сказала. – Деньги не трогай!» – сказала.

Тот парень деньги свои (назад) высыпал, уснул.

Утром лягушка, разбудив парня, сказала: «Сапоги готовы!» – сказала.

Когда парень проснулся, сапоги стоят, на сапоги посмотрел, с золотой вышивкой сапоги были, взяв их, в дом своего отца пошел. Двое старших сыновей пришли, сшитые шаровары и куртку показали. Отцу не понравилось, разгневавшись, выбросил их. Младший сын сапоги отцу подал; отец посмотрел, (даже) швов не нашел, сказал: «Эти сапоги понравились!» – сказал.

Затем сказал: «Старшая моя сноха пусть хлеб испечет, – сказал, – средняя моя сноха пусть сухарей насушит, – сказал, – младшая моя сноха пусть булку испечет. Я утром к хану поеду», – сказал.

Когда старшие сыновья вернулись, то, что отец сказал, рассказали своим женам.

Младший сын вернулся, когда вернулся, деньги считал. Лягушка сказала: «Зачем деньги считал?» – сказала.

Парень сказал: «Отец сказал, чтобы ты булку испекла, – сказал. – Сможешь ли ты испечь булку, размышляю, – сказал. – Поэтому, чтобы булку на базаре купить, деньги считаю», – сказал.

Лягушка говорит: «Ты деньги не трогай, булку я испеку!» – сказала. Парень уснул.

Утром лягушка сказала: «Вставай! – сказала. – Булку отнеси», – сказала.

Парень, булку взяв, отцу отнес. Отец, когда увидел (его), сказал: «Что это такое беленькое?»

Парень сказал: «Это моей женой, паршивой лягушкой, испеченная булка». Отец сказал: «Нравится!» – сказал.

Теми двумя снохами приготовленная и принесенная пища не понравилась, собакам выбросил. Купец после этого сказал: «Утром три снохи мои, втроем придя ко мне, пусть мне споют, их голоса послушаю-ка я!»

Когда вернулись домой, старшие сыновья своим женам сказали: «Утром отец “пусть придут!” – сказал. – Мне пусть споют!» – сказал. Две старшие снохи все в шелка нарядились. Младший сын домой вернулся, когда вернулся, лягушке-жене сказал: «Я жену свою, стыдясь, не поведу. Разве красивый у нее лик, чтобы я повел (ее)? – сказал. – У ля-

гушки откуда хороший голос может быть, так думаю, – сказал. – Другого человека, наняв, поведу, покажу, хорошо спеть велю», – говорит.

Лягушка сказала: «Человека не нанимай, я и сама схожу и спою, пожалуй!»

Парень, на лягушку-жену не надеясь, загрустив, заснул.

Утром на следующий день лягушка сказала: «Быстро вставай!» – сказала.

Парень, когда встал, сказал: «Ты дурная паршивая лягушка! – сказал. – Мне с тобой вместе – стыдясь, вместе не пойду!» – сказал.

Лягушка сказала: «Как бы то ни было, вдвоем пойдем, к нашему отцу идти надо!» – сказала.

Парень сказал: «Нет, вместе не пойду, я вперед пойду!» – сказал.

Лягушка сказала: «Хорошо, если меня стыдишься, вперед иди!»

Парень (туда) отправился, когда туда пришел, рядом с отцом печальный сел. Отец, глядя (на него), сказал: «Похожего на лягушку[1] человека нигде нет! – сказал. – Песня ее очень красивая[2], лик ее, если туда посмотришь, как луна, если сюда посмотришь, как солнце; сквозь мясо кости видны, сквозь кости костный мозг виден. Весь дом от ее красоты сверкает».

«Двух (других) снох эта лучше», – так сидит и думает отец. После этого отец, глядя на двух старших снох, сказал: «Таких дурных от меня прочь уведите!» – сказал. Двум старшим сыновьям ни вещей, ни денег не дав, прогнал.

Младшему сыну и невестке, что было, отдал, сам у него на (всем) готовом жить стал. Двух старших сыновей пастухами сделал, двух старших снох поварихами сделал, младший сын его расчетливым[3] купцом стал.

Мужчина (ли) в шубе ходит,
Кто знает?
Конь (ли) под потником ходит,
Кто знает?

[1] Букв. «имеющего свидетельство (завещание) лягушки».
[2] Букв. «веселая».
[3] Букв. «если знает, не войдет».

Тодыл ала қушқачақ

Дрофа

Оригинал был обнаружен в архиве А.В. Анохина (Архив МАЭ. Ф. 11. Оп. 1. № 54). Запись сделана 14 июня 1913 г. Г.М. Токмашевым от 15-летнего мальчика Михаила Алагызова в улусе Челухой. Текст оригинала отредактирован и приведен в соответствие с современной орфографией телеутского языка. Редакция текста и перевод на русский язык сделаны мной.

Эта сказка зафиксирована в фольклоре различных тюрко-монгольских народов: турков, казахов, монголов. Прекрасный тувинский вариант этой сказки – «Птичка чиж» – был опубликован в томе «Тувинские народные сказки» (Тувинские сказки 1994: 386–392, 387–393). Вариант этой же сказки под названием «Тодыл ала кушкажак»/«Тодыл ала кушкачак» в переводе с тувинского был издан А.А. Тыдыковым в сборнике телеутского фольклора (*Тыдыков* 1994: 44–46; 2011: 68–70) без указания на источник.

Тодыл ала қушқачақ

Тодыл ала қушқачақ аа қоңғон, поо қоңғон, табылғаның пажына айағын сийрып алған. Анаң қойлорғо парған. Парагелең: «Қойлор, қойлор! – теген, – табылғыдың пажын чайнап пергер», – теген. Қойлор айтқан: «Ой, – теген, – тату өлөңўбисти-де јип пожобой јадыбыс», – теген. Анаң ол қушқачақ пөрўлерге парған: «Пөрўлер, пөрўлер, – теген, – парып қойлор тут пергер чи», – теген. Пөрўлер айтқан: «Ой, – теген, – қаанның уулдарының пайталдарын да јип тўгеспей јадыбыс», – теген. Анаң қаанның уулдарына парған. «Қаанның уулдары, – теген, – пөрўлерди тут перге чи», – теген. Қаанның уулдары айтқан: «Ой, – теген, – кату ажығыбисти де ужалбай јадыбыс», – теген. Анаң қаанга парған: «Қаан, қаан, – теген, – уулдарыңның пайталдарын пөрўлер јип праат, парып аларды сўр», – теген. Қаан айтқан: «Ой, – теген, – аларды сўрердең қазымды да көдўрелбей јадым», – теген. Анаң кўжўлге парған. «Кўжўл, кўжўл, – теген, – қаанның парып қазызын соор пер чи», – теген. Кўжўл айтқан: «Ой, – теген, – қаанның қазызын соорордоң, қааттардың сармайын да јип тўгеспей јадым», – теген. Анаң пайағы қаттарға парған. «Қааттар, кааттар, – теген, – кўжўлдерди па-

рып қачырғар, сармайғарды јип праат», – теген. Қааттар айтқан: «Ой, – теген, – қара кийизибисти де пазып пожобой јадыбыс», – теген. Анаң салқын-ээзи Сары-Қаатқа парған. «Салқын-ээзи Сары-Қаат, – теген, – қааттардың кийистерин тосқыр пезе», – теген. «Ой, – теген, – пажым уур јат», – теген. Тодыл ала қушқачақ аа қоңгон, поо қоңгон стенедең шибеге таап алған, ааны ала ла парып, салқын-ээзи Сары-қаадын јүреги сайып ийген. Пайағы «уар!!!» ла теген, қааттардың қара кийизин ал парған. Қааттар күжүл қачыра берген, күжул парып қаанның қазызын сооро берген. Қаан парып уулдарын сүре берген. Уулдар парып пөрүлерди јырай перген. Пөрүлер парып қойлор јырай перген. Қойлор парып табылғыдың пажын чайнап ийген. Қушқачақ ончолорына өөчүнқандырып ийген.

Дрофа

Дрофа то здесь, то там садилась (и) о вершину таволожки ноги ободрала. После этого к овцам полетела. Прилетев (сказала): «Овцы, овцы, – говорит, – вершину таволожки изжуйте». Овцы ответили: «Ой, – говорят, – мы даже сладкую нашу траву съесть не можем». Затем та птичка к волкам полетела: «Волки, волки, – говорит, – овец пошли перехватали бы, что ли». Волки ответили: «Ой, – говорят, – даже кобылиц-трехлеток у ханских сынов не можем переесть». После этого (птичка) к ханским сыновьям полетела. «Ханские сыновья, – говорит, – волков переловили бы, что ли». Ханские сыновья ответили: «Ой, – говорят, – мы даже нашу твердую пищу размять (переварить?) не можем». Затем (она) к хану полетела: «Хан, хан, – говорит, – у твоих сынов волки кобыл есть идут, прогони их». Хан ответил: «Ой, – говорит, – (не то что) их прогнать, гусей моих (прогнать) даже не поднимаюсь». После этого (птичка) к мыши полетела. «Мышь, мышь, – говорит, – ханских гусей пошла бы сосать, что ли». Мышь ответила: «Ой, – говорит, – не то что ханских гусей сосать, даже масло у женщин съесть не успеваю». Затем к тем женщинам полетела. «Женщины, женщины, – говорит, – мышей прогоните, (они) ваше масло идут есть». Женщины ответили: «Ой, – говорят, – мы даже черные войлоки наши укатать не успеваем». Затем (птичка) к хозяйке ветра Сары-Каат полетела. «Хозяйка ветра, Сары-Каат, – говорит, – войлоки женщин разбросай». «Ой, – говорит, – голова моя

болит». Дрофа то здесь, то там присев, в стене шило нашла, его взяв, с ним полетела, хозяйку ветра Сары-Каат в сердце уколола. Та даже «уар!!!» сказала (и) забрала (у) женщин черные войлоки. Женщины мышь прогнали, мышь пошла ханских гусей сосать. Хан пошел (и) сыновей прогнал. Сыновья пошли (и) волков прогнали. Волки побежали (и) овец прогнали. Овцы пошли (и) вершину таволожки изжевали. (Так) всем птичка отомстила.

Кер-Саҕал
Кер-Сагал

Сказка была записана Г.М. Токмашевым. Эта запись является одной из самых ранних фиксаций телеутского фольклора на языке оригинала в XX в. Рукопись хранилась в семейном архиве Г.М. Токмашева и была подготовлена к изданию его сыном М.Г. Токмашевым (*Токмашев, Рюмина-Сыркашева* 2007: 118–127). Телеутский текст воспроизводится здесь в соответствии с опубликованным оригиналом, исправлены лишь отдельные опечатки. Перевод на русский язык был предоставлен мне Г.М. Токмашевым. Моя правка перевода сведена к минимуму.

Сказка интересна не только занимательностью сюжета, яркими/необычными образами и метафорами, но и упоминанием о братьях Кер-Сагалах. Если говорить об имени Кер-Сагал в сочетании с мотивом претензии на маленького ребенка, можно провести прямую аналогию с кумандинской присказкой-«страшилкой» для детей: «Вот придет керсагал и заберет тебя» (Потапов 1969: 110, ссылка на сообщение П.И. Каралькина). Возможно, что и кумандинская «страшилка», и телеутская сказка о керсагалах восходят к реальным фактам «немирного соседства» части предков телеутов и кумандинцев с народом керсагал.

Наиболее полный свод исторических и этнографических данных о керсагалах и «Керсагалской волости» Кузнецкого уезда дается в работе Л.П. Потапова «Этнический состав и происхождение алтайцев» (Там же: 100, 110–111). Письменные русские источники XVII в. позволяют говорить о нахождении Керсагальской волости близ слияния рек Бии и Катуни. В 70-х годах XVII в. телеуты считали керсагалов своими кыштымами (данниками) и на этом основании собирали с них, как и с тагабцев, ач-кыштымов, тогулов, дань пушниной и железом. С начала XVIII в. Керсагальская волость исчезает из списков ясачных волостей Кузнецкого уезда. Впрочем, отдельные потомки керсагалов, судя по упоминанию сеока Керзал у верхних кумандинцев в одном из документов 1906 г.(!), продолжали жить на Северном Алтае вплоть до начала XX в.

Кер-Сағал

Озо, озо ӱч қарындаш Кер-Сағалдар јуртаптыр. Алардың эжигинде эл турлап, јалаңында мал турлап, пайлап, тигреп јаттырлар. Ол ӱч қарындаш Кер-Сағал аймандуға јай пербестер, јаақтуға сӧс пербестер полтыр. Қанаттуды учурбай, айақтуды пастырбай кереп јӱртирлер. Кер-Сағалдардаң ыраақ та эмес јоқту эмеген-абышқа јатқандар. Алар экӱдиң палазы-да јоқ полтыр, алдына минер ады-да јоқ, саап ичер сааны-да јоқ, јоқтудаң-ла јоқту јаттырлар. Абышқачағы аңдап-қуштап, эмегениминең экӱ қурсағын азранып јадып јатқан.

Пир кӱн абышқачақ аңдап-қуштап чықтыр. Ол парған абышқа пир қойоноқ адып акелтир. қойоноқты абышқа сойип ийген, эдин қазанға тӱжӱрӱп пыжыра перген. Қойоноқтың терезин керип салайын дезе, кергижи јоқ полтыр. Абышқа эмегенине айттыр:

– Эмеген, сен қойоноқтың эдин пыжыр, мен Кер-Сағалдарға парып, қойон терезин керетен кергиш сурап акелеин, – тептир.

Абышқачақ Кер-Сағалдарға кергиш сурап сала бееди. Эмегени ӱйде, қойон эдин пыжырып, отур қалды. Абышқачақ Кер-Сағалдардың ӱйне кирип парғанда, ӱч қарындаш јӧптӧш јаттан полтыр.

Пир Кер-Сағалы айт јат:

– Ол кижи мени тообой, айтқан сӧзимди уқпай јӱр. Ааны малажынаң айрыдып, ӱредип ийерге керек, – теп јат.

Экинчи Кер-Сағалы айт јат:

– Пу кижи менимынаң керижип, тилденижип јӱр, ааны пала-қаадынаң айрыдып, ӱредип ийерге керек, – теп јат.

Ӱчӱнчи Кер-Сағалы айт јат:

– Тиги кижи меең јолымды тура кечип јӱр, ааны јақшы ла јел-тыны қалғанча соғып, ӱредерге керек, – теп јат.

Абышқачақтың киргенин Кер-Сағалдар паарабаған полтыр. Алардың јӧптӧшкӧнин уғуп алып, абышқачақ қорқып парып, аары алтап-пазып та полбос, јандыра чығып-пазып та полбос, пӧрӱгежин қолтығына қыстанып салған, пойы суудағы тал чылап тырлажып тур јаттан.

Ааньда турғанча, Кер-Сағалдар абышқачақты кӧрӱп алғандар. Абышқачақ пойыларының јӧптӧшкӧнин уғуп алған полор деп, абышқады тудуп алып, соғо пергендер. Абышқады соғып јадып, айтқандар:

– Пис чӧрчӧк ийижип јатқанық, сен, јаман, пистиң чӧрчӧгибистиң қуйруғына пазып кирдиң! – теп, абышқады соғып јатқандар.

Абышқачақ аларға айтты:

– Мен пир-де неме уқпадым, сердиң чөрчөктиң қуйруғына-да паспадым, мениң қойон терезин керетен кергижим јоқ, мен сердең кергиш сурап келгем, – деп, јайнап-постонып јат.

– мени соқпоғор! – теп, суранып турды.

Кер-Сағалдар айдышты:

– Абышқа, – тешти, – сеең ўйиңде поиың пилбес неме пар. – Ол пойыңның пилбеген, көрбөгөн немеңди писке перзең, пис саа кергиш перерик. Ол сурап турған немеңди писке пербес ползоң, сеени паза қаттап соғорық! – тешти.

Абышқачақ эзенип јат:

– Ол мениң пилбес қандый неме ўйимде полғон? Ол пилбей јаттан немеди пербессим, – деп, айдарға қорығып, абышқа айтты:

– Је, не ползо, ол ползын, ол пилбей турған немемди алғайзаар! – теди.

Кер-Сағалдар, ааны уққан абышқаа кергиш алып пердилер. Абышқачақ кергишти тудунып алып, ўйине јанып парды. Ўйине кирип келзе, эмегени эр уулчағаш тууп салтыр, уулчағажын чууға ороп, пуубаиға пуубайлап, уудып отурған полтыр. Абышқачақ палачақты көрөлө келең, пағыра бееди:

«Кер-Сағалдарға уулымды перип салтырым!» – деп. «Эмди Кер-Сағалдар паламды апарар јат. қалақ-қалақ, қайран уулым Кер-Сағалдар қолынаң өлөр јат!» – теп, сықтады.

Эмеген-абышқа Кер-Сағалдардың келетенин сақтап отурдылар. Ааньда отуруп јатқанча, көзнөктөң күчў Кер-Сағалдың келип јаттанын көрўп алдылар. Эмегени айт јат:

«Јоқ, мен Кер-Сағалдың паламды өлтургенин көрўп чыдапассым. Ааны көргөнчө-көрбөин, ўйдең қачып параин!» – деп, эмегенек ўйиннең қачып парып, аралға кирип парды.

Абышқачағы айт јат:

– Мен-де паламды өлтиргенин көрўп чыдапассым! – деп, эмегенине ээже јўгўрип, аралға кире пееди-оқ.

Эмеген-абышқа арал ичинде ийлажып, сықтажып, јажынып салып, отур јаттан полды. Кер-Сағал абышқадың ўйине једип, адынаң тўжип, адын қазыққа пуулап јатқанда, – ўйдеги, пуубаидағы палачақ, пубаиынаң јерге тўжўре секирип, јерге отурып, ажық адыжып ойной бееди. Кўчў Кер-Сағал ўйге кир койды. Кер-Сағал ўйге кирип келзе, абышқа-эмеген ўйде јоқ полтыр, уулчағажы, дезе, јаңысқанла ажық адыжып ойноп јаттан полтыр.

– Абаң-энең қани парды? – деп, Кер-Сағал палачақтаң сурады.

– Абам пақа мўўзиннең палта соғорғо парған! – деп, уулчағаш айтты.

– Абаңа палта неге керек? – деп, Кер-Сағал сурады.

– Пуун писке Кер-Сағал келер, ол палтамынаң Кер-Сағалдың пажын кезер! – теди.

Кер-Сағал ааны уғуп алып, қорқып парып, уулчағаштаң сурады:

– Сердиң пақа мўўстў бе? – деп, сурады.

– Пистиң пақааң мўўзи јоқ ползо, сердиң чөрчөктиң қуйруғы қайдаң пар? –деп, уулчағаш удура сурады.

Аны уққан Кер-Сағал сананды:

– Пу пала тегин ле пала эмес јат. Пу қорқышту пала тур – теди.

– Пала өлтўрерге келген пойымды, ол пала өлтурип ийбезин! – деп, ўйдең чығып, адына минип алып, чаабумынаң қачып, јана бееди.

Тигинде, арал ичинде эмеген-абышқа Кер-Сағалдың јанғанын көрўп қалып, айдыш јаалар:

– Кер-Сағал, көрмөс, палабысты өлтўрип ийип, јанып отур. палабыстың өлгөн сөөгин қааньда-ла көрўп чыдашқайық-не? – теп, сықтажып, ўйине јанып албай, отуруп отурлар.

Кўчў Кер-Сағал ўйине јеткенде, ачалары сураштылар:

– Абышқаның палазын јоқ эттиң бе? – деп, сурашты.

Кўчў Кер-Сағал айтты:

– Абышқада пала эмес, пашқа неме туулып қалтыр. Мен ааны өлтўрердең, ол мениң пойымды өлтўрўп ийбезин, деп, қачып јандым, – теди.

Кер-Сағалдар ааға қатқырыштылар:

– Јаңы туулған јаш паладаң қорқып, қачып јанғаң-да, сен-де ползо кўлўк-от турбайың! – деп, қатқырышты.

Ортон Кер-Сағал айтты:

– Эмди мен парып, абышқаның палазын јоқ эдип ийип, келеин! – теди.

Ол адына минип алып, чаап чыға бееди. Абышқачақтың ўйине једип, адын пуулап салып, ўйге кирип паады. Кирип парза: уулчағаш јерде отуруп, ажықтарын адыжып, ойноп отур. Кер-Сағал кире-ле келең палачақтаң:

– Энең қайда, абаң қайда? – деп, сурады.

Уулчағаш айтты:

– Абам қуча мўўзинең қылыш соғорғо парған! – теди.

Аны уққан Кер-Сағал таңарқап сурады:

– Сердиң куча қылышту-ба? – теди.

– Пистиң қучаның қылыжы јоқ ползо, сердиң чӧрчӧктиң қуйруғы қайдаң келген? – теди.

– Абаңа қылыш неге керектӱ? – деп, сурады.

– Пу кӱн писке ортон Кер-Сағал келер деген, абам ол қылышмынаң ааның пажын кезеге јат! – теди.

Ортон Кер-Сағал ааны-ла уққан, чочып парған пойынча, чығара јӱгӱрип, адына минип, чаап чыға бееди. Ортон Кер-Сағал ӱйине јеткенде, улу Кер-Сағал, удура чығып:

– Абышқаның палазының пажың јоқ эттиң–пе? – теп, сурады.

Ортон Кер-Сағал, адынаң тӱжип, ӱшкӱрип ийди, анаң айтты:

– Мен палады ӧлтӱреин дезем, пала мени ӧлтӱрерге тур қойған, мен қачып чығып јандым! – теди.

Улу Кер-Сағал айтты:

– Јаш паланың пажына чықпай турғанығарда, јаан кижее сер қайдып чыдайтан полорзығар! – теп, айдала келең, адына минип алып, абышқаның ӱйи јаар чаап чыға бееди.

Улу Кер-Сағал ӱйге кидире пасты. Кирип парза, палачақ, ажықтарын адыжып, ойноғончо эмтир. Тигинде, арал ичинде отурған абышқа-эмеген улу Кер-Сағалды көрӱп, қорқып, экӱдиң јӱректери ӧлӱп-тирилип турған, палазына сықтажып отурып јадылар.

Палачақтаң улу Кер-Сағал:

– Абаң–энең қани парған? – деп сурады.

Уулағаш айтты:

– Абам јылан мӱӱзинең јыда соғорғо парған! – теди.

– Абаңа јыда неге керектӱ полған? – деп, Кер-Сағал сурады.

– Пу кӱн писке улу Кер-Сағал келер деген. јыдамынаң абам Кер-Сағалдың ичин јырта сайаға јат! – деп, уулчағаш айтты.

Ааны уққан улу Кер-Сағал, чочып парып:

– Абышқа јет келип, ичимди јырта сайып ийбезин, – теди.

Қапшығай-ла, меңдеп, адына минип алып, јанып јаттан қалды. Кер-Сағалдар паза келбей қалды. Кеч кире пергенде, абышқа-эмеген экӱ, аралдаң чығып, қорыққанча, ӱйине јанды. Алар экӱ јанып келзе – уулчағажы јерде отурып, ойноп отур. Пайағылар, эмеген-абышқа, сӱгӱнӱжип, сағыштары амырап, анаң аары јурттай беедилер. Уулчағажы јаан ӧзип қалып, аба-энезин аңдап-қуштап азырай пертир.

Г.М. Токмашев чийген

Кер-Сагал

Давным-давно жили три брата – Кер-Сагалы. У их дверей народ толпился, их пастбища скотом полнились, богато жили они. Эти три брата никому, дань платящему, воли не давали, язык имеющему – слова не давали. Крылья имеющим – летать не давали, ноги имеющим – ходить не давали. Недалеко от Кер-Сагалов жили два бедняка – старик со старухою. У них ребенка не было, лошади, чтобы оседлать, – не было, коровы, чтобы подоить, – не было. Беднее бедного они жили. Старик на зверя-птицу охотился, со старухой вдвоем они, пищу для живота находя, – так жили.

Однажды старик на охоту поехал. На охоте только одного зайчонка застрелив, (домой) принес. Шкуру с него сняв, мясо в казан положив, варить стал. Пялец, чтобы шкуру заячью для просушки растянуть, у них не было. Старик сказал старухе:

– Ты, старуха, мясо заячье вари, а я к Кер-Сагалам пойду, пяльцы, чтобы шкуру заячью растянуть, попросив, принесу, – сказал.

Поехал старик к Кер-Сагалам пяльцы просить, старуха дома заячье мясо варить осталась. Когда старик в дом Кер-Сагалов вошел, три брата о чем-то советовались.

Первый Кер-Сагал говорит:

– Человек тот со мной не считается, сказанного мною слова не слушает. Его скота-хлеба лишить, проучить нужно, – говорит.

Второй Кер-Сагал говорит:

– Человек этот со мной спорит, меня передразнивает. У него жену-детей отнять, проучить его нужно, – говорит.

Третий Кер-Сагал говорит:

– Тот человек дорогу мне поперек перешел, его хорошо поколотить, душу из него выбить, проучить нужно, – говорит.

Что старик к ним вошел, Кер-Сагалы не заметили, оказывается. Разговор их услышав, старик испугался, вперед шагнуть – мочи нет, назад попятиться – мочи нет, шапчонку свою под мышку сунул, сам стоит, как ивовый прут в воде, трясется.

Пока он так стоял, Кер-Сагалы старика увидели, увидев, что он их разговоры подслушивал, подумали, старика схватив, бить-колотить его стали. Бьют они старика и приговаривают:

– Мы друг другу сказки рассказывали, ты же, негодяй, нашей сказке на хвост наступил, – так они, старика колотя, приговаривают.

Старик им говорит:

– Я ничего не слышал, сказке вашей на хвост не наступал. У меня пялец, чтобы заячью шкурку натянуть, нет, я к вам пяльцы попросить пришел, не бейте меня! – так он их упрашивает-умоляет.

Кер-Сагалы говорят:

– У тебя старик, говорят, есть дома вещь, о которой ты не знаешь и которую не видел. Отдай нам то – не знаю что, а мы тебе пяльцы дадим. Если же не отдашь, чего просим, – снова тебя бить станем! – говорят.

Думает старик:

– Что же это за вещь у меня дома, о которой я не знаю?

Побоявшись сказать, что не отдаст то – не знаю что, старик Кер-Сагалам отвечает:

– Ну что же, что будет, то будет, возьмите то, о чем я не знаю! – говорит.

Дали Кер-Сагалы старику пяльцы. Старичок, пяльцы взяв, домой отправился. В дом войдя, увидел, что старуха его мальчика родила, запеленав, в колыбель его положила, положив, укачивает. Старик, мальчика увидев, расплакался:

– Я же Кер-Сагалам сына своего отдал, оказывается! Теперь Кер-Сагалы мальчика моего унесут. Ох-ох, дорогое дитя мое от рук Кер-Сагалов смерть примет! – запричитал.

Сели старик со старухою, ждут, когда Кер-Сагалы явятся. Пока они так сидели, в окно увидели, как младший Кер-Сагал (к дому) идет. Старуха говорит:

– Нет у меня мочи смотреть, как Кер-Сагал ребенка моего убивать будет. Лучше мне этого не видеть, из дома убегу-ка я! – так сказав, старуха из дома убежала, в лесу спряталась.

Старик говорит:

– Как сына моего убивают, видеть тоже не смогу я! – так говоря, за старухой вслед побежал и тоже в лесу спрятался. Сидят старик со старухой в лесу, слезы горькие в три ручья катятся. Пока Кер-Сагал, к дому старика подъехав, с коня спускался, коня к коновязи привязывал, мальчик из колыбели на пол соскочил, на полу уселся и стал в бабки играть. Младший Кер-Сагал в дом вошел. Войдя в дом, видит – нет старика со старухой дома, один мальчик на полу в бабки играет.

– Отец-мать твои куда ушли? – спрашивает Кер-Сагал мальчика.

– Отец мой из рога лягушки топор ковать ушел! – мальчик отвечает.

– Отцу твоему зачем топор? – спрашивает Кер-Сагал.

– К нам сегодня Кер-Сагал придет, (так) чтобы голову ему отрубить!

Кер-Сагал, это услышав, испугался и мальчика спрашивает:

– Что, лягушка у вас рогатая? – так спросил.

– Если у нашей лягушки рогов нет, то откуда же у вашей сказки хвост взялся? – (мальчик) спрашивает в ответ.

Это услышав, Кер-Сагал подумал:

– Мальчик этот – не просто мальчик. Этот мальчик опасным, пожалуй, будет.

– Меня самого, пришедшего мальчика убить, как бы сам мальчик не погубил, – думает. Из дома выбежав, на коня вспрыгнул, домой вскачь понесся.

Старик со старухой, там в лесу, видя, как Кер-Сагал домой отправился, говорят:

– Кер-Сагал, дьявол, ребенка нашего убив, домой возвращается. Нашего ребенка мертвые кости увидеть, как стерпим мы? – так, причитая, домой вернуться боясь, сидят они.

Когда младший Кер-Сагал обратно домой вернулся, братья его спрашивают:

– Сына того старика погубил ли? – так спрашивали.

Младший Кер-Сагал говорит:

– У старика не сын, а кто-то другой родился. Прежде чем я его убью, как бы он меня не убил, поэтому я вернулся, – говорит.

Рассмеялись над ним Кер-Сагалы:

– Новорожденного дитя испугавшись, домой (бегом) вернувшийся, вот так герой! – смеются.

Средний Кер-Сагал сказал:

– Теперь я пойду и старикова сына погублю! – говорит.

На коня сев, вскачь понесся. До дома старика доехав, коня у коновязи привязав, в дом вошел. Войдя, видит: мальчик, на полу сидя, в бабки играет. В дом входя, Кер-Сагал к мальчику обращается:

– Мать твоя где, отец твой где? – так спросил.

Отвечает мальчик:

– Отец мой из рога барана саблю ковать ушел!

Это услышав, Кер-Сагал удивленно спрашивает:

– Что, у вашего барана сабля есть? – спросил.

– Если у нашего барана сабли нет, то откуда же у вашей сказки хвост взялся? – (мальчик) отвечает.

– Зачем отцу твоему сабля понадобилась? – спросил.

– Сегодня к нам средний Кер-Сагал придет, отец ему той саблей голову отрубить хочет! – сказал (мальчик).

Это услышав, средний Кер-Сагал испугался-встревожился, на коня взлетел, домой вскачь понесся. Когда средний Кер-Сагал домой вернулся, навстречу ему старший Кер-Сагал вышел и спрашивает:

– Голову старикова сына погубил ли? – спросил.

Средний Кер-Сагал с коня спрыгнул, смутился, потом говорит:

– Хотел я мальчика убить, да мальчик сам меня убивать стал, я и убежал! – говорит.

Старший Кер-Сагал сказал:

– С маленьким мальчиком совладать не можете, как же со взрослыми людьми справиться сумеете! – так говоря, на коня вскочил, к дому старика поскакал.

Старший Кер-Сагал в дом вошел. Когда вошел, видит – мальчик по-прежнему в бабки играет. Там в лесу (сидящие) старик со старухой испугались, сердца их то оживут, то снова умрут, сидят, сына своего оплакивают.

Старший Кер-Сагал у ребенка спрашивает:

– Отец-мать твои куда ушли? – спросил.

Отвечает мальчик:

– Отец мой из рога змеи копье ковать ушел! – ответил.

– Зачем твоему отцу копье? – Кер-Сагал спросил.

– К нам сегодня старший Кер-Сагал придет, этим копьем отец ему брюхо вспороть хочет! – так мальчик отвечает.

Это услышав, старший Кер-Сагал испугался и думает: «Как бы старик не вернулся и брюхо мне не вспорол». Быстро на коня вскочил и домой ускакал. Больше Кер-Сагалы не возвращались. Вечером, когда стемнело, старик со старухой из леса вышли, в страхе домой вернулись. Как вернулись, видят – их мальчик на земле сидит, играет. Старик со старухой оба обрадовались, мысли их успокоились, дальше стали поживать. Мальчик большой вырос, отца-мать охотой кормить стал.

Записал Г.М. Токмашев

Ӱч кӱлӱк сӧстең қорқуғандар
Три героя, слов испугавшиеся

Самозапись Т. Сыркашева (вариант сказки «Кер-Сагал») была обнаружена мной в архиве Н.П. Дыренковой (Архив МАЭ. Ф. 3. Оп. 1. № 19). Текст называется в оригинале «Юч кюлюк сестең коркугандар»/«Три героя, от слов боялись (детская сказка)». Рукопись, датированная 15 августа 1940 г., состоит из двух частей: текста на телеутском языке с попыткой разбивки на стихи (Л. 21–26) и перевода на русский язык (Л. 27–29). Как в телеутском, так и в русском вариантах есть большое число ошибок, описок, грамматически неверно построенных фраз и т.п. Тем не менее, приводя здесь и оригинал, и русский перевод этой сказки, я счел возможным оставить их без исправлений. Телеутский оригинал, в частности, показывает, как рождались правила орфографии, по сути, бесписьменного на тот момент языка.

Ӱч кӱлӱк сӧстең қорқуғандар

Бирзинде, эмеген, абышка
Кижилер, дьаткандар.
Олор экю дьуртаарда,
Балазы дьок,
Багырып дьюргендер.
Юрени дьок,
Юзюлюп дьюргендер.
Айиндалап дьуртап дьатсалар.
Эмегенек бир, эрбала
Чынарып алды.
Абышкачак дезең,
Ого сюгюнгеңиле
Базып дьюреле,
Юч, кер сагалдарга,
Барып, кирип барды.
Юч кер сагал карындаштар
Чёрчек ийишип,
Дьатап болтырлар.
Качан абышка,

Кирип барарда.
Абышканы соктылар:
«Чёрчёгибистиң куйругуна
Базып ийдиң» – тежип.
Баштапла, дьаан
Кер-Сагал сокты.
Оны эчинде, ортон.
Кер-Сагал сокты.
учында, кючю
Кер-Сагал сокты.
Качан кючю, –
Кер-Сагал согып.
Божогон кийиинде,
Юч карындаштар
Айтылар:
«Мени березиң? –
Сокпойлык». – деп.
Абышка айты:
«Мениле суразагар,
Оны берерим».
Кер-Сагалдар айтылар:
«Дье, дьаңы чыкан
Дьаш ардаңды бер?»
Абышка айты:
«Дье, алыгар, алыгар».
Айинда айдала, чыгып алып,
Ыйлаганча, айылына
Дьалып келди.
Дьалып келерде,
Эмегени сурады:
«Не, ыйладың?»
Абышкачак,
Ёксёп, ыйлап айты:
«Дье, дьаңы чыкан,
Дьаш арданы,
Берип ийип келдим?»
Эмегени сурады:
«Кемге, мениң учун?»

Абашкачак не, болгонып,
Кайында соктырганып,
Юзеле айдып берди.
Уулчак айты:
Дье, кижилердиң, кайдың,
Чёрчёктёри куйрукту.
Бистиң келескин,
Ойдый-ок мююстю.
Буун биске,
Дьаан Кер-Сагал келетеп.
Оның ичин керерге,
Керик керек болды.
Оны укап,
Дьаан Кер-Сагал.
Коркуган боинча,
Капшыгайла дьалды.
Дьаналаг айты:
«Ох! Кандый бала эмтири.
Анайта, мынайта айта».
Онын кучынып учала,
Ортон Кер-Сагал айты:
«Бу, не, дьаңы чыкан
Дьаш ардадан коркуп.
Экелбей дьатан кебиңди.
Кайда мен бараин,» – деп.
Айдала барып ийди.
Барала кирип барды,
Киреле уулчагаштаң,
Сурады:
«Адьаң, энең кайда?»
Уулчагаш айты:
«Бакааң мююзинең,
Малтаа сап, –
Дьазарга бардылар».
Ортон Кер-Сагал сурады:
«Слердиң бакагар,
Мююстю болып бьюрюбе?
Мююстю болгондо,

Малтаа сапты,
Не керек дьазарга бардылар».
Уулчагаш айты:
«Дье, кижилердиң кайдып,
Чёрчёктёри куйрукту.
Бистиң бакабыс,
Ондый-ок мююстю.
Буун биске,
Ортон Кер-Сагал келетен.
Оның бажын кезерге,
Малта сап керек болды».
Оны, укана боинча,
Оротон Кер-Сагал.
Коркуйла качып,
Чыгып дьана берди.
Дьанала айты:
«Чын, коркушту
Бала эмтири».
Оны укан, кючю
Кер-Сагал айты:
«Ы! дьаңы чыкан,
Дьаш аркадаң коркуп,
Отур дьатан кебигерди.
Кайда, мен барып
Экелеин» – деп айдала.
Чыгып барып ийди.
Барала айилга кирди.
Киреле сурады:
«Адьаң, энең кайда?»
Уулчагаш айты:
«Дьыланың мююзинең
Дьыдаа сак, дьазарга баргандар».
Кючю Кер-Сагал сурады:
«Сердиң дьыланылар,
Мююстю болып дьюрюбе?
Мююстю болгондо,
Дьыдаа сапты,
Не керек дьазапдьат?»

Уулчагаш айты:
«Дье кижилердиң кайдып,
Чёрчёктёри куёрукту.
Бистиң дьыланыбыс,
Ондый-ок мююстю.
Буун биске, кючю
Кер-Сагал келетен
Оның ичин,
Дьара кадарга.
Дьыдаа сап,
Керек болды».
Оны укан, кючю
Кер-Сагал.
Чыгып, качып
Барган боинча.
Эмдиге табыжы,
Угулбай калды.

/учы/

Три героя, слов испугавшиеся

Однажды жили старик со старухой. Когда они так проживали; за не имение дети поплакивали, за не имение наследника горевали. Когда так продолжалась ихней жизнь. Старушка родила сына. А, старичек с радости пашел гулять. Когда он так гулял ходил, зашел к трем братавьям “Кер-Сегалем” (Кнедые бороды). А эти Кер-Сагалы в то время сказки рассказывались. Когда он вошел, они его поймали, стали бить, говоря так: «Наступил на хвост нашей сказки». Сперва старший Кер-Сагал бил. А, потом средний Кер-Сагал бил, напоследок младший Кер-Сагал бил. Когда он кончил бить они говорят: «Что будеш давать? бить не будем. Иначе забьем». Старик говорит: «Что вы спросите, того отдам». Тогда Кер-Сагалы говорят: «Отдаш новорожденного ребенка т.е. сына?» Старик говорит: «Берите, берите». И так посулил им и вышел от них пошел со слезами домой. Когда он пришел, старушка спрашивает: «Почему плачешь?» Старичек плача и рыдая говорит: «Ну, новорожденного ребенка посулил отдать». Ста-

рушка спрашивает: «Кому, за что?» А, старик в чем дело, об овсем рассказал старухе. Полыхав старушка говорит: «Ну, что-же пусть берут, раз им нужно». Стали дальше проживать новорожденной ребенок достиг пяти-шести летнего возраста. Старичек отправился косить сено, а старушка пошла по ягоду. А, ребенок осталось дома, домовничить один. В то время пришел старший Кер-Сагал унести ребенка. Пришел и вошел в айлу и спрашивает: «Отец, мать где?» Мальчик отвечает: «Пошли с ящериного рога пяло делать». Старший Кер-Сагал спрашивает: «У вас ящерка разве с рогами? если она с рогами то почему пяло делать пошли?» Мальчик отвечает: «Ну, у людей как сказки с хвостом бывают. У нас ящерка такой-же с рогами. Сегодня к нам придет старший Кер-Сагал его живот пялить, пяло требуется». Как этого услышал старший Кер-Сегал и от испуга пошел домой и говорит бартьям: «Ох, какой ребенок так и этак сказал». Про это услышал средний Кер-Сагал и говорит: «Боясь новорожденного ребенка, не принес ребенка, дай я пойду» и отправился пришел зашел в айду и спрашивает: «Отец, мать где?» Мальчик отвечает: «С лягушкиного рога топорищу делать пошли». Средний Кер-Сагал спрашивает: «У вас лягушки разве с рогами бывают? а если с рогами то почему топорину делать пошли?» Мальчик отвечает: «У людей как сказки бывают с хвостами. У нас лягушка такая-же с рогами. Сегодня к нам придет Средний Кер-Сагал, отрубать его голову, товору, топорища понадобилось». Как это услышал средний Кер-Сагал убежал домой. Пришел домой и говорит: «Верно оказывается опасны мальчик». Услышал это младший Кер-Сагал и говорит: «Ы!.. новорожденного боятся, дай я пойду», – и отправился. Пришел зашел и спрашивает: «Отец, мать где?» Мальчик отвечает: «Пошли с змеиного рода к пеке делать черень». Младший Кер-Сагал спрашивает: «Разве у вас змея с рогами бывают? А, если с рогами, то зачем пике черень?» – Мальчик отвечает: «Ну, у людей как, сказки бывают с хвостами. У нас змея такая-же с рогами. Сегодня к нам придет младший Кер-Сагал его живот проколоть пику черень понадобилось». Как этого услышел Кер-Сагал вышел, как удрал до сих пор ни слуху и ни духу. (Учы – конец).

Пашпарақ

Пашпарак

Записано Н.П. Дыренковой в улусе Чолухой. Рассказчик не указан. В оригинале (Архив МАЭ. Ф. 3. Оп. 1. № 33) текст назван «Чӧрчӧк “Пашпарак”» («Сказка “Пашпарак”»). Сохранились полевая запись (Там же: Л. 1–1об) и ее чистовой вариант (Л. 2, 3, 4). Здесь публикуется чистовой вариант, спорные случаи прочтения отдельных слов выверены по полевым записям исследовательницы. Текст с латиницы переведен на кириллицу. Долгота гласных (в тех случаях, где это требуется по современным нормам телеутского языка) передана через удвоение буквы, начальная «j» сохранена. Перевод на русский язык и примечания сделаны мной.

Пашпарақ

Эмеген абышқа кижи полғон. Алардың Пашпарақ теп уулчағажы полғон. Пашпарақ алтын көлдиң јақазана тузақ тиккен.

Таң артазы күн парған тузағын көрögö. Көрбиизе тузағына алтын қуш қаптыр. Аны қанның уулдары қадыраңдап ал партыр. Пашпарақ јан келген.

Энези сураған: «Тузагыңга немези қаптыр, палам?» – теген.

Пашпарақ айтқан: «Тузаққа алтын қуш қаптыр. Аны қанның уулдары қадынраңдап[1] ал партыр. Мен ааны парып акеледим» – теген.

Энези токтосқон[2]: «Қой, қой, палам, парба! – теген, – қаан пажыңды кезибийер!» – теген.

Пашпарақ уқпай «парадым» теп, чығап перген. Јет парған, қыйғырган: «Қаны пийим үйде бе?»

Қан үүйнең қыйғырған: «үйде» теп.

Пашпарақ пир парған. Кире гелең[3] айтқан: «Алтын көлдиң јақа-

[1] *Қадынраңдап*. В полевых записях было дано верно: *кадыраңдап*.

[2] *Токтосқон* – возможно, *токтоғон*?

[3] В тексте трижды встречается не отмеченная в известных мне работах по грамматике телеутского языка деепричастная форма с *гелең: кире гелең*, *јана гелең*, *сӱгӱне гелең*. Перевод осуществлен по аналогии с переводом этой же формы, зафиксированной мной при записи сказки «Ақтандас» (где она встречается трижды; см. также единичное употребление этой формы в сказке о птичке Тодыл).

зында тузақ тиккем. Аа алтын қуш қаптыр. Аны сеең уулдарың кадыраңдап. Мен аа келгем» – теген.

Қан айтқан: «Қушқачағың пала қушқачағоқ полбозын ба!» – теген.

Пашпарақ айтқан: «Пала-да ползо, он қанадағы одуйге јарулу» – теген.

Қан айтқан: «Оду үйчегиң қазы үйчек-оқ полбозын ба!» – теген.

Пашпарақ айтқан: «Қазы-да ползо, одус атқа јүк полор» – теген.

Қан айтқан: «Адычақтарың тай адычақтар-оқ полбозын ба!» – теген.

Пашпарақ айтқан: «Тай да ползо, тоңдоқтоғу қойоноқты секиртеге пербейтен» – теген.

Қан айтқан: «Қойоноғуң пала қойоноқ-оқ полбозын ба» – теген.

Пашпарақ айтқан: «Пала-да ползо, тас қанға тағайаа јарулу» – теген.

Қан пажын сийманып ийген, пажы тас пол қалған. Анаң уйал парған парған[1]. Уулдарын үйге қычырып алып соғо перген. Пашпарақтың қушқачағын ал перген.

Пашпарақ қушқачағын алып алып, јана перген. Јана гелең, энезине мақтанған: «мыны ал келдим!» – теген.

Энези сүүгүне гелең, айтқан: «Қан қаныйып[2] пажыңды кеспей салды, палам!» – теген.

Пашпарак

Старуха (и) старик люди были. У них сыночек по имени Пашпарак был. Пашпарак на берегу золотого озера петлю поставил.

На заре пришел петлю смотреть. Когда взглянул на петлю, (понял) золотая птица попалась, оказывается. Ее ханские сыновья, украв, забрали, оказывается. Пашпарак вернулся (домой).

Его мать спросила:

– В петлю что-нибудь попалось, дитя мое?

Пашпарак сказал:

– В петлю золотая птица попалась. Ее ханские сыновья, украв, забрали, оказывается. Я ее, (за ней) пойдя, принесу.

Вообще, данная форма активно используется в фольклорных текстах. Например, в сказании «Каан Золо», записанном Н.П. Дыренковой, форма с *гелең* встречается 18 раз в восьми вариантах; наиболее часто: *једе гелең* (5 раз), *көрө гелең* и *уға гелең* (по 4 раза), в остальных случаях по разу – *пара гелең*, *кире гелең*, *ала гелең*, *чыға гелең* и *сезе гелең* (см.: Архив МАЭ. Ф. 3. Оп. 1. № 28).

[1] Повтор слова *парған* – описка.

[2] *Қаныйып/қанайып* – «как, каким образом(?)». В черновике было: *кайынып.*

Мать его останавливала:

– Не надо, не надо, дитя мое, не ходи! – сказала. – Хан твою голову отрубит! – (так) говорила.

Пашпарак, не послушав, сказав «я пойду», вышел. Дошел (до хана), закричал:

– Хан-бий мой дома ли?

Хан из дома крикнул:

– Дома!

Пашпарак вошел. Как только вошел, сказал:

– На берегу золотого озера я петлю поставил. В нее золотая птица попалась. Ее твои сыновья украли. Я за нею пришел.

Хан сказал:

– Твоя птичка не птенчиком ли была!

Пашпарак сказал:

– Да хоть бы и птенчик, правого крылышка на (покрытие?) одага[1] хватит.

Хан сказал:

– Одаг твой не жирной ли коровкой[2] был!

Пашпарак сказал:

– Пусть жир, (его столько было, что) на тридцать коней навьючить хватит.

Хан сказал:

– Коняшки твои не жеребятами ли были!

Пашпарак сказал:

– Да хоть бы и жеребята, по насту зайчику ускакать не давали.

Хан сказал:

– Зайчик твой не зайчонком ли был!

Пашпарак сказал:

– Да хоть бы и зайчонок, плешивому хану на тагая[3] хватит.

---

[1] *Одаг* (тел. *одуу, одуу ӱй*) – вид временного каркасного, четырехугольного в плане полуподземного жилища, в XX в. использовавшегося лишь во время уборки урожая.

[2] Здесь хан использует игру слов. Слова «дом» и «корова» по-телеутски звучат одинаково: *ӱй*.

[3] Тагая (тел. *тағайа*) – вид головного убора, в начале XX в. практически полностью исчезнувший из телеутского быта. В настоящее время ярко расшитые тагая (созданные на основе рисунка старинной тагая и описаний, опубликованных в 1993 г. в моей книге [*Функ* 1993]) надевают во время выступлений участницы телеутского фольклорного коллектива с. Бековo.

Хан свою голову погладил: голова его облысела. Потом застыдился. Сыновей своих в дом позвав, бить стал. Пашпаракову птичку забрал.

Пашпарак птичку взяв, обратно отправился. Когда вернулся, матери своей похвастался:

– Вот, забрал (и) пришел!

Мать его, обрадовавшись, сказала:

– И как это хан твою голову не отрубил, дитя мое!

Эрмен-Чечен, Эркен-Чечен

Эрмен-Чечен и Эркен-Чечен

На языке оригинала сказка впервые была опубликована в телеутской страничке газеты «Алтайдың чолмоны» (№ 81, 25 апр. 1990 г.) под рубрикой «Калыктың фольклоры» (букв. «Народный фольклор»). Запись осуществлена в 1988 г. в д. Верховская (тел. *Сас*) от Прасковьи Степановны Чештановой. Судя по глагольной форме *чийгендер* (записали), собирателей было несколько, но их имена не названы. Оригинал воспроизводится по газетной публикации; орфография приведена мной к нормам современного телеутского языка, изъяты алтайские слова, которые издатели приводили в скобках вслед за непонятными телеутскими. Перевод на русский язык мой. По тексту видно, что рассказчица – не сказительница: в сказке имеются значительные смысловые пропуски, отмеченные и дополненные мной в процессе перевода на русский язык.

Эрмен-Чечен, Эркен-Чечен

Эрмен-Чечен абышқа уулына қолту педирей пертир. Қолтуды педиреп, қолтуды тап алала келген. Уулын ийе пертир: «Парып көр, қыс (Эркен-Чечен) јарар ба, јоқ по саа». Уул пара перген. Қысты көрүп алып, уул сурай берген:

– Кижилериң кани паады?

– Кижилерим јышқа ағашқа паады.

– Алар качан јанар?

– Је, қачан јанзын, – теген қыс. – Орой јанза, алар јанып келер, түнин. А-а, чике јанза, алар қонып қаларлар.

– Қанча ағаштаң салып тажып јат малға? – теген уул.

– Јақшы аттарға пир ағаш, јаман аттарға эки ағаш, қажыларына үч ағаш.

Јана келген, абазы сурай перген:

– Көрдиң бе қолтуңды?

– Көрдим, – теген уул.

– Эрмектештиң бе? – теген.

– Эрмектештим.

– Сен нени эрмектештиң? – теген абазы.

– Мен сурадым, – теген. – «Қачан јанар кижилериң?» – теп. «Је, орой јанза, түнде јанып келер. Чике јанза, қонорлор», – теп айтты.

– Је, таза нени айтты? – теген абазы.

– «Қанчадаң салып алып, малдар ағашты тажып јат? – тегемде, қыс айтты: «Јақшы аттары пир ағаштаң, јаман аттары эки ағаштаң, қажылары ўчтең».

– Је, алуңды пилдирип қойдың, – теген абазы. – Алар орой јанза, јолымнаң јанар, арай јанып келер. Чике јанза, јол кезип, қыйналып, қонорлор. Јақшы аттар пир ағаштаң алып чық јат, јақшы кижи тезе пир ле кезек эт јип јат. А алулар сусқуға сузуп алып јип јат. Эки-ўч кезектең. Ол аны айттыр.

Је, анаң абышқа уулына јақып ийтир:

– Пар, – теген, – қолтуңа. Маа қумақтаң-таштаң чарық тигип акел пер.

– О–ох, – теген уулы. – Таштаң чарықты кем тигип кийип јат?

Абазы айтқан:

– Пар, тап алар қаныйда тигерге.

Қысқа келгенде, уул айт јат:

– Абаам таштаң чарық тиктирерге айт јат. Қумақтаң учуқ қат пер, теп јат.

– Је, – теген қыс. – Сениң јарайт. Јеңдиң мени.

Анаң абышқа паза ийип јат уулын:

– Пар, паза немези керек аа, – теген. (Кемге чи, келдине.)

– Је, база немези керек саа? – теген уул кыстаң.

Қыс айтқан:

– Кўнектў де эмес, јылаңаш та эмес, атту да эмес, јайу да эмес кел. Јолымнаң да эмес, јолдың тыштынаң да эмес.

Уул јана келген абазына, айда перген:

– Ол аныйда айтты: «Јолчо до эмес, јолдың тыштынаң да эмес, атту да эмес, јайу да эмес, кўнектў де эмес, јылаңаш та эмес кел, теп».

Абазы айтқан:

– Сөзўрме оронып ал, – теген, – чыбыққа мине келип, чыбықты тудунып ал, – теген – јолчо парба, јолдың қарын қожыла пар. Анда једе келип, пир айағыңды ўйге кийдире пас сал, пирзин тышқары турзың.

Уул қысқа једе келген.

– Эм мынайда не эттиң? – теген қыс. – Сөзўрме не оронып алдың?

– Тегенектў–тегенектў, ағаш та эмес, – теген уул.

– Чыбыққа не керек минип акелдиң?

– Атту да эмес, јайу да эмес.

– Јолдың қыры қожымнаң кел јаттаң не?

– Јолчо до эмес, јолдың тыштымынаң да эмес.

– Эм пери ўйге не кирбей јазың? – теген.

– Ўйде де эмес, тышқары да эмес.

– Је. Сениңче полды.

Ааң кийнинең уул қысты алып ийген. Қысты алып ийгенде, эмди абышқа јуулажын пар јат. Қайын адазы, Эрмен-Чечен. Јуулажып парған, анда аны тудуп алғандар, је, қайт паады полбоғой. Сақтап уулы –келди алалбадылар. Эки кижи келген аларға:

– Эрмен-Чечен эзен айттырды слерге.

– Қандый эзен? – теген келди.

– Тӧжӧнгӧним қара јуң, јабынғаным қара јуң. Қара арақы – суғадым, қаазы-қарта – қурсағым. Јастықтың алдында алтын кестик, аны қожо акелер. Эки эчки пар јат, эки кӧзин ойып алып, јол паштадып акелер.

Келди пилип, абышказына айттыр:

– Ол јайғыда оқ тутурып қаптырып қойтыр. Јерге, қара јерде оқ. Эм ўстине ақ қар јап јаттан. Эки пилегин соор јип јаттан. Јамгыр-қар јаағанда, қара арақы полуп, суғады полтыр. Алтын кестик – мен. Мен қожо пararға. Эчки эмес, пу эки келген кижилер.

Алар эм пайағы эки кижиниң кӧзин ойып алала, пылар јол паштадып апарған. Јол паштадып, апара келген. Келди қожо парышқан. Јет парғанда, абышқады пожодып, јуулажып, јеңин алып, ал келген.

Эрмен-Чечен и Эркен-Чечен

Старик Эрмен-Чечен сыну своему невесту искал. Невесту разыскивая, невесту нашел и вернулся. Сына своего посылает: «Пойди, посмотри, девушка (Эркен-Чечен) хороша ли, плоха ли тебе». Сын пошел. Увидев девушку, парень спрашивать стал:

– Твои (родители) куда пошли?

– Мои в тайгу за дровами пошли.

– Когда они вернутся?

– Да когда(-нибудь) вернутся, – сказала девушка. – Если в обход возвращаться станут, они ночью придут. А если напрямик пойдут, заночуют (где-то в дороге).

– А сколько дров на лошадей при перевозке накладывают? – спросил[1] парень.

– На хороших коней – одно дерево, на плохих – два дерева, на некоторых – три дерева.

(Парень ничего не понял и ушел домой.) Когда вернулся, отец его спросил:

– Видел ли ты свою невесту?

– Видел, – сказал сын.

– Разговаривал ли ты с нею?

– Разговаривал.

– Ты что сказал? – спросил отец его.

– Я спросил, – сказал. – «Когда твои вернутся?» – мол. «Если в обход пойдут, ночью вернутся. Если напрямик пойдут – заночуют», – так ответила.

– Ну, еще что сказала? – спросил старик.

– «По сколько деревьев, на коней накладывая, перетаскивают?» – когда я спросил, девушка сказала: «Хорошие кони по одному дереву, плохие кони по два дерева, а некоторые – по три».

– Да, глупость свою ты показал, – сказал его отец. – Они, если в обход возвращаться будут, по дороге будут возвращаться, потихоньку да вернутся. Если напрямик будут возвращаться, путь срезав, устанут (и) заночуют (в дороге). Хорошие кони, по одному дереву взяв, выходят – это значит, хорошие люди только один кусок мяса едят. А глупые, черпаком черпая, едят. По два-три куска. Она это сказала.

Ну, затем старик сыну велит:

– Ступай, – сказал, – к невесте твоей. Мне из песка-камня чирки[2] сшив, принеси.

---

[1] В оригинале: «сказал». Рассказчица не всегда к месту использует глаголы «сказал» и «спросил». В таких случаях я позволял себе отходить от дословного перевода, считая более важным слегка скорректировать текст для его передачи на русском языке.

[2] Тел. *чарық* – традиционная кожаная обувь, в настоящее время исчезнувшая из быта. Мужские чирки как без голенища (*чарық*), так и с голенищем (*уқту чарық*), в отличие от женских чирков, всегда полностью шились из кожи. Голенище у женских чирков было кошемным и обшивалось хлопчатобумажной материей черного цвета. Женские чирки без голенища украшались кусочками материи красного цвета: две полоски (*құлақ*, букв. «ухо») нашивали на суконную или шерстяную головку, а одна выступала наружу из-под мягкого «задника» чирков в виде канта (*ысқыт*).

– О-ох, – сказал парень. – Из камня чирки кто шьет?

Отец его сказал:

– Ступай, (она) найдет, как их сшить.

Придя к девушке, парень говорит:

– Отец из камня чирки сшить велит. Из песка нитки свить говорит.

– Хорошо, – сказала девушка. – Твоя взяла! Ты победил меня.

Потом старик еще посылает сына:

– Ступай, (спроси) еще, что ей надо, – сказал. [Ну, этой, невестке.][1]

– Ну, тебе еще что надо? – сказал парень девушке[2].

Девушка сказала:

– (Приди ко мне) не в рубахе, да и не голый, не на коне, да не пешим. Не по дороге, да и не по обочине.

Парень, к отцу вернувшись, сказал:

– Она вот что сказала: «Не по дороге, да и не по обочине, не на коне, да не пешим, не в рубахе, да и не голым приди», – сказала.

Отец сказал:

– В невод[3] завернувшись, – сказал, – на прутик сядь, (другой?) прутик взяв, – сказал – по дороге не ходи, с дорожной грязью[4] смешиваясь, иди. Туда придя, одну ногу свою в дом поставь, другая снаружи пусть стоит.

Парень к девушке пришел:

– Теперь ты что сделал? – спросила девушка. – В невод что завернулся?

(– Так я и не в рубахе, да и не голый к тебе пришел.

– А прут зачем взял?)[5]

---

[1] Возможно, это была ремарка рассказчицы, решившей, что в ее повествовании что-то непонятно для слушателей. Здесь, видимо, речь идет о том, что надо узнать условия, на которых девушка согласится выйти замуж.

[2] В оригинале слово дано в исходном падеже: *кыстаң* («от девушки»).

[3] При первой публикации издатели сочли необходимым вставить в скобках для пояснения алт. *сӧңӱскен*. Но это не синоним тел. слова *сӧзӱрме*. Опубликованный текст содержит смысловой пропуск (см. примеч. 5 ниже на этой странице), не заметив которого, издатели предположили, что речь идет о кустарнике, в который должен был завернуться парень. Здесь и далее по тексту при переводе я исходил из того, что тел. *сӧзӱрме* («сеть», «невод») было использовано рассказчицей абсолютно к месту.

[4] Букв. «внутренность дороги», «подбрюшье» (*јолдың карын*).

[5] Дефект оригинала. В круглых скобках мной вставлены очевидно пропущенные строки. Ранее условие о дереве и кустарнике было пропущено рассказчицей.

– С шипами[1], да не дерево, – сказал парень.
– На прут усевшись, зачем ты приехал?
– Не на коне, да и не пешком.
– Дороги твоей по краю идя, почему ты пришел?
– Не по дороге, да и не по обочине.
– Теперь, почему сюда, в дом, ты не зашел?
– Не в доме, да и не снаружи.
– Да. Твоя взяла.

После этого парень девушку в жены взял. Когда девушку взяли, теперь старик воевать пошел. Свекор ее, Эрмен-Чечен. Воевать пошел, там его поймали, ну, что-то случилось. Сын и невестка, ожидая, не смогли дождаться (его). (Затем) два человека пришли к ним:

– Эрмен-Чечен привет передал вам.
– Какой привет? – спросила невестка.
– Подстилка у меня из черного пуха, одеяло мое – черный (белый?) пух. Черная водка – питье мое, сало-кишки конские – еда моя. Под подушкой золотой резак, его принесите с собой. Две козы идут, два глаза выколов, проводниками возьмите и приведите их.

Невестка поняла, мужу сказала:

– Он летом же схвачен-пойман был, оказывается. В земле, в черной земле лежит. Теперь сверху белый снег падает. Два больших пальца сосет-ест (и так) лежит. Дождь-снег когда идет, черной водкой становясь, питьем ему служит. Золотой резак – я. Я вместе пойду. Не козы – эти два пришедших человека.

Они тут (тем) давешним двум людям по глазу выкололи, и они пошли, показывая дорогу. Путь указывая, привели. Невестка вместе (с ними) пошла. По приходу освободила свекра, воевала, победив (врагов), вернула его.

[1] От *тегенек* – «шиповник»; *тегенектӱ* – «с шиповником», «имеющий шиповник».

Ақтандас

Актандас

Эта сказка была записана мной на магнитофон 17 августа 1991 г. в д. Челухоево от Василия Николаевича Челухоева. Сразу после этого он продиктовал мне приводимый ниже текст. В.Н. Челухоевым были уточнены отдельные строки и термины в пропетых им ранее стихах. Перевод на русский язык мой; отдельные слова и выражения переведены с помощью В.Н. Челухоева.

Ақтандас

Озо, озо[1] полтыр. Пир қаанның қызы јаттыр. Ол қаанның қызы ады полған Талым-қыс. Талым-қыс чырайы йақынчақ[2] полтыр. Қолтуға паратан чаағы йет келгенде, аны қудалажып көп кижи келген. Пайдың уулдары алалбай йанатандар полтыр. Пийдиң уулдары-да каанның-да уулдары алалбағандар. Талым-қыс пойының табышқақтары таптырғанда, пирўзи-де тап албай, ааң учун Талым-кыс аларға парбаған.

Пайат[3] кечире јер ўйде йатқан Ақтандас теп абышқа. Пир қатап Ақтандас пайатқа келген палық аңдыйырға. Көр јет, Талым-қыстың йалчызы қаат кел јет сууға. Уузын тиктир қойтыр:

– М, м, м… – теп јет.

Ақтандас қычырып алып, уузын сögö тартып ийген, сурай пееди:

– Уузынды нерек қой јет?

– Талым-қысқа қуда кел јадылар, ол аларға табышқақ таптыр јет. Табышқақтарын тап албаған, қолтуларға парбайат. Ааң табышқақтарын мен ле пил јам. Ааң учун меең уузымды тик қой јет.

Ақтандас сурай пееди:

– Қандый табышқақтар?

Йалчы қаат айт пер јет түгезе. Ақтандас пилбалагелең, паа йалчы қааттың јығып алып, уузын йандыра тигип ий јет.

---

[1] Произносится как озо-зо.

[2] В устном тексте особенно хорошо заметно, что начальный звук, во всех случаях обозначаемый на письме в алтайском языке (а с недавних пор и в телеутском) как «j» [дь], фактически варьирует и часто может звучать не только как [дь], но и как [й]. В приводимом здесь тексте примеров тому предостаточно.

[3] В языке бачатских телеутов *пайат* – не только название рек Большой и Малый Бачат, но и любой реки вообще.

Таң артазы күн йазанып алып, Ақтандас Талым-қысқа чыға пееди. Талым-қыс эжик[1] алдында Ақтандасты көрип алып, сурай пееди:

– Нерек келгең?

– Саа қуда келдим, – теди.

Талым-қыс қатқыра пееди:

– Озо меең табышқақтарымды тап ал, – теди.

– Йе, таптырзаң, – теп сурады Ақтандас.

Талым-кыс таптыра пееди:

– Тегрек, тегрек, теп-тегрек,
Ол немези, Ақтандас?
Ааң ичинде алтын тепши[2],
Ол немези, Ақтандас?

Телеутская делегация на празднике Эл-Ойын на Алтае, 1990 г. Во втором ряду четвертый слева (в национальном кафтане телен) – Василий Николаевич Челухоев

[1] *Эжик* – не только «дверь», но и «пространство перед дверью дома», т.е. «двор».

[2] При записи на магнитофон вместо *алтын тепши* было пропето *чар алтын* (чара алтын), т.е. «золотая чара». Но поскольку исполнитель считает слово «чара» заимствованием из русского языка, то, по его мнению, здесь надо говорить/петь *тепши* – «блюдо».

Ақтандас:
– Тегрек, тегрек, теп-тегрек,
Қан-теңере эмес па?!
Ааң ичинде алтын тепши,
Пистиң күнүбис эмес па?!

Талым-қыс:
– Пу кара йерге кирген, тап ийди!
Вот Актандас, дак Актандас![1]

Экинчи табышқақ таптыра перген:
– Сас[2] јақазында от күй јет,
Ол немези, Ақтандас?
Ааң йанында үй тур јет,
Ол немези, Ақтандас?

Ақтандас:
– Сас јақазында от күйген,
Пöриниң көзи эмес па?
Ааң йанында үй турған,
Пöри пойы эмес па?

Талым-кыс:
– Пазоқ тап ийди!
– Тегрек көлдö ит үр јет,
Ол немези, Ақтандас?
Тегин йердең пуу чық јет,
Ол немези, Ақтандас?

Ақтандас:
– Тегрек көлдö ит үрген,
Пақааң табыжы эмес па?!
Тегин йердең пуу чыққан,
Кижиинң[3] тыныжы эмес па?!

[1] При записи на магнитофон фраза была произнесена по-русски.

[2] В языке бачатских телеутов *сас* означает «лиственный лес», а не «болото» и даже не «согра», как в других тюркских языках. Летом 1991 г. в д. Челухоево прошел даже импровизированный небольшой сход стариков, который осудил публикацию в районной газете, где название д. Верховская (Сас) было переведено как «болото».

[3] Вместо *кижиинң* было пропето *пистиң* – «наше».

(Талым-кыс:)

– Пу қара йерге кирген. Пазоқ тап ийди! Тиги меең йалчым айтпады мине?

–Тымық көлдө јеекен шулап јет,
Ол немези, Ақтандас?
Йең учунда сом алтын,
Ол немези, Ақтандас?

Ақтандас:

– Тымық көлдө јеекен шулаған –
Јеңелерин сени қоптош јет!
Јең учунда сом алтын –
Сеең чырайың эмес па?![1]

Талым-қыс:

– Түгезе тап ийди, пу Тас!

Анаң Ақтандас сарнай перген:

– Јеекеннең тартқан јер үйимде/үйде[2],
Сен йадарзың, Талым-қыс!
Қоңурсу мениң йыдымды
Сен йыттарзың, Талым-қыс!

Талым-қыс удра сарнай перген:

– Јеккеннең тартқан јер үйинде/үйде
Қоңыс јатсын, Ақтандас!
Қоңурсу сениң йыдыңды
Қоңыс јыттазын, Ақтандас!
Алтон пүкме, тал пүкме
Пүгүп перигер, пу Тасқа!
Алтон йашту эмегенди
Алып перигер, пу Тасқа!

Ақтандас:

– Алтон пүкме, тал пүкме
Пүгүп аларым, Талым-қыс!
Он алты йашту қаан қызын,
Сени аларым, Талым-қыс!

[1] Вместо *эмес па* было пропето *Талым-қыс*.

[2] Здесь и далее через знак «косая черта» указаны равноправные варианты, используемые разными исполнителями.

Талым-қыс:
– Йетон пӱкме, тал пӱкме
Пӱгӱп перигер, пу Тасқа!
Јетон йашту эмегенди
Алып перигер, пу Тасқа!

Ақтандас:
– Йетон пӱкме, тал пӱкме
Пӱгӱп аларым, Талым-қыс!
Он йети йашту қаан қызын,
Сени аларым, Талым-қыс!

Талым-қыс йалчыларына қыйғыра пееди:

– Пороғон јетпес пос адымды ал чыққар! Қуйун йетпес кӱрең адымды ал чыққар!

Йалчылары кӱрең ат мынаң пос атты ал чықтылар. Талым-қыс аларға минегелең кача пееди. Ақтандастың аттары йоқ, пуғаларын қыйғыра пееди:

– Тпруг, тпруг, ақ пуға, қааның қызы қачып јет! Тпруг, тпруг, көк пуға, қаанның қызы қачып јет!

Пуғалары јӱгӱрӱп йет келгендер. Аларға минип алып Ақтандас јыраш көрди, йеделбей салды. Чоғыра пееди:

– Йалаңа чықсаң, пӧри јизин! Јышқа кирзең, айу йизин!

Айында чоғырбийегелең йаң келди. Талым-қыс, ол қачқаннаң паза йанбай салды.

Актандас

Давным-давно было. Жила одна ханская дочь. Имя этой ханской дочери было Талым-кыс. Талым-кыс была очень красива (букв. «красота ее лица красива была»). Пришло время идти замуж, (и) ее сватать пришли много людей. Сыновья биев и ханов сыновья не могли (ее) сосватать (букв. «взять в жены»). Талым-кыс (им) свои загадки загадывала, ни один (из женихов) не разгадал (их), из-за этого Талым-кыс не выходила замуж. На другой стороне реки в землянке жил Актандас[1]-старик.

[1] *Актандас.* Это имя разными собирателями фиксировалось по-разному. У Н.П. Дыренковой оно было записано как *aq taŋdas* (Ак Таңдас) (Архив МАЭ. Ф. 3. Оп. 1. № 39), в монографии К.Е. Укачиной как *Актан-Тас* (*Укачина* 1984: 57),

Однажды Актандас пошел на реку ловить рыбу. Смотрит, служанка Талым-кыс идет по воду. Рот ее зашит:

– М, м, м… – мычит (букв. «говорит»).

Актандас подозвал (ее), ее рот расшил (и) спросил:

– Почему твой рот зашит?

(Служанка отвечает:)

– Талым-кыс приходили сватать, она им (сватам) загадки загадывает. Если загадки ее не угадывают, (она) замуж не выходит. Ее загадки только я знаю. Из-за этого мой рот зашит.

Актандас спросил:

– Какие загадки?

Служанка все рассказала. Актандас, узнав (отгадки), эту служанку повалил (и) снова ее рот зашил.

Наутро, принарядившись, Актандас пошел к Талым-кыс. Завидев во дворе Актандаса, Талым-кыс спросила:

– Почему пришел?

– Тебя сватать пришел, – сказал (Актандас).

Талым-кыс засмеялась:

– Сначала отгадай мои загадки, – сказала.

– Хорошо, загадывай, – попросил Актандас.

Талым–кыс загадала:

– Круглое, круглое, кругленькое,
Это что, Актандас?
Золотое блюдо на нем,
Это что, Актандас?

Актандас:

– Круглое, круглое, кругленькое,
Не небо ли это великое?!
Золотое блюдо на нем,
Не солнце ли наше это?!

Талым-кыс:

– Уйди в эту черную землю! Угадал.
Вот Актандас, так Актандас!

а в кратком пересказе, записанном К.И. Максимовым от сказителя С.Д. Канзачакова в Степном Алтае (см. ниже), – *Палтыр-Тас* (АФ 1995: 126).

Вторую загадку загадала:
– На опушке леса огонь горит,
Это что, Актандас?
Возле него дом стоит,
Это что, Актандас?

Актандас:
– На опушке леса огонь горит,
Не волчьи ли глаза это?!
Возле него (огня) дом стоит,
Не сам ли волк это?!

Талым-кыс:
– Опять угадал!
– На круглом озере собака лает,
Это что, Актандас?
Из ниоткуда (букв., «из обычной земли»)
пар идет,
Это что, Актандас?

Актандас:
– На круглом озере собака лает,
Не кваканье ли лягушки это?!
Из ниоткуда пар идет,
Не дыханье ли человека это?!

(Талым-кыс:)
– Уйди в эту черную землю. Опять угадал!
Не моя ли служанка сказала (ему ответы)?
– На тихом озере камыш шумит,
Это что, Актандас?
Обтачка (рукавов) – дорогое золото,
Это что, Актандас?

Актандас:
– На тихом озере камыш шумит –
Это снохи твои шипят!
Обтачка (рукавов) – дорогое золото –
Твоя красота, не так ли?!

Талым-кыс:
– Все угадал, этот плешивец!

После этого Актандас запел:
– В моей землянке, сделанной из камыша,
Ты будешь жить, Талым-кыс!
Мой табачный запах
Ты будешь нюхать, Талым-кыс!

Талым-кыс запела в ответ:
– В камышовой твоей землянке
Жук пусть живет, Актандас!
Твой табачный запах
Жук пусть нюхает, Актандас!
Шестьдесят дуг, тальниковых дуг
Согните этому плешивцу!
Шестидесятилетнюю старуху
Дайте в жены этому плешивцу!

Актандас:
– Шестьдесят дуг, тальниковых дуг
Сам согну, Талым-кыс!
Лет шестнадцати ханскую дочь –
Тебя возьму в жены, Талым-кыс!

Талым-кыс:
– Семьдесят дуг, тальниковых дуг
Согните этому плешивцу!
Семидесятилетнюю старуху
Дайте в жены этому плешивцу!

Актандас:
– Семьдесят дуг, тальниковых дуг
Сам согну, Талым-кыс!
Лет семнадцати ханскую дочь –
Тебя возьму в жены, Талым-кыс!

Талым-кыс крикнула слугам:
– Выведите моего сивого коня, (которого) не догонит пурга! Выведите моего бурого коня, (которого) не догонит вихрь!

Слуги бурого и сивого коней вывели. Талым-кыс, сев на них, ускакала.

У Актандаса коней нет, (он) быкам крикнул:

– Эй, эй, белый бык, ханская дочь убегает! Эй, эй, синий бык, ханская дочь убегает!

Быки прибежали. Сев на них, Актандас попробовал догнать (Талым-кыс) – не догнал. Стал проклинать:

– Если в степь выйдешь, пусть волки съедят! Если в тайгу войдешь, медведи пусть съедят!

Так прокляв, назад вернулся. (А) Талым-кыс, как убежала, (так) и не вернулась.

* * *

Сказка была перенята Василием Николаевичем Челухоевым от своего отца, известного на Бачатах сказителя Николая Степановича Челухоева (1905–1983).

Всю стихотворно-песенную часть сказки В.Н. Челухоев пел (по ролям: за Талым-кыс и за Актандаса), аккомпанируя себе на мандолине.

После исполнения сказки В.Н. Челухоев, размышляя над этимологией имени главного персонажа, припомнил детскую дразнилку о плешивых:

Тас, тас, тарақай,	Лысый, лысый, гребешок,
Тастың тӱбӱн йаладым!	Темя лысого лизал!
Испечке илилбес,	На вешалку не повесить,
Наполқо салылбас!	На полку не положить!

* * *

Сказка и загадки из этой сказки фиксировались у телеутов неоднократно. В частности, запись загадок на телеутском языке встретилась мне в архиве Н.П. Дыренковой (Архив МАЭ. Ф. 3. Оп. 1. № 39. Л. 3–3об). Текст этот практически идентичен записанному мной. В качестве примера приведу лишь две строфы с загадками Талым-кыс (перевод на русский язык мой):

Л. 3.

tegrek tegrek tep tegrek	Круглое, круглое, кругленькое,

ol nemezi aq taŋdas	Это что, Ак Тандас?
tepşi meniŋ paży sum altyn	Блюдо мое с каймой из чистого золота,
ol nemezi aq taŋdas	Это что, Ак Тандас?
tegrek tegrek tep tegrek	Круглое, круглое, кругленькое,
teŋereŋ seniŋ polbos po	Не небо ли это твое?
tepşi meniŋ paży sum altyn	Блюдо мое с каймой из чистого золота,
tulgan künüŋ polbos po.	Не встающее ли солнце это твое?

* * *

Для сравнения приведу также фрагментарную запись Н.Я. Никифорова, сделанную им от алтайца-туба из сеока Комдош Ч. Куранакова в с. Аскат на Алтае и опубликованную в «Аносском сборнике» (*Никифоров* 1915: 243–244):

Актан-тас отгадывает все загадки, которые ему загадывает Талын-кыс. Если он все отгадает, то она должна выйти за него замуж. А так как он весь был в коростах, голова и тело, то Талын-кыс бросается в воду, чтобы утонуть; но смерть страшна; поймавшись за талиновую ветку, она упрашивает Актан-таса спасти ее.

Одургокто от кует ол не болтон Актан-тас
Одургокто ит урет от не болтон Актан-тас
Алты кулакту кумер казан
Тас тас таракай (гребенный) яман ады корокой
Саныскан ала тос, тимыркадон тилтыр тас
Загадка: Кок јаланда буланын јогы јадат (месяцъ).
Тондубаштын тогус ул.

Палтыр-Тас

Палтыр-Тас

Сказка (с пометкой «короткая сказка») была записана телеутом Карлом Ивановичем Максимовым в 1976 г. от сказителя Степана Дмитриевича Канзачакова (1912 г.р.) в с. Октябрьском Кытмановского р-на Алтайского края. Впервые опубликована на языке оригинала Т.М. Садаловой (АФ 1995: 126).

Орфография приведена мной в соответствие с современными нормами телеутского языка, диалектные особенности сохранены (*јыт* вместо *јат* и т.п.). При переводе текста на русский язык существенную помощь мне оказала моя коллега С.П. Тюхтенева.

К сожалению, как и в случае с эпосом «Алтын-Эргек», в моем распоряжении не было рукописного оригинала текста.

Палтыр-Тас

Палтыр-Тас тайғадаң тайғаа јўўр пар јыт. Палтыр-Тас өс алдынаң јатқан[1] Талим-қысты құдалара. Аға једеле, [Палтыр-Тас] айтты:

– Сен маға паразың ба?

– Токто, мен тышқары чық келейин – тейле, [қыс] қача пертир.

Палтыр-Тас сақтаған-сақтаған, јоқ. Отырған јери урмай қалтыр, турған јери туйман қалтыр. Палтыр-Тас ўйге кирген, јардық мееке папа алған. «Труқ-труқ, кел пери, Ала пуға», – теп қычырды. Ала пуга келе пееди. Аға мин ал кел, Талим-қысты сўре перди. [Палтыр-Тас] сарнап јат:

Сўрўм-сўрўм[2] јерлерге
Сўрнўкпей парзаң, Ала пуға.
Тайқын-тайқын јерлерге
Тайқылбай парзаң, Ала пуға.

Айтында партында, тура партыр Ала пуға. Кöр турза, қыс јажын қалтыр. Қырық чўрмежинең қапқан, пайағыны сойо пертир коғодоң эткен қамчыбыла. Қыс пир қыйғырғанда, јер јарыл јыт, пир кыйғырғанда, теңире јарыл јыт. Эмди отур салып, сарнажа пеет экўле. Талим-қыс сарнап јыт:

[1] В публикации была опечатка: *аткан.*

[2] В оригинале: *сурум-сурум.*

– Одыраш көлдө от күй јыт,
Ол не полор, Палтыр-Тас?
– Одыраш көлдө от күйзе,
Пөриниң көзи ол ползо.
Одыраш көлдө ийт ӱрзе[1],
Пақа-палчақ ол ползо.
– Қоғодоң эткен ӱйимге
Киргей педиң, Талим-қыс?
Јекеннең эткен ӱйиме
Киргей педиң, Талим-қыс?
– Јекеннең эткен ӱйиңе
Јек[2] қыштазын, Палтыр-Тас.
Сеең јыдыңды
Јек јытазын, Палтыр-Тас.

Көрийзем, сықсын јалар, пиргиш қалтырлар. Кече јыбрандап парғамда Палтыр-Тас ла Талим-қыс јат јыттандар қучақташ салып.

Палтыр-Тас

Палтыр-Тас, из тайги в тайгу переходя, бродит. Палтыр-Тас саму по себе живущую Талим-кыс сватать (идет). Когда к ней пришел, [Палтыр-Тас] сказал:

– Ты за меня пойдешь ли?

– Подожди, я на улицу (сначала) выйду, – так сказав, [девушка] убежала.

Палтыр-Тас ждал-ждал, нет (ее). Место, где сидел, лесом покрылось, где стоял – туманом заволокло[3]. Палтыр-Тас в дом зашел, жирную мееке папа[4] взял. «Тпру-тпру, прибегай, Пестрый бык», – так прокричал. Пестрый бык прибежал. На него усевшись, Талим-кыс преследовать стал. [Палтыр-Тас] поет:

– По высоким-высоким местам,
Не спотыкаясь, беги, Пестрый бык.
По скользкой-скользкой земле,

[1] В оригинале описка: *јӱрзе*.

[2] В оригинале: *јеек*.

[3] Перевод дан исходя из прочтения слова *урмай* как «урман», а *туйман* как «туман».

[4] Вариантов толкования слов *мееке* и *папа* в данном контексте пока нет.

Не поскользнувшись, беги, Пестрый бык.

Так идя, остановился Пестрый бык. Посмотрел, девушка спряталась, оказывается (тут). За сорок косичек схватил, стал стегать ее камчой, сплетенной из тростника. Девушка один раз вскрикнула – земля раскалывается, другой раз вскрикнула – небо раскалывается[1]. Теперь усевшись, стали вдвоем петь. Талим-кыс поет:

– На огненном озере огонь горит,
Это что будет, Палтыр-Тас?
– На огненном озере если огонь горит,
Это волчьи глаза.
– На огненном озере если собака воет,
Лягушата это (квакают).
– В мой тростниковый дом
Не войдешь ли, Талим-кыс?
В мой камышовый дом
Не войдешь ли, Талим-кыс?
– В твоем камышовом доме
Злой дух[2] пусть зимует, Палтыр-Тас.
Твой запах
Злой дух пусть нюхает, Палтыр-Тас.

Видел я, укрылись они, соединились они, оказывается. Когда я вчера сусликовать[3] ходил, (видел) Палтыр-Тас и Талим-кыс лежат, целуются, обнявшись.

[1] У эпических сказителей даже при исполнении текстов иных жанров встречаются явно эпические формулы, как в данном случае: «Один раз вскрикнула – земля раскалывается, другой раз вскрикнула – небо раскалывается».

[2] В тел. оригинале: *јеек*.

[3] Сусликовать (тел. *јыбранда-*, алт. *өркөлө-*) – «охотиться на сусликов».

Эргектий-Уул
(Телеут қалығының чӧрчӧгиниң ӱзӱги)

Эргектий-Уул (Мальчик-с-пальчик)
(Отрывок из телеутской народной сказки)

Сказка была опубликована на телеутском языке в 2007 г. (*Токмашев, Рюмина-Сыркашева* 2007: 116–117). Перевод на русский язык мой.

Эргектий-Уул
(Телеут қалығының чӧрчӧгиниң ӱзӱги)

Узақ-узақ озоғы чақта Пайат јеринде эмеген-абышка улус јуртаған. Абышқазының ады Соғондой, абақайының ады Эркечек полтыр. Усқумның пажындый қара јаңыс палазының ады Эргектий-Уул полтыр.

Соғондой абышқа күннуң ле сайын Күзедей қаанның јылқызын күзедетен. Пир қаттап Соғондой малды Эски-Пайатқа суғараға апарған. Аттар сууға кирбей, пышқырып қайра пурылып турдылар.

– Пу недең қорқып малдар сууға кирбей јалар? Парып көрӧйин – деп, Соғондой јууқтап пазып парза, суудың қуйузында јыдыған тере јатты. Абышқа аны суудаң чығара пырқады. Ол ло туштa тередең суудың ээзи Шулбыс чыға қоноло, Соғондойды тамағынаң аймады.

– Тирӱге јирим – теди…

Анча-мынча полғондо Соғондойдың јуртына Шулбыс келди. Эжикти ача тартала, ӱйге кирип полбоды, эжикке патпай қалған. Қараза, Эргектий-Уулдаң пашқа пир де кижи көрӱнбеди. Шулбыс јаман ӱниле қыйғырып, уулчақла кериже перди:

– Чымынға да чыдабассың, ааңның қаңзазын да кӧдӱрип полбоссың!

– Меең күчимди пилерге турған ползоң, эжикти ачала, қолыңды пери суқ! Шулбыс јӧпсинди, қолын эжикке суғуп ийерде, Эргектий-Уул қурч палтала ааң қолын кезе чапты.

Л.Т. Рюмина чийген

Эргектий-Уул (Мальчик-с-пальчик)
(Отрывок из телеутской народной сказки)

Давным-давно в давние времена на Бачатах жила семья старика со старухой. Старика звали Согондой, а имя старухи было Эркечек. Размером с головку лука единственный сын у них был по имени Эргектий-Уул.

Старик Согондой каждый день пас коней хана Кюзедея. Однажды Согондой повел скот на Старый Бачат на водопой. Кони в реку не заходят, фыркая, вспять поворачивают, (на берегу) стоят.

– Чего это испугавшись, кони в реку не заходят? Пойду, посмотрю-ка, – сказав, Согондой как только близко подошел, (увидел) у берега реки гнилая шкура лежала. Старик ее из воды выбросил. Тут же из шкуры хозяин реки Шулбыс вышел и Согондоя за горло схватил.

– Заживо съем, – сказал…

Сколько-то времени прошло, к юрте Согондоя Шулбыс пришел. Дверь открывая, потянул, в дом войти не смог, в дверях не поместился. Посмотрел, кроме Эргектий-Уула людей больше не видно. Шулбыс дурным голосом закричал, на мальчика браниться стал:

– Тебе и муху не одолеть, отцовскую трубку не поднять!

– Ты, если силу мою узнать хочешь, дверь отворив, руку свою сюда просунь! (сказал мальчик). Шулбыс согласился, только он руку свою в двери просунул, Эргектий-Уул острым топором отрубил ее.

Записала Л.Т. Рюмина

КЕП СӦС, УҚАА СӦС, ЎЛГЕР СӦС
ЛЕГЕНДЫ, ПРЕДАНИЯ, НРАВОУЧЕНИЯ

Қолборқо
Колборко

Легенда «Колборко» впервые была опубликована в подборке «Телеутские материалы» в «Трудах Томского общества изучения Сибири» (*Токмашев* 1915: 95) с пометкой «Записано у бачатских телеутов». При подготовке текста орфография приведена мной к современным нормам, опечатки исправлены.

После того как Бог сотворил все, люди не знали, как добыть огонь. Они собрали все одушевленные существа и спрашивали их, как добыть огонь. Собрались все звери и птицы, но никто из них не знал [как добыть огонь]. На собрание не явилась только одна птица Колборко[1], за которой послали особых послов [людей, или одного человека].

Посол, когда пришел к Колборко, увидал, что она летает вверху под небом.

Посол говорил ей:

– Колборко, тебя требуют.

Колборко отвечала:

– Мне некогда.

– Что ты делаешь?

– Что мне делать? Считаю, сколько на небе звезд, на земле кочек!

Посол говорит:

---

[1] *Қолборқо/қулборқо* – «сыч». Ни в тексте, ни в примечаниях к изданию 1915 г. не было указано, что это за птица.

– Колборко, тебя просят, чтобы ты непременно пришла на собрание.

Колборко говорит (спрашивает):

– Зачем я так нужен людям?

– Ты нужен людям потому, что у них нет огня и не знают, как добыть его, и чтобы ты указал, как добыть огонь.

Колборко говорит:

– Разве нет губы на березе [мешке[1]] или камня в скале?

Послы возвратились и сказали, что Колборко не придет на собрание, но что она говорит:

– Чтобы добыть огонь, разве нет на березе губы и на скале камня?

По указанию Колборко люди из камня высекли огонь и сожгли березовую губу, и научились добывать огонь, а птица Колборко так и не явилась на собрание.

Јанар-Қуш

Йанар-Куш

Впервые предание было опубликовано В.В. Радловым в 1866 г. (*Радлов* 1866: 171–172). О записи текста от телеутов позволяет судить указание «Teleut<isch>» в немецком издании (*Radloff* 1866: 190–191). Предание приводится в соответствии с оригиналом. Пунктуация и устаревшие нормы орфографии («k» заменено на «қ», «ä» – на «э» или «е», «ā» – на «аа» и т.п.) приведены мной к современным нормам. Перевод на русский язык мой.

Јанар-Қуш

Јанар-Қуш қааттыбыла экӱ тойға паады, тойға парып ойтто јанды, јанып праадып Јанар-Қуш санында ичинде: «Ақыр! Ақыр! – теп, – мениң кааттым мени сӱӱер бе?» – теп. Пулан туштады, ааны сыбырды, чаап оттурып аттаң јығылды, төгӱнбиле ӧлӧчи полып јатты.

[1] Судя по этому телеутскому термину, означающему «гриб», речь идет о наросте на березе, обычно именуемом чагой.

Қаатты келип аны көрдў. Јанар-Қуш ölўп қалтыр. Қаатты сықтады, қожоңдады:

– Јанар Қуштаң јанмайдым,
јанып эрге парбайдым;
адам перген аш кестик;
аш кеспейдим!
Таш кезедим!
Ач пуурымнаң ödўп чықсын!

Пычақ алды, пуурыны кести, тың[1] полып қалды. Јанар-Қуш сözин уғып јатты, унчуқпаста қапшағай тура қалала, көрдў пычағыбыла пуурына сайынып қойтыр, ölўп қал-тыр. Ол эмди қучын полды қойды.

Йанар-Куш

Йанар-Куш поехал с женой на свадьбу, съездив на свадьбу, назад возвращаются, на обратной дороге Йанар-Куш про себя подумал: «Постой! Постой! – говорит, – моя жена меня любит ли?» – говорит. Лось им встретился, он за ним погнался, на скаку с коня упал, умирающим притворился.

Жена подошла, посмотрела на него. Йанар-Куш умер, оказывается. Жена заплакала и запела:

– От Йанар-Куша не уйду,
(а) уйду, не выйду замуж;
отцом мне данным столовым ножом
еду не стану резать!
Камень буду резать!
Пусть (нож) печень мою пронзит!

Взяла нож, проткнула печень и затихла. Йанар-Куш, прислушиваясь, лежал, поскольку ничего не услышал, быстро вскочил и увидел: (его жена) своим ножом печень себе проткнула и умерла. Это теперь преданием стало.

[1] В оригинале, скорее всего, опечатка: *тың* – «сильно», «громко».

Шӱнӱ
Шуну

Предание записано мной 29 июня 1989 г. в д. Челухоево Беловского р-на Кемеровской обл. от Варвары Степановны Хлопотиной. Дополнения к тексту записаны от Евдокии Дмитриевны Баксариной (девичья фамилия Хлопотина) (1927 г.р.; сеок Меркит). Записано на русском языке.

Был Конгудай. Жена его умерла. Остался один сын от нее – Шуну (*Шӱнӱ*). Конгудай взял в жены вторую жену. Она ему родила еще двух сыновей – Алгайры и Пулгайры.

Шуну озорник был, насмешник. Лису убьет, шкуру соломой набьет, на дерево повесит. А братья охотится пойдут – стреляют по лисе, как по живой: Шуну смеется над ними.

Надоело это мачехе Шуну. Оговорила она Шуну перед его отцом. И согласился Конгудай погубить своего сына. Выкопали большую яму и бросили туда Шуну. Думали, сам умрет от голода.

А у Шуну дед (отец матери) был. Жалко ему стало внука. Стал он ходить к яме и кормить Шуну втайне от всех.

Долго так лежал в яме Шуну.

Варвара Степановна Хлопотина. с. Бековo, июль 1989 г.

Пришло время и объявили враги войну Конгудаю. Опечалился он. Стал Шуну вспоминать: «Когда жив был мой Шуну – семьдесят стрел руками ломал. Все боялись его. А сейчас нет его в живых и враги, словно вороны, со всех сторон слетаться стали». Пришел к Конгудаю дед Шуну и рассказал ему про то, как кормил он Шуну. «Жив он, – говорит, – наверное. Пойдем, посмотрим».

Пошли к яме. Смотрят, и правда, жив Шуну. Вытащили его. Чтобы не ослеп на солнце после черной ямы, глаза ему платком завязали. Так прошло две недели. Вновь к Конгудаю пришли вражеские послы. Принесли семьдесят стрел и говорят: «Если не сломаешь их, Конгудай, войной на тебя пойдем, разорим твою землю». Тут вышел Шуну, взял стрелы и сломал их. Испугались вражеские послы и убежали.

Но после этого Шуну не остался у своего отца. Попросил он у отца белого коня, сел на него задом наперед и уехал – на горе отцу, на радость мачехе.

Доехал Шуну до Петербурга. Видит, на улице колокол тяжелый лежит. Как упал колокол, так никто и не мог его поднять. А Шуну поддел колокол за ушко камчой и, как пушинку, поднял. Царица русская Екатерина, как узнала об этом случае, так повелела найти силача и привести к ней во дворец.

Отыскали Шуну. Пришел он во дворец к Екатерине. Уговорила она его при дворце остаться. «Хорошо, – говорит Шуну, – только есть и жить я на улице буду. Поставь четыре столба, обшей белым товаром: там буду жить».

Первую роль при Екатерине стал играть Шуну. Во всем она с ним советуется. Не понравилось это боярам. Пошли они к Шуну и говорят: «Царица приказала тебе ограду дворцовую на другое место перенести». Думали, что царица рассердится и казнит за это Шуну. Стал Шуну ограду переносить. Весь двор изрыл. Увидела это Екатерина, отругала Шуну.

А потом, говорят, Шуну во Францию ушел и там убил французского богатыря.

* * *

Отца Шуну звали Конгудай. От него у телеутов эмегендеры (семейные охранители в виде куколок. – *Д.Ф.*) появились (*қосқолғону Қоңудай* – «отделившиеся от Конгудая»).

А еще, когда послы к Конгудаю приходили, Шуну угадал, где палки комель, а где вершина; из двух птиц узнал кто есть кто: кто под крышу залезет, а кто улетит.

[Откровения Шуну-кайракана]

Фрагмент предания о Шуну («Откровения Шуну-кайракана») записан мной 21 июня 1989 г. в д. Телеуты (бывший улус Средне-Телеутский, сегодня пригород г. Новокузнецка) от Михаила Максимовича Накаева и Пелагеи Павловны Поросёнковой. Название условное, дано мной. Перевод на русский язык мой.

Когда Шуну ехал через улусы телеутов в сторону Кузнецка, то в Уре и в Оскоте (д. Сергеева на р. Ускат) ему отказали в переправе через реку, а на Бачатах и в улусе Том (Средне-Телеутский) ему помогли. И тогда Шуну предрек будущее четырем телеутским улусам:

Ур – улуп қалзын!	Ур пусть останется таким, каким был!
Пайат – пайар/ пайла[1] қалзын)!	Бачат пусть богатым будет!
Оскот – озор!	Оскот пусть совсем исчезнет!
Том – тойор/той қалзын)!	Том пусть сытым будет!

* * *

Вряд ли мог предполагать Шуну, что улус Урский исчезнет, улус Ускатский станет русской деревней Сергеевой, а от улуса Том к 80-м годам XX в. останутся две улицы с двадцатью полузаброшенными деревянными домами на окраине города с почти миллионным населением.

И лишь Пайат, под которым вот уже почти полтора века телеуты понимают не столько улус Больше-Бачатский (совр. с. Заречное или станция Улус), сколько все телеутские улусы по р. Бачат, в какой-то степени оправдал надежды Шуну.

[1] Здесь и ниже через знак «косая черта» указаны варианты, используемые разными сказителями (П.П. Поросёнковой и М.М. Накаевым).

П.П. Поросенкова (слева) и Е.В. Адыскина, д. Телеуты, 1989 г.

* * *

В некоторых вариантах этой легенды вместо Шуну фигурирует Белый хан (Ак-хан), как например в тексте «Легенда о том, почему одни села исчезли, другие выросли», записанном К.И. Максимовым от Антониды Петровны Чичимовой в 1982 г. в г. Заринске Алтайского края (АФ 1995: 121). Перевод на русский язык сделан мной.

Проезжал когда-то давным-давно Ак-каан по деревням инородцев и сказал:

– Қараба қарар қалзын[1],
Туту тун қалзын,
Пайат пайы қалзын,
Ур урул қалзын,
Том тол қалзын.
Ақ-қаан абышқаның сöзи
келиш қалды эмди.

– Тараба пусть почернеет,
Крутое пусть забудется,
Бачат пусть разбогатеет,
Ур пусть прольется,
Том пусть наполнится.
Слова старика Ак-хана
теперь сбылись.

[1] В оригинале: *калзан.*

Шал-Қайрақан
Шал достопочтенный

Представленная ниже легенда – самозапись 1957 г. известного собирателя и популяризатора телеутского фольклора телеута Георгия Маркеловича Токмашева. Оригинал хранится в фольклорном архиве Горно-Алтайского НИИЯЛИ (Ф. 142. № 8. Л. 13–14). Текст был опубликован на языке оригинала в 1994 г. (Алтай кеп-куучындар 1994: 205). Орфография приведена мной в соответствие с современными телеутскими правилами. Перевод на русский язык мой.

Шал-Қайрақан

Пис Шал-Қайрақанның қалығы – алтан түмен телеңет полғоныс. Шал-Қайрақан алғанча јуудаң қачып чыққан.

Кийнинде Шал-Қайрақан пойының қаан-пийине алман јетирип, тудуп турған. Шал-Қайрақан өлгөн соңында оның уулы Ақ-Сыба-паатыр қаан-пийине алман јетирип турған. Ол тушта қалық ортозында қоп чыққан: «Ақ-Сыба-паатыр қалықтаң јууған алманды қаан-пийге јетирбей, пойына алып јат», – теп. Ол қоп қаан-пийге уғулған. Анаң улам қаан-пий Ақ-Сыба-паатырға қара сананған.

Қачан Ақ-Сыба алманды алып јеткенде, қаан-пий јылқы-малдың јилинчек сөөгинең каңза јазадып, ол каңзаа қорон салып, таңкы азып, Ақ-Сыба-паатырға тартсын теп периптир. Ақ-Сыба қаңзаны алып, тарта пергенде, қаңзазы қоронго күйүп, қайылып парыптыр. Ақ-Сыба-паатыр јерине једип, алтын чылап сарғарып, оорып өлүптир. Ақ-Сыба-паатыр өлөр алдында айтқан: «Қалығым маа қара эзеди, мен өлзөм, эдим-сөөгимди өртөп, күлүмди өскөн јериме апарып, чачып ийер». Ақ-Сыба өлгөндө, эди-сөөгин отқо өртөп; күлүн арчуула ороп алып, Ақ-Сыбаның қара јаңыс сыйны, ол күлди јерине јетирип, чачып ийтир. Сыйны ол јердең јанбай қалыптыр. Пу јердиң телеңеди полуп қалтыр.

Шал достопочтенный

Мы – народ Шал[1]-Кайракана – шестьдесят туменов телеутов. Шал-Кайракан свой народ взял (и) увел, бежав от войны.

После этого Шал-Кайракан своему хану-бию дань доставляя, управлял. После смерти Шал-Кайракана его сын, Ак-Сыба-богатырь, хану-бию дань стал доставлять. В то время среди народа слух пополз: «Ак-Сыба-богатырь, у народа собрав, дань хану-бию не доставляет, себе берет». (Наконец) этот слух был услышан ханом-бием. После этого хан-бий об Ак-Сыбе-богатыре плохо думать стал.

Когда Ак-Сыба дань собрал, хан-бий из бедренной(?) кости коня трубку сделав, в ту трубку яд положив, табак закурив, Ак-Сыбе-богатырю курить дал. Ак-Сыба трубку взял, когда закурил, яд в трубке зажег (и) растопил. Ак-Сыба-богатырь, своей земли достигнув, как золото, пожелтев, заболел (и) умер. Перед смертью Ак-Сыба-богатырь сказал: «Народ мой меня оболгал; если я умру, труп мой сожгите, пепел мой на ту землю, где я вырос, отнеся, развейте». Когда Ак-Сыба умер, его труп на костре сожгли; пепел в платок завязав, единственная сестра Ак-Сыбы, этот пепел в его землю доставив, развеяла. Сестра с той земли назад не вернулась. [От] этой земли телеуты получились.

[1] У Шала, упоминаемого в легенде, вероятно, был исторический прототип – реальный телеутский князь Шал (Шал – правнук князя Абака, возглавлявшего до 1635 г. Теленг орду – телеутское княжество, очевидно, наиболее сильное на территории Западной Сибири того времени). Основываясь на данных легенды о превращении сына Шала в божество Тумат-теңере и на родословных фамилии Шадеевых из сеока Тумат (по этим генеалогиям Шал является предком Шадеевых), можно предполагать, что княжеский род телеутов XVII–XVIII вв. происходит из сеока Тумат.

Ӱлгер сöс

Нравоучение

Записано мной 15 июля 1989 г. в д. Челухоево от Варвары Степановны Хлопотиной. Перевод на русский язык мой.

Жил один старик. Совсем уже состарился он, лет двести или триста было ему. Сморщенный такой, что в детскую колыбель входить стал. Дети его, как младенца, жидкой пищей из коровьего рожка кормили. Но вот надоело им за стариком ухаживать и решили они его «задавить» салом. А старик, хоть и старый был, все слышал и все понял. Лежит он в своей колыбели, плачет и поет песню:

– Тулбардың айағы не изип јат,
Туғанның пууры не сууп јат?

Қалтардың айағы не изип јат,
Қалықтың пууры не сууп јат?

– Тулпара нога почему горячеет,
Почему (же) печень (=совесть, душа) родни остывает?

Мухортого нога почему горячеет,
Почему (же) печень народа остывает?

САРЫННАР
ПЕСНИ

Қаңза-Пийдиң сарыны
Песнь богатыря Кангза-бия

Ниже публикуются три варианта песни богатыря Кангза-бия, широко известной в недавнем прошлом у тюрков Саяно-Алтая. В 1980-е и даже в начале 2000-х годов мне удавалось записывать песни и предания о Кангза-бие как у телеутов, так и у шорцев.

Вариант 1
Каңза Пий

Первый вариант телеутской песни приводится по публикации В.В. Радлова (*Радлов* 1866: 198–200). Стандартизация графики и орфографии, исправление опечаток и перевод на русский язык сделаны мной.

1 Қаңзаның минген јерен ат
қамыш тууда паш алды;
қамыш туудаң чыққанда
Қазақтың ады паш алды.

2 Қажат јердең ағытсам
Қаңзаның ады паш алды;
тытту айраа јеткенде
Орус ады паш алды.

3 Пийик қырдың ағытсам
Қаңзаның ады паш алды;
терең айраа јеткенде
Орус ады паш алды.

4 Ақ қарчығам пар ползо
ақшығай пиде кийнимнең;
ада туғаным пар ползо
некегей пиде кийнимнең.
5 Көк қарчығам пар ползо
ақшығай пиде кийнимнең;
көкшӱн туғаным пар ползо,
некегей пиде кийнимнең.
6 Орустың эткен кемези
одурма пашту тежедир;
Орусты пилген Қаңза Пий
Орус қолында јайнайдыр.
7 Қазақ эткен кемези
қадырма пашту тежедир;
Қазақты пилген Қаңза Пий
Қазақ қолында јайнайдыр.
8 Орустың айтқан сӧстӧри
омуртқадаң ӧдӧдир,
ончо улусты ју(у)натқан
Орус пий кӱч эмтир.
9 Қазақтың айтқан тилдери
қабырғадаң ӧдӧдир,
қанча улузын ју(у)натқан
Қазақ пий кӱч эмтир.
10 Алты ӱйелӱ қомырғай
тарталық, тедим, кел, Абыс!
Орус эткен терезе[1]
отурбайлық, кел, Абыс!
11 Јети ӱйелӱ қомырғай
тарталық, тедим, кел, Абыс!
Қазақ эткен терезе
қайдалық, тедим, кел, Абыс!
12 Қарға јаман куш полып
қасты тептим! тегейле,

[1] Судя по переводу В.В. Радлова на немецкий, в оригинале здесь и в следующей строфе должно быть *тӱрме.*

Қазақ қулғур[1] кўч полып
Қаңзаны туттым! тегейле.
Қусқун јаман куш полып
қууды тептим тегейле,
Қазақ қулғур кўч полып
Қаңзаны туттым тегейле.
Төрт толуқтап ўй кескен[2]
төбөли палта курч эмтир;
тўмен төрўнин[3] пек тутқан
Орус пий кўч эмтир.
Алты толуқтап ўй кескен
аймалу палта курч эмтир;
аймағы јуртын пек тутқан
Қазақ пий кўч эмтир.
Орто тўнде қат чийген
Орус қатчы кўч эмтир,
ончо улузын пир тутқан
Орус пий кўч эмтир.
Қарачқы тўнде қат чийген
Қазақ қатчы кўч эмтир,
қаан улузын пир тутқан
Қазақ пий кўч эмтир.
Қумдусчылап қум челип
қудулып чығар кўн қайда?
қамдучылап қар челип
қазынып чығар кўн қайда?
Пелимдеги пек јарғақ
пеш оролор ползочы,
пеш қарындаш ползо
кийнимнең некеп келзечи.
Арқымдағы ақ јарғақлты оролор ползочы,

[1] В этом томе В.В. Радлова в телеутских текстах слово *қулғур* встречается не единожды. В алт. яз. нормой считается написание *кулугур* (см. также: ОРС 1947: 95).

[2] В оригинале была опечатка: *каскен.*

[3] После консультаций с А.В. Дыбо *төчўнин* было исправлено на *төрўнин.* Есть основания полагать, что эта ошибка вкралась при наборе книги В.В. Радлова (лат. «г» было набрано как кириллич. «ч»).

алты қарындаш пар ползо,
артымнаң некеп келзечи.

Кангза-бий

1 Рыжий конь Кангзы
На горе, поросшей тростником, был впереди;
Но когда с горы бежали,
Конь русского впереди был.

2 Когда я с холмов пускал (коня),
Конь Кангзы был впереди;
Когда достигли оврага, поросшего
лиственницей[1],
Конь русского впереди был.

3 Когда я с высокой горы пускал (коня),
Конь Кангзы был впереди;
Когда достигли глубокого оврага,
Конь русского впереди был.

4 Если бы белый ястреб был у меня,
Кричал (кашлял) бы он позади меня;
Если бы отцовская родня была у меня,
Отомстили[2] б они за меня.

5 Если бы сизый ястреб был у меня,
Кричал (кашлял) бы он позади меня;
Если бы дорогая родня была у меня,
Отомстили б они за меня.

6 Русскими изготовленная лодка
С прочным носом, говорят;
Русских победивший Кангза-бий,
В руках русских (теперь) томится, оказывается.

7 Русскими изготовленная лодка
С закаленным железным носом, говорят;
Русских победивший Кангза-бий

[1] Ср.: Вариант 2.

[2] В переводе В.В. Радлова: «würden sie hinter mir her folgen» (*Radloff* 1866: 218), т.е. «они бы последовали за мной». Думаю, здесь неточно, поскольку глагол *неке-* в тел. яз. означает «взыскивать», «вымогать» (ТРС 1995: 56). *Некегей* в данном контексте означает, скорее всего, «пусть взыщут», т.е. «отомстят».

В руках русских томится, оказывается.
8 Русскими сказанные слова
Сквозь позвоночник словно проникают,
Все народы собравший
Русский начальник силен, оказывается.
9 Русскими сказанные слова
Под ребра словно проникают,
Столько народов собравший
Русский начальник силен, оказывается.
10 На шестисуставной дудке
Сыграем-ка, сказал я, приходи, священник!
В построенной русскими тюрьме
Не будем сидеть, приходи, священник!
11 На семисуставной дудке
Сыграем-ка, сказал я, приходи, священник!
В построенной русскими тюрьме
Что будем делать, я сказал, приходи, священник!
12 Ворона – плохая птица, птицей себя считая,
«Я гуся поймала!» – пусть говорит,
Русский негодяй, сильным себя считая,
«Я Кангзу поймал!» – пусть говорит.
13 Ворон – плохая птица, птицей себя считая,
«Я лебедя поймал», – пусть говорит,
Русский негодяй, сильным себя считая,
«Я Кангзу поймал», – пусть говорит.
14 Срубивший дом о четырех углах
С обухом топор остер, оказывается;
Десять тысяч поколений крепко
державший
Русский-орус начальник силен, оказывается.
15 Срубивший дом о шести углах
Лунообразный топор остер, оказывается;
Десять тысяч поколений крепко державший
Русский-казак начальник силен, оказывается.
16 Среди ночи письмо писавший
Русский-орус писарь силен, видать,
Все народы один удерживающий
Русский-орус начальник силен, видать.

17 Темной ночью письмо писавший
Русский-казак писарь силен, видать,
Ханские народы один удерживающий
Русский-казак начальник силен, видать.
18 Словно бобер, песок сбрасывающий,
Скрывшееся солнце где?
Словно выдра, снег отряхивающая,
Зарытое солнце где?
19 На пояснице моей крепкая кожаная куртка,
В пять раз пусть обернется,
Если бы у меня были пятеро братьев,
Они бы пришли и отомстили.
20 На спине моей белая кожаная куртка,
В шесть раз пусть обернется,
Если бы у меня были шестеро братьев,
Они бы затем пришли и отомстили.

Вариант 2

Каңза Пий
Кангза-бий

Приводится по тексту, обнаруженному в архиве Н.П. Дыренковой (Архив МАЭ. Ф. 3. Оп. 1. № 38. Л. 10–11 – текст в латинской графике на телеутском языке; Л. 12, 13, 13об – перевод на русский язык). Запись и перевод сделаны Н.П. Дыренковой в начале 1930-х годов. Текст транслитерирован с помощью современной кириллицы, перевод приведен без изменений; в обоих случаях я позволил себе лишь минимально необходимые уточнения орфографии и пунктуации. Оригинал текста в записи латиницей впервые опубликован в 1992 г. (*Функ* 1992: 110–112).

Арқамдағы ақ јарғақ
Алты оролор ползочы?
Алты қарындаш эр тууп
Артымынаң келер ползочы?

На спине у меня облезшая шуба,
Если бы шесть раз хватило обернуть.
Рожденные шесть братьев
Придут ли следом за мной?

Пелимдеги пек јарғақ
Пеш оролор ползочы?
Пеш қарындаш эр пўдўп
Кийинимнең некеп ползочы?

На моей груди вытертая шуба,
Хватит ли обернуть пять раз?
Пять братьев, родившись и выросши,
Если бы стали следовать за мной?

Қажат јердең салдырзам,
Қаңзаның ады паш алар.
Қайыңду ойраа јекежин
Пийик сыннаң салдырзам,
Қаңзаның ады паш алар.
Туту[1] айраа јекежин
Қазақтың ады паш алар.

Если с гребня горы отпущу,
То лошадь Кангзы будет впереди.
Не успев достичь березового лога,
впереди.
Если с высокого хребта отпущу,
То лошадь Кангзы будет впереди.
Не достигнув речки Туты,
Лошадь русского пойдет впереди.

Қазақ, қазақ, пеш қазақ,
Тыныма јеткен, чал қазақ.
Қажат јерде өлтўрзең,
Қаақ мынаң јап сал.

Русский, русский, пять русских,
Погубивший мою душу седой русский.
Если на холме меня убьешь,
То закрой меня широкими листьями.

Қастаң ақ эдим эде
Қарға јаман јибезиң!
Ойдуқ јерде өлтўрзең,

Мое тело, более белое, чем гусь,
Худая ворона пусть не ест!
В выемке-земле, если убьешь меня,

[1] *Туту* – телеутское название улуса Крутое (в наст. вр. не существует) на территории современного Заринского р-на Алтайского края.

Өлөң мынаң јап сал.
Травой закрой меня.

Қуудаң ақ эдим эде
Қусқун јаман јибезиң![1]
Белее лебедя мое тело
Худой ворон пусть не ест!

Қанду чылап ўн қазып,
Қачып чығатан јол
пар ба?
Қайыш қолоңын пек тартып
Қанзаның јанар кўн пар ба?
Словно выдре, выкопавшей
нору,
Убежать будет ли
путь (дорога)?
Будет ли день, когда Кангза
сможет возвратиться,
Крепко натянув ременную
подпругу?

Қундус чылап қазынып,
Қудулуп чығар јол кўн
пар ба?
Қайыш қолоңын пек тартып
Қанзаның јанар кўн пар ба?
Настанет ли день, чтобы он
мог выйти
Подобно бобру,
выкопавшему нору?
Будет ли день, в который
Кангза сможет
Вернуться, натянув крепко
ременную подпругу?

Ажығы пийик ар пулан
Айланза јыштың тўбўнде
Қарачқы јерге кир қалып,
Арымдым қазақ қолунға.
Тощий сохатый с высокими
бабками,
Кружа среди леса,
В темную чащу попал,
Исхудавший, в руки русских.

Томоғу пийик тор пулан
Толғонды јыштың
кир қалып[2],
Торымдым қазақ қолунда.
С высокими чашечками
истомленный сохатый,
Кружа среди леса,
измучившись,
Попал в густую чащу, в руки
русских.

Јети ўйелў қомырғай
В дудку, имеющую семь колен,

[1] Следующие два стиха, скорее всего, потеряны при записи.
[2] Здесь, скорее всего, описка. Следовало бы: «Толғонды јыштың тўбўнде / Қарачқы(?) јерге кир қалып».

Сыбысқы пирге тартсамчы,
Јети табаққа аш қуйуп,

Пирге ажанған ползочы!
Азраған энем пар полып,

Пирге қайтар ползоқчы!
Алты ўйелў қомырғай

Сыбысқы пирге тартсамчы,
Алты табаққа аш салып,

Пирге јиген ползочы!
Азраған энем пар полып,

Пирге қачып јўргемчи!

Ақ қарчыға пар ползо,
Учуғай эде кийинимнең.

Ада төрөлим пар ползо,

Сурағай эде јуртымнаң.

Кök қарчыға пар ползо,
Учуғай эде кийинимнең.
Кökши төрөлим пар ползо,

Сурағай эде јуртымнаң.

Қаңза минген қара ат

Қастыққа јаба қатқайл'а.

Если бы свистнул разом,
То, приготовив еду на семь тарелок,
Вместе бы ели!
Если бы была вскормившая меня моя мать,
Вместе бы убежали бы!
Если бы в дудку, имеющую шесть колен,
Свистнул бы разом,
То на шести тарелках приготовленную пищу
Вместе ели бы.
Вскормившая меня мать если бы была,
То убежали бы вместе!

Если бы белый ястреб был,
Пролетел бы следом за мной.
Если бы кто из отцовской моей родни был,
То спросил бы у народа моего стойбище[1].

Если бы синий ястреб был,
Он полетел бы следом за мной.
Если бы кто из родни моей был,
Он спросил бы у людей мое стойбище.
Черный конь, на котором ездил Кангза,
Разнузданный, пожалуй, иссохнет.

[1] Здесь и в следующей строфе неточно. Я бы предложил понимать эту строку как «спросил бы о своем стойбище» (узнал бы, где мой дом).

Қалығын пилген Қанза пий
Қазақ јеринде јатқайл'а.

Управляющий народом
Кангза-начальник
На русской земле станет
лежать.

Вариант 3

Қаңза-пийдың сарыны
Песнь Кангза-бия

Текст был записан мной на диктофон 24 июля 1988 г. в д. Телеуты от Анны Михайловны Поросёнковой. Перевод на русский язык мой.

Анна Михайловна Поросенкова во время исполнения песни Кангза-бий, д. Телеуты, июль 1988 г.

Ой, Қаңза, Қаңза, тамағым,
Қарылған күнде йазар
ба, деп.
Қарылған күнде йас паза,
Қайран да пойун
кайт..., деп.
Қаңзаның минген малдары

Ой, Кангза, Кангза, горло мое
(=голос мой),
В печальные дни вновь придет
ли?
Печальные дни если наступят,
Ты сам, дорогóй, что
сделаешь?
Кони, на которых ездил
Кангза,

Қастыққа туруп
қатқайл'атып.
Қаңзаның пўткен тўрмеде

Қаңза отуруп қақшалты,
теп.

Қаңзаның минген йақшы
аты
Сулуқту туруп сысып јет.
Қаңзаның пўткен тўрмеде

Қаңзаның пажы пат
қалды, теп.

Қаңза, Қаңза, тамағым,
Қарылған кўнде йанар
ба, деп.
Қарылған кўнде йан қазын,
Қайран Қаңзады кем
айдар? – теп.

У привязи иссохнут ведь.

В тюрьме, для Кангзы
сделанной,
Кангза, там сидя, зачахнет
ведь.

Хороший конь, на котором
ездил Кангза,
Неразнузданный зачахнет.
В тюрьме, для Кангзы
сделанной,
Голова Кангзы опустится ведь.

Кангза, Кангза, голос мой,
В печальные дни вернется ли?

Печальные дни если вернутся,
Дорогого Кангзу кто известит?

Любопытен дальнейший комментарий исполнительницы к песне, сделанный по-русски: «Он шибко герой был. Оттого… (здесь, очевидно, должно было быть произнесено “его русские убили”). Богатырем был. Он помер в Абакан-тура. Эта наша нация была абаканской. Это какас[1] (объяснял) который ходит по деревням, пишет».

И сама песнь, и комментарий к ней – прекрасное подтверждение тому, что у телеутов до сих пор сохраняется надежда на приход мессии, каковым они обычно считают богатыря Шуну, но, как видно, не только его, но и богатыря Кангза-пия.

Замечание по поводу «абаканской нации» и «какаса» выглядит также интересным, поскольку может использоваться в качестве иллюстрации к методам полевой работы этнографов.

[1] *Какас* – хакас.

Мырат-пий
Мырат-бий

Вариант 1

Ниже публикуются вариант песни «Мырат-пий», записанной у бачатских телеутов в начале 1860-х годов В.В. Радловым (*Радлов* 1866: 200–204), и первый литературный перевод ее на русский язык, принадлежащий перу неизвестного автора (Восточный поэт 1874). Стандартизация орфографии в телеутском тексте выполнена мной.

Мырат-пий

1	Эне:	Айы, Мырадым! Мырадым! эдил теген су келер, аны қаниип кечерзиң? эдегинде эл полор, аны қаниип ӧдӧрзиң?
2		Айы, Мырадым! Мырадым! јайық теген су келер, аны қаниип кечерзиң? јақазында эл полор, аны қаниип ӧдӧрзӱң.
3	Мырат:	Айы, энекем! энекем! эдил теген су эмтир; эки чомзом кечерим; эдегинде эл эмтир, мен келгемде јеңилген.
4		Айы, энекем! энекем! Јайық теген су эмтир; јаңыс чомзом кечерим. Јақазында эл эмтир; мен келгемде јеңилген.
5	Эне:	Айы, Мырадым! Мырадым! пир ағашта муң пудақ, пу кезейин тедиң бе? пир пойыңа муң кижи

адыжайын тедиң бе?
6 Айы, Мырадым! Мырадым!
пир ағашта јўс пудақ,
пу кезейин тедиң бе?
пир пойыңа јўс кижи
јуулажайын тедиң бе?
7 Мырат: Айы, энекем! энекем!
пир ағашта муң пудақ,
пир пудақтаң нези артық?
пир пойыма муң кижи
пир кижидең нези артық?
8 Айы, энекем! энекем!
пир ағашта јўс пудақ,
пир пудақтаң нези артық?
пир пойыма јўс кижи
пир кижидең нези артық?
9 Эне: Айы, Мырадым! Мырадым!
қара суға қан уруп
су қайдаң ичерзиң?
қалықпылаң чертежип
јақшы қайдаң табарзың?
10 Айы, Мырадым! Мырадым!
қуру јерге өрт салып
өлөң қайдаң табарзың?
қалықпылаң чертежип
јақшы қайдаң көрөрзўң?
11 Мырат: Айы, энекем! энекем!
қара суға қан уруп
сузағанда ичермин;
қалықпылаң черткилзем
эл јақшызын табарым.
12 Айы, энекем! энекем!
қуру јерге өрт салып
өлөң јақшызын табарым;
қалықпылаң јуулашсам
јурт јақшызын табарым.
13 Эне: Айы, Мырадым! Мырадым!
қас тўжўрбес көлгө

қас түжүрдүң, Мырадым;
қасты пажын ағарқан
адаңды неге уйлаттың?
14 Айы, Мырадым! Мырадым!
қу қондырбас көлгө
қу қондырдың, Мырадым,
қуды пажын ағарқан
энеңди неге уйлаттың?
15 Мырат: Айы, энекем! энекем!
эртен турдум поспылаң
эбре јаным қарандым;
јууға чықтым тембилең
јаңыс адам санандым.
16 Айы, энекем! энекем!
эртен турдум поспылаң
эбре јаным қарандым;
јууға чықтым тембилең
јаңыс энем санандым.
17 Эне: Айы, Мырадым! Мырадым!
қара арғымақ таштадың,
арғымақты қайдаң аларзың?
қарачы чана таштадың,
чананы қайдаң аларзың?
18 Мырат: Айы, энекем! энекем!
қайыңнаң мойрық чыққанмын,
қажатқа салза түжүлбес;
қалјымақ тенек тууғанмын,
қарғаның сөзүне[1] келишпес.
19 Айы, энекем! энекем!
пудақтың мойрық чыққанмын,
төңдө салза түжүлбес,
поромой тенек тууғанмын,
јақшының сөзүне келишпес.

Мырат јуудаң јанып келип энезине сарнап јат:
20 Айы, энекем! энекем!

[1] В оригинале опечатка: *созўне* (*созўнä*).

эки ташты қолтықтап
эдил кечкен Мырат мен;
экидең јууға тўжўп
эзен чыққам Мырат мен.
21 Айы, энекем! энекем!
јаңыс ташты қолтықтап
јайық кечкем Мырат мен;
јаңысқан јууға кирдим,
јақшы јандым Мырат мен.

Мырат-Пи

Предлагаемый ниже текст был опубликован безымянным переводчиком в «Камско-Волжской Газете» в Казани в 1874 г. (Восточный поэт 1874: 1 [30]). Автор перевода неточно определил текст как теленгитский, но зато верно указал источник своего вдохновения: «Вольный перевод этого теленгитского стихотворения сделан нами с немецкого перевода, помещенного г. Радловым в его путевых заметках в Алтае, которые он печатал в «Архиве» Ермана (Erman's Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland. 1861, B. XX, стр. 695). Стихотворение это нам понравилось, как наивное изображение страстного чувства дикаря, протестующего против логики событий. Мырат – собственное имя героя (Мурад), пи – почетное звание (турецкое бей)».

Перевод в ряде случаев не вполне удачен с точки зрения русского языка и в целом не во всем следует оригиналу. Тем не менее, учитывая, что общий ритм и смысл телеутской песни в нем переданы, на мой взгляд, неплохо, я решил дать в качестве перевода телеутской записи В.В. Радлова именно этот текст. Специалисты разберутся с телеутским оригиналом сами, а для широкого круга читателей будет наиболее приемлемым, полагаю, именно литературный вариант перевода на русский язык.

В предлагаемом тексте изменения связаны лишь с приведением орфографии и пунктуации в соответствие современным нормам.

1

О Мырат, Мырат мой бедный!
Как ты за море поедешь?
Там тебя пучина встретит.
О Мырат, Мырат мой бедный!
Там у берега, близ моря,
Ты найдешь народ сердитый.
Как-то ты его минуешь?
Как-то ты его пройдешь?
О Мырат, Мырат мой бедный?

2

Мать, ты мать моя родная!
Отпусти меня, Мырата.
Это море я в два взмаха,
Я в два взмаха перееду!
Глубока его пучина,
Но его единым взмахом,
Ты поверь, переплыву я.
Отпусти же, мать, Мырата!
Я возьму тогда два камня,
Я, Мырат, который море
По пучине переехал,
И народ побью сердитый!
Мать, ты мать моя родная!
Да один возьму я камень,
Я, Мырат, что переехал
Храбро море и пучину,
И одним я этим камнем
Разгоню врагов дружину.
Совершив свою победу,
Я к тебе вернуся счастлив.
Отпусти же, мать, Мырата!

3

О Мырат, Мырат мой бедный!
Вон на дереве тенистом
Сколько тысяч мелких ветвей.

Разве все их разом срубишь?
И людей ты столько ж тысяч
На своей дороге встретишь,
Разве разом все их сгубишь?
Но возьми ты сотню ветвей,
Разве срубишь ты их разом?
Посмотри, людей вон сотня –
Как один ты с ними сладишь?
О Мырат, Мырат мой глупый?

4

Мать, ты матушка родная,
Хоть и тысяча их ветвей –
Чем они, однако, лучше,
Чем одна такая ветка?
Много тысяч есть народу,
Чем они, однако, лучше
Одного, как эта ветка.
И на дереве сто ветвей
Не сильнее одной ветки,
Меж людьми таких же сотня,
Все похожи брат на брата,
И легко мне с ними сладить.
Отпусти же, мать, Мырата.

5

О Мырат, Мырат мой бедный!
Если чистый ты источник
Оросишь людскою кровью,
Где, скажи мне, ты напьешься?
Если ссориться ты будешь,
Как богатства ты добьешься?
О Мырат, Мырат мой глупый!
Если степь спалишь огнем ты,
Где траву найдешь тогда ты?
Если ты народ погубишь,
У кого найдешь богатство?
О Мырат, Мырат мой глупый!

6

Мать, ты матушка родная!
Если чистый я источник
Орошу людскою кровью,
Я зажажду и напьюся.
Если я сражусь с народом,
Я найду его богатство!
Если степь спалю сухую,
То трава родится гуще.
Если в плен возьму народ я,
То возьму его и юрты
И возьму его я стадо.
Отпусти же, мать, Мырата.

7

О Мырат, Мырат мой бедный!
Лебедь чуждую несешь ты
На спокойные к нам воды.
Так несешь ты в сердце горе.
Сединой, как пух лебяжий,
Ты мне голову покроешь,
Если ты меня оставишь.
О Мырат, Мырат мой бедный!
Там на озере, где гуси
Отродяся не ныряли,
Ты гусей нырять заставил,
В виде тысячи печалей,
Что ныряют в нашем сердце.
Голова отца твоего
Посереет, как пух гуся.
Сердце горестью наполнишь,
Надорвешь ты нас печалью!
Пощади нас над могилой,
Пожалей, Мырат мой милый!

8

Мать, ты матушка родная!
Как на битву я сбирался,

Рано, рано просыпался,
Об одной тебе я думал.
Горе грудь мою стеснило,
Взор слеза мой помутила,
Мать, ты матушка родная!
Как на битву я сбирался.
Рано, рано просыпался,
Об одном отце я думал.
Горе грудь мою стеснило,
Взор слеза мне помутила,
Но на битву я поехал,
Мать моя, и смел, и весел.

9

О Мырат, Мырат мой бедный!
Ты коня своего бросил,
Вороного иноходца,
Где теперь найдешь другого?
О Мырат, Мырат мой бедный!
Бросил легкие ты лыжи,
Лыжи те, что так любил ты,
Где найдешь тогда другие?
О Мырат, Мырат мой глупый!

10

Мать, ты матушка родная!
Из березы криво рос я,
Если кто на холм посадит
Ту березу, не исправить.
Своенравным и упрямым
Дураком я, мать, родился,
И я опытом бывалых
В жизнь свою не умудрился.
Я из ветвей криво вырос –
Дураком совсем я вышел.
Люди добрые что скажут,
Я как будто бы не слышу!
Мать, ты матушка родная,

Отпусти ж меня на битву,
К ней спешу я до заката,
Не держи ж меня, родная.
Не держи Мырата.

Восточный поэт

Вариант 2

Записано мной на диктофон 24 июля 1988 г. в д. Телеуты от Пелагеи Павловны Поросёнковой. Отрывок представляет собой песнь матери Мырат-пия. Перевод на русский язык мой.

Қара сууға қан чейзе,
Сösүгүн қайдаң табарзың?
Қалық мынаң мелйешсең
Йақшыды қайдаң көрөрзиң?

Қара пеениң қыл қуйруқ
Қардың чейзе, кем кезер?

Қарған энең, мен өлзö,
Мениң сööгүмди кем йууар?

Қула пеениң қул қуйруқ
Қулдуң[1] чейзе, кем кезер?

Қунуққан энең, мен өлзö,

Если в родник кровь
примешается,
Питьевой воды где
найдешь?
Если с народом
поссоришься,
Хорошее откуда увидишь?

Карей кобылы хвост
По снегу если волочиться
станет, кто подрежет
его?
Старая мать твоя, если
я умру,
Кости мои кто похоронит?

Саврасой кобылы хвост
До земли(?) если достанет,
кто подрежет его?
Тоскующая мать твоя, если
я умру,

[1] Значение слова *кул*, подходящее к контексту, мне неизвестно. Если предположить, что так прозвучало при исполнении слово *кӱл* «зола», то в переводе, видимо, можно будет использовать слово «земля».

Мениң сөөгүмди кем йууар?	Кости мои кто похоронит?
Јайық, Йайық, суу келер,	Урал, Урал, река будет течь,
Йақазын паза эл турар.	На берегу народ будет стоять.
Йақазын паза эл турза,	Если на берегу народ будет стоять,
Йаңыстаң […][1].	В одиночку […].
Эдил, Эдил, суу келер,	Волга, Волга, река будет течь,
Эдегин паза эл турар.	На берегу народ будет стоять.
Эдегин паза эл турза,	Если на берегу народ будет стоять,
Экидең […].	Вдвоем […].

Приведенные ниже строфы, также как и в варианте 3, могут быть и частью песни о Мырат-пие[2], и частью песенных вставок в сказке (лироэпика) о Козийке и Баян-Сылу, как, например, в телеутском тексте, записанном К.И. Максимовым в начале 1980-х годов от Кузьмы Андреевича Баксарина (АФ 1995: 46–47). Оригинальный текст дан без изменений. Перевод на русский язык мой.

Энези сарнайт:	Мать поет:
Кара пеең кыл куйрук,	Вороной кобылы хвост
Кар куру чийзе, кем кезер?	Если до сухого снега опустится, кто подрежет его?
Карган энең мен өлзөм,	Если я, твоя старая мать, умру,
Меең сөөгимди кем јууар?	Мои кости кто похоронит?
Кула пеең кул куйрук,	Саврасой кобылы хвост
Кар куру чийзе, кем кезер?	Если до сухого снега опустится, кто подрежет его?

[1] Здесь и далее в следующем стихе слова пропеты невнятно.

[2] В первом издании книги «Телеутский фольклор» (*Функ* 2004: 52) мной ошибочно было указано, что эти строфы не относятся к песне о Мырат-пие.

Кунугуп jўрген энең өлзö,

Меең сööгимди кем jууар?
Көзий айт jат:
Кара пеең кыл куйрук,
Кар куру чийзе, калыгың кезер,

Карган энем сен өлзöң,

Кара шибединң jуугай!

Кула пеең кул куйрук,
Кар куру чийзе, калыгың кезер,

Кунуккан энем сен өлзöң,

Кара шибедим jуугай!

В тоске живущая твоя мать если умрет,
Мои кости кто похоронит?
Кёзий отвечает:
Вороной кобылы хвост
Если до снега(?) опустится, народ твой подрежет его,
Старая моя мать, ты если умрешь,
На черном помосте пусть похоронят!

Саврасой кобылы хвост
Если до снега(?) опустится, народ твой подрежет его,
Тоскующая моя мать, ты если умрешь,
На черном помосте пусть похоронят!

Вариант 3

Записано мной на диктофон 23 февраля 1992 г. в д. Челухоево от Ульяны Андреевны Челухоевой. Перевод на русский язык мой.

Эне:
Қара пеединң қыл қуйруқ
Қардың чейзе, кем кезер?

Қарған энең öл пааза,

Аның сööгўн кем йууар?

Уул:
Қара пеединң қыл қуйруқ

Мать:
Вороной кобылы хвост,
По снегу если волочиться станет, кто подрежет его?
Если твоя старая мать умрет,
Кто похоронит ее?

Сын:
Вороной кобылы хвост,

Қардың чейзе, қалық кезер!
Қарған энем öл пааза,
Қалық келип јуу қойор!

По снегу если волочиться станет, народ подрежет!
Старая мать моя если умрет,
Народ придет и похоронит!

Эне:
Қула пеединң қыл қуйруқ
Јерди чейзе, кем кезер?

Мать:
Саврасой кобылы хвост,
Если до земли длиной станет, кто подрежет его?

Қарған энең кыйналып öлзö,

Аның сööгүн кем йууар?

Если твоя старая мать, мучаясь, умрет,
Кто похоронит ее?

Ульяна Андреевна Челухоева в халате-телен, д. Челухоево, 1989 г.

Уул:
Қула пеединң қыл қуйруқ
Јерди чейзе, эл кезер!

Қарған энем қыйналып өлзө,

Элим келип јуу қойор!

Јаңыс ташты қолтықтанып,

Йайықты кечкен, Мырат мен!
Йаңыстаң йуға киргенде,
Јайа соғотон, Мырат мен!

Эки ташты қолтықтанып,

Эдилди кечкен, Мырат мен!

Экидең йуға киргенде,

Эбире соғор, Мырат мен!

Эне:
Йалтын-йултун түшјатан,
Анзы нези полот не?
Йалбыр-йулбур түшјатан,

Анзы нези полјат не?

Уул:
Йалтын-йултун түшјатан,
Ол йақшы эрлердиң
қылыжы!
Йалбыр-йулбур түшјатан,

Ол јакшы аттар йалдары!

Сын:
Саврасой кобылы хвост
Если до земли длиной
станет, народ подрежет!
Старая мать моя, мучаясь
если умрет,
Мой народ придет и
похоронит!

Один камень под мышкой
зажав,
Урал переплыл, Мырат я!
Если один на войну пойду,
Разойдясь, всех побью,
Мырат я!

Два камня под мышкой
зажав,
Через Волгу переплыл,
Мырат я!
Если вдвоем на войну
пойдем,
Вновь побью всех,
Мырат я!

Мать:
Блестя и сверкая, падает,
Что же это такое?
Волнуясь и развеваясь,
падает,
Что же это такое?

Сын:
Блестя и сверкая, падают,
Да это же хороших мужей
мечи!
Волнуясь и развеваясь,
падают,
Да это же хороших коней
гривы!

Вариант 4

Записано мной на диктофон 30 августа 1992 г. в д. Шанда от Анны Кирилловны Алагызовой. Несмотря на то что Анна Кирилловна уже много лет собирает по частям эту песнь от разных знатоков телеутской старины, она все же называет ее «отцовской», т.е. считает «своей». В интернет-приложении приводится как данная аудиозапись, так и фрагменты относительно недавней (от 12 июля 2014 г.) видеозаписи исполнения этой песни А.К. Алагызовой. Перевод на русский язык мой.

Анна Кирилловна Алагызова во время исполнения песни Мырат-бий, д. Шанда, июль 2014 г.

Эне:	Мать:
Көбөк, Көбөк, көл кечет,	Кёбёк, Кёбёк, через озеро переправляется,
Кömӱр алазы суу кечет.	Через угольную(?) реку переправляется.
Көбөктең артық эр туулза,	Лучше Кёбёка муж если родится,

Теңис кечире мост салзын[1].

Мырат:
Эки ташты қолтықтанып,

Теңисти кечкен, Мырат мен!

Йаңыс ташты қолтықтанып,

Йайықты кечкен, Мырат мен!

Қуул манчық, куул манчық,

Қултур туулған, Мырат мен!

Қултур қуштуң јер чалқын

Эркин туулған, Мырат мен!

Сары, сары салманчық,
Салтар туулған, Мырат мен!

Салтар қуштуң јер чалқын

Паатыр туулған, Мырат мен!

Эне:
Пийик, пийик тууларға,

Через океан мост проложит.

Мырат:
Два камня под мышкой
зажав,
Через океан
переправился,
Мырат я!
Один камень под мышкой
зажав,
Через Урал
переправился,
Мырат я!
Медный кисет, медный
кисет,
Хитрым родился,
Мырат я!
Хитрых птиц земляной
чалкын(?),
Свободным родился,
Мырат я!
Желтая, желтая серьга,
Хитрым(?) родился,
Мырат я!
Хитрых(?) птиц земляной
чалкын(?),
Богатырем родился,
Мырат я!

Мать:
На высокие, высокие
горы

[1] Первая строфа, вложенная исполнительницей в уста матери Мырат-пия, известна в качестве вводной строфы в телеутской исторической песне «Ақ-Көбөк», записанной в середине XIX в. В.В. Радловым (*Радлов* 1866: 204–212). Ср.:

Көбөк, Көбөк көл кечер,
көмўр тууда јол эдер,
Көбөктўң артық эр туза
Теңис кечире қур эдер.

Нерек чыкпа(с) сен, Мырат?	Зачем не выходил ты, Мырат?
Пийик эдектӱ Миш қысты	(На) богатую (букв. «с высоким подолом») девушку по имени Миш,
Аның нерек көрбөс наң?	Почему не глядишь?
Мырат:	Мырат:
Пийик, пийик тууларға	На высокие, высокие горы
Мен чықпаған туу педир!?	Я ль не поднимался!?
Пийик эдектӱ Миш қысты	Богатую девушку Миш
Мениң көрбөгөн қыс педир!?	Я ль не видал!?
Эне:	Мать:
Јабыс, јабыс тууларға	На низкие, низкие горы
Нерек чықпа(с), сен, Мырат?	Зачем не выходил ты, Мырат?
Јабыс эдектӱ Миш кысты	На бедную («с низким подолом») девушку по имени Миш,
Аның нерек көрбөс наң?	Почему не глядишь?
Мырат:	Мырат:
Јабыс, јабыс тууларға	На низкие, низкие горы
Мен чықпаған туу бедир!?	Я ль не поднимался!?
Јабыс эдектӱ Миш қысты	Бедную девушку Миш
Мениң көрбөгөн қыс педир!?	Я ль не видал!?
Эне:	Мать:
Пир ағашта јӱс пуудақ	На одном дереве сто сучьев,
Аны қайында пуударғайаң[1], сен, Мырат?	Как ты их обрубишь, Мырат?
Пир пойында јӱс кижи	В одиночку против ста человек,

[1] Формально правильно было бы: *пудақта-* – «рубить сучья», но как в этом стихе, так и ниже, в следующей строфе, исполнительница использует этот глагол в форме *пут-* (в инфинитиве *пударға*) с дополнительным вспомогательным глаголом *јат* с показателем лица. Аналогичная глагольная конструкция используется исполнительницей и ниже.

Аны кайында јууларғайаң,
сен, Мырат?

Мырат:
Пир ағашта јўс пуудақ

Пир пуудақ чылап пуударым!

Пир пойумда јўс кижи

Пир кижи чылап јууларым!

Эне:
Эки ағашта муң пуудақ

Аны қайында пуударғайаң?
сен, Мырат?
Эки пойунда муң кижи

Аны қайында јууларғайаң
сен, Мырат?

Мырат:
Эки ағашта муң пуудақ

Эки пуудақ чылап пуударым!

Эки пойумда муң кижи

Эки кижи чылап јууларым!

Эне:
Эдил, Эдил, суу келер,

Аны қайында кечегейаң?

Как ты думаешь с ними
воевать, Мырат?

Мырат:
На одном дереве сто
сучьев,
Словно один сук, я
срублю!
В одиночку против ста
человек,
Словно против одного,
буду воевать!

Мать:
На двух деревьях тысяча
сучьев,
Как ты их обрубишь,
Мырат?
Вдвоем против тысячи
человек –
Как ты думаешь с ними
воевать, Мырат?

Мырат:
На двух деревьях тысячу
сучьев,
Словно два сука, я
срублю!
Вдвоем против тысячи
человек,
Словно против двоих,
буду воевать!

Мать:
Волга, Волга, река
встретится,
Через нее как
переправишься?

Эдил йақалай эл йадар
Аны қайында чығағайаң?

Мырат:
Эдил, Эдил, суу келер
Эдегин паза чығарым!
Эдил йақалай эл йатса,
«Мырат кел јит!», теп,
тын[1] турар!

Эне:
Йайық, Йайық, суу келер
Аны қайында кечегейаң?
Йайық йақалай йат йатса,
Аны қайында чығағайаң?

Мырат:
Йайық, Йайық, суу келер
Йақазын пойлöй чығарым!
Йайық йақалай йат йатса,
«Паатыр кел јит!», теп,
тын турар!
Пойымнуң мойнун чапчақча,
Малымның мойнун қучақча,
Эм пағатыр туулған-оқ,
мен, Мырат!

На берегу Волги народ
будет жить,
Как его пройдешь?

Мырат:
Волга, Волга, река
встретится,
На берег ступив, я
пройду!
На берегу Волги народ
если будет жить,
«Мырат идет», говоря,
тихо будут стоять!

Мать:
Урал, Урал, река
встретится,
Через нее как
переправишься?
На берегу Урала народ
если будет жить,
Как его пройдешь?

Мырат:
Урал, Урал, река
встретится,
На берег я выйду!
На берегу Урала (народ)
если будет жить,
«Богатырь идет», говоря,
тихо будут стоять!
Шея моя, как ведро,
[Как у] коня моего шея
в обхвате,
Богатырем ведь родился
я, Мырат!

[1] Нормативн. *тым* – «тихо».

[Телеутский царь в Москве]

Записано мной под диктовку 15 июля 1989 г. в д. Челухоево от Варвары Степановны Хлопотиной. Перевод на русский язык мой. Название условное, дано мной.

Когда-то в Москве был наш татарский (телеутский. – *Д.Ф.*) царь. Но пришел русский, напоил нашего царя вином и забрал у него все документы на царство. Выгнали татарского царя из дворца. Идет он и плачет:

Омыртқа тушта оймолу,
Орыстың адын, дийт, ат минземче, ай…
Орыстың қатын, ой, эмде тутқан,
Озоғо қарымды өйлӱ ползомче…

Қабырға тушта тамғалу,
Қазақ(тың) адын, дийт, ат минземче…
Қазақтың қатын қолғо алған,
Озоғо қарымди өйлӱ туузамче…”

С поставленной на хребте тамгой
(На) русском коне ездил бы…
Если бы русскую грамоту держал,
Был бы умным, как старый царь…

С поставленной на ребрах тамгой
(На) русском коне ездил бы…
Если бы русский закон в руку взял,
Был бы рожден таким же умным, как старый царь…

* * *

Эта песня своим содержанием близка к одному из телеутских преданий о том, как Тавыт-Таргай, будучи при русском дворе (Давыт/Давыд, или Мамыт, Торгаев, глава ускатских «выезжих белых колмаков», действительно в 1702 г. ездил в Москву), якобы привез от царя грамоту, по которой телеуты освобождались от воинской повинности и, кроме того, получали в вечное пользование занятые ими земли. Но в начале XIX в. у телеутского паштыка (старосты) Тэнко, вызванного в Барнаул и опоенного вином, эту грамоту буд-

то бы выкрали местные чиновники. В результате земля у телеутов была отобрана, а сами они были прикреплены к царским кабинетным землям и обложены податью (см.: *Токмашев* 1918: 9).

И предание, проанализированное однажды А.П. Уманским (*Уманский* 1980: 220–221), и записанная мной песня (как явно более позднее по сравнению с преданием поэтическое отражение исторических событий) во многом не соответствуют реальным фактам. В известных телеутских челобитных конца XVII – начала XVIII в. вопрос об освобождении от воинской службы даже не ставился, наоборот, «выезжие телеуты» еще в первом десятилетии XVIII в. активно участвовали в военных походах на стороне русских. По поводу отвода земель вопрос, действительно, поднимался, но еще до поездки Давыда Торгаева в Москву, а именно 15 апреля 1688 г. (подробнее см.: *Уманский* 1980: 221).

Таким образом, получается, что использованное в песне выражение «телеутский царь в Москве» отражает образное осмысление и смешение воспоминаний о реальной поездке Давыда Торгаева в столицу и о «благоволении» московских царей к телеутам, а «опоенный и обобранный телеутский царь» – это, скорее всего, незадачливый паштык Тэнко, ездивший в Барнаул; документы же «на царство» – официальное закрепление за телеутами после прошения 1688 г. ряда пашенных и сенокосных угодий по р. Ускат, левому притоку Томи.

Любопытен факт утери документов паштыком Тэнко (в предании) или «телеутским царем» (в песне). На мой взгляд, здесь можно видеть воспоминание о «кознях» местных воевод и о фактах спаивания местного населения. Выкранные документы (грамота), вероятно, – не более чем надуманная причина, которая позволяла простым телеутам понять действительно произошедшие перемены в отношении к этому народу царских властей в XVIII в. Именно в XVIII в. телеуты перестали быть реальной политической силой, и потому с ними можно было обращаться так же, как и с другими локальными группами, объясаченными царскими воеводами на сто лет раньше.

Табыр
Игровые песни

Табыр, как писал в своем знаменитом словаре В.И. Вербицкий, это «игра в две партии; песня на два хора попеременно» (Словарь 1884: 333). К сожалению, последующие этнографические материалы мало что добавили к этому, хотя *табыр* был известен у разных этнических групп на Северном Алтае (напр.: «К хоровым песням относится игровая песня, известная у кумандинцев под названием *табыр*. Ее пели и при ритуальном празднестве *Кочакан*»; см.: *Сатлаев* 1974: 143).

В телеутских полевых материалах Н.П. Дыренковой обнаруживается запись о том, что молодежь один раз в год «собирается вместе на игры – табыр – это на Пасхе. Прежде эти игры приурочивали к весеннему жертвоприношению и устраивали около Троицы, когда распустится зелень и прогремит первый гром, голос Кудая. Впоследствии, с русским влиянием, табыр перенесли на Пасху» (цит. по: *Батьянова* 2007: 138). Есть разнящиеся в деталях сведения о том, что *табыр* мог иметь место не только на Пасху (см.: *Функ* 1992: 58–59). Кстати, если судить по тексту самой песни, где *табыр* называется как весенним, так и осенним праздником, то он в прошлом, скорее всего, был приурочен к неким значимым событиям года и действительно устраивался два раза в год.

Как именно выглядели сами игрища (хоровод?), точных сведений нет, или они противоречат друг другу. На фотографиях, сделанных А.Г. Данилиным и Л.Э. Каруновской в 1929 г. в улусе Крутом в Степном Алтае (трудно сказать, на самом празднике или на его постановке, выполненной по просьбе этнографов жителями улуса), видны группы молодых женщин, девушек и девочек. На одном из снимков каждая из участниц действа (кроме первых), держит впередистоящую за плечи, просто положив руки ей на плечи или плотно обхватив ее и скрестив руки у нее на груди. На еще одном снимке девушки стоят полукругом, обнявшись, каждая положила левую руку на левое плечо впередистоящей, а правой держится за предплечье правой руки своей соседки, чуть повыше локтя.

Сцены весеннего праздника Табыр. Улус Крутой. Фото А.Г. Данилина и Л.Э. Каруновской. Из собрания МАЭ РАН, № 4125-9

Из собрания МАЭ РАН, № 4125-31

Вариант 1

Записано мной на диктофон 24 июля 1988 г. в д. Телеуты от Прасковьи Павловной Поросёнковой. Перевод на русский язык мой.

Табырдаң тобор[1] ииий
қамчалу ий,
Табырдың қызы јинјилӱ.

Ағый тайақтаң ииий көк
тайақ,
Ай уулдар йаштар[2] ойунға.
Ай уулдар йаштар ииий
арада
Қыстар ақ матор[3] пери пол?

Эм јазым кел јат ииий
јарланып ий,
Јаш ағаш пажы пӱрлен јат.

Јастың пайрамы ииий јыл
пажы,
Јаштар ойнойтон[4] тем кел
јат.
Эм кӱзӱм кел јат ииий
кӱрленип ий,
Көп ағаш пажы шушал јат.

На Табыре *тобор* с камчой,

Девушки (с праздника)
Табыр – в жемчугах.
У самых седых – синий посох,

Парней-девушек на игру (зовут).
Среди парней-девушек
Девушки красивые здесь ли?

Весна приходит,
распускаясь,
Молодых деревьев макушки
покрываются листьями.
Весенний праздник – раз
в году,
Молодым играть время
приходит.
Осень приходит, сверкая,
Верхушки многих деревьев
шумят.

---

[1] Значение этого слова (в вариантах: *тобыр, тообыр, тообор*) не известно даже пожилым телеутам. Телеутский фольклорный ансамбль «Солоңы», долгое время существовавший в с. Беково, именно по причине невозможности перевода на русский язык никогда не исполнял первую строфу на народных праздниках.

[2] *Уулдар-йаштар* – букв. «молодые парни»; этим устойчивым словосочетанием обозначается молодежь обоих полов.

[3] *Матор* – красивый. В недавно изданный первый телеутско-русский словарь (ТРС 1995) это слово не вошло.

[4] *Ойнойтон* – форма 3 л. ед./мн. числа обычного универсального времени изъявительного наклонения. В данном тексте буквально может переводиться как «всегда играли», «обычно играют», «обязательно будут играть», «хотят/должны играть».

Күстүң пайрамы иииий јыл
пажы,
Күчүлер ойнор тем кел јат.

Ақ тайқа пууры иииий
қар алза,
Алдызы қайда турлайтан?
Ақам алқыжы иииий
јоқ ползо,
Ардалар қайдаң көк көртен[1]?

Көк тайқа пууры иииий
қар алза,
Көп алды қайда турлайтан?

Көкшин алқыжы иииий јоқ
ползо,
Көчүлер қайдаң көк көртен?

Ай йажыл чепкен[2] иииий
јайғандый,
Меең йатқан јерим, Ана-Том.

Ол йаш ууланды иииий
моңдылтқан,
Ол йатқан јерим, Ана-Том.

Қызыл чепкен иииий
јайғандый,
Қырчыны сылу, Пайадым.

Эм қыс ууланды иииий
моңдылткан,
Ол öскön йерим, Байадым.
Анажы Томдо иииий
көрзögөр,

Осенний праздник – раз
в году,
Молодым играть время
приходит.
Белой горы подножье
снегом если покроется,
Звери где будут кормиться?
Предка моего благословения
если не будет,
Дети откуда зелень увидят?

Синей горы подножье
снегом если покроется,
Много зверей где будут
кормиться?
Старцев благословения если
не будет,
Дети откуда зелень увидят?

Как зеленый кафтан
расстелилась
Родная земля моя –
мать-Томь.
Молодых парней вырастила

Родная земля моя –
мать-Томь.
Как красный кафтан
расстелился
С красивым кустарником
мой Бачат!
Девиц и парней взрастила

Моя родина, мой Бачат.
Матушка Томь, если
посмотрите,

[1] *Көртен* – лит. *көртön*.
[3] *Чепкен* – разновидность традиционного телеутского суконного халата.

Алтын қапқақтаң ажыл јат.
Күстиң ақайдың иий
алқыжы,
Ақ ўрўс полып јайыл јат.

Из-под золотой крышки
выливается.
Предков благословение,
Белым навaром
(=благодатью) став,
разливается.

Күнўжин Томдо иий
көрзögөр,
Күмўш қапқақтаң ажыл јат.
Күстиң (?) көкшини иий
Көк ўрўс полып йайыл јат.

Дорогая Томь, если
посмотрите,
Из-под серебряной крышки
выливается.
Старцев благословение,
алкыжы,
Синим навaром став,
разливается.

Қайышқақ серип иий
мизи йоқ,
Қату саламга эдем[1] йоқ.
Қаштажа јўрген иий пис
пойлу
Қадарғы йылға пўдўм йоқ.

Гнущийся серп без лезвия
Твердую солому не разрежет.
Вместе ходили мы, девушки,
Грядущему(?) году
веры нет.

Эңишкек серип иий
мизи йоқ,
Эки саламға эдим йоқ.
Эштеже йўрген иий пис
пойлу
Эзенги йылға пўдўм йок.

Загнутый серп без лезвия
Две соломины не разрежет.
Вместе ходили мы, девушки,
Грядущему году веры нет.

Ай қарыш полған иий
қойруқту,
Қандуды айтсын,
саалду, теп.
Қарчайа түшкен иий
сағалду

С хвостом (длиной)
в четверть
Выдре пусть скажет, что у
нее длинная шерсть!
Со спускающейся до пояса
бородой

[1] *Эдем/эдим* – лит. *ödўм*.

Пистиң қарылар – алқышту!

Ай қулаш полғон иий
қойруқту,
Қундусты айтсын,
саалду, теп.
Қурчанға тўшкен иий
сағалду
Пистиң ол улар[1] алқышту!

Старикам нашим (пусть
скажет) «благословенны»!

С хвостом (длиной) в сажень

Бобру пусть скажет, что
у него длинная шерсть!
Со спускающейся до пояса
бородой
Нашим старикам (пусть
скажет) «благословенны!»

Јекендў көлдö иий јақазы
Јекен тартатан тем кел јат.

Јеңниң учунаң[2] иий
тудужуп,
Јаштар ойнойтон тем кел јат.

Қоғолу көлдöң иий јақазы,

Қоғо тартатан тем кел јат.

Қолдоң учунаң иий
қабыжып,
Көчўлер ойнор тем кел јат.

С берега камышового озера
Время тянуть камыш
приходит.
За обтачку рукавов (друг
друга) держа,
Молодым играть время
приходит.
С берега тростникового
озера
Тростник тянуть время
приходит.
За руки взявшись,

Молодым играть время
приходит.

[Опять потеряла!][3]

Адам йажыл қаш[4] иий
јажыл қаш ий,
Јаштар ойнойтон йажыл қаш.

Зеленый берег, мой зеленый
берег,
Молодым играть – зеленый
берег.

---

[1] *Ол улар* – пропето невнятно, возможна неточность расшифровки аудиозаписи.

[2] *Јеңниң учунаң* (исходный падеж от *јең учу*) – подклад, обычно красного цвета, у обшлагов рукавов традиционных телеутских женских платьев.

[3] Ремарка исполнительницы на русском языке.

[4] Здесь и в следующей строфе произносится слитно с предыдущим словом: *йажылгаш, кызылгаш.*

Эм йажыл қашқа иий
једилбей,
Қанчулар[1](?) йайна
пил јат на?

Адам қызыл қаш иий
қызыл қаш,
Қыстар ойнойтон
қызыл қаш.
Қыстар ойынға иий
једилбей,
Қанчулар(?) қыйнал
пил јат на?

Ағарған сынға иий јол
салған
Қайран ақ постың чон[2]
тыйғақ.
Анажы Томғо иий јурт
салған
Қайран ақайдың алқыжы.

Көгөргөн сынға иий јол
салған,
Қайран көк постың чон
тыйғақ.
Күнүжи Томғо иий јурт
салған,
Қайран көкшөниң алқыжы.

[Так-то все знаю, а тут…][3]

До зеленого берега
не дошедшие,
[…], мучаясь,
узнает ли?

Красный берег, мой красный
берег,
Девушкам играть – красный
берег.
Девушки, на игру
не пришедшие,
[…], мучаясь, узнает ли?

По белеющему хребту путь
проложившие
Милого бело-сивого коня
крупные копыта.
На матери-Томи юрт
основавших
Дорогих предков –
благословение!
По синеющему хребту путь
проложившие
Темно-сивого коня крупные
копыта.
На дорогой Томи юрт
основавших
Дорогих старцев –
благословение!

Вариант 2

Записано мной 16 августа 1991 г. в д. Челухоево от Ульяны Андреевны Челухоевой. Расшифровка магнитофонной записи, а

[1] Грамматически это форма мн.ч. от слова *қанчу* – «сыпь на губах».

[2] *Чон* (ср.: в записи Н.П. Дыренковой – *қон*); ср.: шор./хак. *чоон* в значении «крупный».

[3] Ремарка исполнительницы на русском языке.

также уточнение значения отдельных слов были сделаны совместно с У.А. Челухоевой. Перевод на русский язык мой.

Табырда тообыр қамчалу, Табырдың қызы јинјилӱ.	На Табыре тобыр с камчой, Девушки (с праздника) Табыр – в жемчугах.
Ағыйдаң ақтан кök тайақ, Уулдар йаштар ойыңа.	У самых седых – синий посох, Парней-девушек на игру (зовут).
Јазым келет јарланып,	Весна приходит, распускаясь,
Јаш ағаш пажы пӱрленип.	Молодых деревьев макушки покрываются листьями.
Јастың пайрамы јыл пажы,	Весенний праздник – раз в году,
Јаштар ойнойтон кем келет.	Молодым играть время приходит.
Кӱзӱм келет кӱрленип, Кöп ағаш пажы шушалып.	Осень приходит, сверкая, Верхушки многих деревьев шумят.
Кӱстӱң пайрамы јыл пажы,	Осенний праздник – раз в году,
Кӱчӱлер ойнор кем келтир.	Молодым играть время пришло, оказывается.
Ақ тайқа пууры сöсилзе,	Если с подножья белой горы талая вода пойдет,
Ана пайатқа суу толғой.	Родную реку водой наполнит.
Ана пайатқа суу толзо,	Если родную реку водой наполнит,
Алтын қапқақтаң ашылғай.	(Она) из-под золотой крышки пусть выльется.
Алтын қапқақтаң ашылза,	Если из-под золотой крышки выльется,
Ақ позум сöзӱк тартқайл’а.	Мой бело-сивый (конь)

чистейшей воды
напьется.

Ақ позум сөзӱк тарқажын,
Мой бело-сивый конь
чистейшей воды
напьется,

Арқазын пойлӧй май өргӧй.
На спине его жир
образуется.

Арказын пойлӧй май өрзӧ,
Если на его спине жир
образуется,

Ардалар сиймап мӱнгейле.
Ребятишки, погладив (его),
будут ездить.

Кӧк тайқа пууры сӧсилзе,
Если с подножия синей горы
талая вода пойдет,

Кӧнӱ пайатқа суу толғой.
Милую реку водой
наполнит.

Кӧнӱ пайатқа суу толзо,
Если милую реку водой
наполнит,

Кӱмӱш қапқақтаң ашылгай.
(Она) из-под серебряной
крышки пусть выльется.

Кӱмӱш қапқақтаң ашылза,
Если из-под серебряной
крышки выльется,

Кӧк позум сөзӱк тартқайл’а.
Темно-сивый мой (конь)
чистейшей воды
напьется.

Кӧк позум сөзӱк тартқажын
Если мой темно-сивый
чистейшей воды
напьется,

Көксӱн пойлӧй май өргӧй.
На спине его жир
образуется.

Көксин пойлӧй май өрзӧ,
Если на его спине жир
образуется,

Кӧчӱлер сиймап мӱнгейле.
Малыши, погладив (его),
будут ездить.

Қарыш полғон қойруқту,
С хвостом (длиной) в
четверть

Қундусту айтсын –
саалду, теп.
Бобру пусть скажет, что у
него длинная шерсть!

Қурчаңа түшкен сағалду
Қарымды айтсын – алқыш, теп.

Қулаш полған қойруқту,
Қанду айтсын – саалду, теп.

Қарчайа түшкен сағалду
Көкшиним айтсын – алкыш, теп.

Йелисей[1] соққон јес қайчым,
Јекендӱ көлгӧ таштайын.

Јекендӱ көлгӧ таштазам,
Јеңилчек уулан қапқайл'а.
Јеңилчек уулан қапқажын,
Јегелӱ адым тегеле.

Орыстың соққон қурч қайчым
Қоғолу көлгӧ таштайын.

Қоғолу көлдиң пойыннан,
Қоқумай уулан қапқайл'а.
Қоқумай уулан қапқажын,
Қомутту адым тегеле.

Со спускающейся до пояса бородой
Старику пусть скажет «благословенный»!

С хвостом (длиной) в сажень
Выдре пусть скажет, что у нее длинная шерсть!
Со спускающейся до пояса бородой
Старику (моему) пусть скажет «благословенный»!

Елисеем выкованные медные ножницы мои,
В камышовое озеро брошу-ка.
Если в камышовое озеро брошу,
Ловкого парня поймаю,
Когда поймаю ловкого парня,
Подумаю, что, мол, поймала запряженного коня.

Русским выкованные острые ножницы мои
В тростниковое озеро брошу-ка.
Из самого тростникового озера
Молодого парня поймаю.
Когда молодого парня поймаю,
Подумаю – поймала коня с хомутом.

[1] В ранних записях – у Н.П. Дыренковой, но также и у К.И. Максимова – встречается в формах *Јелесе* и *Јеңесей*/*Јеңисей* (*Функ* 1992: 99; АФ 1995: 79, 83), у Л.Т. Рюминой-Сыркашевой – *Јенесей* – это русск. имя Денис (*Рюмина-Сыркашева* 2003: 34).

Ӱрей

Колядки

В первый день Рождества собирались группы из нескольких ребятишек и с большой торбой ходили колядовать по деревне. Собранные угощения, как правило, раздавали бедным и пожилым, хотя что-то брали и себе или даже продавали (см.: АФ 1995: 127).

Публикуемый текст записан мной 15 августа 1989 г. в д. Челухоево от Варвары Степановны Хлопотиной. Перевод на русский язык мой.

Ӱрей!

Чалқанду қалаш сер беригер,	Дайте круглый, как репа, каравай,
Ӱрей!	
Чайбалбай туруп пай полғор,	Без колебаний стань богатым,
Ӱрей!	
Сер чара мынаң ал чыққар,	С полной чашей выходите,
Ӱрей!	
Чайбалбай туруп пай полғор!	Без колебаний стань богатым!
Ӱрей!	
Айға тиккен ӱйӱңдӱ,	При луне поставленный твой дом
Ӱрей!	
Алтын мынаң қурчазын,	Золотом пусть опояшется,
Ӱрей!	
Ааң ичинде эйекем	В доме находящаяся старшая сестра моя
Ӱрей!	
Јетон пеш йаш йажазын!	Семьдесят пять лет пусть живет!
Ӱрей!	
Кӱнге тиккен ӱйӱндӱ	При солнце поставленный твой дом
Ӱрей!	

Күмӱш мынаң қурчазын,
Ааң ичинде јестем
Јетон јашты йажазын!

Серебром пусть опояшется,
Ӱрей!
В доме находящийся муж моей старшей сестры
Ӱрей!
Семьдесят лет пусть живет!

В случае отказа хозяев дать гостям что-нибудь или же если «подача маловата», дети пели (Записано мной 8 августа 1992 г. в д. Челухоево от Ульяны Андреаевны Челухоевой. Перевод на русский язык мой):

Ӱрей!
Эм айға тиккен ӱйӱңди
Ӱрей!
Айулар келип тырмазын!
Ӱрей!
Эм күнге тиккен ӱйӱңди
Ӱрей!
Көрмөстөр келип тырмазын!
Ӱрей!

При луне поставленный твой дом
Медведи, придя, пусть раздерут!
При солнце поставленный твой дом
Черти, придя, пусть раздерут!

[Призывание на рождественские вечерки к Пачаям]

Записано мной 8 августа 1992 г. в д. Челухоево от Ульяны Андреевны Челухоевой. Перевод на русский язык мой. Название условное, дано мной.

Пачайларға қомысқа[1]
Ақчазы йоқ парбағар!
Пуунқыла күнде парбазар,
Паза қомыс, теп, паспағар!

К Пачаям[2] на вечерку
Без денег не приходите!
Сегодня если не придете,
То и вовсе не приходите!

[1] *Қомыс* – не только «двуструнный музыкальный инструмент» (алт. *топшуур*), но и «вечерние посиделки».

[2] Пачаи – крупное патронимическое подразделение фамилии (*төл*) Челухоевых из сеока Йуты.

Тапқақтар

Плясовые («частушки»)

Песни под номерами 1–6 взяты из подборки телеутских песен (это была первая публикация образцов этого жанра телеутского фольклора) в изданной в 1844 г. книге П.А. Словцова «Историческое обозрение Сибири» (*Словцов* 1844: 5–8). Время записи этих образцов фольклора неизвестно; скорее всего, 1830-е годы. В своей поездке в Санкт-Петербург в 1839 г. архимандрит Макарий, на которого ссылается в своей книге П.А. Словцов, вполне мог передать ему телеутские тексты. Орфография и пунктуация выправлены и приведены к современному написанию мной. Разбивка на строфы (в случае нарушения их порядка) также исправлена мной.

Песни под номерами 7–13 записаны мной в конце 1980-х – начале 1990-х годов.

1. Мечты отца

Молодой ланшачок мой вырастет, конь будет,
Грива и хвост в полную меру придут.
Малое детище мое вырастет, человек будет,
Ради кого я беспокоился, будет моим приятелем.

Молодой жеребенок мой вырастет, конь будет,
И хвост и грива в полную меру придут.
Младое мое чадо вырастет, человек будет,
Ради кого я погоревал, будет моим приятелем.

2. Горесть отца о сыне

Дитя птицы-жаворонка
В поле щебечет.
И я, не находя моего детища,
Щебечу, подобно жаворонку.

Дитя чижика-птицы
Летает, распустив крылья, по полю.
И я, моего чада не находя,
Распустив крылья, летаю в чужой стороне.

3. Честь и стыд человека

Белый цветок взойдет, украсит землю,
Родится человек разумный, будет править народом.
Голубой цветок взойдет, украсит землю,
Родится человек даровитый, будет управлять миром.

С пути разума сбившийся выродок
Дедовскую-отцовскую славу погубит.
С правой дороги рассудка сбившийся выродок
Честь предков своих погубит.

4. Как бы пожить получше

Шелковое ли платье буду носить, все износится,
Мужественное лицо мое увянет.
Пока мужественное лицо мое не увяло,
Пожить бы порасчетливее.

Китайчатую ли одежду буду носить, все останется
после меня,
Румяное лицо мое поблекнет.
Пока румяное лицо мое не поблекло,
Пожить бы в доброй чести и славе.

5. Выгоды от родных

Скованная кольчуга хороша на войне,
Когда брат есть, хорошо и в народе.
Броня из колец соединенных хороша на войне,
Когда сын родной есть, хорошо и в народе.

Без брата человек одинок,
В народе какое веселье ему?
Без сына родного одинок человек,
Какое веселье ему у чужих людей?

6

Одна зарница перед восходом солнца,
Как серебро-копытный конь-третьяк.
Единородное детище старца –
Нрав как серебро литое!
Одна зарница перед восходом месяца,
Как златокопытный конь.
Единородное дитя у бабушки –
Нрав как литое золото!

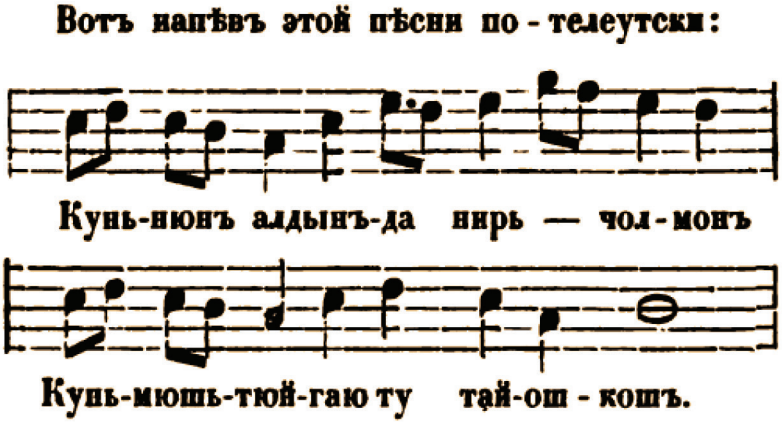


Рис. из книги П.А. Словцова (*Словцов* 1844: 8)

Не все телеутские слова записаны идеально точно, но в целом запись хорошая. В современной графике эти два стиха выглядели бы так:

Күннүң алдында эңир чолмон,
Күмүш туйғақту тай ошқош!

7

Песня записана 3 марта 1988 г. в д. Телеуты от Василия Михайловича Шабина (1910 г.р.; сеок Очу). Текст фиксировался под диктовку и потому не имеет присущих этой разновидности песен повторов и вспомогательных слов. Перевод на русский язык мой.

Ана Томдо не пай?	Кто на матери-Томи бай?
Чын пайлар қырғыстар полтур!	Настоящими баями кыргызы были!
Қырық табын мал тутқан,	Сорок табунов скота державшие,
Чын пайлар қырғыстар полтур!	Настоящими баями кыргызы были!

Василий Михайлович Шабин (справа) и мой постоянный помощник в д. Телеуты Михаил Александрович Поросёнков, февраль 1991 г.

* * *

В целом можно говорить о том, что исторические песни о енисейских кыргызах составляют у бачатских телеутов особый цикл, в их число входят и тексты, записанные В.В. Радловым (*Радлов* 1866: 213–215; *Radloff* 1866: 234–235; 1884: 339–340; перевод на русский язык: *Радлов* 1989: 194–195) и Н.П. Дыренковой (Архив МАЭ. Ф. 3. Оп. 1. № 34, 39).

«Кыргыстар», о которых пожилые телеуты в 1980-х годах строили лишь догадки («может, это киргизы с Тянь-Шаня?»), – это, несомненно, енисейские кыргызы, с княжествами которых «Телеутская землица» вела упорную борьбу за кыштымов-данников. От енисейских кыргызов телеуты, принявшие в XVII в.

российское подданство, вместе с русскими обороняли г. Кузнецк. Частые набеги кыргызских князьков, сопровождавшиеся угоном телеутов в плен (только в 1670 г. было захвачено около 100 человек; подробно см.: Уманский 1980: 247–261), вполне могли найти отражение в исторических песнях телеутов.

8

Записана в д. Телеуты 2 марта 1988 г. от Василия Михайловича Шабина (первая строфа) и 24 июля 1988 г. от Пелагеи Павловны Поросёнковой[1] (записано полностью). Текст фиксировался под диктовку и потому лишен повторов и вспомогательных слов. Перевод на русский язык мой.

Тулбарды тутсаң сиймап[2]/
йақшы тут,
Туйуқ ўйгениң пектеп.
суқ/тут
Тууғанды/Қалыктаң тапсаң
йақшы тап,
Тужу йажына эш полор/
ползун.

Если тулпара поймаешь,
гладя/хорошо держи,
Целую узду ему крепко надень
крепко держи.
Если родню/из народа будешь
выбирать, хорошо ищи,
Чтобы на всю жизнь другом
была/пусть будет.

Қалтарды тутсаң йақшы[3]
тут,
Қайыш йугениң пектеп суқ.

Қалыктаң тапсаң йақшы тап,

Қары йажына эш ползун.

Если мухортого поймаешь,
хорошо держи,
Ременную узду крепко
держи.
Если из народа будешь
выбирать,
хорошо ищи,
Пусть до старости другом
будет.

[1] От Пелагеи Павловны Поросёнковой мной было записано наибольшее число *тақпақ/тапқақ*, в общей сложности более 300 стихов (34 пары строф); записи сделаны 24, 26 июля и 9 ноября 1988 г.

[2] Здесь и далее через знак «косая черта» приведены слова, использовавшиеся разными исполнителями.

[3] Исполнительница сначала пропела «Қалтарды тутсаң пектеп …», но сразу заметила ошибку и пропела стих заново.

* * *

Песни под номерами 10–13 записаны на диктофон 16 августа 1991 г. и повторно 27 сентября 1992 г. в д. Челухоево от Ульяны Андреевны Челухоевой. Разбивка единого текста (44 стихотворных строки) на песни условна и использована здесь лишь для удобства поиска соответствующих строф в оригинале и в переводе[1]. Перевод на русский язык мой.

9

Ана Пайадым јазызы,
јазызы,
Ақ пос пайталым қазызы,
қазызы.
Қазы полбоқтон қан ползын,
қан ползын,
Қайран тууғанын күни јал
ползын.

Родимого края моего степи,
степи,
(Словно) бело-сивой кобылы
моей жир, жир.
Хоть жир, хоть кровянка
будет, хоть кровянка,
Милая родня пусть не будет
обиженной.

Көнө Пайадым јазызы,
јазызы,
Көк пос пайталым қазызы,
қазызы.
Қазы полбоқтон қан ползын,
қан ползын,
Қыймат тууғанын күни јал
ползын.

Дорогого края моего степи,
степи,
(Словно) темно-сивой
кобылы моей жир, жир.
Хоть жир, хоть кровянка
будет, хоть кровянка,
Дорогая родня пусть
не будет обиженной.

10

Қурулу мылтық
артынып алып,

Заряженные ружья к плечу
вскинув,

[1] Этот текст (за исключением двух строф под № 9) в упрощенной записи кириллицей и с более вольным переводом был опубликован мной также в 1993 г. (Песни… 1993: 8–9).

Вариант двух последних строф (№ 13) в 1920-х годах был записан в Челухоево («с. Челукой») этнографом Л.Э. Каруновской с пометкой «веселая телеутская песня. Поют на свадьбе, когда пьют араку» (Архив МАЭ. Ф. 15. Оп. 1. № 40. Л. 7об).

Қуудуң учқурын пис адып
алдық.
Қубатту јуртун
суражып алып,
Қыстың йақшызын пис
алып алдық.

Қайышту мылтық пис
артынып алып,
Қастың учқурун пис
адып алдық.
Қыймат-ақ јуртун
суражып алып,
Қыстың йақшызын пис
алып алдық.

Быстро летящих лебедей
подстрелили мы.
Расспросив о хороших
родословных,
Хороших девушек в жены
взяли мы.

Ружья на ремне к плечу
вскинув,
Быстро летящих гусей
подстрелили мы.
Расспросив о лучших
родословных,
Хороших девушек в жены
взяли мы.

11

Эм қуру талдың пажына,
пажына,
Қушқачақ қонтыр тем сурап,
тем сурап;
Пис коңыр пайтал мал соғып,
мал соғып,

Пис қуда тўштўк, јурт сурап,
јурт сурап.

Эм сары талдың пажына,
пажына,
Саңыскан қонтыр тем сурап,
тем сурап.
Пис сары пайтал мал соғып,
мал соғып,

Пис кўйў тўштўк јурт сурап,
јурт сурап.

На вершину сухого
тальника, на вершину
Птичка села, еду отыскивая,
отыскивая.
Мы каурую кобылу (на
праздник) забили,
забили,
Свататься приехали, о родне
расспрашивая,
расспрашивая.

На вершину желтого
тальника, на вершину
Сорока села, еду отыскивая,
отыскивая.
Мы соловую кобылу (на
праздник) забили,
забили,
Свататься приехали, о родне
расспрашивая,
расспрашивая.

12

Қумақту көлди
қуйбуртып јатан,
Қуудың палазы јўскўрегинай.
Қўрелў тойдо
ойноп пил јатан,
Сер тууғандардың
јарышағынай.

Песчаное озеро
всколыхнулось,
Лебедята хорошо плавают.
На свадьбе с кюре[1] стали
играть,
Ваша родня красива.

Қағанду көлди
қайнадып јатан,
Қастың палазы јўскўрегинай.
Қыймат јырғалда
ойноп пил јатан,
Сер тууғандардың
чеченигинай.

Тростниковое озеро
взволновалось,
Гусята хорошо плавают.
На богатой свадьбе стали
играть,
Ваша родня
степенна.

13

Ағарып атқан таңдары
йақшы,
Ашқа семирген малдары
йақшы.
Ашқа семирген малдарын
кўткен,
Алтын ақчалу пайлары
йақшы.
Алтын ақчазын аның кем
көргён?
Алыжып ичкен аштары
йақшы!
Көгөрип атқан таңдары
йақшы,

Белеющие рассветы хороши,

На зерне разжиревший скот
хорош.
Вырастившие скот, на зерне
разжиревший,
С золотыми монетами баи
хороши.
(Но) золотые деньги их кто
видел?
(А мы) собравшись, пьем
хорошее вино[2]!
Голубизной сияющие
рассветы хороши,

[1] *Кўре* – деревянный помост подквадратной формы из четырех плах, уложенных плашмя на опоры в виде чурбаков. В кюре проходили важные части свадебного обряда (подробно о телеутской свадьбе см.: *Функ* 1993: 192–202).

[2] *Аш* – букв. «ячменная водка».

Көкө семирген малдары
йақшы.
Көкө семирген малдарын
күткен,
Күмүш ақчалу пайлары
йақшы.
Күмүш ақчазын аның кем
көргөн?
Көкүжип ичкен аштары
йақшы!

На траве разжиревший скот
хорош.
Выростившие скот, на траве
разжиревший,
С серебряными монетами
баи хороши.
(Но) серебро их кто видел?

(А мы) веселясь, пьем
хорошее вино!

А-на-на-на-на-на-на-на-на-на-на!

ИЗ ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКИ

Мырзалай-јигит йару

Парень Мырзалай

Записано на диктофон мной 23 февраля 1992 г. в д. Челухоево от Ульяны Андреевны Челухоевой. Перевод на русский язык мой. Аналог этой песни-перепева известен на Саяно-Алтае: встречается в фольклоре челканцев – Е.П. Кандараковой был записан краткий вариант песни (о глазах, стане и голосе девушки) (см.: АФ 1988: 192–193), – а также у различных групп хакасов (см.: *Катанов* 1907).

Мырзалай-јигит йару

Чачычағың йараш тегендер, Апақын-қыс йару.
Чықсаң чачың көрөйин, Апақын-қыс йару!

Чачычағым незин көрөзин, Мырзалай-јигит йару?
Йақшы аттардың йалдары көрбөгөндең, йару!

Көзичегиң йараш тегендер, Апақын-қыс йару.
Чықсаң пери көрөйин, Апақын-қыс йару!

Көзичегим незин көрөзин, Мырзалай-јигит йару?
Саста өскөн қараңаты көрбөгөндең, йару!

Қолычағың јараш тегендер, Апақын-қыс йару.
Чықсаң пери көрөйин, Апақын-қыс йару!

Қолычағым незин көрөзин, Мырзалай-јигит йару?
Лапқадағы перчатқады көрбөгөндең, йару!

Айағажың йараш тегендер, Апақын-қыс йару.
Чықсаң пери көрөйин, Апақын-қыс йару!

Айағажым незин көрөзин, Мырзалай-јигит йару?
Базардағы башмақты көрбөгөндең, йару!

Сынычағың йараш тегендер, Апақын-қыс йару.
Чықсаң сының көрөйин, Апақын-қыс йару!

Сынычағым незин көрөзин, Мырзалай-јигит йару?
Көлдө өскөн қоғоды көрбөгөндең, йару!

Парень Мырзалай

Говорили, что волосы твои хороши, Апакын, девушка милая.
Выйди, на волосы твои посмотрю, Апакын, девушка милая!

На волосы мои что же смотреть, Мырзалай, джигит удалой?
Добрых коней гривы разве не видел ты, удалой!

Говорили, что глазки твои хороши, Апакын, девушка милая.
Выйди сюда, посмотрю-ка (на них), Апакын, девушка милая!

На глазки мои что же смотреть, Мырзалай, джигит удалой?
Смородину, что в лесу растет, разве не видел ты, удалой!

Говорили, что ручки твои нежны, Апакын, девушка милая.
Выйди сюда, посмотрю-ка я, Апакын, девушка милая!

На ручки мои что же смотреть, Мырзалай, джигит удалой?
Перчатки, что в лавке, разве не видел ты, удалой!

Говорили, что ножки твои хороши, Апакын, девушка милая.
Выйди сюда, посмотрю-ка я, Апакын, девушка милая!

На ножки мои что же смотреть, Мырзалай, джигит удалой?
Туфельки, что на базаре, разве не видел ты, удалой!

Говорили, что стан твой хорош, Апакын, девушка милая.
Выйди, на стан твой посмотрю-ка, Апакын, девушка милая!

На стан мой что же смотреть, Мырзалай, джигит удалой?
Тростник, что на озере растет, разве не видел ты, удалой!

Чӱчеке

Чучеке

Записано мной на диктофон 26 сентября 1992 г. в д. Челухоево от Ульяны Андреевны Челухоевой. Автор последней (четвертой) строфы песни – сама исполнительница. Перевод на русский язык мой.

Пайат јанда јӱргемде
кечкиде, Чӱчеке,
Ончо қуштар сарнап јат,
Чӱчеке, Чӱчеке!
Қуштар ӱнӱн уққамда
сағынып, Чӱчеке,
Сен сарнап јатандий-л'а,
Чӱчеке, Чӱчеке!

На берег реки когда выхожу
вечером, Чучеке,
Все птицы поют, Чучеке,
Чучеке!
Птиц голоса когда слышу,
думаю, Чучеке,
Что это ты поешь, Чучеке,
Чучеке!

Суудуң йанда ағаштар көп
өс јат, Чӱчеке,
Салқын аларды ут јат,
Чӱчеке, Чӱчеке!
Сени мен сақтап јадым
чығар теп, Чӱчеке,
Нерек сен маа чықпайаң,
Чӱчеке, Чӱчеке?!

На берегу реки деревьев
много растет, Чучеке,
Ветер их качает, Чучеке,
Чучеке!
Тебя я жду, выходи,
Чучеке,
Почему ты ко мне не
выходишь, Чучеке,
Чучеке?!

Чаңкыр торқо күнегиңди
кийип алзаң, Чӱчеке,
Көстӧриңге келиш јат,
Чӱчеке, Чӱчеке!
Йастың айас күндерин
көрип алзаң, Чӱчеке,
Көстӧриңди-оқ јараш,
Чӱчеке, Чӱчеке!

Голубого шелка платье свое
надень, Чучеке,
Твоим глазам идет оно,
Чучеке, Чучеке!
Хороши погожие дни по
весне, Чучеке,
И твои глаза хороши,
Чучеке, Чучеке!

Мен арақы ичпейадым,
Чӱчеке, Чӱчеке,

Я водку не пью, Чучеке,
Чучеке,

Тамқы тартпай тур қойдым,
Чӱчеке, Чӱчеке!
Маа параға сӧзиң пербий,
Чӱчеке, Чӱчеке,
Андағызын қайдарға,
Чӱчеке, Чӱчеке!

Табак курить перестал,
Чучеке, Чучеке!
За меня выйти слово дай,
Чучеке, Чучеке,
(И) все остальное (тогда) –
ерунда, Чучеке, Чучеке!

Телеутка в свадебном платье, д. Телеуты, 1989 г.

Пала пайлаған сарыны

Колыбельные песни

Түлкӱчек

Лисенок

Записано мной 8 ноября 1988 г. в д. Телеуты от Пелагеи Павловны Поросёнковой. Перевод на русский язык мой.

– Түӱ, түӱ, түлкӱчек,
Түнде қани пар јазың?
– Төмӧн талқан төгӱл қалтыр,
Ааны йууп пар јадым.

– Лис, лис, лисеночек,
Куда ты ночью идешь?
– (Внизу) мука просыпалась,
Ее собирать иду.

Қозанок/Қойонок

Зайчонок

Вариант 1

Записано мной 8 ноября 1988 г. в д. Телеуты от Пелагеи Павловны Поросёнковой. Колыбельную П.П. Поросёнкова слышала от своего деда. Перевод на русский язык мой.

Мяу, мяу, қозанок,
Ойноғонын йар пажы,
Оттоғонын тал пажы,
Эрте турбас қаттарды
Түӱнӱгинең тудейтем[1],
Эрин суубес каттардың

Қачарында қаны йоқ.

Мяу, мяу, зайчонок,
Играл на берегу,
Ел вершину тальника.
Рано не вставших женщин
По дымоходу я узнавал,
У женщин с
неостывающими
губами (=у болтушек)
В щеках (букв. «в скулах»)
крови нет (=стыда нет).

[1] *Тудейтем*; по смыслу здесь требуется слово *пилетем*.

Вариант 2

Записано мной 26 сентября 1992 г. в д. Челухоево от Ульяны Андреевны Челухоевой. Перевод на русский язык мой.

Мяң, мяң, қойоноқ,
Јар пажында отурғам.
Јар пажында отуруп,
Талычақ пажын одоғом.
Эрте турған энелерди
Эжигинең пилетем.
Кеч туратан энелерди
Мен түүнүгинең пилетем.
Маңду эне полғондо,
Мен йаңыс қолын тудатам.
Муңду эне полғондо,
Мен эки қолын тудатам.
Мяң, мяң, қойоноқ –
Мен төгөсөсин көрөтөм!

Мянг, мянг, зайчонок,
Я на берегу сидел.
Сидя на берегу,
Тальника вершину я ел.
Рано вставших матерей
Я по (стуку) дверей узнавал.
Поздно встававших матерей
Я по дымоходу узнавал.
Заботливых хозяек-матерей
Я за одну руку держал.
Нерадивых матерей
Я за две руки держал.
Мянг, мянг, зайчонок –
Я все-все видел!

Бай, бай, баламды

Баю-бай, мое дитя

Записано мной под диктовку 15 июля 1989 г. в д. Челухоево от Варвары Степановны Хлопотиной. Перевод на русский язык мой.

Бай, бай, баламды,
Бай, бай, баламды,
Майға суққан пөрөгөш –

Пазынқанда јүрегеш.
Эт јигенде суузунақ –
Эркенде йоогөш.
Бай, бай, баламды.

Баю-бай, мое дитя,
Баю-бай, мое дитя.
В масло обмакнутый
пирожок –
Когда сдавит сердечко.
Когда мясо поест, попьет –
Любимая отрада.
Баю-бай, мое дитя.

Той сарыны

Свадебные песни

Песни под номерами 1–8 записаны мной на диктофон 24 июля и 8 ноября 1988 г. в д. Телеуты от Пелагеи Павловны Поросёнковой. Нумерация песен моя. Перевод на русский язык мой.

1

Эээй, ол төжөк йастық қол
йастығай,
Қара йар пойлөй талтыр тал
эде ай.
Пис қалын йуртқа
пар јадығай,
Алқа қалығар қарылар эде ай.
Эээй, қызыл йар пойлөй
талтыр тал ай[1],
Қубатту йуртқа пар јадық,
Алқа қалығар қарылар ол
алар эде ай.

Эээй, постель (и) подушка,
ручная подушка,
Из самого черного яра
вытянутый тальник.
Мы в большой юрт уходим,
Благословите (нас), старики.
Эээй, из самого красного яра
вытянутый тальник,
В веселый юрт мы уходим,
Благословите (нас), старики.

2

Ээй, ол күнге тиккен
көжөгөм ай,
Күн чығыш йаннаң эр көтсүн
эде ай.

Эм көкү перген ардазы ай,
Түшкен йуртуна қут ползун
эде ай.

Ээй, при солнце шитый полог
мой
Со стороны восхода солнца
пусть благословен
будет,
Радость принесшие дети
Пусть будут счастливы (кут)
в том юрте, в который
ушли.

[Вот, опять потерял... непутный... а!][2]

[1] Здесь при исполнении «потерян» первый стих.
[2] Ремарка исполнительницы на русском языке.

Эээй, ой айға тиккен
кӧжӧгӧм ай,
Ай чығыш йаннаң алқытсын
эде.

Эм алқа перген ардазы ай,
Алған йажына эш ползун
эде ай.

Эээй, при луне шитый полог
мой
Со стороны восхода луны
пусть будет
благословлен.
Благословенные дети,
Молодой (жене) счастье-кут
пусть будет.

3

Иииий, ол пурма-пурма
темирди ай,
Ол пура соққон ус јақшы
эде ай.
Эм пууру пашқа кӱйӱдый,

Эм өскӧ тартқан қыс јақшы
эде ай.
Иииий, ол йайма-йайма
темирди ай,
Ол йайа соққон ус јақшы.

Эм йады пашқа кӱйӱдый,

Ол өскӧ тартқан қыс јақшы
эде ай.

Иииий, гнутое-гнутое железо

Загибая, кующий мастер
хорош.
С чужими (чужой печенью) –
зятьями стали,
К себе притянувшая
девушка хороша.
Иииий, широкое-широкое
железо
Раскатывая, кующий мастер
хорош.
С чужими –
зятьями стали,
К себе притянувшая
девушка хороша.

4

Эээй, эки қанадын йайынып
ай,
Эдилди кечкен қас јақшы
эдей ай.
Эдилдиң суун аш эдип,
Элге йырғатқан қыс јақшы
эде ай.

Эээй, двумя крылами
взмахивающий,
Волгу перелетевший гусь
хорош.
Воду Волги, как вино, испив,
Народом моим потчуемая
девушка хороша.

Эээй, йаңыс қанадын
йайынып ай,
Йайықты кечкен қас јақшы
эде.
Йайықтың суун аш эдип,
Йатты йырғатқан қыс
йақшы эде ай.

Эээй, одним крылом
взмахивающий,
Урал перелетевший гусь
хорош.
Воду Урала, как вино, испив,
Мужней родней (чужими)
потчуемая девушка
хороша.

5

Эээй, қурқунуң йайып
учпаза ай,
Қуудуң учқурун кем пилзен
эде?
Пис қубат ажып јўргезеғай,
Қуда тўшкенин кем пилзен
эде!?

Эээй, крыльями взмахивая,
если не полетит,
Лебедя быстроту кто узнает?

Мы, веселясь, если пойдем,
Сватами станем, кто знает!?

Эээй, қанадың йайып
учпаза ай,
Қастың учқурун кем пилер
эде?

Эээй, крыльями взмахивая,
если не полетит,
Гуся быстроту кто узнает?

Конь в традиционной телеутской узде, плетеной из сыромятных ремней, д. Челухоево, 1990 г.

Пис қанат[1] ажып jўргезе,
Тууған болғонын кем пилзен
эде ай!?

Мы, веселясь, если пойдем,
Родней станем, кто знает!?

6

Эээй, ақ посқо суққан
ўйгениң ай,
Алтын чайналсын узуна эде.
Эм алқа перген ардазы
Алған йажына эш ползун
эде ай.

Эээй, на бело-сивого
надета твоя узда,
Золото пусть жуется долго.
Благословенные дети
Молодой пусть спутниками
будут.

Эээй, кök посқо суққан
ўйгениң ай,
Кўмўш чайналсын узуна эде.
Эм кökў перген ардазы ай,
Тўшкен йуртуна қут ползун
эде ай.

Эээй, на темно-сивого надета
твоя узда,
Серебро пусть жуется долго.
Радость принесшие дети
Пусть будут счастливы (кут)
в том юрте, в который
ушли.

***

Вариант текста № 6 с комментарием «поет родня девушки» был записан 8 ноября 1988 г.:

Ақ посқо суққан ўйгениң ай,
Алтын чайналсын узун.
Эм алқа перген ардазы
Алған йажына қут ползун эде.

Кök посқо суққан ўйгениң ай,
Кўмўш чайналсын узун.
Эм кökў перген ардазы ай
Тўшкен йуртуна қут ползун эде ай.

[1] Это слово здесь выглядит оговоркой.

7

Вышеприведенный текст (№ 6) был пропет вместе с еще двумя строфами:

Қайыннаң тартқан
тайағымай,
Қамыш тайақты[1] пек ползун
эде.
Қалықтаң талда[2] тапқаны ай,

Қары йажыңа эш ползун
эде йай.

Из березы выточенный мой
посох
Крепче посоха из камыша
пусть будет.
Из народа спутница(?)
выбранная
До старости другом пусть
будет.

Теректең тартқан
тайағың ай,
Темир тайақтаң пек ползун.

Эм элдиң талда тапқаны

Тужу йажыңа эш ползун
эде йай.

Из тополя выточенный твой
посох
Крепче железного посоха
пусть будет.
Из народа спутница(?)
выбранная
Навечно другом пусть будет.

8

Эээй, қайышту мылтық
артынып ай,
Қастың йақшызын ол атты
эде.
Эм қалын йуртқа пақатып,

Қыстың йақшызын ол алды
эде ай.

Эээй, қурулу мылтық
артынып ай,

Эээй, ружье на ремне к плечу
вскинув,
Гусей лучших он
подстрелил.
Многочисленным юртом
восхитившись,
Девушку лучшую он в жены
взял.

Эээй, заряженное ружье
к плечу вскинув,

[1] Оговорка. Должно быть: *тайақтаң*.

[2] Возможно, это слово неточно разобрано при расшифровке. При переводе подобрано подходящее по смыслу слово «спутница».

Қуудуң учқурын ол атты эде ай.
Қубатту йуртқа пақатып,
Қыстың йақшызын ол алды эде ай.

Быстро летящих лебедей он подстрелил.
Радостным юртом восхитившись,
Девушку лучшую он в жены взял.

[Вот, потерялся…][1]

Вариант последних двух строф был также записан 8 ноября 1988 г. с комментарием «так отец и мать, родители, поют жениху»:

Қайышту мылтық артынып ай,
Қастың учқурун ол атты.
Эм қалын йуртқа пақатып,
Қыстың йақшызын ол алды эде.

Қурулу мылтық артынып ай,
Қуудуң учқурын ол ат.
Қубатту йуртқа пақатып,
Қыстың йақшызын ол алды.

* * *

Тексты под номерами 9–15 записаны мной на диктофон 27 сентября 1992 г. в д. Челухоево от Ульяны Андреевны Челухоевой. Все 60 стихотворных строк представляли собой при исполнении единый текст. Разбито на строфы мной. Перевод на русский язык мой.

9

Эээй, јаңыс қанадын йайынып ай,
Йайықты кечкен қас јақшы эде ай.

Эээй, одним крылом взмахивающий,
Урал перелетевший гусь хорош.

[1] Ремарка исполнительницы на русском языке.

Йайықтың суун аш эдип ай,
Йатты јырғатқан қыс јақшы
эдей ай.

Ээй, эки қанадын
јайынып ай,
Эдилди кечкен қас јақшы
эдей ай.
Эдилдиң суун аш эдип ай,
Элим јырғатқан қыс јақшы
эде ай.

Воду Урала, как вино, испив,
Мужней родней (чужими)
потчуемая девушка
хороша.

Ээй, двумя крылами
взмахивающий,
Волгу перелетевший гусь
хорош.
Воду Волги, как вино, испив,
Народом моим потчуемая
девушка хороша.

10

Эээй, эм айға тиккен
көжөгөм ай,
Ай чығар йаннаң йайылзын
эде ай.
Эм алқап перген ардабис ай,

Парған јуртуна қут ползун
эде ай.

Эээй, эм күнге тиккен
көжөгөм ай
Күн чығар йаннаң
йайылзын эде ай.
Эм көрип перген ардабис ай
Түшкен јуртуна эш ползун
эде ай.

Эээй, при луне шитый
полог мой
Со стороны восхода луны
пусть развевается.
Благословляемым детям
нашим
В том юрте, в который ушли,
счастье-кут пусть будет.

Эээй, при солнце шитый полог
мой
Со стороны восхода солнца
пусть развевается.
Благословляемые дети наши
В том юрте, в который ушли,
товарищами пусть
будут.

11

Эээй, эм пасқан јери тақ
ползун ай,

Палалу қойдоң көп ползун
эде ай.

Эээй, земля, по которой
ступала я,
пусть голой будет,
(Но) у тебя больше, чем
у овцы ягнят, детей
пусть будет,

Палалу қойын қайдайың ай,
Парған јуртуна қут ползун
эде ай.

Не надо овец с ягнятами,
(Пусть) тебе в том юрте, в
который уходишь,
счастье-*кут* пусть будет.

Эээй, эм тепкен јери тақ
ползун ай,
Қозылу қойдоң көп ползун
эде ай.

Эээй, земля, которую пинала я,
пусть голой будет,
(Но) у тебя больше, чем у
овцы ягнят, детей пусть
будет,

Қозулу қойын қайдазың ай,
Парған јуртунда қут ползун
эде ай.

Не надо овец с ягнятами,
(Пусть) тебе в том юрте, в
который уходишь,
счастье-*кут* пусть будет.

* * *

Существенно отличающийся по смыслу (лишь из-за одного слова)[1] вариант этой песни, которую поет на свадьбе мать невесты, был записан в д. Шанда участниками Алтайской фольклорной экспедиции З.С. Казагачевой, Ю.И. Шейкиным и Т.М. Садаловой. Текст приводится с сохранением орфографии оригинала, опубликованного в газете «Алтайдың чолмоны» 17 марта 1990 г. (№ 54. С. 2). Перевод сделан мной.

Конгон јериң так болзын,
Козолу койдоң көп болзын.

Земля, на которой ты
ночевала, пусть голой
будет,
(Но) у тебя больше, чем
у овцы ягнят, детей
пусть будет.

Козолу койың кайдайын,
Барган јуртыңа кул болдың.

Не надо овец с ягнятами
В твой юрт, в который
уходишь – рабыней ты
стала.

[1] Текст выглядит нелогичным, что позволяет предполагать неточность в его воспроизведении либо при расшифровке магнитофонной записи, либо при публикации.

Баскан јериң так болзын,
Балалу койдоң көп болзын.
Балалу койың кайдайын,
Барган јуртыңа кул болдың.

Земля, по которой ты ступала, пусть голой будет,
(Но) у тебя больше, чем у овцы ягнят, детей пусть будет,
Не надо овец с ягнятами
В твой юрт, в который уходишь – рабыней ты стала.

12

Эээй, эм јалбақ-јалбақ темирди ай,
Эм йайа соққон ус јақшы эде ай.
Эм јады пашқа тууғанды ай,
Эм өскө тартқан қыс јақшы эде ай.

Эээй, широкое-широкое железо
Раскатывая, кующий мастер хорош.
С чужими породнились,
К себе притянувшая девушка хороша.

Эээй, эм пурма-пурма темирди ай,
Эм пура соққон ус јақшы эде ай.
Эм пууру пашқа тууғанды ай,
Эм өскө тартқан қыс јақшы эде ай.

Эээй, гнутое-гнутое железо
Загибая, кующий мастер хорош.
С чужими (чужой печенью) породнились,
К себе притянувшая девушка хороша.

13

Эээй, эм қызыл јардың қарлығы ай,
Қызыл јар пойлөй талбынсын эде ай.
Құбатту јуртқа пар јадық ай,
Қарылар алқыш пер қалғар, эде ай.

Эээй, красного яра ласточка прибрежная
Над красным яром пусть летает.
В радостный юрт мы едем,
Старики, благословение дайте.

Эээй, эм қара јардың
қарлығы ай,
Қара јар пойлөй талбынсын
эде ай.
Көкүлү јуртқа пар јадық ай,
Көкшөним алқыш
пер қалзын, эде ай.

Эээй, черного яра ласточка
прибрежная
Над черным яром пусть
летает.
В счастливый юрт мы едем,
Уважаемый мой,
благословение дай.

14

Эээй, ажыра көрзөм
ақ јалбақ ай,
Ана Пайадым кең қолтық
эде ай.
Ана Пайадым ичинде ай,
Ақамның салған
јурт ошқош эде ай.
Ақамның салған
йуртунда ай,
Ар тууған йуунап сақтап јат
эде ай.

Эээй, далеко вижу белую степь,
Родной Бачат мой –
широкие рукава.
На родном Бачате моем
Предками заложенный
юрт (оказывается).
В основанном предками
юрте,
Ой, родня, собравшись,
ждет.

Эээй, кечире көрзөм
көк јалбақ ай,
Көнө Пайадым кең қолтық
эде ай.
Көнө Пайадым ичинде ай,
Көкшөним салған
йурт ошқош эде ай.
Көкшөним салған
йуртунда ай,
Көп тууған йуунап сақтап јат
эде ай.

Эээй, на другой берег если
взгляну – зеленая степь,
Дорогой Бачат мой –
широкие рукава.
На дорогом Бачате моем
Уважаемыми заложенный
юрт (оказывается).
В основанном уважаемыми
юрте
Много родни собравшись,
ждет.

15

Эээй, эм қуру талдың
пажына ай,
Қушқачақ қонтур тем сурап
эде ай.

Эээй, на вершину сухого
тальника
Птичка села, еду отыскивая.

Пис қоңур пайтал мал
соғуп ай,
Пис қуда тўштўк йурт сурап
эде ай.

Эээй, эм сары талдың
пажына ай,
Саңысқан қонтур тем сурап
эде ай.
Пис сары пайтал мал
соғуп ай,
Пис кўйўў тўштўк йурт сурап
эде ай.

Мы, каурую кобылу
(на праздник) забив,
Сватами стали, о родне
расспросив.

Эээй, на вершину желтого
тальника
Сорока села, еду отыскивая.

Мы, соловую кобылу
(на праздник) забив,
Сватами стали, о родне
расспросив.

Пелагея Павловна Поросёнкова (справа) с Раисой Васильевной Поросёнковой (Максимовой) на улице в д. Телеуты, 1988 г.

Қомудалду сарыны

Песни-печали

Тексты 1 и 2 – лишь малая часть записанных мной от Пелагеи Павловны Поросёнковой песен-печалей. Запись произведена на диктофон 26 июля 1988 г. в д. Телеуты. Перевод мой.

1

Базарда башмағы қайран
менде йууғай,
Пазал байадымай[1] пойум
оромғо яй.
Қайрана көзимай мениң
көрбей йада,
Парал байадымай меең
палдарыма йай.

Базар башмағымай мениң
пар ползо ай,
Пазып чығардымай пойум
оромғо ай.
Қайрана көзимай көрўп
jўрзече ай,
Парып келерде май меең
палдарыма йай.

Башмаки с базара дорогие у
меня были бы,
В своем улусе пошла бы
сама на улицу.
Дорогими глазами своими
не видя, живу,
В своем улусе пошла бы к
детям своим.

Башмаки с базара если
бы были у меня,
Сама бы вышла на улицу.

Дорогими глазами своими
смотря, если бы ходила,
Пошла бы к детям своим.

2

Қазақ jалаңымай қара
бергемде ай,
Қара талда бажы йай маға
көрўме тай.
Қазақ jеринди йай мениң
қыстарымай,

Русская степь когда видна
станет,
Черных талин вершины я
вижу.
В русской земле мои дочери –

[1] *Пайат/Байат* – здесь не конкретный гидроним (р. Бачат, приток р. Ини), это, скорее, слово, обозначающее реку вообще, а также селение вообще.

Қараңат көскö йай йаштар толуп йадай.	Глаза, похожие на черную смородину, слезами наполняются.
Орус йалаңымай қара бергемде ай,	Русская степь когда видна станет,
Қуба тал бажы йай маға көрўн јадай.	Желтых талин вершины я вижу.
Орус јеринди йай келеге сығыт(?),	В русской земле плач(?)
Менди йедилбе йай тоорына берди май.	Меня не догнав, (глаза) слезами наполняются.

Вариант этой пары строф был записан в начале 1980-х годов К.И. Максимовым[1]:

Казак јалаңын каразаң,
Кара тал пажы көринер.
Казактың колын каразаң,
Караңат-ак көзиң јаш кезер.

Орус јалаңын каразаң,
Куу тал пажы көринер.
Орус колына тўш парзаң,
Караңат көскö јаш толор.

Текст № 3 записан мной на диктофон 26 сентября 1992 г. в д. Челухоево от Ульяны Андреевны Челухоевой. Перевод на русский язык мой.

3

Қамғақ қачырған айағашымай	За перекати-полем[2] гонялся ноженьками своими,

[1] Фамилия исполнительницы в публикации не названа (АФ 1995: 91–92).

[2] Основываясь на некотором созвучии с телеутским *қамду/қанду*, исполнительница предлагала переводить слово *қамғақ* как «выдра». В первом (*Функ* 1993: 279) и втором издании этой песни (*Функ* 2004: 90) я оставлял это слово без перевода. Несколько лет назад мне все же удалось обнаружить значение этого забытого телеутского слова в одном из кыргызско-русских словарей.

Қайышпас мөңкӱ тайағым.	Негнущийся вечный мой посох.
Қалық арада jӱре пергемде,	Посреди народа когда ходил я,
Ой, қардалтпайтан тамағым.	Ой, не было печально горло (=голос) мое.
Элик қачырған айағашымай	Косулю гонял ноженьками своими,
Эйишпес мөңкӱ тайағым.	Негнущийся вечный мой посох.
Элим арада jӱре пергемде,	Посреди народа своего когда ходил я,
Ой, эриктирбес тамағым.	Ой, не было скуки в моем голосе.

* * *

В качестве дополнительного комментария к этому тексту следует указать на то, что он имеет существенные отличия от телеутских песен-печалей и в мотиве, и в размере стиха. Возможно, в этом проявляется специфика музыкальной культуры тюльберов, одной из локальных этнических групп, растворившихся к концу XX в.среди русских и телеутов. Эту песню Ульяна Андреевна Челухоева считала песней своего дяди по матери Евсея Игнатьевича Кульчакова, который был именно тюльбером (подробно о тюльберах см.: *Funk* 2012: 133–145). Вместе с тем очевидно, что само лексическое оформление текста вполне телеутское (за исключением единственного слова қамғақ, забытого даже старшим поколением телеутов). В подтверждение того, что текст может быть отнесен к телеутской песенной культуре, сошлюсь на *тақпақ*- «частушку», записанную мной 24 июля 1988 г. в д. Телеуты от Пелагеи Павловны Поросёнковой:

Элик қачырған айағым,
теп, йадым,
Мен эйишпес меңкӱ тайағым,
тайағым.
Элдиң йерине пара пергенде,

Чын эриктирбес қайран
тамағым.

Косулю гонял ноженьками
своими,
Негнущийся вечный мой
посох, мой посох.
По земле народа когда
ходил я,
Правда, не было скуки в
дорогом моем горле
(=голосе).

Алды қачырған айағым,
айағым,

Қайышпас меңкӱ тайағым,
теп, йадым.
Қалық арада пойум йӱргенде,

Чын қардалтпайтан қайран
тамағым.

Дичь гонял ноженьками
своими, ноженьками
своими,
Негнущийся вечный мой
посох.
Посреди народа когда сам
ходил я,
Правда, не было печально
дорогое горло (=голос)
мое.

Песни 4–7 записаны мной 26 сентября 1992 г. в д. Челухоево от Ульяны Андреевны Челухоевой. Частично эти тексты были опубликованы в сборнике «Песни села Челухоево» (Песни… 1993: 12–13). Запись сделана в два приема: сначала песни под номерами 4 и 5, а после небольшого перерыва – песни 6 и 7.

4

Қарчыға чылап ай қайып
учаға йай,

Кӱмӱш чалқынду йай қуштар
ползомчы йай.

Қарымның йуртун ай пектеп
тудаға,

Словно сокол паря, летать
(мог бы),

(Если бы был) с
серебряными крыльями
птицей.
Предков юрт крепко
держать (мог бы),

Қалың көгүстӱ йай эрлер
туузамчы йай.

Ақ айас қойнун ай йӧктӧп
учаға йай,
Алтын чалқынду йай қуштар
ползомчы йай.

Абамның йуртун ай йазап
тудаға йай,
Артық көгүстӱ йай эрлер
туузамчы йай.

Если б я мужем с большим
умом родился.

По бело-ясному небосводу
летать (мог бы),
(Если бы был) с
золотыми крыльями
птицей.
Отцов юрт хорошо держать
(мог бы),
Если б я самым умным
родился.

5

Қаңдарға туштa най қайран
тамғалу йай,
Қазақ адынды йай адын
минземче йай.
Қазақ қалығы най қолғой
алаға йай,
Озоғо қарымди йай эрлер
туузамчы йай[2].

С поставленной на морде[1]
дорогóй тамгой
Русском коне ездил бы…

Если бы русский народ в
руке держа,
Был бы рожден таким же
мужем, как прежние
старики.

Омыртқа туштa йай қайран
оймолу йай,
Орус адынди йай адын
минземче йай.
Орустың қаадын ай қолғой
алаға йай,
Озо қарымды йай кӱлӱк
туузамчы йай.

С поставленной на хребте
дорогой тамгой
Русском коне ездил бы…

Если бы русский закон в
руке держа,
Был бы рожден таким же
молодцем, как прежние
старики.

[1] Букв. «на подносный ремень» (*каңдар* – деталь узды).
[2] Ср. этот текст (№ 5) с текстом «Телеутский царь в Москве» (с. 252).

6

Салқынду кўнде ай йöртуп
чыққамда ай,
Сарадым маға йай паза эш
пол јадай.
Сағышту кўнде йай јўре
пергемде йай,
Сарыным маға ай паза эш
пол јадай.

Қуйунду кўнде йай йöртып
чыққамда ай,
Қул адым маға йай паза эш
пол јадай.
Қунуғуп кўндер ай ала
пергемде йай,
Кўўлерим маға йай паза
эш пол јадай.

Қарачқы тўнде йай йöрто
пергемде ай,
Қалтарым ўнў йай маға
танылу йай.
Қалық арада йай пойум
јўргемде,
Қарындажым ўнў йай маға
танылу ай[1].

Когда в ветреный день на
коне выезжаю,
Мой соловый конь мне
другом становится.
Когда в печальные дни я
хожу-брожу,
Песня моя мне другом
становится.

Когда в вихрь на коне
выезжаю,
Саврасый мой конь мне
другом становится.
Когда грустные дни
наступают,
Напевы мои мне другом
становятся.

Когда в темную ночь
выезжаю,
Мухортого ржанье мне
знакомо.
Посреди народа я сам когда
хожу,
Брата моего голос мне
знаком.

[1] Последнюю строфу любопытно сравнить с практически идентичной челканской песней:

Туванну кўнде ўн салзам
Турна ўни таныглу.
Эл-айвактың ортозында
Карындаш ўни таныглу.

Если в туманную ночь подам голос,
Журавлиный крик заметен.
Среди окружающего мира
Голос брата заметен.

(текст и перевод приводятся по: АФ 1988: 193).

Особо интересно отметить принципиальную разницу в образах (во второй строке): у телеутов – мухортый конь, а у таежных челканцев – журавль.

7

Йайықтаң тудуп ай минип
чығағай,
Йазалу адымай мениң
ползочы йай.
Јайнап-ла кӱнӱн ай ала
пергемде йай,
Йақшы тууғанымай мениң
ползочы йай.

С Урала верхом ускакать
(смог бы),
Если б убранный конь
у меня был.
Печальные дни когда
наступают, (мечтаю:)
«Вот бы хорошая родня у
меня была!»

Эдилдең тудуп ай минип
чығаға йай,
Ээрилӱ адымай мениң
ползочы йай.
Эрикен кӱнде йай јӱре
пергемде йай,
Эр қарындажымай мениң
ползочы йай.

С Волги верхом ускакать
(смог бы),
Если б конь под седлом
у меня был.
Скучные дни когда
наступают, (мечтаю:)
«Вот бы брат у меня был!»

Сöгӱш сарыны
Песни-насмешки

Впервые тексты этого жанра, записанные у саяно-алтайских тюрков, были опубликованы более 130 лет назад в небольшой заметке А.В. Адрианова «Сööки и шуточные характеристики инородческих родов (сööков)», которая была помещена в качестве дополнения к первой главе знаменитой книги Г.Н. Потанина «Очерки северо-западной Монголии» (*Потанин* 1883: 936–941). А.В. Адрианов писал: «Между родами всегда существует известный антагонизм и соревнование, которое выражается, например, при борьбе, при бегах на лошадях, при добыче зверя, орехов и т.д. Одержавший верх становится предметом гордости целого рода. Впрочем, мне не довелось ни разу убедиться, чтоб этот антагонизм переходил во вражду между родами. Проявление этого антагонизма лучше всего выражается в тех шуточных или бранных характеристиках, которые сочиняет один род про другой <…> замечу при этом, что их сообщали всегда с крайней неохотой, точно боясь этим обидеть какого-либо родовича, и без сомнения, сообщали мне более невинные характеристики, ничего не упоминая про оскорбительные и резкие» (Там же: 936).

Впрочем, в этой публикации А.В. Адрианова сöгӱш в отношении телеутских родов не приводились.

Во время моих полевых исследований на Саяно-Алтае значительное число родовых насмешек-сöгӱш было записано у шорцев и челканцев, у телеутов же их практически не обнаружилось. Одна широко известная насмешка (см. также: *Потанин* 1883: 2–3) была записана мной от Варвары Степановны Хлопотиной:

Меркит, Меркит,
пеш Меркит,
Пеш арбадаң көчӧ асқан,

Пай-Меркит, Қул-Меркит!

Меркит, Меркит, пять
Меркитов,
Из пяти зерен ячменя суп
готовившие,
Бай-Меркит и Раб-Меркит!

Порой тексты такого рода насмешек встречаются и в материалах других исследователей, как например, в книге «Род и община

у телеутов в XIX – начале XXI века» Е.П. Батьяновой есть записанная от М.С. Абушкиной (*Батьянова* 2007: 56) насмешка:

Наш юрт канду-ютты
Никогда не будет горевать.

****

Холщовая рубаха не наряд,
Торо-юрт не поколение.

Тексты *сöгӱш* не обязательно были связаны с тем или иным сеоком и не обязательно имели форму присказок (или порой ругательств). Это могли быть песни-иносказания, обращенные к непослушным детям. Публикуемый ниже текст (один из таких образцов) впервые был издан на телеутском языке в хрестоматии («книге для чтения»), подготовленной М.Г. Токмашевым и Л.Т. Рюминой-Сыркашевой (*Токмашев, Рюмина-Сыркашева* 2007: 28). Телеутский текст приводится без изменений (за исключением исправления описок), перевод на русский язык сделан мной.

Мениң Тойын энежим

Энежим писти пақташтанған учун сöкпöйтöн, сöгӱш сарын сарнайтан. Ол сарындарда писти јаман куштармынаң, алдылармынаң тӱңейлештиретен. Ачаммынаң экӱ тым отурып ийетеник. Қанча узақ тым отурдық полғой, кем пилер. Энежим «пырқайын», «таштайын» – деп сарнабайтан, «челейин» – деп сарнайтан. Кемге јақшы челдиртерге?

Энежимниң сöгӱш сарыны:

Сарай алдында јадайын,
Саңысқан келзе, адайын.
Саңысқан кептӱ палдарды
Сарай ажыра челейин[1].

[1] В опубликованном варианте трижды было написано неточно: *челеин*.

Өлөң алдында јадайын,
Өлөңчир келзе, адайын.
Өлөңчир кептӱ палдарды
Өлөң ажыра челейин.

Салам алдында јадайын,
Саламчыр келзе, адайын.
Саламчыр кептӱ палдарды
Салам ажыра челейин.

Моя бабушка Тойын

Когда мы баловались, наша бабушка нас за это не ругала, а пела песню-насмешку. В тех песнях нас сравнивали с плохими птицами и/или дикими зверями. Мы с братом вдвоем тихо сидели. Как долго мы (так) сидели, никто не знает. Бабушка не пела «брошу-ка я», «кину-ка я», а пела «зашвырну-ка я». Кому понравится быть вышвырнутым?

Песня-насмешка моей бабушки:
У сарая лягу-ка я,
Если сорока придет, пожалуй, пристрелю ее.
Детей, на сороку похожих,
Через сарай, пожалуй, зашвырну.

У стога[1] лягу-ка я,
Если сеноставка[2] прилетит, пожалуй, пристрелю ее.
Детей, на эту птичку похожих,
Через стог, пожалуй, зашвырну.

У копны[3] лягу-ка я,
Если птичка-саламчыр прилетит, пожалуй, пристрелю ее.
Детей, на эту птичку похожих,
Через копну, пожалуй, зашвырну.

[1] Букв. «трава», «сено».

[2] В примечаниях к опубликованному в хрестоматии тексту составители указали: *өлөңчир, саламчыр* – птицы, живущие в траве, в соломе (*Токмашев, Рюмина-Сыркашева* 2007: 29).

[3] *Салам* – русск. «солома».

Следующий текст впервые был опубликован в 2003 г. (*Рюмина-Сыркашева* 2003: 35). Приводится здесь в переводе Л.Т. Рюминой-Сыркашевой. Орфография телеутского текста и перевода уточнена мной.

Об этой песне мне рассказала Чештанова Прасковья Степановна (по отцу Манжина). Она была бойкая, остра на язык. Жила она с родителями в поселке Черта (Телеут)[1]. В эту деревню приехал в гости к родным Тодышев Илья Семенович. Тогда просто Илюша. Они в то время в школе не учились. Лет по семь было.

Паша решила посмеяться над ним, запела:

Адыстағы ақ қойон	В полосе белый заяц,
Арқазы сиймай қуйрығы јоқ.	Вдоль спины погладишь – хвоста нет.
Ақай палады Илье теп,	Чей-то ребенок по имени Илья,
Айтқан сөзинде аайы јоқ.	О чем говорит – непонятно.

Илья отвечает песней:

Қырға чыққан јиилекти	Ягоду, выросшую на горе,
Қыра теерип пилбедиң.	Всю собрать ты не сумела.
Қыйған чампарың поқ полуп,	Наискось скроенные штаны были в дерьме,
Мени қорлоп пилбедиң.	Меня укорить не сумела.
Ойдықта чыққан јиилекти	В котловине[2] выросшую ягоду
Ойо теерип пилбедиң.	Всю собрать ты не сумела.
Ойған чампарың поқ полуп,	Продырявленные штаны были в дерьме,
Мени қорлоп пилбедиң.	Меня укорить не сумела.

[1] Фактически оба названия являются упрощенными разговорными и русифицированными. Телеутское название поселка – Чартуу. – *Д.Ф.*

[2] В оригинале: «в котловане». Видимо, это опечатка. Исправлено мной. – *Д.Ф.*

Сығыт
Причитания

Среди обилия разновидностей фольклорного материала, зафиксированных у бачатских телеутов (Кемеровская обл.; юг Западной Сибири), особое место занимают *сығыт*[1], исполняемые на один и тот же мотив, еще в недавнем прошлом хорошо известный всем телеутам. Пожилые телеуты обычно используют этот термин в паре с глаголом *сықта-*, переводимым как «плакать». В научной литературе телеутский сығыт также, как правило, называется «плачем» без какой-либо соотнесенности в целом с жанровой структурой телеутского фольклора и без четкого определения жанра. Единственная попытка отступить от традиционного перевода данного термина на русский язык обнаружилась в недавно выпущенном в г. Кемерово телеутско-русском словаре, составленном Л.Т. Рюминой-Сыркашевой и Н.А. Кучигашевой: *сығыт* – «плач», «причитание»; сықта- – «плакать», «причитать» (ТРС 1995: 77, 78).

Очевидно, нечеткость в существующих определениях основана, во-первых, на том, что сами телеуты обычно переводят это слово как «плач», во-вторых, на приуроченности этого термина именно к похоронно-поминальной обрядности, когда «плачущий» часто действительно плачет, исполняя *сығыт*, и, в-третьих, на абсолютной неисследованности телеутского фольклора вообще как фольклористами, так и этномузыкологами.

Сығыт относится к наиболее сложным для фиксации фольклорным текстам. Даже в случае получения от родственников умершего согласия на использование диктофона в ходе обряда, тексты получаются «глухими» (с обширными проглоченными, невнятно «пропетыми» фразами и словами) и расшифровке практически не поддаются. На помощь же самих телеутов вне обрядовой ситуации также сложно рассчитывать: почти все без исключения отказываются исполнять сыгыт, чтобы не накликать беду на родных. Один из наиболее ярких примеров отношения бачатских телеутов к подобным запи-

[1] Работа над этим блоком текстов была завершена фактически еще в 2001 г., когда готовилась статья для 28 выпуска серии «Расы и народы», вышедшего в 2002 г. (*Функ* 2002: 243–269). Здесь с минимально необходимыми изменениями воспроизводится текст этой статьи и часть текстов *сығыт* с отдельными уточнениями и дополнениями. Все расшифровки аудиозаписей и переводы на русский язык сделаны мной.

сям встретился однажды в полевой практике известного этнографа Л.П. Потапова.

На юбилее Леонида Павловича Потапова. пос. Комарово, 6 июля 1995 г.

Телеутка Антонина Николаевна Сыркашева после смерти своего супруга Тимофея Ивановича Сыркашева прислала Потапову тексты сыгытов, сопроводив их таким письмом:

«Во-первых, этот Сыгыт с тех пор, как Вам он пообещал ровно год назад, он ни у кого не мог записать, чтобы послать Вам Сыгыт в письме. Тогда, когда он собрался в Горно-Алтайск на праздник юбилейный, для того, чтобы ему перед Вами неудобства не было, я решила ему лично написать Сыгыт и сама очень боялась с ним отправить Сыгыт. И вот теперь мне кажется, из-за этого только он живой не вернулся с Алтая. Мы его труп привезли, 650 км дали круг через Новокузнецк; привезли и похоронили его здесь, где жил он, и точно, что я диктовала, точно какие я писала Сыгыт, сама сыктап ядым (*сыктап йадым//сыктап j*адым – сама со слезами и причитаниями оплакиваю. – *Д.Ф.*). Этими сыгытами сама оплакиваю. Вот сегодня семнадцать дней как он умер. Семнадцать дней я плачу: ужасное горе мне, я потеряла такого мужа, теперь никогда не вернется ко мне.

По нашему обычаю этот сыгыт очень большое горе приносит; он ни чему не верил и я под его влиянием написала ему. Теперь вечно буду каяться.

Я в Горно-Алтайске думала, что обратно домой [эти записи] не повезу, порвала и бросила в печку. Еще тут, оказывается, остались записи.

Я решила Вам все же отослать, чтобы было исполнено его обещание.

С уважением Сыркашева[1].»

(Письмо датировано 7 июля 1972 г.)

Любопытно, кстати, отметить, что практически во всех случаях употребления слова «сыгыт» автор письма пишет его с прописной буквы, как бы еще раз подчеркивая свое особое к нему отношение.

Прошедшие с тех пор 30 лет мало что изменили в отношении телеутов к сыгыту. Например, первый мой опыт фиксации этих текстов сначала был связан с достижением договоренности «петь нельзя, а говорить можно» (П.П. Поросёнкова) и лишь потом, позже, ссылаясь на эту договоренность и на авторитет самых пожилых моих информаторов, удалось записать исполнение нескольких сыгытов в искусственной ситуации на диктофон.

* * *

Несмотря на названные выше сложности в фиксации, сыгыты, как показывает проведенное историографическое расследование, записывались довольно часто. Очевидно, впервые на них обратил внимание известный исследователь телеутской культуры А.В. Анохин. Отрывок одного из сыгытов был включен им в статью «Душа и ее свойства по представлению телеутов» (*Анохин* 1929: 266). По просьбе Андрея Викторовича в 1913 г. более 40 сыгытов (около 90 строф по 4 стихотворных строки каждая) записал телеут Роман Хлопотин. Записи эти сохранились в Научном архиве МАЭ в фонде А.В. Анохина (Архив МАЭ. Ф. 11. Оп. 1. № 60). Два текста из записей Хлопотина были опубликованы мной в (*Функ* 2002: 258)..

Позже, во второй половине 1930-х годов, Н.П. Дыренковой удалось записать девять *сыгытов* в д. Шанда от телеутки Л.Р. Ускоевой (Архив МАЭ. Ф. 3. Оп. 1. № 32). К сожалению, эти полевые записи (латиницей) оказались не очень качественными – с пропущенными и невыверенными телеутскими словами и без перевода. Сыгыты не

[1] Впервые опубликовано в 1992 г. (*Функ* 1992: 108).

были переведены на русский язык. Оригиналы этих записей с редакцией и переводом некоторых из них на русский язык были опубликованы мной в (*Функ* 2002: 258–262).

В 1950-е годы отдельные образцы сыгытов были собраны известным алтайским фольклористом С.С. Суразаковым. Отрывок из одного из них, записанного именно у телеутов, был включен исследователем в качестве примера, иллюстрирующего песенную форму сыгытов, в монографию «Алтай албатыңң оос поэтический творчествозы» (*Суразаков* 1960: 51).

Далее, уже в начале 1970-х годов, несколько текстов удалось записать упоминавшемуся выше телеуту Т.И. Сыркашеву. Л.П. Потапов, которому были присланы сыгыты, передал их В.П. Дьяконовой, которая, в свою очередь, включила их в свою монографию «Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник» (*Дьяконова* 1975: 54). В книге тексты были даны, видимо, с сохранением орфографии оригинала, т.к. изобилуют различными погрешностями, в том числе и в переводе (иногда перевод прямо противоположен смыслу оригинала). Разбивка на строфы отсутствует. Опубликованные 22 строки фактически представляет собой два полных сыгыта (по две строфы, каждая из которых состоит из четырех стихотворных строк), между которыми вставлены шесть стихотворных строк из еще одного текста. Отредактированный текст и перевод этих трех *сыгытов* были опубликованы мной ранее в (*Функ* 2002: 262–263)..

В 1977 г. в одном из малотиражных лингвистических сборников Кемеровского университета дочь Т.И. Сыркашева В.Т. Сыркашева опубликовала небольшую, но чрезвычайно информативную заметку под названием «О плаче по покойнику “сыгыте” у бачатских телеутов», куда были включены отдельные примеры из записанных ею текстов. *Сыгыты* (три полных текста и три строфы) были записаны автором в 1976 г. от М.П. Андрюшкиной и К.А. Баксарина (*Сыркашева* 1971: 123–126).

Наконец, в 1988–1992 гг. от трех известных исполнительниц и признанных знатоков устного творчества – телеутов Пелагеи Павловны Поросёнковой, Ульяны Андреевны Челухоевой и Анны Кирилловны Алагызовой – мной было записано еще 24 *сыгыта* (42 строфы – 156 стихотворных строк); семь из них были опубликованы в 1992 и 1993 гг. (*Функ* 1992: 106–107; 1993: 302). Большая часть их включена в эту книгу.

Надмогильные сооружения на кладбище с. Беково, 1987 г.

* * *

Сығыт состоит из двух запараллеленных строф с равным количеством стихотворных строк в каждой из них. Как правило, каждая строфа содержит четыре стихотворных строки (т.е. текст одного сыгыта состоит из восьми стихотворных строк).

Вот, например, текст, записанный мной 27 сентября 1992 г. в д. Челухоево от Ульяны Андреевны Челухоевой:

Қара да јардың ай алдында
Қара да чачым тарандым.
Қайран эжимнең
йада қалғамда
Қарамыс чылап пўгўлдим.
Қызыл јардың ой алдында
Қысқа да чачым тарандым.

Қыймат эжимнең
јада қалғамда
Тутқанақ чылап јарандым.

Под черным яром
Черные волосы я расчесывала.
Без дорогого спутника моего
когда жить стала,
Словно коромысло, согнулась я.
Под красным яром
Короткие свои волосы я
расчесывала.
Без дорогого спутника моего
когда жить стала,
Словно ручка, откололась я.

Большинство записанных сыгытов состоит именно из восьми стихотворных строк. Однако есть и исключения. Часть текстов – при сохранении стандартной двухстрофной структуры – состоит из 12 стихотворных строк, по шесть в каждой строфе. В качестве иллюстрации можно привести еще один сыгыт, записанный мной от Ульяны Андреевны Челухоевой в тот же день, 27 сентября 1992 г.:

Торқудуң паштық мен
қурайын
Тобыл қузуғун урайын.
Тобыл қузуғун пойым
урып алып,
Тоолу қасинсе ийеин.
Тоолу касинсе ол не ползун

Торунуп айтқан сöс эмей.

Қамқадаң паштық ой
қурайын
Пазар қузуғун урайын.
Пазар қузуғун пойым
урып алып,
Палу қасинсе ийеин.

Из шелка мешочек сошью-ка я,

Тобыла орехи насыплю-ка.
Тобыла орехи сама я насыпав,

Почетный гостинец пошлю-ка.
Почетный гостинец, он чем
пусть станет?
Словом печали, наверное.

Из китайского шелка мешочек
сошью-ка я,
С базара орехи насыплю-ка.
С базара орехи сама я насыпав,

Дорогой гостинец пошлю-ка.

Палу қасинсе ол не ползун	Дорогой гостинец, он чем пусть станет?
Пағырып айтқан сöс эмей.	В плаче высказанным словом, наверное.

Сыгытов такого рода известно пока немного, но вряд ли их следует относить к исключениям. Аналогичная организация текстов из двух запараллеленных строф, каждая из которых включает в себя либо четыре, либо шесть стихотворных строк, является одной из характерных черт песенного творчества бачатских телеутов. Подобное мы находим в игровых песнях *табыр* (в записанных мной вариантах встречаются строфы, содержащие даже по десять стихотворных строк), в плясовых *тапқақ/тапқақтар* и в свадебных песнях *той сарын*.

Число слогов в стихотворных строках может быть различным – как правило, восемь, девять или десять. Как и в песенные тексты иных традиционных разновидностей телеутского фольклорного материала, в *сыгыты* при исполнении часто добавляются распевные слова (*ай*, *ой*, *эм*, *мен* и др.). В большей части записанных архивных текстов и почти во всех опубликованных, в частности фиксировавшихся без мелодии, под диктовку, эти слова опускаются (и собирателями, и исполнителями), и *сыгыт* оказывается несколько измененным – стихотворная строка укорачивается.

Это общеизвестное в фольклористике положение, тем не менее позволю себе привести пример из полевой практики, иллюстрирующий его. Ниже слева дана первая строфа из текста, исполненного П.П. Поросёнковой в 1988 г. и записанного мной на диктофон, а справа – строфа «того же» текста, надиктованного той же исполнительницей в 1990 г.:

Қар-лу тай-қа қай-ла пер-ди,	Қар-лу тай-қа қай-лы-са,
Қас-тар у-ча-тан тем кел јат.	Қас-тар у-ча-тан тем ке-лер.
Қас-тың қа-нат-қа қа-бы-лып а-лып,	Қас-тың қа-на-ды-на қа-бы-лып,
Қай-ран-дар йа-ңа ой ме-ни.	Қай-ран-да-рым йа-нар ба?

Нетрудно обнаружить, что в тексте, записанном под диктовку, количество слогов в строках равно соответственно 7-8-9-7, а в песенном варианте – 8-8-10-8.

Даже предварительное знакомство с сыгытами позволяет обнаружить наличие нескольких традиционных тем. Люди, исполняющие эти песни-причети, часто берут известную им тему и, в зависимости от способностей к импровизации и душевного состояния в момент оплакивания умершего, воплощают ее в некоем тексте. Как правило, такие тексты на «заданные темы» практически не отличаются у разных исполнителей; основные различия видны лишь на уровне грамматических форм отдельных слов и вариаций в эпитетах. Именно наличие, условно говоря, «стандартных текстов» делало возможным коллективное их исполнение у гроба покойного. В конце 1970-х годов В.Т. Сыркашева писала по этому поводу: «…“сыгыт” у тела покойного исполняется коллективно. При этом начинает кто-то один – остальные подхватывают» (*Сыркашева* 1971: 125).

* * *

Тексты *сығытов* оказываются довольно интересными с позиции обнаружения архаичных образов.

В них есть, например, отголоски ранних представлений об устройстве мира и об обитающих в нем божествах/духах. Из имен (небесных) божеств называются Йайучы (тюркск. «Творец», «Создатель») и Құдай (иранск. «Бог»). В одном из сыгытов называется также Адам – одно из самых могущественных божеств в шаманистских представлениях телеутов. Небесная чистота/ясность – она определяется эпитетами «белая/священная» (*ак*) и «голубая» (*көк*) – устроена таким образом, что может иметь «пазуху» (*койын*). Здесь очевидно осмысление устройства мироздания через поиск аналогий с главным мерилом всего и вся – человеческим телом, что является одной из характерных особенностей человеческих культур.

Причиной смерти человека в сыгытах называется появление посланника злого духа айна (*айнаданг элчи*) или кёрмёса (*көрмөстөң элчи*). Упоминается в текстах и связанный с погребальной обрядностью мешочек *паштық*, шьющийся из лоскутов ткани. Тот этнографический факт, что *паштык* с едой для умершего кладут в гроб, в сыгыте обыгрывается весьма поэтично: это гостинец с орешками, который вдова посылает своему покойному мужу в знак своего безутешного горя.

Есть в сыгыте строки, которые можно принять за свидетельства прежних захоронений в колодах:

Қалын қарағай ой ичинде	Внутри толстой сосны (=гроба/колоды)
Қайран да пойын сысарзын.	Дорогóй понемногу похудеет (=истлеет).

При попытке «прочтения» текстов сыгытов (см., напр., текст № 14) может быть высказано еще одно предположение: исполнительница горюет о том, что она якобы не успевает доделать плот из дудки или дягиля и отправиться на нем с «теми, кто уходит», либо переправиться через реки Бачат и Кондому и потому остается на берегу. Очевидно, что здесь в иносказательной форме описывается уход умерших в мир иной: «за реку» (река как граница между мирами), на плоту (река как путь в мир мертвых). Можно также обратить внимание на материалы, из которых предполагалось сделать плот: из дудки (*қомурғайдаң*) или дягиля (*палтырғаннаң*). Эти материалы не пригодны для изготовления тяжелых плотов, способных выдерживать вес человека. Здесь уместно напомнить об обряде проводов одной из посмертных сущностей человека – *сӱрӱн-ээзи* или *ӱзӱт*, ежегодно проводившемся шорцами из улусов в среднем и нижнем течении р. Мрассу. *Сӱрӱн-ээзи* или *ӱзӱт* отправлялись вниз по реке на маленьких плотах, изготовлявшихся из борщевника (дягиля). На этих плотах разжигался «огонь узюта», и ночью, после того как стихнет лай собак, плотики спускались на воду (подробно см.: Шорский фольклор 1940: 333–337, 437). В случае с информацией из сыгытов мы имеем дело, видимо, с идентичными шорским представлениями, которые в этнографической реальности исследователям уже не удалось зафиксировать у телеутов.

Довольно любопытной оказывается география пространства, связанного с оплакиванием усопших. В сыгытах встречаются названия рек Бачат, Томь, Кондома. Объяснение этому, возможно, в том, что именно по берегам этих рек располагались первые улусы телеутов – «выходцев на государево имя» – в XVII в. и именно эти реки маркировали освоенное, «свое», пространство.

Поется также о Волге (*Эдил*) и Урале (*Йайық/Јайық*):

Эдил, Эдил, ой, суу келзе,	Волга, Волга, ой, река если встретится,
Эдегин[1] пойлӧй эл турар.	Самого Эдиге народ будет стоять.
Эдегин пойлӧй ой эл турза,	Самого Эдиге, ой, народ если будет стоять,
Эдек пажынаң танып ал.	По краям пол (подолов) узнай.
Эдек пажынаң сен танып алып,	По краям пол (подолов) узнав,
Эңилбей қабар айда пар.	Не сбиваясь(?), вести сообщи.
Йайық, Јайық, ой, суу келер,	Урал, Урал, ой, реку встретишь,
Јақанды пойлӧй эл турар.	На самом берегу его народ встанет.
Јақанды пойлӧй ой эл турза,	На самом берегу его, ой, народ если встанет,
Јақа пажынаң танып ал.	По краям воротников узнай.
Јақа пажынаң сен танып алып,	По краям воротников узнав,
Јаңылбай қабар айда пар.	Не напутав, вести сообщи.

Текст этого *сыгыта* (он был записан мной 27 сентября 1992 г. от У.А. Челухоевой) весьма интересен по нескольким причинам.

Во-первых, он в значительной мере оказался близок к соответствующим строфам исторической «Песни богатыря Мырат-пия»[2]. Образы рек Волги и Урала встречаются в различных видах телеутского фольклора. Это можно объяснить как существованием бродячих сюжетов (и, соответственно, образов), например, в случае с «Песнью Мырат-пия», очевидно являющейся частью эпоса западных тюрков об Эдиге, так и возвращением какой-то части телеутов (что вполне вероятно) с Волги обратно в Сибирь после насильственного увода их в плен джунгарами-монголами в самом начале XVIII в.

[1] Исполнительница дважды четко пропела это слово именно как *эдегин*, что, по аналогии со второй строфой, также осмысляется как «край берега». Образ Эдиге встречается лишь в песне Мырат-пия и, как правило, уже не осознается исполнительницами как имя собственное.

[2] Варианты этой песни записывались мной в 1988 и 1992 гг. от всех трех названных ранее в тексте исполнительниц (П.П. Поросёнкова, У.А. Челухоева и А.К. Алыгызова).

Телеутка в праздничном платье. Улус, 1982 г.

Во-вторых, согласно этому тексту, умерший, точнее его посмертная сущность, отправляясь далеко на запад (в страну предков?), доходит до Урала и Волги, где – по неким особенностям в одежде – узнает свой(?) народ. По-видимому, речь идет именно о своих, о телеутах, т.к. специфика краев пол и воротников, будучи, очевидно, известной всем телеутам, никак более в сыгыте не уточняется. Прокомментирую кратко особенности одежды, хотя это и не имеет прямого отношения к рассматриваемым нами вопросам, связанным с сыгытами. Края пол (*эдек пажы*) у телеутских платьев/рубах-*кӱнек* туникообразного покроя обязательно оторачивались изнутри полосой материи красного цвета. Эта оторочка называется *аадым*. Платье подвязывали поясом и при этом обязательно немного поддергивали спереди кверху, так чтобы издалека можно было видеть *аадым*. Сами телеуты считают такое ношение платьев исключительно телеутским. Что же касается отделки края воротника (*јақа пажы*), то в настоящее время она, действительно, встречается только на телеутских платьях (хотя в прошлом аналогичное декорирование воротничка было характерно и для соседних степных кумандинцев и некоторых групп северных шорцев). Специфика заключается в том, что на края воротничка-стойки пришиваются особые украшения, называемые *ақча*. Обычно это несколько кусочков бересты или картона в форме ромба. К сукну эти ромбики пришиваются двумя иглами, одна из которых поверх кусочка бересты накладывает золотную (золотую или серебряную) нить – *ақ чалап*. По некоторым сведениям, количество *ақча* на каждом из концов воротника при жизни владелицы платья обязательно было нечетным, во время же похорон к платью пришивали воротничок с четным числом *акча*. В настоящее время абсолютное большинство телеуток уже не придает этому особого значения и носит воротнички, на которых мне приходилось видеть не только пять, семь или девять *акча* с каждого конца, но также и шесть или восемь (подробно о телеутской одежде см.: *Функ* 1993: 133–163).

Об одной из утраченных сторон телеутского военизированного (еще в XVII в.) быта свидетельствует наличие специальных терминов для обозначения различных видов доспехов. В сыгытах мне встретились два специальных термина: *қадама қуйақ* и *төремел қуйақ*, хотя в других фольклорных произведениях можно обнаружить и иные.

Телеутки в традиционной одежде на празднике Эл-Ойын на Алтае, 1990 г.

Есть в сыгытах и на первый взгляд абсолютно понятные, прозрачные строки, в действительности таковыми не являющиеся и тесно увязанные с традиционной образностью. Возьмем, например, строку «Калыктың пууры сууй беди», которую легко перевести как «Народа печень похолодела». Но что означает это выражение? Стихотворная строка не является абсолютным «достоянием» сыгытов, она встречается и в иных образцах песенного фольклора бачатских телеутов. В нравоучении (песнь старика, которого молодые попытались убить, «задушив» салом), записанном мной 15 июля 1989 г. в д. Челухоево от Варвары Степановны Хлопотиной, встретился тот же самый образ:

Тулбардың айағы не изип јат	Тулпара нога почему горячеет,
Туғанның пууры не сууп јат/сууқ јат?	Почему печень (=совесть) родни остывает?
Қалтардың айағы не изип јат,	Мухортого нога почему горячеет,
Қалықтың пууры не сууп јат?	Почему печень народа остывает?

Сама исполнительница пояснила тогда, что «остывающая печень» родственников и народа – это пропавшая у них совесть.

* * *

На регламентированные (во всяком случае, в прошлом) место и время исполнения *сыгытов* в традиционной культуре бачатских телеутов никто из исследователей особо внимания не обращал. Известно, что песни-причети исполняют в доме возле гроба, где лежит покойный, или в момент прощания с ним. Причем это могут быть и сыгыты, не связанные напрямую с умершим: пришедшие на похороны люди могут оплакивать своих близких, как считается, в надежде, что покойный передаст им привет, и для того, чтобы покойному было хорошо на том свете с ранее умершими. Можно услышать песни-причети и после похорон, когда человеку плохо, когда он вспоминает об умершем родственнике. Однажды летом 1989 г. в с. Ново-Бачаты я стал свидетелем исполнения сагытов женщиной, у которой в том же году убили сына: она сидела в сарае, обложившись со всех сторон травой, вязала щетки[1] на продажу и, обливаясь слезами, причитала-пела. Однозначно утверждать, что при воспоминании вне обряда об умершем родственнике обязательно будет исполнен сыгыт, нельзя. Телеутский фольклор достаточно богат и для этой цели вполне подходят и реально используются и другие его разновидности, например *қомудалду сарыны*, т.н. песни-печали.

Порой переживания столь глубоки, что человек во время исполнения сыгыта может входить в измененное состояние сознания. В материалах собирателя телеутского фольклора К.И. Максимова

[1] Изготовление щеток, использовавшихся для побелки в домах и квартирах горожан Белово и Гурьевска Кемеровской обл., было в те годы одним из доходных промыслов бачатских телеутов.

есть такая запись: «Поющие сыгыт, т.е. причитающие, искренне выражают свои чувства, плачут не нарочито, слезы льются градом, слышится безысходная тоска, горечь об утраченных. Одна из плачущих (Манина А.) так рыдала, что другие строго требовали остановиться, но она вытерла слезы, дико осмотрела сидящих, ища среди них дорогого утраченного человека. Я много видел убитых горем, но такого не видел, сердце защемило» (АФ 1995: 119).

Исследователи сходятся в том, что сыгыт исполняют не только в случае смерти младенцев, не достигших года, поскольку, по словам известного сказителя и знатока старины Кузьмы Андреевича Баксарина, «на их душе нет греха» (АФ 1995: 118). Женщины исполняют сыгыт чаще, чем мужчины, молодые же люди сейчас, как правило, не знают песен-причетей. Это было отмечено еще в конце 1970-х годов В.Т. Сыркашевой, писавшей: «…молодежь не владеет текстами “сыгыта”» (*Сыркашева* 1971: 126). В данном случае это не только обычные трудности межпоколенной трансляции фольклора, но и проблема плохого знания многими молодыми людьми телеутского языка: не зная язык, не чувствуя его, исполнять столь архаичные и сложные для понимания тексты невозможно.

Выше уже упоминалось о коллективном исполнения сыгыта. Судя по имеющимся материалам, в последние по меньшей мере полтора столетия так причитали только в доме у гроба с телом покойного. Во всех остальных случаях мы имеем дело с индивидуальным выражением скорби по умершему человеку. Профессиональных плакальщиков/плакальщиц у телеутов, равно как и воспоминаний об их существовании, в 1970–1990-е годы никем из исследователей отмечено не было.

Долгое время у телеутов сохранялось представление об обязательности исполнения сыгыта в обряде похорон. Покойному надо было обязательно «просветлять ухо» (кулагын т’арыдарга) (*Сыркашева* 1971: 126), демонстрируя горечь утраты, любовь к человеку при жизни и проч. Если же *сыгыт* не исполняли, то считалось, что умерший (точнее его посмертная сущность, ӱзӱт), вселившись в своих родственников, может наказать их (АФ 1995: 119). Избавление же от вселившейся сущности могло представлять значительную проблему, разрешением которой в телеутской традиции, как правило, занимались особые ритуальные специалисты (чымырчы/чымырчыл) (см.: *Функ* 1995а).

* * *

Термин «*сыгыт*», также как и обычай оплакивания покойного среди тюркских народов Сибири, известен довольно широко. Но какова специфика этого обычая в разных традициях? Что в них обозначается одним и тем же термином («*сыгыт*»)? К сожалению, этнографических материалов, позволяющих четко ответить на поставленные вопросы, чрезвычайно мало. Фольклористических исследований причети у тюрков Сибири также нет.

Крайней западной точкой бытования термина «*сыгыт*» в Сибири следует, видимо, считать территории расселения некоторых групп сибирских татар. Слово сығыт со значением «плач» было отмечено в языке татар д. Лайтамак Тобольского р-на Тюменской обл. и у тарских татар в Томской области (*Тумашева* 1992: 196). Этнографический контекст «плача» у сибирских татар в литературе не отмечен.

У шорцев, территориально близких к бачатским телеутам, также известен термин, обозначающий процесс оплакивания покойного – сыт/сыыт. В наиболее полном на сегодняшний день шорско-русском словаре Н.Н. Курпешко-Таннагашевой и Ф.Я. Апонькина слово сыыт переведено на русский как «плач-песня» (ШРС 1993: 51), хотя следует подчеркнуть, что до сих пор ни одного «плача-песни» у шорцев никем из исследователей зафиксировано не было. В дополнениях к этому словарю мной было специально отмечено: «Сыт (сыыт) – причеть, плач, выражение скорби по умершему в виде причитаний (приведенное в словаре значение “плач-песня” не подтверждается материалами…)» (*Функ* 1999: 161). Из рассказов пожилых информаторов становится ясно, что традиция оплакивания покойных была известна различным группам шорцев. Но что конкретно она собой представляла? По моим данным, собиравшимся в 1982–1990 гг. в деревнях Чувашка, Казас, Тоз, Чуазасс в низовьях р. Мрассу, у проживавших там шорцев не было сыт, аналогичных телеутским. Оплакивание-сыт покойного представляло собой причеть-импровизацию с элементами формульности.

Термин сыт/сығыт (кондомск. диалект) встречается и в героическом эпосе у шорцев. Так, например, в сказании «Алтын-Куш» в самозаписи С.С. Торбокова находим строки:

Алты кӱнге ачығын ачыгдылар,	Шесть дней жалость испытывают,

Чети кӱнге сығыдын пӱдӱрдӱлер.	Семь дней причеть исполняют[1].

В сказании «Алтын-Эргек» у того же сказителя встречаем развернутый текст причети бездетных супругов[2]:

Паладаң ӱчӱн көп пастыстылар[3],	Из-за ребенка много тосковали:
«Палазы чок, пис чабалдың,	«У нас, несчастных, дитя не имеющих,
Чашқа кӱткен[4] ақ малыбыс	С молодости разводимый чистый скот наш
Қарған туштa[5] ады пашқаның қолунға қалар!» – теп,	На старости лет в чужих руках останется», – говоря,
Қарақ чаштарын устуқ қорладып[6]	Слезы глаз по колено (букв. тӧбери пош «бедро») без конца (букв. свободно) проливая,
Улуг сытқа кирдилер.	В большой плач они вошли.

Очевидно, что дополнительных материалов к характеристике процесса оплакивания в этнографической традиции шорцев ни этот, ни иные соответствующие места эпических текстов, увы, не дают.

---

[1] Архив Хакасского НИИ языка, литературы и истории. Т59. Ф. 664 «*Торбоков С.С.* Алтын-Куш». Л. 8. (Исправление орфографии шорского текста и перевод сделаны мной.)

[2] Архив Хакасского НИИ языка, литературы и истории. Т59. Ф. 644 «*Торбоков С.С.* Алтын-Эргек». Л. 2об–3. (Исправление орфографии шорского текста и перевод сделаны мной.)

[3] В шорско-русском словаре (ШРС 1993) это слово не отмечено. Очевидно, данная форма имеет отношение к известному мне слову *пастанарға* (мрасский диалект шор. яз.) – «сожалеть».

[4] В оригинале у С.С. Торбокова: *куткен*. В шорско-русском словаре (ШРС 1993) глагол *кут-* (*кӱт-*) не отмечен. Ср.: тел. и алт. *кӱт-* со значением «пасти».

[5] Слово *туш* в шорско-русском словаре (ШРС 1993) не отмечено.

[6] Грамматически это, видимо, деепричастие, образованное от глагольной основы *қорла-* с аффиксом понудительного залога *-т-*. В шорско-русском словаре (ШРС 1993) слово *қорла-* не отмечено. В телеутском языке мне известен аналогичный глагол (*қорло-*), который имеет значения «укорять», «упрекать», что в данном контексте, очевидно, не может быть использовано при переводе. В этом случае мне пришлось обратиться к смысловому переводу самого С.С. Торбокова, который перевел стихотворную строку *пош қорладып* как «журча свободно проливали».

Ритуальное оплакивание покойного известно в хакасской и в тувинской традициях, где оно обозначается словом *сыы(ыы-сыы)/ сыыт* (см.: ОХС 1961: 587 – здесь даны три слова: *ылғааны, сыхтааны* и *сыыт*; КТРС 1994: 245 – *ыы-сыы, ыглаары*; *Бутанаев* 1999: 130 – здесь, кстати, отмечено и слово *ыы-сыыт*, аналогичное тувинскому, с собирательным значением «плачи»). Специальные этнографические исследования не касаются интересующего нас обряда. Нет этих описаний ни в классической работе С.Д. Майнагашева (*Майнагашев* 1915), ни в обобщающей статье В.Я. Бутанаева (*Бутанаев* 1988).

В.П. Дьяконовой телеутские тексты были использованы в качестве сравнительного материала при характеристике тувинского обычая оплакивания умершего женщинами-родственницами. Поводом для такого сравнения (тувинские тексты в работе, к сожалению, не приводятся) послужило утверждение, что у тувинцев «оплакивание сопровождалось причитаниями, текст которых произносился на манер светской песни, прерываемой возгласами и речитативом» (*Дьяконова* 1975: 53). Автор, В.П. Дьяконова, дополнительно сообщила, что «ритуальное оплакивание сыгыт известно было также улаганским теленгитам и телесам» (*Дьяконова* 1975: 54). Попутно можно заметить, что указание на алтайские сыгыты осталось без ссылки на конкретные материалы. В монографии В.П. Дьяконовой, полностью посвященной теленгитам, в разделе о погребальном обряде термин «сыгыт», равно как и обряд оплакивания покойного/причитания над покойным, не упоминается (*Дьяконова* 2001: 190–199).

Тем не менее тексты плачей, характерные для иных этнических традиций на Саяно-Алтае, удалось отыскать. Они были записаны в 1950-х годах С.С. Суразаковым у теленгитов на Южном Алтае (*Суразаков* 1960: 50–51) и в 1980-х годах Е.П. Кандараковой у челканцев на Северном Алтае (*Кандаракова* 1999: 152–162).

В 1960 г. С.С. Суразаков отметил, что «сыгыты, записанные у алтайцев, бывают двух видов. Одни исполняются в виде *ӱлгер сӧс* (здесь, видимо, следует переводить как «причеть в образной форме, с использованием ярких оборотов речи». – *Д.Ф.*), другие же в виде песни» (*Суразаков* 1960: 50)[1]. Приведенный им образец теленгитского плача (мать оплакивает своего ребенка) прекрасно демонстрирует

[1] Текст в оригинале: «Алтай улуста бу јуукта бичилген сыгыттар эки кеберлӱ. Кезик сыгыттар ӱлгер сӧслӧ, кезиктери дезе кожоҥло айдылар». Перевод мой.

специфику причети-импровизации на фоне телеутских сыгытов, имеющих песенную форму.

Сыгыты были записаны и у челканцев. Во всех этих текстах родные также оплакивают своего умершего родственника (у челканцев сыгыт исполняют только женщины), но это импровизация, в которой человек изливает свое горе как умеет: «На кого ты оставил меня с детьми?» – плачет жена у гроба с телом мужа; «Как я буду на земле жить без брата? Кто в жизни мне будет опорой?» – плачет сестра; «Дорогой мой ребенок, мой ребенок, мой ребенок, на кого ты меня оставил, мой ребенок? Ой-ой-ой», – изливает в плаче свое горе мать (*Кандаракова* 1999: 155, 157, 158). Ни в одном из сообщений нет указания на устойчивый, единый мотив этих плачей.

Таким образом, известные мне тексты других тюркоязычных групп Саяно-Алтая пока не дают материала для сравнения с телеутскими сыгытами.

Изложенные общие сведения о причетях бачатских телеутов, а также попытка, пусть пока и безуспешная, обнаружить нечто подобное в культуре других саяно-алтайских (шире – сибирских) тюрков, хотя и позволяют в целом представить некоторые основные характеристики телеутского сыгыта и этнографический контекст его существования, все же оставляют без ответа еще многие вопросы.

Так, например, до сих пор неясно, что же такое сыгыт телеутов в жанровом отношении? К сожалению, задача исследования жанровой системы телеутского фольклора и выявления ее составляющих в отечественной филологической науке даже не сформулирована. Впрочем, если говорить об этом аспекте традиционной культуры народов Сибири в целом, то следует признать, что такие классификации практически не разработаны, отдельные же попытки базируются на готовых схемах, созданных на базе русского фольклора, что даже априори выглядит явной натяжкой и как минимум нуждается в солидном обосновании. Вместе с тем следует обратить внимание на представленные в отечественной литературе основные теоретические подходы к внутрижанровой классификации причети (см., напр., цикл работ: *Харитонова* 1981; 1983; др.)[1], что может помочь

[1] Я искренне благодарен В.И. Харитоновой за обсуждение отдельных дискуссионных положений этого раздела и указание на существующую фольклористическую литературу.

при анализе как телеутской, так и в целом саяно-алтайской причетно-плачевой традиции.

Проблемой является и невыясненность причин столь существенных различий телеутской причети (причети-песни?) и причитаний всех других саяно-алтайских тюрков[1]. Консервация ли это телеутами какой-то древней, свойственной только им практики, или же это естественное развитие и трансформация тех практик, которые по каким-либо причинам сохранились у остальных тюрков региона? А может быть, ответ более прозаичен и кроется в неполноте фольклорных записей?

Подобных вопросов гораздо больше. И вряд ли ответы на них будут найдены, пока принципиально не изменится подход к фиксации материала, пока мы не сможем наладить массовую запись фольклорных текстов в этнографическом контексте и пока исследователи не получат объемный опубликованный материал, достаточный для осуществления собственно аналитической работы.

* * *

Тексты № 1–4 записаны мной 1 февраля 1990 г. в д. Телеуты от Пелагеи Павловны Поросёнковой. Три из них (исключение – текст № 3) были не пропеты, а надиктованы в искусственной ситуации. Перевод мой.

1

Қадама[2] қуйақ сөгӱл паат,	Кадама-доспех распоролся,
Қаттап қуйаттан[3] ус јоқ.	Крепко сковать – мастера нет.

[1] В попытке расширить территориальные рамки анализируемого материала была использована также единственная специальная монография о курдских причитаниях (*Руденко* 1982), что, впрочем, также не дало положительных результатов: тексты, которые можно было бы рассматривать как типологически близкие телеутским, в данной традиции не зафиксированы.

[2] Буквальный перевод словосочетаний *кадама қуйақ* и – в следующей строфе – *төремел қуйақ* в настоящее время, вероятно, уже невозможен. Кроме этих двух видов доспехов в песнях и героическом эпосе у телеутов упоминаются и другие «куйаки». Тема доспехов, как и в целом вооружения, могла бы послужить основой для специального исследования.

[3] Слово *қуйаттан* переведено информантом.

Қайран Райка[1] öл паады,
Ойто йанатан йолы йоқ.

Дорогая Райка умерла,
Обратно вернуться –
дороги нет.

Төремел қуйақ сөгӱл паат,
Төстöп қуйаттан ус јоқ[2].
Қайран Райка öл паады,
Ойто йанатан йолы йоқ.

Тёремель-доспех
распоролся,
С «душой» сковать – мастера
нет.
Дорогая Райка умерла,
Обратно вернуться – дороги
нет.

2

Арқазы ала қунчагаш
Айры кечелбей киштеп јет.
Алтам полғон јердең.
Уйге йаналбай јайнап јет.

Жеребенок с пестрой
спиной
Ручей не может перейти –
ржет.
Всего шаг остался до дома
(земли – лишь на один
шаг),
Домой никак не вернуться –
огорчается.

Көксӱ ала қунчағаш,
Көлге кечелбей киштеп јет.
Көрне турған јердең,
Уйге йаналбай ыйлап јет.

Жеребенок с пестрой
спиной
Через озеро не может
перейти – ржет.
Земли (расстояние) – на
один взгляд,
(Но) домой никак не
вернуться – плачет.

[1] Пелагея Павловна вспоминает недавно умершую Р.П. Поросёнкову (в девичестве Максимову), жившую в д. Телеуты.

[2] Представляется, что смысловой перевод фразы «с “душой” сковать...» не совсем точно отражает значение слова *möc*. Возможно, речь в этом сыгыте идет о тёсях – духах-покровителях шаманов, сказителей и, как следует из текста, кузнецов. Таким образом, фраза может быть переведена как «с помощью духов (*möc*) сковать – мастера-кузнеца нет».

3

Қарлу тайқа қайлыса,	Снежная гора растает ли,
Қастар учатан тем келер.	Придет время перелета гусей.
Қастың қанадына қап алып,	Схватив за крылья гусей,
Қайрандарым йанар ба?	Вернутся ли мои родные?
Мусту тайқа қайла пед,	Начала ли таять ледяная гора?
Қуулар учатан тем келер.	Наступит время лебедям прилететь.
Қуудың қурқун урнуғуп,	Зацепившись за лебединые крылья,
Кӳлӳктерим йанар ба?	Молодцы мои вернутся ли?

Вариант этого сыгыта (№ 3) был напет на диктофон 8 ноября 1988 г. Грамматически текст был оформлен несколько иначе по сравнению с приведенным выше:

Қарлу тайқа кайла перди,	Снежная гора стала таять,
Қастар учатан тем кел јат.	Время перелета гусей приходит.
Қастың қанатқа қап алып, алып,	Схватив гусей за крылья,
Қайрандар йаңа, ой, мени.	Дорогие вернутся ли ко мне?
Мусту ла тайқа қайла перди,	Ледяная гора стала таять,
Қуулар учатан тем келет.	Лебедям время лететь приходит.
Қуудуң қурқуна урнуғуп алып,	Зацепившись за крылья лебедей,
Кӳлӳктер йаңа, ой, мени.	Молодцы вернутся ли ко мне?[1]

[1] После исполнения этого сыгыта Пелагея Павловна добавила по-русски: «Это дедушка пел». И далее, отвечая на мой вопрос: «Это весь сыгыт?» – сказала: «Это много, да не кочу это. Что мои дети… Как будто ворожишь. Плакать. Не кочу. Ой, много…».

4 (ср.: № 14)

Қомырғайдаң сал йазап,	Сделав плот из дудки,
Қожо парарға санағам.	Думала вместе (с ними) идти.
Қомырғай салым пӱтпек алғам,	(Но) свой плот из дудки не успела сделать,
Қожыл албай йат қалдым.	Не смогла (с ними) соединиться (и) осталась.
Палтырғанның сал йазап,	Сделав плот из дягиля,
Парыжаға санағам.	Думала поехать (вместе с ними).
Палтырған салым пӱтпек алған,	(Но) свой плот из дягиля не успела сделать,
Парыш албай йат қалдым.	Не смогла (с ними) пойти (и) осталась.

* * *

Тексты под номерами 5–9 записаны мной 4–5 марта 1992 г., под номерами 10–14 – 27 сентября 1992 г. в д. Челухоево от Ульяны Андреевны Челухоевой. Перевод на русский язык мой.

5

Қоғолу кӧлдиң пойы чағында	Кто знал, что из самого тростникового озера
Қоғо тартарын кем пилген?	Тростник вырвут?
Қоқымай jӱрген ол чағында	Кто знал, что таким молодым в это время
Jерге қоғорын[1] кем пилген?	В землю предков уйдет (он)?
Jеекендӱ кӧлдиң пойы чағына	Кто знал, что из самого камышового озера
Jеекен тартарын кем пилген?	Камыш вырвут?
Jенгилчек jӱрген ол чағында	Кто знал, что таким молодым
Jерге jадарын кем пилген?[2]	В землю предков уйдет (он)?

[1] *Қоқ-* (*қоғоғо*) – «исчезать»; *кӧл қоқ паады* – «озеро исчезло»; *қоғорын* – «то, что остается от тела покойника через несколько лет после захоронения в земле».

[2] Текст № 5 – это устойчивый текст. Он известен и по более ранним записям К.И. Максимова (АФ 1995: 72).

6

Јастап күстеп ай йут полып
Йардың йақазы мус пол јат.
Јастап ла күстеп јақшылар
өлүп,
Көстиң йаштары көл пол јат.

Весной и осенью дождливо,
На берегу лед образуется.
Весной и осенью хорошие
умирают,
Слезы из глаз
озеро(м) становятся.

Күстеп јастап ай йут полып,
Көлдиң јақазы мус пол јат.
Күстеп ле јастап күлүктер
өлүп,
Көстиң йаштары көл пол јат.

Осенью и весной дождливо,
На берегу озера лед
образуется.
Осенью и весной молодцы
умирают,
Слезы из глаз
озеро(м) становятся.

7

Қара јардың ой алдында
Қара таш јада қоқойлө.
Қалын қарағай ой ичинде
Қайран да пойын сысарзың.

Под черным яром
Черный камень, лежа,
исчезнет.
Внутри толстой сосны
(=гроба)
Дорогой понемногу
похудеет (=истлеет).

Туйуқ[1] јардың ой алдында
Туйуқ таш јада қоқойлө.
Туйуқ қарағай ой ичинде
Пойун ла йада сысарзың.

Под закрытым яром
Камень, лежа в земле,
исчезнет.
Внутри закрытой сосны
Дорогой мой понемногу
истлеет.

8

Ағарған сынның ай үсүнде

У подножья белеющего
хребта

[1] В других вариантах здесь и в следующем ниже стихе в этой строфе вместо слова *туйуқ* может быть слово *қызыл* – «красный».

Ақ тӱлкӱм қалды тегейим.
Ақ тӱлкӱм қалды мениң тегеним,
Қыймат ла эжим йат қалтыр.

Белая лиса (моя) осталась, я думала.
Думала, что это белая лиса осталась,
А это дорогой друг мой лежать остался.

Көгӧргӧн сынның ай ӱсӱнде
Көк тӱлкӱм қалды тегейим.
Көк тӱлкӱм қалды мениң тегеним
Көгӧргӧн ле эжим йат қалтыр.

У подножья синеватого хребта
Голубая лисица (моя) осталась, я думала.
Думала, что это голубая лисица осталась,
А это дорогой друг мой лежать остался.

9 (ср.: № 10)

Адам сай тажы ой сай тажы
Салып тӧгӧспӧс сай тажы.
Адам сай тажы мениң тегеним,
Айдып тӧгӧспӧс кӧс јажы.

Гальки Адама, ой гальки,
Не переложить (так их много) гальки.
Думала я, что это гальки Адама,
А это слезы, что словами не высказать.

Адам Том тажы, ой Том тажы
Тоолоп тӧгӧспӧс Том тажы.
Адам Том тажы мениң тегеним
Айдып тӧгӧспӧс кӧс јажы.

Камни Адама с Томи, камни с Томи,
Не счесть камней с Томи.
Думала я, что это камни Адама с Томи,
А это слезы, что словами не высказать.

10

Адам сай ташы ой сай тажы
Сайлап тӧгӧспӧс сай тажы.

Гальки Адама, ой, гальки,
Не выбрать (так ее много) гальку.

Адам сай тажы мениң тегеним
Айдып алалбас көс јажы.

Думала я, что это гальки Адама,
А это слезы, что словами не охватить.

Адам Том тажы ой Том тажы
Тоолоп алалбас Том тажы.
Адам Том тажы мениң тегеним
Айдып төгөспөс көс јажы.

Камни Адама с Томи, ой, камни с Томи,
Не счесть (так их много) камней с Томи.
Думала я, что это камни Адама с Томи,
А это слезы, что словами не высказать.

11

Қара тал пажын ай өрт қапса,
Қамчызын қайдаң қыйатан?
Қайран пойынды ал чық јубизек,
Қабарын қайдаң уғатан?

Черного тала вершину если пламя охватит,
Из чего камчу срезать?
Самого дорогого если похороните,
Вести откуда будут слышны?

Қуру тал пажын өрт қабизе,
Қунудун қайдаң қыйаттан?
Эм қыйматтарды ал чық јубизе,
Эзенин қайдаң сақтайтан?

Сухого тальника вершину если пламя охватит,
Из чего кнут срезать?
Дорогих если похороните,
Приветствия откуда будут ожидаемы?

Вариант этого сыгыта был опубликован в 2003 г. (*Рюмина-Сыркашева* 2003: 20–21) с указанием, что текст был извлечен из (скорее всего, семейного. – *Д.Ф.*) архива фольклориста Сыркашева Тимофея Степановича. Приводится в переводе Л.Т. Рюминой-Сыркашевой, орфография телеутского текста и перевода уточнена мной.

Қара тал пажын өрт қапты,

Вершину черной талины пожаром охватило,

Қамчызын қайдаң қыйарым?
Где я срежу рукоятку к бичу[1]?

Қайран јажымды јек алды,
Мою любимую смерть постигла[2],

Қабарды қайдаң уғарым?
Откуда узнаю весточку?

Қуба тал пажын өрт қапты,
Вершину желтой талины пожаром охватило,

Қунудын қайдаң қыйарым?
Где я срежу кнутовище?

Қайран јажымды јек алды,
Мою любимую смерть взяла,

Эзенди қайдаң уғарым?
Откуда привет услышу?

12

Аққа чыққан ай ақ чечек
На свет вышедший белый цветок,

Ай чықпас йана не чықтың?
На сторону, где месяц не всходит, что ты вышел?

Ада палазы сен қайран пойың
Отцовское дитя дорогое,

Айдышпас јерге не паадың?
В безымянную землю зачем ты ушел?

Күлүккү[3] чыққан ой көк чечек,
В траве взошедший синий цветок,

Күн чықпас йана не чықтың?
На сторону, где солнце не всходит, что ты вышел?

Эне палазы сен қайран пойың
Материнское дитя дорогое,

Көрүшпес јерге не паадың?
В невидимую землю зачем ты ушел?

[1] Точнее было бы «к камче». – *Д.Ф.*

[2] Букв. «йек забрал». – *Д.Ф.*

[3] Здесь, возможно, неточность. Следует: *көккӧ лӧ* – «на траве же», «на зелени же».

13

Қайыннаң тартқан
тепшичегимди
Мен қасталғанча тутсам чы.

Қалјимақ чақта парған эжиме

Пис қарынғанча јатсақ чы.

Из березы выточенную
свою чашечку,
Пока не пробьется,
держала бы.
С ушедшим в трудное время
спутником своим,
Пока не состарились,
жили бы.

Теректең тартқан
тепшичегимди
Мен тежилгенче тутсам чы.

Тегимсек чақта пис
тушташқанық
Теңделе қарып јатсақ чы.

Из тополя выточенную
свою чашечку,
Пока не продырявится,
держала бы.
В молодости встретившись,

Вместе старясь, жили бы.

14

Мен палтырғаннаң ой
сал јазап,
Пайат кечеге санағам.

Палтырған салым мен
пўтпеенқалып,
Мен парыш албай јат
қалғам.

Мен қомурғайдаң ой
сал јазап,
Қондум кечеге санағам.

Қомурғай салым мен
пўтпеенқалым,
Қоқшо пар албай јат қалғам.

Из дягиля сделав плот,

Через Бачат переправиться
думала.

Из дягиля плот свой
не закончив,
Не смогла (с ним) пойти (и)
осталась.

Из дудки сделав плот,

Через Кондому
переправиться думала.
Из дудки плот свой
не закончила,
Не смогла вместе (с ним)
пойти (и) осталась.

Тексты под номерами 15–19 записаны мной на диктофон 30 августа 1992 г. в д. Шанда от Анны Кирилловны Алагызовой. Перевод на русский язык мой.

15

Қамқадаң тиккен
тонучағымай
Қағылып паадый арқаным.
Қайран азраған ой ақ ақамай
Эм ыра паадып ойбостай(?).

Из камки сшита моя
шубенка –
Спину мою продуло.
Дорогой мой старший брат
Далеко ушел, не вернется.

Торқудуң тиккен
тонучағымай
Тозуп ла паадый арқаным.
Қайран азраған ой энекемай
Эм ыра паадып ойбостай(?).

Из шелка сшита моя
шубенка –
Спину мою продуло.
Дорогая моя матушка
Далеко ушла, не вернется.

16

Айляна пасқан jолучағыма
Ағаштаң ӱлгӱ салзам чы.

На извилистую мою
дороженьку,
Деревянную колодку если
бы положила.

Ағаштаң ӱлгӱ мен
салып алып,
Арынған чақта көрзӱм чи.

Деревянную колодку
положив,
В скучные времена увидела
бы (тебя).

Толғоно пасқан jолучағыма
Тостулу ӱлгӱ салзам чы.

На вращающуюся мою
дороженьку,
Берестяную выкройку если
бы положила.

Тостулу ӱлгӱ мен
салып алып,
Тобылған кӱнде
көрзӱм чи ай.[1]

Берестяную выкройку
положив,
В скорбные дни увидела бы
(тебя).

[1] Аналогичный текст на телеутском языке известен и по записи Н.П. Дыренковой 1935–1936 гг. от Л.Р. Ускоевой (сеок Меркит) в д. Шанда (см.: Архив МАЭ. Ф. 3. Оп. 1. № 32. Л. 20).

17

Јеекендӱ көлдӱң јақа чағына
Јеекен тартарын пилбедим.
Теримчек[1] јӱрген чағы
чағына
Јерге јадарын пилбедим.

(Что из) камышового озера
Камыш вырвут, не знала я.
(Что) таким молодым
в это время
В землю уйдет (он),
не знала.

18

Аққа ла чыққан ай ақ чечек

Ай көрбөс јана не чықты?

Ақай палазы сениң эне
Көрӱшпес јерге пардылай.

Эм көк лӱ чечек, ой көк чечек
Кӱн чықпас јана не чықты?

Көкшин палазы қайран эне

Көрӱшпес јерге не парды?

На свет вышедший белый
цветок,
На стороне, где луны не
видят, зачем взошел?
Дитя предков – твоя мать
В невидимую землю ушла.

Синий цветок, синий цветок,
На стороне, где солнце не
всходит, зачем вышел?
Старцев ребенок – дорогая
мать
В невидимую землю зачем
ушла?

19

Қарачақ јардың эм алдында
Қара таш јада сысқайл'а.
Туйуқ қарағай ол ичинде (?)

Ачақам јада сызып јай.

Под черненьким яром
Черный камень, лежа, исчезнет.
Внутри той закрытой сосны
(=гроба)
Младший мой братик, лежа,
исчезнет.

[1] Может быть, *т'еңилчек*?

Песнопения
на библейские сюжеты

[Песнь Якова]

Вариант 1

Записано мной на диктофон 26 июля 1988 г. в д. Телеуты от Пелагеи Павловны Поросёнковой. Название условное, дано мной. Перевод на русский язык мой.

Йақоп, Йақоп, адам полған,
Йада қалғанын полду ба,
теген.
Ракиль, Ракиль, эне де,
полған
Ырай пергенин полду ба,
теген.
«Қайраным Йөсүбүм, палам,
эде,
Қазыр алды јигенде полды.
Көп күндерге мен ийлап
јүрдим,
Көркий Йөсүбүм тап албай
салдым.
Қанча күндерди мен
ийлап јүрип,
Қайран Йөсүбүм көрөлбей
салдым».

Яков, Яков, отец (мой) был,
Слег, говорят.

Рахиль, Рахиль, мать же
была,
Ушла, говорят.

«Дорогой мой Иосиф, дитя
мое,
Дикие звери (его) съели.
Много дней я брела,

(Но) бедного моего Иосифа
не нашла.
Сколько дней я бродила,

(Но) дорогой мой Иосиф
(так и) не показался».

Вариант 2

Записано мной на диктофон 3 июля 1992 г. в с. Беково (д. Челухоево) от Ульяны Андреевны Челухоевой. Текст был передан в прозе с песенными вставками. Здесь приводится песенная часть текста. Перевод на русский язык мой.

Йакоп, Йакоп, пир кижи
полтыр.
Ааң йатқан јери Қанаан
полтыр.
Йакоптың тезе он эки пала,

Артық сүүген Иосифы
полтыр.

Яков, Яков, один человек
жил.
Земля, где он жил,
Ханаан была.
У Якова было двенадцать
детей,
Любимым среди них
был Иосиф.

Артық сүүген ол Иосифи ла
Алтын туйғақту адын
перип ийтир[1].
Пӧлип сүүген ол Иосифи ла
Алды қарасы тонын
перип ийтир.

Самому любимому Иосифу
С золотыми копытами коня
давали.
Самому любимому Иосифу
Из (шкур) диких зверей
шубу давали.

Аа ачалары адаңдаш парып,

Фараон-қаанға садыштилер.
Кийген кийимин қанға
им абалып,
Аба-энезине акел пеедилер:

Его старшие братья,
сговорившись,
Фараон-хану (его) продали.
Одежду его в крови
вымазав,
К родителям принесли:

«Артық сүүген сеең
Иосифиды
Аралдаң ла чығып айу
јип ийди.

«Самого любимого твоего
Иосифа,
Из чащи выйдя, медведь
съел.

[1] Здесь и ниже произносится как пербийтир.

Пӧлип ле сӱӱген сеең
Иосифиды
Пӧлӧктӧң ле чығып пӧри
јип ийди».

Самого любимого твоего
Иосифа,
Из лесу выйдя[1], волк съел».

Қарған абазы санап
чыдап ал,
Сағышқа кестирип ӧлӱп
йат қойды.

Старый отец его, подумав,
что это правда,
От мысли такой умер.

[1] Букв. «с лесной поляны выбежав». *Пӧлӧк* – «поляна», здесь – «лесная поляна», «лес».

АЛҚЫШТАР
РИТУАЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ

Кормление эмегендер

Эмегендер («старушки») – это небольшие, 10–15 см высотой, куклы из льняной пакли или ваты, обтянутые холстом либо другой материей и не имеющие рук, ног а также признаков пола. Кроме материи-«одежды», на кукол иногда нашивали небольшой лоскут – «нагрудник», а на «голову» – лоскут, символизировавший шапку. Вместо глаз пришивали бисеринки. На «затылке» укрепляли перышко (обычно куриное).

Количество эмегендеров определялось этнической принадлежностью или происхождением их владелиц. У собственно телеутов их было, как правило, 12 или 14 штук (хотя это число нельзя считать нормой), часто скреплявшихся по три стежком на уровне «плеч».

У потомков местного тюркоязычного населения – тогулов, чедыберов и абинцев, примерно в равных долях вошедших в состав как телеутов, так и шорцев, эмегендеров было, как правило, всего две штуки, хотя порой встречались комплекты и из трех куколок. Два семейных охранителя было и у шорцев и кумандинцев; и те, и другие называли таких куколок *өрекеннер, өрөкөндөр*, или же *қуртуйақ* – «старухи», «старушки». У телеутов Степного Алтая, потомков народа ачкыштым, изготавливали всего одну куколку.

На практике телеуты распространяют термин *эмегендер* на целый ряд ритуальных предметов. Кроме собственно эмегендеров-кукол, это: миниатюрная модель шаманского бубна (*чалу*) с рукоятью и колотушкой;

небольшой металлический обруч *манjақ*; прямоугольной формы лоскут көжөгö («занавеска», «полог») с пришитыми к нему цветными лоскутами *jалама* и/или со схематично изображенными на нем мелом, углем или обломком кирпича человечками (или же только их лицами) – *энекелер* («матушки», «матери эмегендеров» – дочери небесного божества Бай-Ульгень); антропоморфная деревянная фигурка покровителя дома *кўрмўжек* (уменьшит. от *кўрмўш*; этот персонаж считался зятем «инопланетного» божества-первопредка по имени Адам); одна, две или несколько деревянных рогаток *қанаттулар* («крылатые»), обтянутых материей, с закрепленными на концах развилки двумя перьями.

Весь набор ритуальных предметов хранят в холщовом мешочке *паштық* (букв. «главный») на печке, в темных углах чуланов, на чердаке. В настоящее время полный комплект, а во многих телеутских семьях даже «куклы» (иногда их еще называют «катеринками»), встречается очень и очень редко.

«Кормят» эмегендеров кашей (тел. *саламат*) ежегодно весной, а также в случае затянувшихся родов, при болезнях ушей, глаз.

Обращения к эмегендерам – это устойчивые поэтические формулы, сохранявшиеся, судя по имеющимся у исследователей материалам, на протяжении поколений. Вот, например, как выглядело такое обращение в записи Н.П. Дыренковой (*Дыренкова* 1937: 125–126)[1]:

Jергележе оттургандар[2],	В ряд вы уселись,
Jебележе оттургандар,	Прижимаясь друг к другу вы уселись,
Төрдö болзо сööнгöндöр,	В переднем-почетном углу прислоняетесь,

[1] Запись телеутского текста латиницей переведена на упрощенную современную кириллицу, сохранена лишь буква «j» в начальной позиции. Перевод Н.П. Дыренковой оставлен мной без изменений.

[2] По публикациям Н.П. Дыренковой хорошо видно, как она постепенно учила местные языки и как шаг за шагом избавлялась от ошибок, в изобилии встречающихся в записях в ранних публикациях. В частности, в этом тексте регулярно неверно пишутся глагол *отур-* – «сидеть», аффиксы исходного падежа (напр., в имени Тай-каанаң – следует: Тай-Кааннаң), некоторые глагольные аффиксы (напр., в причастии *косколганы* явно нарушена гармония гласных) и др.

Төш алыжа оттургандар.	Примыкая грудью друг к другу вы сидите.
Кызыл торко кийимдўўлер[1],	Имеющие одежду из красного шелка,
Кызыл бырчын чырайлўлар,	Имеющие лица с красным румянцем,
Јинди болгон тиштўлер,	Ваши зубы как бисер,
Јибек болгон тындуулар.	Ваши души как шелк.
Аланчыктың сакчылары,	Хранители (вы) юрты,
Ак јалынның корулары,	Белого пламени защита,
Төрт толуктың шидўлери,	Четырех углов (дома) опора,
Улуу јуртың улулары.	Великого стойбища старейшие,
Калын йуртуң карылары.	Могучего (толстого) племени старейшие,
Косколганы коңутайдаң,	Выходцы от хана Конгулая,
Ајрылганы тай-каанаң.	Отделившиеся от Тай-хана (т.е. от хана – дяди с материнской стороны).
Јылан чылап адылбагар,	Не скачите подобно змеям,
Јылдыс чылап чачылбагар.	Не рассыпайтесь словно звезды,
Кырчайжа көрўшпегер	Злобно не смотрите,
Кыңрайжа сынашпагар	С недовольством не осматривайтесь,
Тооложугар тоопчылашкар,	Поровну делите между собою (угощение – жертву),
Оңчогорбо парчагарба!	Чтобы всем было!
Ак пайталдың казызына,	(Идите) к жиру белого байтала[2],
Агы койдың учазына,	К почетной части (к крестцу) драгоценной овцы,
Көк пайталдың казызына,	К жиру синего байтала,

[1] В оригинале «л» была пропущена: *kijimdū er*.
[2] См.: с. 50, примеч. 4.

Күрең койдың учазына…
Ак пайталдың карзызына
Ак табакка азылыгар,
Кök пайталдың казызына
Кök табакка азуулагар!
Узыгарды майлайын!
Аркагарды тондойын!
Төрдö болзо сööнгöндöр,
Төш алыжа оттургандар!

К почетной части
бурой овцы…
Ешьте жир белого байтала,
менигер,
Набрасывайтесь на белую
чашку,
Ешьте жир синего байтала,
менигер,
Набрасывайтесь на синюю
чашку!
Ваши рты намажу-ка я
(салом)!
Ваши спины накрою-ка я
шубой!
В переднем углу
опирающиеся,
Тесно грудь к груди
сидящие!

Более 30 лет назад мне также удалось записать заговор, сопровождающий кормление эмегендер. Записано 24 июля 1988 г. в д. Телеуты от Анны Михайловны Поросёнковой. Перевод на русский язык мой:

Ай төргö-лö ай
jööгöндöр чоқ.
Төш алыжа чоқ
отурғандар чоқ.
Ма тегенде чоқ
маан турғар чоқ.
Ме тегенде чоқ
меен турғар чоқ.
Аштаң ползо чоқ
аш табағар чоқ.
Айақ кийинне чоқ
сер қалбағар чоқ.

В переднем углу
сидящие.
Рядом друг с другом
(грудь к груди) сидящие.
Если «Возьмите!» говорю,
то ешьте.
Если «Берите!» говорю,
то ешьте.
Без еды
голодные не будьте.
Без чаши
вы не оставайтесь.

Ма тегенде чок
маан турғар чоқ.
Ўстўндеги чоқ
Ўлгенегим чоқ.
Ары-пеери чоқ
шалбай турғар чоқ.
Ма тегенде чоқ
маан турғар чоқ.
Ме тегенде чоқ
меен турғар чоқ.
Аштаң ползо чоқ
аш табағар чоқ.
Суудаң ползо чоқ
суу сабағар чоқ.
Ады-јолым чоқ
мен пилбедим чоқ.
Алқыжығар чоқ
мен чықпадым чоқ.
Тайы-Қааннаң чоқ
тарағандар чоқ.
Қоңудайдаң чоқ
қосқолғондор чоқ.
Аштаң қуру чоқ
сер қалбағар чоқ.
Айақ кийинне чоқ
сер артпағар чоқ.
Ады-йолым чоқ
мен пилбедим чоқ.
Алқыжығар чоқ
мен таппадым чоқ.
Қоңудайдаң чоқ
қосколғондор чоқ.
Тайы-Қааннаң чоқ
тарағандар чоқ.

Если «Возьмите!» говорю,
то ешьте.
Вверху находящийся
Ульгень[1] мой.
Туда-сюда
не качаясь, стойте.
Если «Возьмите!» говорю,
то ешьте.
Если «Берите!» говорю,
то ешьте.
Без еды
голодные не будьте.
Без воды
жажду не испытывайте.
Имени-дороги (моей)
я не знал.
Вашего благословения
я не слышал[2].
От хана Тайы
отделившиеся.
От Конгудая
отделившиеся.
Без еды голодные
не оставайтесь.
Без чаши
не оставайтесь.
Имени-дороги (моей)
я не знал.
Благословение ваше
я не нашел.
От Конгудая
отделившиеся.
От хана Тайы
отделившиеся.

[1] Букв. «Ульгеньчик».
[2] Букв. «я не вышел».

Ма тегенде чоқ
маанғандар чоқ.
Ме тегенде чоқ
меенгендер чоқ.
Аштаң қуру чоқ
сер қалбағар чоқ.
Айақ кийинне чоқ
сер қалбағар чоқ.
Паштап чыққан чоқ
паштапқызы чоқ.
Аштаң ползо чоқ
қуру қалбай чоқ.
Айақ ползо чоқ
қуру қалбай чоқ.
Эже чыққан чоқ
энчилерим чоқ.
Эбире ползо чоқ
ала йўртўр чоқ.
Түнўк пажын чоқ
йақшы тутқар чоқ.
Эжик пуун чоқ
пектеп тутқар чоқ.
Қарлық пуун чоқ
қарлап тутқар чоқ.
Аштаң қуру чоқ
сер қалбағар чоқ.
Ады-йолым чоқ
мен пилбедим чоқ.
Алқыжығар чоқ
мен қалбадым чоқ.
Ады-йолым чоқ
пилбейадым чоқ.

Если «Возьмите!» говорю,
то ешьте.
Если «Берите!» говорю,
то ешьте.
Без еды голодные
не оставайтесь.
Без чаши
не оставайтесь.
Из выходящих первыми –
наипервейшие.
Без еды
голодными не оставайтесь.
Без чаши
голодными не оставайтесь[1].
Следом выходящие
духи мои энчи[2].
Вокруг себя
водите.
Дымовое отверстие
хорошо держите.
Дверные петли (запоры)
крепко держите.
Петли Карлыка[3]
крепко держите.
Без еды голодные
не оставайтесь.
Имени-дороги (моей)
я не знал.
Благословение ваше
я не оставил.
Имени-дороги (моей)
я не знаю.

[1] Вариант: «Чаша пусть не опустевает».

[2] Категория духов-помощников, достающихся шаманам «по наследству» (алт. *энчи* – «наследственный», «доля в наследстве»; см.: ОРС 1947: 192).

[3] *Каан-Карлык* (*Пий-Карлык*) – один из доброжелательных крылатых духов категории *пайана.*

Несмотря на очевидные и порой существенные различия этих записей (в том числе и в ритме, который я попытался отразить в своем тексте), в них все же хорошо видны устойчивые образы (Хан Конгудай, Тай-хан) и некоторые формулы. Впрочем, надо заметить, что отдельные формулы, отчетливо различимые в записи Н.П. Дыренковой, по моим наблюдениям, не имеют отношения к обращению к эмегендерам, а должны использоваться в ритуале кормления духа огня (матери-огня, *От-эне*). Именно От-эне в обращениях к ней называется – что вполне логично – «имеющей одеяния из красного шелка». Впрочем, в условиях отсутствия канона текст в устах телеутских знатоков обрядов вполне мог жить своей жизнью, всякий раз реализуясь заново сообразно набору более или менее устойчивых представлений и формульного фонда ритуального языка.

* * *

Кто же такие эти эмегендеры, которых продолжают бережно хранить и передавать по наследству во многих телеутских семьях?

Телеуты относили происхождение эмегендеров ко времени полулегендарного богатыря Шуну (Шӱнӱ/Шуна), которого считали сыном монгольского хана Конгудая. После смерти супруги Конгудай взял в жены малолетнюю дочь некоего Тай-хана. Когда девушка повзрослела и пришло время родить ребенка, она тяжело заболела. Человек, явившийся ей во сне, велел забрать из отчего дома куклы, с которыми она всегда играла в детстве. Женщина так и сделала, и в итоге благополучно родила двойню. Привезенные куколки ожили и стали маленькими людьми, которых надо было кормить кашей саламат. С тех пор все телеутские женщины брали с собой куколки-эмегендеры, уезжая в семью мужа, и регулярно кормили их саламатом. Такого рода легенды в виде связных повествований, неоднократно записывавшиеся этнографами в первой трети XX в. (А.В. Анохиным и Н.П. Дыренковой[1]), в конце столетия сохранились в воспоминаниях лишь немногих старожилов[2].

[1] Подробно тексты легенд о Шуну см.: *Дыренкова* 1937: 136–137; *Функ* 2004: 45–47; *Батьянова* 2007: 297–306.

[2] Легенды о Шуну с непременным указанием на то, что эмегендеры появились у телеутов от Конгудая, отца богатыря Шуну, в конце 1980-х годов рассказывала мне, в частности, Варвара Степановна Хлопотина.

Эмегендер Анны Кирилловны Алагызовой, д. Шанда, 2014 г.

Несмотря на постепенное сужение «сферы использования» эмегендеров в XX в., к ним по-прежнему обращаются (и это прерогатива женщин) в случаях трудных родов и болезни детей, причем, как правило, речь идет о заболеваниях глаз, ушей, носа, головы – так о «направленности» действия эмегендеров рассказывали телеуты исследователям и в первой трети XX в., и в самом его конце. Судя по разрозненным воспоминаниям, кроме двух периодов – весны и осени, когда кормление эмегендеров считалось необходимым без какого-либо повода, в прошлом существовало и большое камлание – шаманское действо с принесением белой овцы в жертву эмегендерам[1]. Известны лишь отдельные элементы этого ритуала: выбиралась годовалая или полуторагодовалая овца, обязательно белого цвета; в казане варили все части туши, включая голову, ноги, шкуру овцы; вареное несоленое мясо выставляли перед эмегендерами (АФ 1995: 116–117). К сожалению, иные подробности такого камлания не нашли отражения в этнографических материалах, а у современных телеутов вообще исчезли воспоминания о периодичности кормления эмегендеров.

Изменилось и восприятие этих духов-покровителей. Уже в последней трети XX в. эмегендеров чаще считали злыми, насылающими болезни, и именно этим объясняли необходимость задабривать их. Впрочем, обобщения вряд ли уместны: в разных семьях к эмегендерам относятся по-разному. Тем не менее несомненна неуклонная десакрализация этих ритуальных предметов, начавшаяся, насколько можно судить по имеющимся рассказам, задолго до великих потрясений в Российской империи начала XX в. Согласно «традиции», от постепенно накапливавшихся[2] в семье «лишних» эмегендеров можно было избавиться двумя способами: весной в половодье поса-

[1] Об этом вскользь упоминает Н.П. Дыренкова (*Дыренкова* 1937: 125).

[2] Один из комплектов телеутских эмегендеров, хранящихся сейчас в МАЭ РАН, насчитывает 37 фигур (*Иванов* 1979: 46).

дить их на плот и отправить вниз по реке или срезать у них и истолочь в ступке глаза-бусинки[1], а затем, захоронив эмегендеров вниз головой в ямке в степи, вернуться, петляя, домой, чтобы эмегендеры (если оживут) не смогли найти обратной дороги. Уже в начале XX в. эмегендеров стали продавать или отдавать в музеи. Упоминавшаяся выше Варвара Степановна Хлопотина рассказывала мне, что примерно в 1913–1914 гг. к ним в улус приезжала какая-то женщина из Петербурга, которая посылкой отправила туда из Бековo целых четыре мешка эмегендеров. Для избавления от лишних эмегендеров телеуты продолжали использовать краеведов, музееведов и этнографов на всем протяжении прошедшего столетия. Отчасти это даже хорошо, иначе не сложились бы сейчас значительные телеутские этнографические коллекции в целом ряде российских музеев.

Традиция – удивительный феномен, об исчезновении которого (как будто это нечто застывшее, раз и навсегда данное) твердили и продолжают твердить не только ее ревнители, но часто и ученые. Однако стоит лишь внимательно присмотреться к тому, как живет эта самая «традиция», как она появляется и исчезает, как трансформируется, и станет понятно, что перед нами – абсолютно живая культура с присущими ей адаптивными способностями, заставляющими эту самую «традицию» всякий раз приноравливаться, приспосабливаться к динамично меняющемуся миру.

Трудно сказать, как сложится в наступившем столетии судьба этого культа. Возможно, под давлением процессов глобализации он окончательно уйдет из телеутской культуры. Впрочем, вполне вероятно, что в каком-то виде этот феномен останется достоянием сценическо-фольклорной составляющей телеутской идентичности. Время покажет.

[1] Кстати, еще одно нововведение XX столетия: красные в прошлом глаза-бусинки эмегендеров были заменены на черные.

Кормление сомдор

Еще в первой половине XX в., как это отмечали все этнографы, каждая телеутская семья ежегодно устанавливала во дворе дома в начале лета, на Троицу, несколько молодых березок в честь наиболее почитаемых духов-*пайана*, обитателей воображаемой земли *jер-jолы/jер-jол* (букв. «земной путь»). Согласно традиционной шаманистской мифологии эта земля широким кольцом огибала реальную землю *пу-jер* (букв. «эта земля») и была населена в основном доброжелательными по отношению к человеку духами-*пайана*.

Каждый телеутский сеок устанавливал строго определенное число таких березок, носивших название сом (мн. ч. сомдор; изредка в шаманских текстах встречается форма *сомдоғо*, мн. ч. *сомдоғолор*; буквально «*сом*'овый» или «*сом*'овые»), или *чаал* (мн. ч. *чаалдар*). К сожалению, эта зависимость не сразу была выявлена исследователями. В ранних этнографических описаниях встречается просто указание на число березок и имена божеств, в честь которых они были установлены. Например, из материалов А.В. Анохина начала XX в. следует, что березок было пять, четыре ставились рядом друг с другом в честь духов Темир-хана, Эркей-хана, Ордо-хана и Пуркай-хана, а одна – чуть поодаль в честь «злого» шорского духа Јаңыс-Сом, или Чағыс-Чаал, или Кирби-хан (Архив МАЭ. Ф. 11. Оп. 1. № 162. Л. 19об, 20, 20об, 22об).

Чуть позже Н.П. Дыренкова дважды писала о числе березок-*сомдор*, каждый раз приводя разные сведения. В статье 1926 г. она сообщала, что число березок у алтайской группы телеутов колебалось от четырех до шести, и перечисляла имена божеств и духов, в честь которых устанавливались четыре деревца: «I-я березка небесному божеству Ульгеню, 2-я – земным духам Тämір-кану, и Талај-кану – водяному хану, 3-я – Ада-кіжі – родоначальнику)» и плюс березка для «кумандинского бога» (*Дыренкова* 1926: 252). В этом сообщении исследовательницы содержится явная неточность, в частности в отношении березки в честь Ада-кижи, или Адама. Позже, в статье «Материалы по шаманству у телеутов», Н.П. Дыренкова верно отметила, что духи Сом-ээзи (хозяин *сом'ов*, т.е. Јöö-қаан/Јöö-хан) и Адам враждуют друг с другом и «по одной дороге не ходят», следовательно, березка в честь Адама не должна была устанавливаться рядом с посвященной Јöö-хану. В указанной работе к числу сом Н.П. Дырен-

ковой были отнесены также Темир-хан, Эркей-хан, Орто-хан, Куркай-хан и Јöö-хан (*Дыренкова* 1949: 125).

Позже, практически уже в наше время, в 1980–1990-е годы, исследователи, посещавшие телеутов, стали более внимательными. Хотя ритуальные березки встречались уже не в каждом дворе, все же удалось выявить зависимость числа деревцев от родовой принадлежности их владельцев. Так, было установлено, что у представителей сеока Чалмалу было четыре березки-сомдор, одна из которых – в честь божества Јöö-хан – устанавливалась чуть поодаль от основной группы деревьев, у телеутов из сеока *Меркит* – пять березок, а из сеоков *Тёрт-ас* и *Чорос* – шесть (*Функ* 1993: 211; *Тюхтенева* 1994: 97–98).

Петр Урусович Тодышев во время обряда кормления сомдор на свадебной церемонии, д. Улус Беловского р-на Кемеровской обл., 1982 г.

Косвенно подтверждают данные о числе *сомдор* у сеока Тёрт-ас материалы, полученные К.И. Максимовым от А.К. Максимовой в начале 1980-х годов: «У баятов пять сом. Главные божества сомов: Јöö-хан, Мордок-хан, Темир-хан, Эркей-хан, Мать всего [сущего] Бай-Ульгень, Салам-гора Кыйлу-хан. В сом пять берез, одна из них пришла, притянувшись от шорцев. Теперь в сом шесть берез. Пришедший шорский сом отдельно стоит…» (перевод мой. – *Д.Ф.*) (АФ 1995: 118).

Поскольку А.К. Максимова относилась к сеоку Тёрт-ас, можно предполагать, что, называя число «шесть», она говорила о традиции именно своего рода.

Вопрос о том, сколько же березок должно устанавливаться во дворе той или иной семьи, относящей себя к тому или иному роду, нуждается в специальном исследовании. По моим наблюдениям 1980–1990-х годов, у некоторых семей из сеока Меркит (напр. у Черины в д. Верховская) в ограде дома стояло не пять, а одиннадцать березок-*сомдор*, а у Тыдыковых из сеока Чорос в д. Челухоево в некоторых семьях было по три, а в некоторых по пять деревьев. Один из пожилых хранителей этого культа из семьи Тыдыковых рассказывал мне, что пять *сомдор* установлены у него в честь Николая Угодника, Пресвятой Богородицы, *ј*ер-суудың ээлери (хозяев земли-воды) и *тӱгезе* (всего сущего), плюс – чуть поодаль – березка «на благополучие» своей семьи. У Тодышевых из сеока Йуты в д. Верховской в одном случае я видел четыре березки (3+1), в другом – пять (4+1; хозяин объяснил, что дополнительное деревце он поставил с приходом в семью новой женщины – снохи).

* * *

Выше было названо довольно много имен духов и божеств. Что же известно о них в телеутской шаманской мифологии? Попробую разобраться в этом, опираясь на записи шаманских камланий на телеутском языке, сделанные во второй половине XIX – начале XX в., ранние свидетельства этнографов и свои собственные полевые материалы[1].

[1] Подробно картина мира по представлениям телеутских шаманов и шаманистов была разобрана в моей книге «Миры шаманов и сказителей» (*Функ* 2005).

Ритуальные березки-сомдор во дворе дома Н.П. Тодышева, с. Бековo,1999 г.

Берестяной туес, закрепленный на отдельно стоящей березке-сомдор во дворе дома Н.П. Тодышева. Деталь. С. Бековo. 1999 г.

Одной из земель обитания духов и божеств телеутской вселенной считалась чын-јер – «земля истины», место, где нет лжи; она находилась на востоке от јер-јол. *Чын-јер* представлялась двумя «планетами», отделенными от реальной и воображаемой земель неким пустым пространством. На одной из двух *чын-јер* жил Адам/Адам-Буурул/Ада-кижи, а на другой – Јöö-хан.

На «земле истины» существовали свои солнце, месяц, моря и озера, горы и лес, тайга, пропасти, пастбища, степи, пашни, люди. Обе «планеты» в шаманских описаниях выглядели очень привлекательно. Шаман обычно подчеркивал это и мечтательно изрекал:

Мында јерим ползо чы,
Мында элим ползо чы,
Мында јадар ползом чы
Мында јуртар ползом чы!

Здесь если бы моя земля была,
Здесь если бы мой народ был,
Здесь если бы я мог жить,
Здесь если бы я мог свой юрт иметь!

Телеутская шаманка кам-Пӧдӧк, Федосья Степановна Тыдыкова, с. Челухой, 1927 г. Фото А.Г. Данилина и Л.Э. Каруновской. Из собрания МАЭ РАН, № 4123-9.

Второй землей *чын-јер* владеет ездящий на бело-игреневом коне и имеющий гриву жеребца Јӧӧ-қаан, который считается отцом всех *сом'ов* (*сомдоғолордың адазы*; Архив МАЭ. Ф. 11. Оп. 1. № 162. Л. 31об). Ј*ӧӧ-қаан* живет на земле, которая, как и земля Адама, расположена за пределами горизонта и лежащего за ним «пустого пространства». По легенде, Ј*ӧӧ-қаан* некогда жил недалеко от Адама.

Каждый из них имел богатые владения с обширными пастбищами. У Јӧӧ-Хан›а было три сына: Соо-Хан, Темир-Хан и Мордок-Хан.

Адам и <J>ӧӧ-Хан сначала жили дружно и согласно между собой и ездили друг к другу в гости. Но мир их был нарушен хитрым человеком, который являясь к Адаму, дурно говорил о Јӧӧ-хане, а Јӧӧ-хану об Адаме. Адам за бесславие решил отомстить соседу. Он натянул лук, спустил стрелу, которая <J>ӧӧ-Хану и его сыновьям пронзила горла и все они стали заиками (*тили јок кӧӧмӧй*).

После ссоры Адам и Јӧӧ-Хан удалились друг от друга в разные места[1].

[1] Анохин А.В. Мистерия Адаму... (Архив МАЭ. Ф. 11. Оп. 1. № 149. Л. 2).

Jöö-хан считался могущественным божеством. Как и Адам, он мог наделять бездетных супругов зародышами детей – қут.

Во время ежегодных майских жертвоприношений Jöö-хану телеуты забивали нежеребую трехгодовалую кобылу светлой масти, шкуру которой вывешивали затем на особом сооружении –тасқақ.

Как и со многими другими персонажами телеутского шаманистского пантеона, с Jöö-ханом связаны различные представления, не всегда согласующиеся друг с другом. В большинстве свидетельств (как уже отмечалось выше) его относят к обитателям одной из земель истины *чын-jер*, он считается отцом сом›ов. Известно также, что в некоторых телеутских семьях в честь Jöö-хана среди *сомдор* устанавливалась отдельная березка. Тем самым Jöö-хан как бы «низводился» до уровня обычных добродетельных духов категории пайана. Есть также трактовка, согласно которой Jöö-хан приравнивался к Ульгеням-небожителям, поскольку он «(на) двенадцатую ступень (Неба) наступающий, на двенадцатом слое (Неба) играющий» (он эки *тапты тапталған*, *он эки қатта ойынд*у). Все это может свидетельствовать, с одной стороны, о незавершенности процесса формирования пантеона божеств телеутской вселенной, а с другой – о длительном сохранении различных представлений о конкретных персонажах пантеона у шаманов, их помощников и основной массы общинников-шаманистов из разных сеоков.

Среди доброжелательных духов-пайана в особую группу выделялись наиболее почитаемые – сыновья божества Jöö-*хана*: Темир-хан (и его сын Эркей-хан), Мордок-/Ордо-хан и Пуркай-хан – дух-управитель птиц Ульгеня.

Темир-қаан (Сом)

Темир-хан

Текст и перевод даются в соответствии с записями А.В. Анохина (Архив МАЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 162. Л. 19об). Орфография приведена к современной норме мной. Кроме этого, выражение «железный царь» (в переводе А.В. Анохина) мной заменено на имя Темир-хан.

Jалбақ темир jарынду,	С плоскими железными лопатками,

Тулқу темир төжиндӱ,	С круглой железной грудью,
Суң қара таш jӱректӱ,	С сердцем из чистого черного камня,
Қара темир қарсманду,	С птичьим зобом из черного железа,
Қан jеерен минеттӱ,	Ездящий на чисто-рыжей лошади
Қааным ползо, Темир-қаан.	Хан мой (ты есть) Темир-хан.

Еще в начале XX в. у телеутов сохранялся обычай, согласно которому при проведении свадьбы новобрачные ставили во дворе у городьбы три березки в честь Темир-хана, на одну из них навешивали «железинку, старую подкову, дужку от ведра или скобку от дверей» (Там же). Уже с начала 1980-х годов, насколько я могу доверять своим наблюдениям, этот обряд у телеутов не проводится.

Сообщение А.В. Анохина позволяет вспомнить о самой ранней фиксации обряда такого рода. В начале XIX в. Г.И. Спасский писал: «По совершении всех свадебных обрядов, новобрачные вывешивают подле своего дома на длинной жерди заячью кожу, переменяя ее каждогодно, пока продолжается их жизнь и счастие; в противном же случае снимают сей знак добраго согласия» (*Спасский* 1821: 20).

Эркей-қаан (Сом)

Эркей-хан

Текст дан в соответствии с записями А.В. Анохина (Архив МАЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 162. Л. 19об). Орфография приведена к современной норме мной. В архиве есть и русский вариант этого текста, но приводящийся ниже перевод сделан мной.

Темир уйа сий тартқан,	Железный лук, натягивая, сломавший,
Темир тақа пӧрӱк кийген,	Железную шапку-така носивший,
Темир ӱзӱңе теже тепкен,	Железное стремя, пнув, пробил,
Терлӱ атқа пуу пербес,	Потным лошадям не даешь отдыха,

Телем кижее сöс пербес,	Беспомощным людям слова не даешь,
Адар оқту мергени,	Выпущенной стрелы меткий стрелок,
Айдар сöстиң чечени,	Высказанных слов мудрец,
Қааным ползо, Эркей-қаан.	Хан мой (ты есть) Эркей-хан.

Во время камлания Эркей-хану шаман находил большой плоский камень (*јалбақ таш*) и заставлял по очереди поднимать камень всех сопровождавших его духов-пайана. По материалам А.В. Анохина, «сцена эта занимает довольно продолжительное время. Камень очень тяжелый и превышает силы многих «байана»: одни его едва сдвигают с места, другие поднимают, но невысоко, третьим при поднимании он прижимает руки. Только «Соок-Хан», сын «Кар-Адама», легко берет его в беремя, кружится с ним и бросает на землю» (Архив МАЭ. Ф. 11. Оп. 1. № 162. Л. 19об–20).

Мордоқ/Ордо-қаан (Сом)

Мордо-хан

Наиболее раннее упоминание о пайана Мордо-хане и героях Абакана содержится в материалах миссионера Василия Вербицкого, относящихся к XIX в. (*Вербицкий* 1893: 58). Текст отредактирован и переведен мной.

Абағанның алыптар,	Абакана алыпы-богатыри,
Ақ торқо кийимду,	Из белого шелка одежду (носящие),
Ақ чалдар(да) минеттÿ,	На светло-игреневых (конях) ездящие,
Қуу мÿÿс тайақту,	Имеющие посох из высохшего рога,
Эр алдымынаң кÿлеп кел!	Впереди меня-мужа, улыбаясь, идите!
Абаған пажы муң шақшақ	С тысячью хребтами (как козонки пальцев) верховьями Абакана

Кезе билген Мордо-қаан!	Заведующий, Мордо-хан,
Абағанның чамғыл ӱӱре,	(Абаканских птиц Чамгыл стая!)
Чамғыл пулут өркөштӱ,	Имеющий горб из мягкого облака[1],
Эр алдымынаң кӱлеп кел!	Впереди меня-мужа, улыбаясь, идите!

Самое полное из известных мне призываний (15 строк), обращенных к этому *пайана* (под именем Мордок-хан), было записано Н.П. Дыренковой (*Дыренкова* 1949: 127).

Встречается этот персонаж (Ордо-хан) и в записях А.В. Анохина начала XX в. (Архив МАЭ. Ф. 11. Оп. 1. № 162. Л. 20об) (текст и перевод отредактированы мной):

Қызыл пуға минеттӱ,	Ездящий на красном быке,
Қызыл мӱӱс тайақту,	С посохом из красного рога,
Јажыл пуға минеттӱ,	Ездящий на зеленом быке,
Јажыл мӱӱс тайақту,	С посохом из зеленого рога,
Қызыл киис төжөктӱ,	Имеющий красную войлочную постель,
Қыдай јери қадарған,	Кытаев землю (ты) караулил
Қызыл қумақ төгӱлген,	(Там, где) насыпаны красные пески,
Қырғыс јери межелӱ,	С кыргызской землей гранича,
Қааным ползо Ордо-қаан.	Хан мой – Ордо-хан.

В шаманских текстах упоминания географических реалий или названий этнических групп встречаются нечасто, обычно лишь при описании земель, которые пролетает шаман и в которых обитают те или иные духи и божества. В данном случае маловероятно, что говорится о киданях, скорее всего, имеются в виду китайцы. В случае с кыргызами (особенно с учетом версии, где упоминаются верховья Абакана) речь идет, конечно же, о енисейских кыргызах.

[1] Вариант: «из (огромной как) облако (стаи птиц) Чамгыл».

Пурқай-қаан (Сом)
Пуркай-хан

Призывание из записей А.В. Анохина (Архив МАЭ. Ф. 11. Оп. 1. № 162. Л. 20об). Текст и перевод отредактированы мной.

Қызыл қумақ јайылған,	(Где) красный песок рассыпан,
Қызыл пура пайбырған,	(Там держал) в почете красных ездовых бура,
Јажыл қумақ төгүлген,	(Где) зеленый песок рассыпан,
Пос пуралар пайбырған,	(Там держал) в почете серых ездовых бура,
Јети тыттың паштары,	Вершины семи лиственниц
Пура тартып уйа тартқан,	Скрутив, устроила гнездо
Қуштың энези Пурқай-қаан.	Мать птиц – Пуркай-хан.

Пуркай-хан (Буркай/Пурқай/Қурғай) является управителем бура (тел. *пура*) – ездовых животных и семи птиц Чамгыл, принадлежащих Ульгеню (*Ақ Үлгенниң чамғыл қуштар*) и обычно изображавшихся на верхней части шаманского бубна.

* * *

Большая группа духов-пайана связана с путешествием шамана к единственному злому *пайана* – Јаңыс-Сом[1]. Он именуется также Кирби[2]-хан, или Чағыс-Чаал[3]. По рассказам телеу-

[1] *Јаңыс сом* – «одинокая березка»/«единственная березка», понимаемая как вместилище духа.

[2] Значение слова *кирби* в телеутском языке мне неизвестно, в шорском языке (нижне-мрасский говор мрасск. диал.) оно означает «пиявка» (в известных мне словарях шорского языка это слово не отмечено; ср.: алт. *шӱлӱк*).

[3] *Чағыс* – шорский аналог телеутского слова *јаңыс* («одинокий», «единственный»). *Чаал* (мн. ч. чаалдар), второе название *сом* (мн. ч. *сомдор*) – шаманское обозначение березы; обычное название березы – *қайын.*

тов, этот *пайана* некогда был заимствован (через брачные связи) у соседей – шорцев. Вероятно, поэтому Јаңыс-сом признавался лишь отдельными семьями, имевшими родственные связи с шорцами или кумандинцами. Духу приписывалось наведение на людей судорог и головной боли. Этим объяснялся и объясняется до сих пор тот факт, что березка-сом для него устанавливается чуть поодаль от березок в честь добрых духов. Примерно такое же объяснение встречаем у Н.П. Дыренковой: «...немного лишь отступя, ставится березка чужому духу – богу кумандинцев, из сӧӧк›а которых телеуты, еще будучи в Кузнецком уезде (здесь речь идет об алтайской группе телеутов. – *Д.Ф.*), брали себе жен. Этого духа они не любят, привязывают ему темные ленты и кропят отдельно, – лишь делают уступку женам» (*Дыренкова* 1926: 252, прим. 3).

* * *

Ниже при характеристике пайана, упоминаемых в ходе камлания Јаңыс-Сом, использованы тексты из камлания Јаңыс-Сом из Архива Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея (Архив ТГОИАМ. Ф. А.В. Анохина. Оп. 8. Д. 11), сверенные с «Докладом...» А.В. Анохина (Архив МАЭ. Ф. 11. Оп. 1. № 162. Л. 22об–23об). Тексты отредактированы и переведены мной.

В шаманских камланиях о Јаңыс-Сом (Јаңыс-Чаал, Кирби-қаан) говорится:

Алтон тайқа ажылу,	Шестьдесят гор переваливающий[1],
Јетон тайқа кечилӱ,	Семьдесят гор переходящий,
Салам тайқа ажылу,	Гору Салам переваливающий,
Ақ чалдарда минеттӱ,	На бело-игренем коне ездящий,
Айғыр јалду Кирби-қаан.	С гривой жеребца Кирби-хан.

[1] Имеется в виду: чтобы дойти до него, шаману надо перевалить шестьдесят гор.

Путь шамана к духу Јаңыс-Сом (Јаңыс-Чаал/Кирби-қаан) известен по тексту начала XX в. в записи А.В. Анохина[1]. Для камлания готовили: 1) три больших туеса и один маленький туесок (*јан көнөк*) с брагой; 2) 27 *толу* – жертвенных одеяний, рубах и кафтанов, девять из которых предназначены матери птиц Кургай-хан, девять – стерегущему скот Маңзыр-хану, и еще девять – самому Кирби-хану; 3) 27 крученых ниток для зашивания мастерицами земной щели (*јер түнүгү*, букв. «дымоход земли»); 4) 27 круглых ржаных лепешек (*тертмек*). Туеса ставили в передний угол на пол, возле лавки. *Толу* и нитки подвешивали на шесте над туесами. Хлебцы варили в котле и затем подавали шаману-кам на деревянном блюде. *Кам* надевал кафтан, повязывал голову красным платком, брал блюдо с лепешками, садился слева от туесов и, поднимая блюдо вверх, начинал свое обращение к духам, сообщая о цели своего камлания. Затем следовало обширное призывание духов-помощников – хозяев близлежащих местностей, духов-*пайана* и небесных божеств, обращение к огню и хозяину порога. После этого блюдо ставилось на то место, где сидел шаман. Одну лепешку крошили на мелкие кусочки, которые он затем разбрасывал по углам, на полати, в печку и на печку, к двери. Присутствующие на камлании после этого пили чай и съедали за чаем оставшиеся лепешки.

Далее следует камлание с бубном. Шаман вновь надевает на себя кафтан и повязывает голову платком. Зажигает можжевельник и проводит очищение *толу*, бубна и самого себя. Образовавшиеся на ветке угли засовывает себе в рот и жует. Затем *кам* берет бубен, садится на свое место и начинает созывать духов-*пайана*. Особо произносится обращение к хозяину небесной двери (у порога дома), после чего шаман, пятясь, возвращается на середину избы. Около шамана выстраивается все семейство с детьми, и тот оглаживает (*сиймап јат*) всех бубном и колотушкой. Затем он кланяется четырем углам жилища (*табу қаап чық јет*), делает алас (очищение) над *толу* и туесами, обращается к туесам с пожеланием не задерживаться в пути, как бы подхватывает *толу* и туес бубном, выходит на улицу, сильно бьет в бубен и вместе с духом-*пайана* отправляет эту жертву к

[1] Сюжет камлания излагается по рукописной копии, снятой Вильмошем Диосеги с телеутского оригинала из архива Ленинградской части Института этнографии АН СССР (Архив ИЭ ВАН. Папка «Архив ИЭ АН СССР. Ф-11, Анохин, А.В. teleut II. П-3 (РЕ)19/2»).

Јангыс-Сом. Пятясь, *кам* возвращается в избу, кружится на середине комнаты (табу қаап чықты) и, завершив кружение, садится на свое обычное место. После этого начинается шаманское путешествие.

Кам, постоянно обращаясь к своим *пайана*, проходит через р. Томь, затем через каменный туес (*сырық јетпес таш көнөк*) достигает росстани дорог семнадцати ханов и совершает здесь очистительный обряд (*алас*). Отсюда шаман отправляется к матери птиц Кургай-хан. Семь птиц Ак-Ульгень (их называют также *Курғай-қаанның Чамғыл-қуш*) вылетают ему навстречу, стараясь не допустить его до Кургай-хан, но шаман ловит их бубном и расчищает себе путь. Когда происходит поимка птиц, кто-либо из присутствующих на камлании берет фигурки птиц, вылепленные из теста, забегает шаману за спину и бросает по одной через голову шамана по направлению к туесу – и так семь раз. Шаман направляется к матери птиц, которая сидит в гнезде, свитом на вершинах семи лиственниц. Предварительно *кам* отправляет вперед своих табу-духов, а сам, «вооружившись» Кер-Палыком, заходит к Кургай-хану (тот сначала дважды отталкивает от себя шамана). Во время общения с Кургай-хан и угощения божества брагой, шаман быстро ловит *јула* человека, ради которого устраивалось камлание, вручает ее Кызыган-тенгере и отсылает с ним домой. Догнав на гусях своих *пайана*, шаман продолжает свой путь, на сей раз к Мангзыр-хану (*Маңзыр-қаан*).

За вершиной горы Салам, за вершиной, покрытой льдом, лежит страна, где живет Мангзыр-хан. Шаман крутится, поворачиваясь пять раз по ходу солнца: четыре означают процесс его подъема на вершину, а пятый – спуск с нее. Послы Мангзыр-хана, обернувшись желтыми ястребами, вылетают встречать шамана на расстояние дневного пути. Один туес, девять *толу* и нити, предназначенные Кирби-хану, шаман высылает вперед. *Кам* очищает себя (*алас*) и заходит к Мангзыр-хану, проходя через три двери, возле каждой из которой стоит привратник. Шаман трижды пытается подступиться к Мангзыр-хану: делает четыре маленьких шажка вперед и четыре поклона, но затем быстро пятится назад, как бы после внезапного толчка. Наконец, Мангзыр-хан заговаривает с шаманом. После четвертой выпитой чаши хан дает обещание оказать свою милость тому, ради кого это камлание было устроено. Вновь на своих гусях шаман настигает ушедшее вперед «войско» и направляется к земному отверстию (*јер түнүгү*), чтобы, собрав мастериц, зашить его.

Далее следует длительный процесс отправки шаманом своих *ульгеней* и *пайана* за 27 мастерами (Мерген-Тенгере ведет с Большого Бачата Сулайку, Кызыган-Тенгере ведет с Малого Бачата Усюндье, из долины р. Томи с помощью Абйош-Тенгере ведут Мекечека, Эксей-Мексей-Тенгере ведет с Алтая Портойока, Тотой-Тенгере ведет из Абакан-Сагая двух сестер – Кезекей и Узюнек, Йада-Тенгере ведет из долины р. Мрас Тойбрака, всех 27 мастеров с китайской земли из долины Хан-Иртыша ведут Самтар-хан и Сармай-хан), затем следует подробное описание их умений, их дороги к земному отверстию и его зашивания. Здесь же шаману удается поймать кут-зародыш, который он отдает Темир-хану, отсылая с ним домой.

Далее шаман направляется к Кирби-хану, послы которого, превратившись в черных воронов, вылетают навстречу шаману на расстояние месячного пути. Как обычно, шаман проходит через три двери, представляется Кирби-хану, преподносит ему чаши с брагой и получает наконец его благословение.

Выйдя от Кирби-хана, шаман призывает гуся Чымар, садится на него и летит обратно домой, по дороге называя все памятные места, через которые он проходил во время камлания. На этом камлание завершается.

* * *

Сейчас «кормление» сомдор – обязательный ритуал при ежегодном обновлении этих березок (совпадающий по времени с православной Троицей) и при проведении традиционной телеутской свадьбы. «Кормление» может проводиться также по необходимости: если люди надеются обеспечить скорейшее выздоровление кого-либо из членов семьи или, скажем, удачу в важных делах.

Приводимый ниже текст моления-обращения (алкыш) использовался во время обряда «кормления» *сомдор* у телеутского сеока Чалмалу. Текст был записан мной 24 июля 1988 г. в д. Телеуты от Анны Михайловны Поросёнковой. Перевод на русский язык мой.

Начинался алкыш с обращения к покровителю сеока, божеству Jöö-хану, березка в честь которого устанавливалась несколько поодаль от основной группы *сомдор*:

Ўзўндеги Ўлгендерим!
Вверху находящиеся Ульгени мои!

Алдындағы Уустарым!
Нижние мои Уусы![1]

Йайаған да Йайучылар,
Создавшие Создатели,

Йазаған да Теңерелерим!
Сотворившие мои Небожители!

Теңере чылап кўзреп турғар!
Словно Небо, гремите!

Темир чылап шаңрап турғар!
Как железо, звените!

Йел јаманын қақтырбағар,
Плохому ветру виться не давайте,

Йек јаманын таптырбағар,
Плохому йеку[2] найти не давайте,

Ары-пери полбой турғар!
Туда-сюда не качайтесь!

Ады-јолым пилбейадым,
Имени-дороги своей я не знаю,

Алқыжығар таппай салдым!
Благословение ваше я не нашел!

Ўстўндеги Ўлгендерим!
Вверху находящиеся Ульгени мои!

Алдындағы Уузум!
Внизу находящийся Уус мой!

Он эки тапты тапталған,
На двенадцатую ступень наступающий[3],

Айғыр йалду Йöö-қааным!
С гривой жеребца Јöö-хан мой![4]

Талашқанға пербей тур,
Отбиравшему не давай,

Тартышқанға салбай тур,
Тянувшему не поддавайся,

Эжик пуун пектеп турзаң,
Дверные петли крепко держи,

Қарлық пуун қатап турзаң!
Петли Карлыка крепко держи!

---

[1] Известные мне шаманские тексты позволяют считать термин уус/йуус/јуус вторым наименованием духов категории *пайана*, а не обозначением обитателей нижнего мира.

[2] См.: с. 58, примеч. 2.

[3] Божества-небожители обитали на 16 небесных слоях-сферах. Во время камлания шаман ставил березку, сосну или тальник с определенным числом зарубок-ступеней *тапты*, по которым он как бы совершал свое восхождение или, наоборот, спуск.

[4] Вариант: «с шеей как у жеребца (холка)».

Ме тегенде, меен турзаң,
Ма тегенде, маан турзаң!

Айдың ала аруунда,
Күннүң ала оғунында,
Ақ чачылға чачып јадым,

Алтын мөргӱ мен сал јадым,
Ады-йолым пилбейадым,

Алқыжығар таппайадым.

Ӱстӱндеги Ӱлгендерим!

Алдындағы Уустарым!
Он эки тапты тапталған,

Он эки қаттап ойынду,

Айғыр йалду Йөө-қааным!

Аштаң қуру қалбай тур,

Айақ кийинне артпай тур,
Ма тегенде, маанқандар,

Ме тегенде, меенгендер!
Он эки тапты тапталган,

Он эки қаттап ойынду,

Айғыр йалду Йөө-қаан!
Аштаң қуру қалбай тур,

Айақ кийинне артпай тур!
Ады-йолум пилбейадым,

Если «бери!» говорю, то
ешь,
Если «возьми!» говорю,
то ешь!
На новолунье,
При ярком свете солнца,
Святое кропление
совершаю,
Золотой поклон кладу,
Имени-дороги своей я
не знаю,
Благословение ваше я
не нахожу.
Вверху находящиеся
Ульгени мои!
Нижние мои Уусы!
На двенадцатую ступень
наступающий,
На двенадцатом слое (Неба)
играющий,
С гривой жеребца Јөө-хан
мой!
Без еды голодным
не оставайся,
Без чаши не оставайся,
Если «возьми!» говорю,
то ешь,
Если «бери!» говорю, то ешь!
На двенадцатую ступень
наступающий,
На двенадцатом слое (Неба)
играющий,
С гривой жеребца Јөө-хан!
Без еды голодным
не оставайся,
Без чаши не оставайся!
Имени-дороги своей я
не знаю,

Алқыжығар таппайадым.	Благословение ваше я не нахожу.
Палықтаң ползо, келегей,	Хуже, чем рыба, – заика я,
Јымырқадаң туйуқ мен!	Скудоумный[1] я!
Ўстўндеги Ўлгендерим!	Вверху находящиеся Ульгени мои!
Алдындағы Уустарым!	Нижние мои Уусы!
Йайаған да Йайучылар,	Создавшие Создатели,
Йазаған да Теңерелерим!	Сотворившие мои Небожители!
Сууға тўшсе, тайағы полғор,	Если в воду спущусь, посохом будьте,
Қырға чықса, эжи пол!	Если на гору взойду, помощником будь(те)!
Салқындуда Қаан-Салған (?),	Обильный ветрами Хан-Салган...(?)
.....	.....[2]
Айғыр йалду Йöö-қааным!	С гривой жеребца Јöö-хан мой!

После этого можно было обращаться к группе отдельно стоящих березок со следующими словами:

Ўзўндеги Ўлгендерим!	Вверху находящиеся Ульгени мои!
Алдындағы Уустарым!	Нижние мои Уусы!
Йайаған да Йайучылар,	Создавшие Создатели,
Јазаған да Теңерелерим!	Сотворившие мои Небожители!
Талашқанға пербей турғар,	Отбиравшему не давайте,
Тартышқанға салбай турғар!	Тянувшему не поддавайтесь!
Ақ чачылға чачып јадым,	Святое кропление совершаю,

[1] Букв. «целее яйца».

[2] При расшифровке магнитофонной записи полностью разобрать все слова, к сожалению, не удалось.

Алтын мөргӱ сал јадым,	Золотой поклон кладу,
Ақ сӱт мынаң јун јадым!	Чистым молоком обмываю!

Этот текст повторяется от трех до девяти раз.

* * *

Несмотря на то что собственно ритуальные тексты обращения к духам и божествам, чьим земным вместилищем считались березки-*сомдор*, были известны и женщинам – ритуальным специалистам, все же, по общему мнению телеутов, кормление *сомдор* – мужская обязанность. И именно отсутствием в семье взрослого мужчины-хозяина многие пожилые телеутки объясняют сейчас тот факт, что в ограде их дома ритуальные березки уже не устанавливаются.

Алас

Обращение к Май-эне

Обряд алас проводился телеутами перед тем, как новорожденного первый раз укладывали в колыбель, в случае болезни младенца или, как выражались мои информанты, «при лечении от испуга». В этих случаях обращались к покровительнице маленьких детей Май-эне[1].

В целом алас имел более широкий круг адресатов. Он проводился перед началом камлания для очищения шаманом самого себя, своих ритуальных атрибутов, жилища, предметов, символически передаваемых каким-либо духам и божествам.

Во время обряда зажигали ветвь можжевельника, арчын, и окуривали дымом ребенка и/или «очищаемые» предметы.

* * *

Приводимый ниже текст записан мной на диктофон 26 июля 1988 г. от Пелагеи Павловны Поросёнковой в д. Телеуты. Перевод на русский язык мой.

[1] Май-мать, богиня Умай. Подробно об Умай у тюрков Южной Сибири см.: *Дыренкова* 1928; *Потапов* 1973, 1991: 284–298; *Бутанаев* 1984; др.

Алас, алас!

Алтын пашту Май-энем,
Ақ-Ӱлгеннең тӱжерде,

Айлӱ мынаң айлан тӱш,
Ай солоңы тарты тӱш,

Ақ чибекке сӧсил тӱш,

Ақ ӱрӱске йайыл тӱш,

Ақ чуударға чуулғал тӱш!

Златоглавая Май-мать моя,
Когда от Ак-Ульгень
будешь спускаться,
С луной вместе спускайся,
На лунную радугу опираясь,
спускайся,
По белой шелковой нити
сползая, спускайся,
По белому навару
расползаясь, спускайся,
В белые пеленки
заворачиваясь,
спускайся!

Алас, алас!

Кӧк-Ӱлгеннең тӱжерде,

Кӱнӱ мынаң айлан тӱшсиң,
Кӧкӱ солоңы тарты тӱш,

Кӧк чибекке сӧсил тӱш,

Кӧк ӱрӱске йайыл тӱш,

Тарақ пашту Май-энем!
Алтын қайчы тудунғанча,

Ақ пақанға[1] сӧӧнген,

Тарақ пашту Май-энем!

Когда от Кёк-Ульгень
будешь спускаться,
С солнцем вместе спускайся,
На небесную радугу
опираясь, спускайся,
По синей шелковой нити
сползая, спускайся,
По синему навару
расползаясь, спускайся,
Гребнеголовая Май-мать моя!
(До тех пор пока) держала
золотые ножницы,
Опиралась на священный
столб,
Гребнеголовая Май-мать моя!

Алас, алас, алас!

Сӱрӱн тууда йиметту[2],
Сууда кӧлдӧ суғатту!

Питающаяся на горе Сюрюн,
Пьющая воду в озере!

---

[1] *Пақан* – опора жертвенника-*тасқақ*, на котором вывешивалась конская шкура. Подробнее см., напр.: *Шаханова* 1992.

[2] Устаревшая форма. По-видимому, от глагола *йи-/ju-* в значении «есть», «принимать пищу».

Алас, алас!

Көзи йаман көргүспе,	Плохому глазу не показывай,
Күни йаман тандатпа!	Желающему плохого не дай сглазить!
Пектегенде пешигим[1],	Когда укрепишь мою колыбель,
Пектегенде, Май-энем!	Когда укрепишь, Май-мать моя!
Қанаттуды учырбай,	Крылатого не допускай,
Қайғақтуды талбытпа!	Имеющего когти не подпускай!

Алас, алас, алас!

Пежик пуун пектеп тут,	Завязки колыбели крепко держи,
Қарлық пуун қатап тут!	Петли Карлыка крепко держи!
Айна ползо, айқыртыр!	Если айна – отгони!
Йекти ползо, йеккертир!	Если йек[2] – оборонись!

Алас, алас!

Қорбочоғын қорқуспа,	Побеги[3] не пугай,
Ўрбечегин ўргўспе!	Поросль младую не пугай!

Алас, алас!

Қойон чуун чуулап тыр,	В заячьи пеленки пеленай,
Қол йастығын йастап тыр,	На маленькую подушку укладывай,
Тар қойыныңа суғун турзуң,	Близко к груди ребенка клади,
Тапчы төлўң йуун тур!	Малое поколение собери!
Оң қолтыққа қыстан тур,	Под правую мышку клади,
Оң эмчегиң тапжып[4] тур,	Правой грудью корми,
Тарақ пажту Май-энем!	Гребнеголовая Май-мать моя!

[1] Слово *пешик*, как и его синоним *пубеш* (оба со значением «колыбель», «зыбка»), вышло из употребления. Сейчас для обозначения колыбели используются термины: *убай*, *пубай*.

[2] См.: с. 58, примеч. 2.

[3] Здесь под «побегами» и «порослью» подразумеваются дети.

[4] Устаревшая форма. В современном телеутском языке эта фраза могла бы выглядеть, напр., так: *Оң эмчегиң тартыр тур*.

Алас, алас!

Көзи йаман көргўспе,
Кўни йаман тандатпа!

Қанаттуды учырбайдыр,
Қайғақтуды талбытпайдыр!

Адар таңа амыр сал,
Қысқа тўшке энчў пер!

Плохому глазу не показывай,
Желающему плохого не дай сглазить!
Крылатого не допускай,
Имеющего когти не подпускай!
На всю ночь покой дай,
Коротким днем спокойствие дай!

Алас, алас!

Узун тўнге ўйқы пер,
Қысқа тўшке амыр сал!
Тар койыныңа суғун тур,

Тапчы эдегиң йуун тур!
Оң колтыққа қыстан турзаң,
Оң эмчегиң тапшып турзаң,
Сол қолтыққа қыстан турзаң,
Сол эмчегиң тапшып тур!
Қанаттуды учырбай,
Қайғақтуды талбытпа!

Йалынғаным ползо, уғуп тур,
Йалбарғаным ползо, сесип тур!
Эрди мынаң суран јадым,
Эдек мынаң пўрен јадым –
Эм көзиң көрип турзаң,

Эрў-чырай паақ турзаң!

Оң көзи мынаң көрип тур,
Оң алқыжың перип тур,
Тарақ пашту Май-энем!

Длинной ночью сон дай,
Коротким днем покой дай!
Близко к груди ребенка клади,
В узкий подол собери!
Под правую мышку клади,
Правой грудью корми,
Под левую мышку клади,
Левой грудью корми!
Крылатого не допускай,
Имеющего когти не подпускай!
Когда молю – услышь,
Когда прошу – пойми!
Губами прошу,
Подолом прикрываюсь –
Приветливым глазом посматривай,
С кротостью в лице оглядывайся!
Правым глазом посмотри,
Правое благословение дай!
Гребнеголовая Май-мать моя!

Йалынғаным уғуп тур,
Йалбарғаным сесип тур!
Кӧзи йаман кӧргӱспе,
Кӱни йаман тандатпа!

Пектегенде пешигим,

Пектегенде, Май-энем!

Оң йардынаң ойноп тур,
Сол йардынаң сурлап тур,
Йамғырлудаң йаар турзаң,
Мӧңдӱрлӱдең пӧл турзаң!
Кӧзи йаман кӧргӱспе,
Кӱни йаман тандатпа!

Айна ползо, айқыртыр!
Йекти ползо, йеккертир!
Қанаттуды учырбай,
Қайғақтуды талбытпа!

Тарақ пашту Май-энем!

Адар таңа амыр перип,
Қысқа тӱшке энчӱ пер!

Кӧзи йаман кӧргӱспе,
Кӱни йаман тандатпа!

Айна ползо, айқыртыр!
Йекти ползо, йекқыртур!

Услышь мольбу мою,
Прими просьбу мою!
Плохому глазу не показывай,
Желающему плохого не дай сглазить!
Когда укрепишь мою колыбель,
Когда укрепишь, Май-мать моя!
На правом плече играй,
На левом плече забавляйся,
От дождя отделяй,
От града отделяй!
Плохому глазу не показывай,
Желающему плохого не дай сглазить!
Если айна – отгони!
Если йек – оборонись!
Крылатого не допускай,
Имеющего когти не подпускай!
Гребнеголовая Май-мать моя!
На всю ночь покой давая,
Коротким днем спокойствие дай!
Плохому глазу не показывай,
Желающему плохого не дай сглазить!
Если айна – отгони!
Если йек – оборонись!

Чымыр
Заговор в обряде изгнания злого духа

Записано мной 26 июля 1988 г. в д. Телеуты от Пелагеи Павловны Поросёнковой. Подробно этот экзорцистский обряд и различные варианты сопровождающих его текстов заговоров рассмотрены мной в целом ряде работ (*Функ* 1995а, 2005: 75–93, *Funk* 1996). Перевод сделан мной.

П.П. Поросёнкова наговорила по моей просьбе на диктофон тот текст, который она обычно использовала, когда ее приглашали для совершения обряда *Чымыр*. По объяснениям Пелагеи Павловны, сначала она пыталась узнать, какой или – точнее – кто из злых духов (*ӱзӱт*[1]) проник в больного и каким путем шел этот *ӱзӱт*. Затем требовалось угадать или обманным путем вызнать у *ӱзӱта* его имя, чтобы получить над ним полную власть. Лишь после этого можно было приступать к заключительному этапу обряда – изгнанию злой сущности в «землю узютов». Финальная часть текста произносится в убыстренном темпе и на более высоких тонах. Разумеется, у столь упрощенного, лежащего на поверхности культурологического объяснения есть глубинный подтекст: в реальных ситуациях *чымырчы*[2] – оказывая, вероятно, психотерапевтическое воздействие – действительно мог помогать больному.

Чымыр, чымыр, чымыр!

Қанду ӱзӱт, қара йек[3]?	(Болезнь от) злого узюта или от черного йека?
Јолой ала йолоқтуң ба?	По дорогам ли ходил?
Удра ползо, учрадың ба?	Навстречу ли ходил?
Қуйун полуп қуйбур јӱрдиң ба?	Как вихрь вертелся ли?
Јел полып јелбир келдиң ба?	Как ветер дул ли?
Ат алдынаң чааптың ба?	Впереди коня прибегал ли?
Арт кийининең қуудуң ба?	Сзади ли догонял?

Чымыр, чымыр!

[1] *Ӱзӱт* – злой дух, «покойник»; «одна из посмертных сущностей человека».
[2] Ритуальный специалист, проводящий обряд Чымыр.
[3] См.: с. 58, примеч. 2.

Өзөк айақ өрўлдўң ба? Под ногами путался ли?
Өпкө јўрек қабылдың ба? К легким и сердцу прилипал ли?

Чымыр, чымыр, чымыр!

Аштаң ала аштадың ба? Из еды что-то есть хотел ли?
Суудаң ала суусап келдиң ба? Из воды что-то пить пришел ли?

Чымыр, чымыр!

Аштаң ала аштап келген ползо – Если из еды что-то есть пришел –
Кўрек пажы кўлдў аш – На конце лопатки хлеб в золе, –
Кўле туда мына кап! Улыбаясь, хватай!
Аштаң ала аштап келзең, Если пришел еду есть,
Айлў йердең очқонына Из подлунной земли покой(?)
Ала туда мынаң кап – Хватай здесь –
Айлў сууды пöл(ö) алзын! Лунную воду пусть разделит!
Суудаң ползо, суусап келдиң – Если из воды что-то пить пришел –
Кўрек пажы кўлдў аш – На конце лопатки хлеб в золе, –

Чымыр, чымыр!

Кўле туда мына кап! Улыбаясь, хватай!
Тоң көксўнди пöл(ö) алзын! Крепкую грудь[1] пусть разделит!
Қуйун полып қуйбур јўрдиң ба? Как вихрь вертелся ли?
Йел полып јелбир келдиң ба? Как ветер вея, пришел ли?
Ат алдынаң чааптың ба? Впереди коня прибегал ли?
Арт кийининең қууп келдиң ба? Сзади ли догоняя, пришел?

[1] Иносказательное обозначение человека в ритуальных текстах.

Чымыр, чымыр!

Қайа ползо, көрбөй пар!	Не оглядываясь, иди!
Қалча ползо, пақпай пар!	Не стреляй глазами, не оборачиваясь, иди!
Айна ползо, айкырарым!	Если айна – я прогоню!
Йекти ползо, йеккererим[1]!	Если йек – я изгоню!
Идим ползо, қабаған!	Моя собака – кусачая!
Ўйўм ползо, сўсеген!	Моя корова – бодливая!
Келген јолың йанылба!	Дорогу, откуда пришел, не спутай!
Кечкен сууң темденбе!	Реку, через которую переправился, не спутай!
Кескен ползың јериңе	Иди в ту землю, где было вырублено

Чымыр, чымыр!

Кемдегенде ағажыңа!	Вымеренное (по тебе) дерево!
Қайа ползо, көргўспессим,	Если оглянешься, не покажу,
Қалча ползо, пақтырбассым!	Если глазами поведешь, не обернусь!
Аштаң ала аш татпассым!	Из еды (выбирая) кормить буду[2]!
Айлў јерди ачқынына!	На подлунной земле покой наступил!
Ала туда мынаң қап –	Хватай здесь –
Ай көксўнди пöл(ö) алзын!	Лунную грудь пусть разделит!
Суудаң ала суусап келген ползың	Из воды что-то если пить хотел,
Күндў јердең күзелў[3] аш	Из солнечной земли печеный хлеб,
Күле туда мынаң кап!	Улыбаясь, хватай!

[1] В алтайском отмечена словоформа *дьеек көр-* – «смотреть с отвращением, с ненавистью», «ненавидеть» (ОРС 1947: 51).

[2] Букв. «голодать не дам».

[1] Ср.: тел. *күзерге* – «ворошить угли, золу», челк. *көзе* – «кочерга».

Чымыр, чымыр!

Тоң көксүнди пöл(ö) алзын!	Крепкую грудь пусть разделит!
Ал тайқады аш келдиң ба?	Через высокую ли гору перевалил?
Ағын сууды кечип келдиң ба?	Текущую ли воду перейдя, пришел?
Қуйун полып қуйбур келдиң ба?	Как вихрь вертясь, пришел ли?
Йел полып јелбир келдиң ба?	Как ветер вея, пришел ли?

Чымыр, чымыр!

Қайа ползо, көргүспессим!	Если оглянешься, не покажу!
Қалча ползо, пақтырбассым!	Если глазами поведешь, не обернусь!
Айна ползо, айқыратам!	Если айна, я буду прогонять!
Йекти ползо, йеккеретим!	Если йек, я буду изгонять!
Уузым ползо, йелдӱ!	Во рту моем – ветер[1]!

[1] Вполне возможно, что здесь идет речь об обладании заклинателем некой сакральной силой ветра (*йел* – «ветер»). Подробный этнологический анализ представлений саяно-алтайских тюрков о силе *jel*/*jelbik*/*jelbi* etc. был проведен Л.П. Потаповым в работе «Алтайский шаманизм» (*Потапов* 1991: 67–69, 76–82 и др.). Аналогичный комментарий предлагался и мной в более ранних работах (см., напр.: *Функ* 1997: 225, примеч. 32). Лишь недавно я обратил внимание на наличие идентичной формулы в телеутской исторической песне «Пий Таш», опубликованной в 1866 г. В.В. Радловым. Мать, пытаясь отговорить своих сыновей от поездки на войну, рассказывает им о своем сне и (как об одной из дурных примет) упоминает о волке, рыскающем возле двери дома. Волк назван в телеутском оригинале *уузу јäлдӱ ал пӧрӱ* (*Радлов* 1866: 215), что сам же собиратель перевел на немецкий как «ein mächtiger Wolf mit schnaubendem Maule» (*Radloff* 1866: 236), т.е. «огромный волк с оскаленной пастью». В случае с, например, конем, перевод на русский оказался бы более адекватным, если бы приняли во внимание, что конь может фыркать, т.е. с шумом выдыхать воздух. В этом случае мы выходили бы напрямую на телеутское *йел* («ветер») оригинала. Учитывая этот контекст словоупотребления, можно в словосочетании *уузым… йелдӱ* не только предполагать ссылку на сакральную силу, но и видеть попытку заклинателя показать себя «во гневе», мощным физически (как конь или волк, например), чтобы максимально устрашить духа.

Чымыр, чымыр!

Алақаным ату!	Моя ладонь – «ату»(?)[1]!
Қайа ползо, көргўспеем!	Если оглядывался, я не показывал!
Қалча ползо, пақтырбаам!	Если глазами поводил, я не оборачивался!
Чымыр, чымыр!	
Келген јолың йанылба!	Дорогу, откуда пришел, не спутай!
Кечкен сууң кемденбе!	Реку, через которую переправился, не спутай!
Кескен ползо, јериңе	Иди в ту землю, где было вырублено
Кемдегенде ағажыңа!	Вымеренное (по тебе) дерево!
Қара јериң қасынған,	(Иди туда, где) твоя черная земля была вскопана,
Қату ағажың чамынған!	(Где) твое твердое дерево было обтесано!
Идим ползо, қабаған!	Моя собака – кусачая!
Чымыр, чымыр!	
Ўйўм ползо, сўсеген!	Моя корова – бодливая!
Айна ползо, айқыратам!	Если айна, я буду прогонять!
Йекти ползо, йеккеретим!	Если йек, я буду изгонять!
Қайа көрбөй қалча пақпай пар!	Не оглядываясь, не оборачиваясь, иди!
Қуйун полып қуйбур келдиң ба?	Как вихрь вертясь, пришел ли?
Йел полып јелбир келдиң ба?	Как ветер вея, пришел ли?
Ал тайқады аш келдиң ба?	Через неприступную ли гору перевалил?

[1] Возможно, это невнятно произнесенное *отту* – «с огнем», «имеющий огонь».

Ағын сууды кечип келдиң ба?	Текущую ли воду перейдя, пришел?
Чымыр, чымыр!	
Өзөк айақ қабылдың ба?	К подошвам прилипал ли?
Өпкө jўрек өрўлдўң ба?	К легким и сердцу припутался ли?
Айна эдип айқырарым!	Подумаю, что айна – прогоню!
Йек эдип йеккererим!	Подумаю, что йек – изгоню!
Қайа ползо, пақпай пар!	Не оглядываясь, не оборачиваясь, иди!
Қалча ползо, көрбөй пар!	Кося глазами, не смотри (а) иди!
Келген jолың йанылба!	Дорогу, откуда пришел, не спутай!
Кечкен сууң кемденбе!	Реку, через которую переправился, не спутай!
Айна ползо, айқыратам!	Если айна, я буду прогонять!
Jекти ползо, jеккeretим!	Если йек, я буду изгонять!
Алақаным ату,	Моя ладонь – «ату»(?),
Уузым ползо, йелдў!	Во рту моем – ветер!
Айна ползо, айқыратам!	Если айна, я буду прогонять!
Jекти ползо, jеккeretим!	Если йек, я буду изгонять!
Қайа ползо, көргўспеем!	Если оглядывался, я не показывал!
Қалча ползо, пақтырбаам!	Если глазами поводил, я не оборачивался!

Телеутка с трубкой. Улус-Черга (совр. Республика Алтай), 1927 г.
Фото А.Г. Данилина и Л.Э. Каруновской. Из собрания МАЭ РАН, № 4120-60.

ҚАРҒЫШТАР
ПРОКЛЯТИЯ

* * *

Записано мной 17 августа 1991 г. в д. Челухоево от Василия Николаевича Челухоева.
Перевод на русский язык мой.

Қарагӧш азраған!	Выкормыш Карагёша!
Қаарған азраған!	Выкормыш Кааргана[1]!
Қарагӧш сақтаған!	Карагёш побери!
Қаарған сақтаған!	Каарган побери!
Қарагӧш пажыңды кескен!	Пусть Карагёш отрубит твою голову!
Қаарған пажыңды кескен!	Пусть Каарган отрубит твою голову!

Женские ругательства

Қарагӧш йатқыңды талаған!	Карагёш чести тебя лишил!
Қаарған йаткыңды талаған!	Каарган чести тебя лишил!
Қарагӧш йатқыңды йар!	Пусть Карагёш чести тебя лишит!
Қаарған йақыңды йар!	Пусть Каарган чести тебя лишит!

[1] Қарагӧш (Қара-Кӧш) и Қаарған (Қара-Қаан) – имена мифологических персонажей, ассоциируемых с подземным/потусторонним миром.

Карагöш чадыңа кирген!	Карагёш побывал у тебя в чреслах!
Қаарған чадыңа кирген!	Кааргaн побывал у тебя в чреслах!
Қарагöш йатқыңды йарған!	Карагёш чести тебя лишил!
Қаарған йатқыңды йарған!	Кааргaн чести тебя лишил!
Қарагöш йатқыңа кир!	Пусть Карагёш в чресла твои войдет!
Қаарған йатқыңа кир!	Пусть Кааргaн в чресла твои войдет!

* * *

Записано мной 16 августа 1991 г. в д. Верховская от Анны Ахметовны Сыркашевой.

Перевод на русский язык мой.

– Қара јерге кирген!	– Чтоб ты умер![1]
– Пойың қара јерге кир!	– Сам ты в черную землю уйди!
Қара қарғыжың қара пойуңа ползын!	Пусть твое черное проклятие на самого тебя обратится!

[1] Букв. «Уйди в черную землю!»

ТАБЫШҚАҚ/ТАБЫСҚАҚ/ ТАПҚЫР СӦС ЗАГАДКИ

Представления о мире тюрков Саяно-Алтая, несмотря на все возрастающее число работ, посвященных анализу этого феномена, все еще во многом остаются малоисследованными. Загадки как особая разновидность фольклорного материала вполне могут быть использованы в качестве одного из возможных ключей к пониманию специфики этих представлений. Так, в работе «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири» коллективом авторов была предпринята попытка обосновать существование связи «дом–человек» (*Львова и др.* 1988: 167–168) – на мой взгляд, дополнительный материал для ее аргументирования и конкретизации дают телеутские загадки. Образ дома напрямую связывается с образом девушки в загадке «За домом – священная береза» (*ӱй кийинде пай чаал*) (Архив МАЭ. Ф. 3. Оп. 1. № 39. Л. 20), поскольку отгадка – *пууш* – означает «девичье накосное украшение».

Любопытны в телеутских загадках и другие образы. Часть из них навеяна бытом скотоводов («Белым потником побелил, черный потник лежать под ним остался»/«Снег»; «Громыхая, кочует – карий иноходец свободно идет»/«Ледоход» [Там же. Л. 21, 25]), часть – реалиями крестьянского быта («Черный гусь прогоготал, птенцы его собрались»/«Церковный колокол» [Там же. Л. 25]), быта таежных охотников и собирателей («Если открыл – беленькое, если съел – сладенькое»/«Кедровый орех»; «Если на камень попадет, не испортится, если на лед попадет, не будет

скользить»/«Лыжи» [Там же. Л. 23]). Интересен специальный термин для обозначения медведя-однолетки, встречающийся в загадках, – *төнөбөгөн айу* («Из базара почетный медведь однолетний высокий медведь»/«Свеча» [Там же. Л. 31], существование этого термина у бывших кочевников можно объяснить, видимо, участием в формировании культуры современных бачатских телеутов тюркоязычных групп юга Кузнецкой котловины, в хозяйственной жизни которых охота занимала важное место.

Есть загадки, отвечающие и на вопрос о времени появления у телеутов огнестрельного оружия. В качестве его «поставщика» называется Конгудай – отец богатыря Шуну (Там же. Л. 21), следовательно, речь идет о XVII в. – времени противостояния на юге Западной Сибири русских казачьих отрядов, телеутов и западных монголов.

Материал к размышлению дает и загадка о журавле и лебеде, в которой для передачи особенностей крика этих птиц использованы слова өөлөт и қырғыс (Там же. Л. 22). Но что это – простое звукоподражание или же здесь зашифрована некая связь с этнонимами западных монголов и енисейских кыргызов?

Многие телеутские загадки совпадают с загадками других народов Саяно-Алтая: шорцев, челканцев, кумандинцев, тубаларов, южных алтайцев, хакасов, тувинцев, что позволяет наметить некоторые неизвестные ранее схожие черты в их мировоззрении. Безусловно, это тема для самостоятельного исследования.

Основу приводимой ниже подборки из 62 загадок составляют записи из архива Н.П. Дыренковой (Архив МАЭ. Ф. 3. Оп. 1. № 39. Л. 20–29), сопровождающиеся или дополняемые в ряде случаев записями, которые удалось сделать мне (большая их часть от Пелагеи Павловны Поросёнковой из д. Телеуты датирована 8 ноября 1988 г.). Тексты на латинице даны в соответствии с оригиналом; транслитерация кириллицей (с максимальным приближением к современной орфографии) и перевод на русский язык сделаны мной.

Mūsqa pūdai čačyl galtyr.
(*jyldystar*)

Мусқа пуудай чачыл қалтыр.
(*Јылдыстар*)

На лед пшеница просыпалась.
(*Звезды*)

Qyzyl tondū ämägän qyr ažæra
qyĭγyra qyiγyra čap jat.
(*ört*)

Қызыл тонду эмеген қыр ажыра
қыйғыра-қыйғыра чап јат.
(*Өрт*)

Старуха в красной шубе через гору
с криком (крича-крича) несется.
(*Пал; пожар*)

***

Pyltyr parγan sary aĭγyrym
by jyl kištäp oĭto käldi.
(*tälään*)

Пылтыр парған сары айғырым
пыјыл киштеп ойто келди.
(*Телен*)

В прошлом году ушедший рыжий мой жеребец,
в этом году, заржав, вернулся.
(*Телен – легкая верхняя одежда*)

***

Usun armaqčym türüp moqodym.
(*jol*)

Узун армақчым түрүп моқодым.
(*Јол*)

Длинный аркан свой собирая, устал.
(*Дорога*)

***

Polot maltalū.
(*tomurtqa*)

Полот малталу.
(*Томуртқа*)

Имеющий стальной топор.
(*Дятел*)

***

Jart qajady jara čaptym,
jalaŋaš pala čyqty.
(*sööktiŋ jiligi*)

Јарт қайады јара чаптым,
јылаңаш пала чықты.
(*Сөөктиң јилиги*)

Ясную скалу я расколол,
голый ребенок вышел.
(Костный мозг)

***

Aүy qardiĭ, qaraүy qöstiĭ,
tumčuүu mūstiĭ, pazyүy qystiĭ.
(*sanysqan*)

Ағы қардый, қарағы[1] көстий,
тумчуғу мустый, пазығы қыстый.
(*Саңысқан*)

Бела, как снег, черна, как уголь,
с клювом, как лед, с походкой, как у девицы.
(*Сорока*)[2]

***

Ǔi kijindä paĭ čāl.
(*ruuš*)

Ӯй кийинде пай чаал.
(*Пууш*)

За домом священная (богатая) береза.
(*Пууш – девичья накосная подвеска*)

[1] Скорее всего, у Н.П. Дыренковой неточность, и здесь должно быть не *қарағы* – «ее глаза», а *қаразы* – «ее чернота».

[2] Эта же загадка о сороке записывалась исследователями и позже (см. в частности: *Фисакова* 1976: 99).

***

Qaŋdyr quŋdur köčip parjat,
qara jorγo poš parjat.
(*kömöl köčüp parjat*)

Қаңдыр-қуңдур көчип пар јат,
қара јорғо пош пар јат.
(*Көмөөл көчүп пар јат*)

Громыхая (со звуком «кангдыр-кунгдур»),
кочует – карий иноходец свободно идет.
(*Ледоход*)

Накосное украшение *пууш*. Неизвестная девушка-телеутка в улусе Крутом.
Фото А.Г. Данилина и Л.Э. Каруновской, 1929 г.
Из собрания МАЭ РАН, №4125-7.

***

Qyzyl tondū äjäkäm
qyr ažyra ažyp otur,
jažyl tondu äjäkäm
jalaŋγa čyγyp otur.
(*ört küǐjät*)

Қызыл тонду эйекем
қыр ажыра ажып отур,
јажыл тонду эйекем
јалаңға чығып отур.
(*Өрт күй јет*)

В красной шубе старшая сестра
через хребет переваливает,
в зеленой шубе старшая сестра
в степь выходит.
(Выжигание палом старой травы)

***

Muŋ gojym sala bärdi,
qučazy tura galdy.
(*jyldystar, taŋ kiǐnindä aǐ*)

Муң қойым сала перди,
қучазы тура қалды.
(*Јылдыстар, таң кийнинде ай*)

Тысяча моих овец легли,
а баран стоять остался.
(*Звезды, месяц на заре*)

***

Altyn taγaja pörük kijib alyp,
aǐ ganγa küjüü tüštim.
(*Aǐ čolmony*)

Kümüš taγaja pörük kijib alyp,
kün gānγa kujü tüštim.
(*kün čolmony*)

Алтын тағайа пӧрӱк кийип алып,
ай қанға кӱйӱ тӱштим,
Кӱмӱш тағайа пӧрӱк кийип алып,
кӱн қанға кӱйӱ тӱштим.
(*Ай чолмоны, кӱн чолмоны*)

Золотую шапку-тагая надев,
лунному хану зятем я стал,
Серебряную шапку-тагая надев,
солнечному хану зятем я стал.
(*Вечерняя и утренняя звезда*)

***

Kөŋdөĭdiŋ ičindä kök pörü jat jat.
(*myltyqtyŋ oγy*)

Қоңдөйдиң ичинде кök пӧрӱ јат јат.
(*Мылтықтың огы*)

В Конгудае синий волк лежит.
(*Ружейная пуля*)

***

Koŋdoĭdiŋ ičinä syrlū čyčqan kirä bärdi.
(*myltyqqa oq salγany*)

Қоңдойдың ичине сырлу чычқан кире перди.
(*Мылтыққа оқ салганы*)

В Конгудая крашеная мышь вошла.
(*Заряжаемая в ружье пуля*)

***

Odus pos'attyŋ ortozynda
oĭloq järän at tur jat.
(*tištärdiŋ ortozynda til*)

Одус пос аттың ортозында
ойлоқ јерен ат тур јат.
(*Тиштердиң ортозында тил*)

Среди тридцати сивых коней
резвый игреневый конь стоит.
(*Язык между зубами*)

***

Sdobnoĭ qalaš stoldo polboγon
tügäzä kižilär jigän.
(*kižiniŋ ämčäk*)

Сдобной қалаш столдо полбоғон,
тӱгезе кижилер јиген.
(*Кижиниң эмчек*)

Сдобный хлеб на столе не лежал,
(а его) все люди ели.
(*Женская грудь*)

***

Joldo jūlū topqoq jat.
(*borsuq*)

Јолдо јуулу топқоқ јат.
(*Порсық*)

На дороге жирная колотушка лежит.
(*Барсук*)

***

Özöktö öölöt qyĭγyrat,
qyrda qyrγys qyĭγyrat.
(*turna, qū*)

Өзөктө өөлөт қыйғырат,
қырда қырғыс қыйғырат.
(*Турна, қуу*)

На реке «өөлөт» кричит,
на горе «кыргыс» кричит.
(*Журавль, лебедь*)

***

Paltazy jok, qoly jok
pojuna uja jazap jat.
(*qarγa*)

Палтазы јоқ, қолы јоқ,
пойуна уйа јазап јат.
(*Қарға*)

Без топора, без рук,
сама гнездо мастерит.
(*Ворона*)

***

Su (mus) aldynda, pŭlü il jat.
(*qamdu*)

Су (мус) алдында пўлў ил јат.
(*Қамду*)

Под водой (льдом) оселок висит.
(*Выдра*)

***

Aĭry aγašqa qar jyqpas.
(*uĭdyŋ mūzi*)

Айры ағашқа қар јықпас.
(*Уйдың мўўзи*)

На кривое дерево снег не валит.
(*Коровьи рога*)

***

Qanattu učpai jat
ujada jür jat.
(*taraqan*)

Қанатту учпай јат,
уйада јўр јат.
(*Тарақан*)

С крыльями (а) не летает,
в гнезде живет.
(*Таракан*)

***

Sunduγum iči sum altyn.
(*taraqan*)
Сундуғум ичи сум алтын.
(*Тарақан*)
В сундуке моем чистое золото.
(*Таракан*)

***

Ürbäkaĭgä qan urup talγa pūladym.
(*kalinä*)
Ӱрбекейге қан уруп талға пууладым.
(*Калинэ*)
В урбекей[1] кровь налив, к иве я привязал.
(*Калина*)

В моей записи 1988 г. эта загадка выглядит так:

Урбечекке кан урдум,
ӱрӱп талға пууладым.
(*Калинэ*)
В маленький урбе я кровь налил,
(и) к иве привязал.
(*Калина*)

***

Ačyb iĭgändä appaγaš,
alyp jigändä tatūčaq.
(*aγaš quzuγu*)
Ачып ийгенде, апағаш,
алып jигенде, татучақ.
(*Ағаш қузуғу*)
Открыл – беленькое,
съел – сладенькое.
(*Кедровый орех*)

[1] *Урбекей/урбе* – предположительно разновидность кожаного сосуда.

***

Tašqa tiĭzä taĭqylbas,
mūsqa tiĭzä, puzulbas[1].
(*čana*)

Ташқа тийзе, пузулбас,
мусқа тийзе, тайқылбас.
(*Чана*)

Если на камень попадет, не сломается,
если на лед попадет, не будет скользить.
(*Лыжи*)

Вариант загадки о лыжах, записанный Г.Г. Фисаковой 28 мая 1975 г. от Варвары Степановны Хлопотиной (*Фисакова* 1976а: 131):

Тууға чықса, турбас адым
Талқан перзе, јибес адым.

Если на гору взойдет, стоять не будет мой конь,
Если муки дать, есть не будет мой конь.

***

Äki garyndaš suγa jüzärgä pærāt.
(*äki könök*)

Эки қарындаш сууға јўзерге праат.
(*Эки көнөк*)

Два брата в реку плавать идут.
(*Два ведра*)

***

Napolqo salyp polbos,
ičpičkä ilip polbos.
(*jymyrqa*)

[1] В тексте у Н.П. Дыренковой описка. Слова *тайқылбас* и *пузулбас* следует поменять местами.

Наполко салып полбос,
ичпичке илип полбос.
(*Јымырқа*)

На полку не положить,
на вешалку не повесить.
(Яйцо)

***

Ärtängi parγan äjäkäm
ädägin junip käčkidä käldi.
(*uĭduŋ jäldi*)

Эртенги парған эйекем
эдегин јунып кечкиде келди.
(*Уйдуң јелди*)

Утром ушедшая сестра моя
с полным подолом вечером пришла.
(*Коровье вымя*)

***

Üi üssündä jaryntyq ötpök.
(*aĭ*)

Ӱй ӱстинде јарынтық ӧтпӧк.
(*Ай*)

Над домом – половина (ржаной) ковриги.
(*Месяц*)

***

Äki čočqo urušjat,
ak köbügü ažyl jat.
(*sū tärmän*)

Эки чочқо уруш јат,
ақ көбүгү ажыл јат.
(*Суу термен*)

Две свиньи дерутся,
белая пена льется через край.
(*Водяная мельница*)

***

Kunuŋ zajyn ärtän käčkädä pas qoĭjat.
(*palta*)

Күннүң сайын эртен кечкиде пас қой јат.
(*Палта*)

Каждый день с утра до вечера (быстро) ходит.
(*Топор*)

***

Aq kičim aγa bärdi,
qara kičim jat qaldy.
(*qar*)

Ақ кичим аға перди,
қара кичим јат қалды.
(*Қар*)

Белый мой потник выбелил,
черный мой потник лежать (под ним) остался.
(*Снег*)

***

Qara gas qāqtap iĭdi,
paldary jūl gäldi.
(*šaŋ*)

Қара қас қақтап ийди,
палдары јуул келди.
(*Шаң*)

Черный гусь прогоготал,
птенцы (его) собрались.
(*Колокол*)

***

В моих записях 1988 г. от Пелагеи Павловны Поросёнковой также есть эта загадка:

Қара қас қақта пееди,
Палдары јуул келди.
(*Шаң*)

Черный гусь загоготал,
Гусята собрались.
(*Колокол*)

***

Ajaγy joq ämägän
päčkädäŋ tüžälbäĭt.
(*kubašnja*)
Айағы joқ эмеген
печкедең түжелбейт.
(*Кубашня*)
Старуха без ног
с печи не спускается.
(*Квашня*)

***

Közi joq ämägän
köznöktöŋ körölbäät.
(*köznöktiŋ täžigi*)
Көзи joқ эмеген
көзнөктөң көрөлбейт.
(*Көзнөктиң тежиги*)
Слепая старуха
из окна выглядывает.
(*Оконный проем*)

***

Qara gas uča bäädi,
ujazy jat qaldy.
(*qazandy qāb iĭdi, očoqtory jat qaldy*)
Қара қас уча пееди,
уйазы јат қалды.
(*Қазанды қап ийди, очоқторы јат қалды*)
Черный гусь улетел,
гнездо его осталось.
(*Казан взял – очаг остался*)

***

Tūdaŋ taqpaĭ jyl tüš qylāt.
(*taraq*)

Туудаң тақпай јыл түш қылаат.
(*Тарақ*)

С горы щепка катится.
(*Деревянный гребень*)

***

Tömörtin kälgän tört saldat,
törtīläzi täŋ saldat.
(*üĭdiŋ tört toluγu*)

Төмөртин келген төрт салдат,
төртилези тең салдат.
(*Ўйдиң төрт толуғу*)

Снизу пришедшие четыре солдата,
все четверо – настоящие солдаты.
(*Четыре угла дома*)

***

Äki tas pitäš jat.
(*äki taqtyŋ bažy*)

Эки тас пийтеш јат.
(*Эки тақтың пажы*)

Два плешивца (друг у друга) вшей ищут.
(*Концы двух лавок, которые поставлены одна за другой и трутся друг о друга*)

***

Täŋärädäŋ tüškändiĭ,
temir bylaŋ qarγandiĭ.
(*aš sōq jät*)

Теңередең түшкендий,
темир былаң қарғандый.
(*Аш соқ јет*)

Словно с неба спускается,
словно железом скребет.
(*Зерно толкут*)

***

Äki gys pir gur qurčan jät.
(*äki gazyq*)
Эки қыс пир қур қурчан јет.
(*Эки қазық*)
Две девицы одним поясом подпоясаны.
(*Два кола [в изгороди]*)

***

Ala goĭ jada sämir jät.
(*kül*)
Ала қой јада семир јет.
(*Күл*)
Пестрая овца, лежа, разжирела.
(*Зола*)

***

Joldoŋ čyqpas,
jolγo kirbäs.
(*joldyŋ kromkazy*)
Јолдоң чықпас,
јолго кирбес.
(*Јолдың кромказы*)
С дороги не выходит,
на дорогу не заходит.
(*Обочина дороги*)

***

Qyrda qyryq quš čōqyp jat.
(*qyra tarynyp jat*)
Қырда қырық қуш чоқып јат.
(*Қыра тарынып јат*)
На пашне сорок птиц клюют.
(*Пашню боронят*)

***

Tört kĭši pir pörük kiĭ jät.
(*stol*)

Төрт кижи пир пӧрӱк кий јет.
(*Стол*)

(На) четырех людях одна шапка надета.
(*Стол*)

Вариант этой загадки в моей записи 1988 г. выглядит так:

Төрт солдат пир шляп кийген.
(Стол)

Четыре солдата одну шапку надели.
(Стол)

Aq qoĭ jüre jüre sämir jät.
(iik)

***

Ақ қой јӱре-јӱре семир јет.
(*Ийик*)

Белая овца (туда-сюда) бродя, разжирела.
(*Веретено*)

***

Jüs at sūγa tüštü,
jüräldäĭ abyšqa ääži tüštü.
(*pälmän qalbuš*)

Јӱс ат сууға тӱштӱ,
Јӱрелдей абышқа ээже[1] тӱштӱ.
(*Пелмен қалбуш*)

Сто коней в воду упали,
старик Тюрельдей за ними погнался.
(*Шумовка для пельменей*)

[1] В записи Н.П. Дыренковой описка. Данная форма образована от глагола *ээш-* – «гнаться за кем-либо», т.е. в данном случае следует использовать слово *ээже*.

***

Ary jāny qamyš,
bari jāny körөŋ.
(*malnyŋ jāly, quĭruγu*)
Ары јаны қамыш,
пери јаны көрөң.
(*Малның јалы, қуйруғу*)
С той стороны – камыш,
с этой стороны – осока.
(*Грива и хвост коня*)

***

Täŋärää jäträ tämir saplot soqtym.
(*tüdün*)
Теңерее јетире темир саплот соқтым.
(*Түдүн*)
(Высотой) до неба железную ограду я выковал.
(*Дым*)

***

Ičip, jip üngä kirdim.
(pčaq)
Ичип, јип, үнге кирдим.
(*Пычақ*)
Попив, поев, я в нору зашел.
(*Нож [в ножны]*)

***

Ään järgä qazan qaĭnap jat.
(*küzürümniŋ ujasy*)
Ээн јерге[1] қазан қайнап јат.
(*Күзүрүмниң уйазы*)
В пустынной земле котел кипит.
(*Муравейник*)

[1] Скорее всего, в оригинале была допущена описка. Следует использовать *јерде*.

***

Pir atqa jüs kiži min jät.
(*matysy*)
Пир атқа jўс кижи мин jет.
(*Матысы*)
На одном коне сто человек едут.
(*Матица*)

***

Änäzi jōn, äri čičkä, palazy qysqa.
(*päčkä, tüdün, jalyn*)
Энези joон, эри чичке, палазы қысқа.
(*Печке, тўдўн, jалын*)
Мать толстая, губы тонкие, ребенок маленький.
(*Печка, дым, пламя*)

***

Jary pïïk, sū tajys, palyγynyŋ zöögi joq.
(*alaǐ*)
Jары пийик, суу тайыс, палығының сööги joқ.
(*Алajы*)
Берег высокий, река мелкая, у рыб костей нет.
(*Блины в тазу с маслом*)

***

Jarda jarγanat japšyn galdy.
(*syrγa*)
Jарда jарғанат jапшын қалды.
(*Сырға*)
К яру летучая мышь прилипла.
(*Серьги*)

Загадкой про серьги заканчивается чистовик рукописи, хранящейся в архиве Н.П. Дыренковой (Архив МАЭ. Ф. 3. Оп. 1. № 39). К чистовику приложены: одна страница рукописи самой Надежды Петровны с приблизительным переводом десяти первых загадок, отдельных слов и т.п. (Л. 30–30об); 11 страниц с рукописями

неизвестных корреспондентов Н.П. Дыренковой, в которых, кроме большей части загадок, вошедших в чистовик (в нем 83 загадки), содержится и 17 загадок, не вошедших в него. Работа над приложениями, как и над чистовиком, не была закончена – многие слова сопровождаются знаками вопроса (Л. 31, 31об, 32, 32об, 33, 34, 35, 36об, 40, 40об, 41). Некоторые из последних 17 загадок тоже представляют значительный интерес, поскольку в них зафиксированы яркие или необычные образы и устаревшая лексика. Ниже приводятся пять не вошедших в чистовик загадок с сохранением особенностей орфографии оригинала:

Чыγа калбаң, кіре калбаң.
(*эжік*) (*дверь*)
Ни выходит, ни заходит.
(Выходя, остается, входя, остается)

***

Базардаң чыкан баї–ажу
Төнөбөгөн төн ажу.
Из базара почетный медведь
однолетний высокий медведь.
(*свеча*)

***

Төрт салдат пір ороо сиітет.
(*уї сааптят*)
Четыре солдата в одно ведро мочатся.
(*корову доят*)

В моей записи 1988 г. эта загадка выглядела так:

Төрт солдат пир чапчаққа сийип јалар.
(Ўйдиң јелди)
Четыре солдата в одно ведро мочатся.
(Коровье вымя)

***

Қырда кунчаγаш јўгўртет.
(*кыра сўртет*) (*пашет соха*)

На горе жеребенок скачет.

Учўм, ўчўм ўч кајак;
ўчў бажын кемтабар?
Алтын башту кўїкенек;
Јымырказын кем табар?
(*јылдың барган кельгені – перемена года*)

Для сравнения приведу вариант последней загадки с отгадкой, который есть в моей записи 1988 г. от Пелагеи Павловны Поросёнковой:

Узун, узун ўч қайақ,
Учу пажын таптырбас.
Алтын пашту кўйкенек –
Јымыртқазын таптырбас.
(*Кўн*)

Три длинных-длинных палки,
Конца-края не найти.
Золотоглавый ястреб (жаворонок?) –
Его яйцо не найти.
(*Солнце*)

Несмотря на наличие двух вариантов этой загадки, как текст, так и отгадки остаются пока не вполне ясными.

* * *

Число записанных в разное время (и отчасти опубликованных) телеутских загадок существенно больше. Среди них есть, в частности, некоторые загадки, отсутствующие в архиве Н.П. Дыренковой:

Сайда сары ат пажын кекип јат.
(*Көчӧ соқоны*)

На берегу реки[1] желтый конь кивает головой.
(*Пестик*)

(Записано в 1975 г. Г.Г. Фисаковой от В.С. Хлопотиной)
(*Фисакова* 1976а: 131)

* * *

Қара пашту қарғалар
Қайын пажында отур јалар.
(Пулуттар)

Черноголовые вороны
На вершине березы сидят.
(Тучи)

(Записано в 1988 г. мной от П.П. Поросёнковой)

[1] Букв. «на гальке».

ЎЛГЕР СӦСТӦР
ПОГОВОРКИ И ПОСЛОВИЦЫ

Открывается эта подборка телеутскими пословицами и поговорками, опубликованными 175 лет назад П.А. Словцовым (*Словцов* 1844: 8):

Камень сам не может вверх лететь, и человек не может сам стремиться к Богу.

Долгий путь сократи; на гриву коню поставь котел. (Поговори-ка о чем-нибудь, да закури трубку и мне подай.)

Что ты гордишься? Будь смирнее овцы, меньше зайца, ниже травы.

Раб знает иногда больше князя, да говорить ему не позволяют.

В бороде ума нет.

Суровый конь утрудит ноги твои, раздвоенье ума утрудит человека.

Если бы не было ветра, не сломилось бы дерево; если бы не было дьявола, не умирал бы человек.

Нет никого больше (кроме) матери, которая давала сосать оба сосца.

Далее приводятся все тексты из подборки «Ўлгер сӧс», опубликованной в 1 томе «Образцов» В.В. Радлова (*Радлов* 1866: 1–7). Нормализация пословиц/поговорок, перевод на русский язык и примечания М.Г. Токмашева. Им же в телеутских текстах в скобках вставлены

синонимы из современного телеутского языка. Мои примечания оговорены особо, по большей части они связаны со сверкой прочтения текстов В.В. Радлова М.Г. Токмашевым: при наличии особо значимых различий я позволял себе приводить в примечаниях вариант В.В. Радлова.

1 Теңерениң қужун тудайын теп не санайзың?
Теңистиң палығын тудайын теп не санайзың?
Небесную птицу поймать зачем помышляешь?
Морскую рыбу поймать зачем помышляешь?

2 Текениң мүүзи теңерее јеткенин кем көргön?
Төöниң қуйруғы јерге јеткенин кем көргön?
Кто видел, что рога у козла до неба достают?
Кто видел, что хвост у верблюда до земли достает?

3 Қарчығаның учужынаң,
Қалабастың[1] пазығынаң.
Ястреба по полету (видно),
Расторопного по походке (видно).

4 Јортолбос јол пузар,
Айдалбас сöс пузар.
Не умеющий ездить – дорогу портит.
Не умеющий сказать – слово портит.

5 Јорғоо јол муң[2] ба?
Јойғо[3] сöс муң ба?
Рысаку дорога разве в тягость?
Лжецу слово разве в тягость?

6 Алабуғада мин јоқ,
Алу кижиде ой јоқ.
От окуня навара нет,
У глупого человека ума нет.

[1] *Қалабас* – «расторопный», «ловкий».
[2] *Муң* – «печаль», «огорчение».
[3] *Јой* – «болтун», «лжец», «говорун».

7 Пақааң[1] пазығын көрўп туруп
Јелижин[2] не сурадың?
Видя, как ходит лягушка,
Зачем от нее требуешь рыси?

8 Қарының сöзин қапқа суқ!
Јаанның сöзин јанчыққа[3] сал!
Слово старца прячь в мешок!
Слово старшего клади в карман!

9 Тон ичинде эр јўрер, ааны кем пилер?
Тоқум алдында ат јўрер, ааны кем пилер?
Под шубой мужчина ли ходит, кто это знает?
Под потником мерин ли ходит, кто это знает?

10 Көп полып чöп полғончо[4],
Ас полып ус ползын!
Чем быть во множестве мусором,
Лучше быть в малости мастером!

11 Јаңыны јазап кий,
Эскини эптеп кий!
Новое для наряда надевай,
Старое для удобства надевай!

12 Салқынду кўнде энчў јоқ.
Сағышту кўнде ўйқу јоқ.
В ветреный день покоя нет,
В день раздумий сна нет.

13 Јаман да ползо, ўйиң ползын!
Јаман да ползо, кöчöң ползын!
Пусть будет плохой, но свой дом!
Пусть будет плохая, но своя похлебка!

---

[1] В оригинале: *пақаның*. – *Д.Ф.*
[2] В оригинале: *јäläғін*. – *Д.Ф.*
[3] *Јанчық* – «карман», «пришитый к подолу мешочек».
[4] В оригинале: *полғынча*. – *Д.Ф.*

14 Атпастың оғы алты қулаш.
У того, кто не стреляет, стрела в шесть саженей.[1]

15 Пийин кӱндӱлеген пий полор,
Пайын кӱндӱлеген пай полор.
Почитающий бия бием будет,
Почитающий богатого богатым будет.

16 Нени јизең, ааны ји!
Тижиң ташқа тийбезин!
Нени кийзең, ааны кий!
Арқаң кӱнге кӱйбезин[2]!
Нени минзең ааны мин!
Айағың јерге тийбезин!
Что хочешь, то и ешь,
Лишь бы на зуб камень не попал!
Что хочешь, то и надевай,
Лишь бы спина на солнце не сгорела!
На чем хочешь, на том и езди (верхом),
Лишь бы ноги до земли не доставали!

17 Эт қайнатсам[3] саа мин[4] јетпес,
Эки сӧстиң саа пирзи јетпес.
Если (я) сварю мясо, тебе бульона не хватит
(будет мало),
Из двух слов до тебя ни одно не дойдет.

18 Ат қарызы соғумтық,
Эр қарызы эликтик[5].
Старая лошадь годится на забой.
Старый человек – объект насмешек.

---

[1] Толкование М.Г. Токмашева (которому вполне соответствует перевод) имеет право на существование. Вместе с тем возможно и иное прочтение:
У того, кто не умеет стрелять,
стрела (пуля) лишь на шесть саженей летит. – *Д.Ф.*

[2] Следующие две строки оригинала были пропущены М.Г. Токмашевым. Вставка и перевод мои. – *Д.Ф.*

[3] В оригинале: *қайназам*. – *Д.Ф.*

[4] В оригинале: *минӈ*. – *Д.Ф.*

[5] В оригинале: *әлїмтїк*. – *Д.Ф.*

19 Қуру қалбақ уусқа јарабас.
Пустую ложку рот не любит.

20 Ке(й) сўлеген кечке јетпес,
Кере алтаған эжикке јетпес.
Лживый посул до вечера не доживет,
Широко шагающий двери (дома) не достигнет.

21 Алтын пашту қааттаң[1]
Арық пашту эр артық.
Мужчина с худой головой
Лучше золотоголовой женщины.

22 Эр тискини узун,
Ат туйғағы јазық.
Мужской повод (на узде) длинен,
Конское копыто – широко.

23 Ат киштезе[2] таныжар,
Кижи эрмектешсе таныжар.
Кони узнают друг друга по ржанию,
Люди узнают друг друга по разговору.

24 Арық та ползо, семиске паала!
Ас та ползо, көпкö паала!
Хоть и постное, считай за жирное!
Хоть и малое, считай за многое!

25 Ажым ас полды,
Пажым тас полды.
Пища моя стала скудной,
Голова моя стала плешивой.

26 Төögö[3] қара сананғаннаң
Төңгö[4] ақ сананаға јақшы.

---

[1] В оригинале: *қадыттаң. – Д.Ф.*
[2] В оригинале: *кіштäшсä. – Д.Ф.*
[3] В оригинале: *тӧчö. – Д.Ф.*
[4] В оригинале: *тӧнчö. – Д.Ф.*

Добрые мысли о кочке
Лучше дурных мыслей о верблюде.

27 Қарға қасқа темежип пудын[1] чупчунған.
Ворона, гусю подражая, нгу выдернула.

28 Јаңыды[2] көрўп јапсынба[3]!
Эскиди көрўп эрикпе!
Увидев новое, не восторгайся!
Увидев старое, не печалься!

29 Таңдағы қазымынаң қартадаң,
Пуунғы өпкөмынаң пуур јақшы[4].
Чем завтра сало и сычуг,
Лучше сегодня легкие и печень.

30 Пойдоңдың мойынын пит јиир,
Тапқан[5] тартанғанын ит јиир.
Шею холостяка (вдовца) вошь заест,
Задохшуюся добычу собака съест.

31 Өтпөсти пилебе,
Уқпасты сўлебе[6]!
Тупое (зря) не точи,
Непослушному (зря) не говори!

32 Өлөдим теп өтпөгиңди төгөспө.
Даже умирая, до конца каравай не съедай!

33 Қачып прадып чачып пар!
Даже убегая (с земли), сей!

---

[1] В оригинале: *пудў*. – *Д.Ф.*

[2] В оригинале: *јаңыны* и *äскінї*. – *Д.Ф.*

[3] В оригинале: *јапсыба*. – *Д.Ф.*

[4] В оригинале: *Таңдағы қазыбыла қартанаң, / пўғўнғї өкпөбїлä пўр јақшы*. – *Д.Ф.*

[5] *Тапқан* – «дичь», «добыча».

[6] *Сўле-* – «обещать», «говорить».

34 Кöркў јақшыды[1] кöрўп алғанча,
Кöгў јақшыды сурап ал.
Чем увидеть приглядное на вид,
Лучше выпросить (=иметь)
хорошо сшитое (?)[2].

35 Паатыр падар,
Туурағар[3] тунар.
Богатырь увязнет,
Противник затихнет[4].

36 Сууқмынаң мельешкенниң[5] қулағы јоқ,
Пиймынаң мельешкенниң пажы јоқ.
У того, кто спорил с морозом, уха нет,
У того, кто спорил с бием, головы нет.

37 Арғалу алты қонор,
Мекелў пеш қонор.
Способный шесть раз ночует,
Лживый пять раз ночует.

38 Јобош пашты қылыш кеспес.
Смиренную голову меч не сечет.

39 Сананған сағышмынаң полбойтон,
Салған Қудаймынаң полотон[6].

---

[1] В оригинале в обоих случаях: *јақшыны*. – *Д.Ф.*

[2] Здесь, думается, смысл передан неточно, что отметил знаком вопроса и сам М.Г. Токмашев. Более близко к оригиналу было бы:
Чем на красу заглядываться,
лучше внутренний смысл ищи! – *Д.Ф.*

[3] *Туурағар* – «вздорный», «неистовый», «бешеный».

[4] Это буквальное толкование. По смыслу здесь повтор одной и той же мысли в обоих стихах:
И батыр (когда-то да) погибнет,
И бушующий/бешеный (когда-то да) умрет. – *Д.Ф.*

[5] В оригинале: *сӯқпылаң мäljäшкäн и пӣбӣläң мäljäшкäн. – Д.Ф.*

[6] В оригинале: *Санаған сағышпыла полбойттон, / салған Қудаібыла полоттон. – Д.Ф.*

Не бывает того, о чем помышляешь,
Бывает то, что положено богом.

40 Јаман ит семирзе,
јаанына јуутпас!
Јаман кижи пайлаза[1],
јаанына јуутпас.
Если злой пес разжиреет,
близко (к себе никого)
не подпустит,
Если худой человек разбогатеет,
близко (к себе никого)
не подпустит,

41 Ӱй кижиниң ичинде,
қуйақту, јарықту эр јӱрер,
Эр кижиниң ичинде,
ээрилӱ, қоноқту[2] ат јӱрер.
У женщины внутри (в мыслях) –
прекрасный, в доспехах, мужчина.
У мужчины в мыслях –
снаряженный, оседланный конь.

42 Эски тонның јақазы
эрткендең[3] қалған керезим[4],
Јаңы тонның јақазы
јақшыдаң қалған керезим.
Ворот старой шубы
(для меня) – память о минувшем.
Ворот новой шубы –
свидетельство хорошего.

---

[1] В оригинале: *паіза*. – *Д.Ф.*

[2] В оригинале: *јоноқтӱ*, что сам В.В. Радлов перевел на немецкий как «feurig-es» (*Radloff* 1866: 3), т.е. «горячий конь». Замена неизвестного в настоящего время в телеутском языке слова *јоноқ* на подходящее в данном контексте *қоноқ* сделана М.Г. Токмашевым. – *Д.Ф.*

[3] В оригинале: *ӓртӓғїдӓң*. – *Д.Ф.*

[4] *Керес* – «свидетельство».

43 Элдиң эпчизи[1],
Тонның топчызы.
Миротворец для народа,
Как пуговица для шубы.

44 Јаңыс атту јарышчы,
Јарғақ тонду кўрешчи.
Наездник с единственным конем,
Словно борец в облезлой шубе.

45 Керкиң тудунып керишке чықпа!
Уруғың тудунып урушқа чықпа!
Не выходи на ссору с кинжалом!
Не выходи на драку с арканом!

46 Урушчы уйадар[2],
Керишчи кенеер[3].
Драчун ослабнет,
У скандалиста руки-ноги отнимутся.

47 Аймағы пашқамынаң[4] уу уулаба[5],
Абазы пашқамынаң астам астамдаба.
Не рыбачь с тем, кто из чужого села,
Не ищи прибыли с тем, у кого другой отец
(кто из чужой семьи).

48 Суу көрбöйче öдўк чечпе!
Не увидевши воду, не разувайся!

49 Темир тонду ölўптир (öлтир),
Тере тонду қалыптыр (қалтыр).
Одетый в железную шубу (в кольчугу), погиб,
Одетый в кожаную шубу, жив остался.

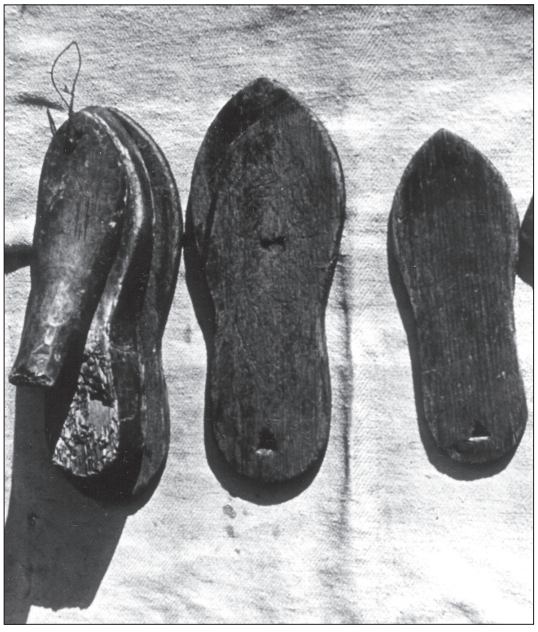
---

[1] *Эпчи* – «устроитель», «примиритель», «миротворец».
[2] *Уйада-* – «ослабнуть», «истощиться», «погибнуть», «исчезнуть».
[3] *Кене-* – «отсохнуть», «отняться (о конечностях)».
[4] В оригинале в обеих строках: *пашқабыла*. – *Д.Ф.*
[5] *уу* – «сеть», *уула-* – «ловить рыбу сетью».

50 Аш ичкенче меңдебе,
Атқа минзең тоқтобо.
Будешь вино пить, не спеши,
На коня сядешь – не останавливайся.

51 Јорто қалған јол эдер[1],
Јӱре қалған эл эдер.
Едущий прокладывает дорогу,
Живущий оставляет потомство.

52 Јас јарышту –
кӱс кӱрештӱ.
Весной (состязаются) в скачках,
осенью (состязаются) в борьбе.



Колодки *ӱлгӱ*, использовавшиеся для шиться традиционных типов обуви, д. Телеуты, 1988 г.

[1] В оригинале в обеих строках: *ӓдӓ. – Д.Ф.*

53 Уғы јоқ кижи полбос,
Ўлгўзи јоқ ödўк полбос!
Без роду, без племени человека не будет,
Без выкройки обуви не будет!

54 Кийик ползо, тўктў полор,
Кижи ползо, атту полор.
Если это зверь, (то должен быть) с шерстью,
Если это человек – (то должен быть) на коне.

55 Јаманның қолына пергенче,
Јақшының јолына сал!
Чем давать в руки плохому,
Лучше положить под ноги[1] хорошему.

56 Јаманға јақшы этпе,
Јуурға[2] поқ сўртпе.
Худому добра не делай,
Ссадину дерьмом не смазывай.

57 Јаман кижи јууда туза[3].
Худой человек на войне полезен.

58 Јамылудаң[4] јаман туулбас тебезин!
Јамандаң јамылу туулбас тебезин!
Пусть не говорят, что от почтенного дурной не родится!
Пусть не говорят, что от дурного почтенный не родится!

59 Јақшыға[5] јанашқан јақшызы јуғар,
Јаманға јанашқан јаманы јуғар,
От соседства с худым – худое пристанет,
От соседства с добрым – доброе пристанет.

---

[1] М.Г. Токмашев предложил вариант «в руки», что, на мой взгляд, уводит перевод от оригинала. *Јолыңа* – букв. «на дорогу». – *Д.Ф.*

[2] *Јуур* – «ссадина, потертость на спине лошади».

[3] *Туза* – «польза».

[4] *Јамы* – «чин», «почет», «привилегия».

[5] В оригинале стяженная форма: *јақшā. – Д.Ф.*

60 Тил jўг(ў)рўги пашқа!
Айақ jўг(ў)рўги пашқа!
Беглость речи – одно,
Резвость ног – другое.

61 Алтын ичсе ўренге,
Аш ичсе қурсаққа!
Если есть (употреблять) золото (то это будет) для потомства,
Если употреблять пищу – для утробы![1]

62 Айлаш та ползо, jол қузаң[2]![3]
Айлу[4] да ползо, қыс алзаң!
Пусть и окольной, но следуй дороге,
Пусть и беременную, но возьми (в жены) девушку!

63 Палық аңдаған пайлабас[5],
Тўбиндеги қурғабас.
Тот, кто рыбачит, не разбогатеет,
То, что на дне (воды) – не засохнет.

64 Темирди ползо қысқа кес!
Ағашты ползо узун кес!
Если железо – отрезай короче,
Если дерево – отрезай длиннее.

65 Абазы jоқто – уул паштақ,
Энези jоқто – қыс паштақ.

---

[1] Здесь М.Г. Токмашев излишне увлекся редакцией телеутских записей В.В. Радлова. В оригинале было не *ичсе*, а *ишсе* (*ішсä*) (от слова «работать», а не от слова «пить»). Соответственно, эта пословица должна выглядеть так:
Алтын ишсе ўренге,
Аш ишсе қурсаққа.
Если золото копить (приготавливать) – для потомства,
Если пищу готовить – для утробы. – *Д.Ф.*

[2] В оригинале: *қуғўн* и *алғын*. – *Д.Ф.*

[3] *Қу-* – «следить», «преследовать», «взыскивать».

[4] *Айлу* – «беременная».

[5] В оригинале: *паібас*. – *Д.Ф.*

Без отца сын баловник,
Без матери дочь баловница.

66 Қыс тутқанча қос[1] тут!
Чем держать в руках девицу, держи
горячий уголь.

67 Ат майымынаң[2],
Кижи кебимынаң.
О коне (судят) по жиру,
О человеке – по одежде[3].

68 Көп адып мерген полбос,
Көп айдып чечен полбос.
Много стреляя, не станешь метким,
Много разговаривая, не станешь
красноречивым[4].

69 Ырааққа уқмаққа[5] – јууққа көрмöккö[6].
Дальнего (можно) услышать, ближнего –
увидеть.

70 Ағаш тазылы јер öткўре,
Кижи тазылы эл öткўре.
Корни дерева проходят сквозь землю,
Корни человека проходят сквозь народ.

---

[1] В оригинале опечатка: *көс*. – *Д.Ф.*

[2] В оригинале здесь и строкой ниже было *маібылаң* и, соответственно, к*äппіläң*. – *Д.Ф.*

[3] В переводе М.Г. Токмашева было «по обличью». – *Д.Ф.*

[4] Более точно было бы перевести как:
Кто много стреляет, еще не стрелок,
Кто много говорит, еще не мудрец. – *Д.Ф.*

[5] *Уқмақ* – «слух», «весть».

[6] *Көрмöк* – «видение», «предмет, на который стоит посмотреть», «зрелище».

71 Кижи қолы қулғур[1],
Құдай қолы малғыр[2].
Человеческая рука выпрашивает,
Божья рука щедро раздает.

72 Сыйлап перген сиирип алар.
Тот, кто (сначала) подарил, (потом) назад сдерет.

73 Энези јаманының[3] қызын алба!
Эжиги јаманының үйине кирбе!
Не женись на дочери плохой матери,
Не входи в дом с худыми дверями.

74 Чын өлөрди қам албас,
Торо өлөрди пай албас.
Того, кто действительно умрет, и кам не спасет,
Того, кто с голоду умрет, и богач не спасет.

75 Ыңыр-чыңыр ыңырчақ,
Ат қулаққа амыр јоқ.
Эки јаман табышса,
Эл қулаққа амыр јоқ.
Если седло скрипучее,
Ушам коня покоя нет.
Если встретятся двое бранчливых,
Ушам народа покоя нет.

76 Толтыра алу қаадын[4] мақтаар,
Толтыра ойлү идин мақтаар.
Полный глупец жену свою хвалит,
Очень умный собаку свою хвалит.

[1] *Қулғур* – «худой», «негодный», «попрошайка».
[2] *Малғыр* – «богатый», «щедрый».
[3] В оригинале в обеих строках: *јаманың. – Д.Ф.*
[4] В оригинале: *қаттын. – Д.Ф.*

Накладка *парс* на передней луке телеутского женского свадебного седла XVIII века. Из фондов МАЭ РАН, колл. № 2334-105.

77 Чычқақчынды[1] ит ээжер,
Қатқычынды эр ээжер.
За тем, у кого понос, собаки следуют.
За тем, кто смешит, мужчины следуют[2].

78 Сабаш[3] қазан ажыра қайнаар,
Саназы[4] јоқ ажыра айдар.
Ведерный казан кипит сверх меры,
Бестолковый – говорит сверх меры.

79 Қумағы јоқ суу полбос,
Қудайы јоқ эл полбос,
Јақазы јоқ тон полбос,
Јақааны[5] јоқ јурт полбос.

---

[1] В варианте М.Г. Токмашева слова *чычқақчынды* и *қатқычынды*, возможно, грамматически избыточно нагружены. В варианте В.В. Радлова они также были приведены в винительном падеже – *чычқақчыны* и, соответственно, *қатқычыны,* но без дополнительного «д» в том и другом случае. – *Д.Ф.*

[2] Перевод буквальный. Возможно, лучше было бы:
За шутником/весельчаком люди следуют. – *Д.Ф.*

[3] В оригинале была допущена опечатка: *сабат*. – *Д.Ф.*

[4] В оригинале: *санағазы*. – *Д.Ф.*

[5] *Јақааны, јақығаны* – «наставник», «повелитель», «распорядитель».

Без песка (=берегов) воды не бывает,
Без бога мира не бывает,
Без ворота шубы не бывает,
Без наставника народа не бывает.

80 Јаанын күндүлеген[1] јада қалбас,
Улуын күндүлеген үйи[2] қалбас,
Почитающие великих не отстанут (не останутся одни),
Почитающие старших не погибнут.

81 Јаандаң јабыс пол!
Улууға уққур пол!
При великих будь низким,
При старших будь послушным!

82 Јаанын күндүлегенниң[3] јажы узун.
У почитающих старших век длинен.

83 Сайақ[4] јүрген тайақ јиир.
Клеветник отведает посоха.

84 Сайғақчы[5] сабырылар[6],
Санағанын[7] садар;
Төгүнчик[8] тунар,
Түнерикке[9] падар
Клеветник будет занесен снегом,
Думы свои продаст;
Обманщик исчезнет,
В темноте увязнет.

---

[1] *Күндүле* – «почитать», «чтить», «чествовать», «уважать».
[2] *Уйи-(өйи-)* – «исчезнуть», «погибнуть».
[3] В оригинале слово было дано в основном падеже: *күндүläғän. – Д.Ф.*
[4] *Сайақ* – «клевета», «донос», «раздор».
[5] *Сайғакчы* – «клеветник».
[6] *Сабыл-* – «буранить», «заметать снегом».
[7] В оригинале: *санағазын. – Д.Ф.*
[8] В оригинале: *төғүнчї.* М.Г. Токмашев исправил на современное тел. *төгүнчик. – Д.Ф.*
[9] *Түнерик* – «мрачный», «темный»; «тьма», «мгла», «затмение».

85 Ажы-тузын ичип отур,
Ақту сöзин айдып отур.
Хлебом-солью своим питается,
Говорит слова (только) праведные.

86 Эки пашты пириктирген,
Қудайдың сöктеген[1];
Эки пашты айрыған,
Қудайдың қыйал полор теген.
Соединение двух голов (двух людей),
Это благодарение (=жертва) богу,
Разъединение двух людей,
Это грех, названный (=перед) богом.

87 Кўўнчектиң кўнеги јоқ.
У завистливого (даже) рубашки нет.

88 Парда пöрў чылап[2] қап!
Јоқто шири[3] чылап қат!
Если есть, то хватай, как волк!
Если нет, то, как сухожилие, засыхай!

89 Иштегеним энеммынаң абама,
Ўренгеним пойыма.
То, что заработал – для отца с матерью,
То, чему научился – для себя самого.

90 Эки кижиниң пирзи јаан,
Јаңыс кижиниң пöрўги јаан.

---

[1] У В.В. Радлова – *соттеген*, очевидно, опечатка; было подобрано наиболее близкое по начертанию и смыслу слово *сöкте-* – «кропить на идолов и в жертву духам». – *М.Т.*

Здесь явно неверная трактовка слова *со(о)т* – «отрада» (см.: ОРС 1947: 130). Соответственно, строка должна быть переведена как:

Это отрада (для) бога. – *Д.Ф.*

[2] В оригинале у В.В. Радлова в обоих случаях не *чылап* (как в современном телеутском), а *чилеп. – Д.Ф.*

[3] *Шири* – «сухая жила», «тетива»; «продымленная кожа, из которой делают арканы».

Из двоих (кто-нибудь) один выше.
Когда человек один, то его шапка выше.

91 Јылқызы јоқ јердең тезегин не сурадың?
У земли, где нет скота, зачем кизяк просишь?

Далее у В.В. Радлова (с. 7) идут без нумерации еще шесть текстов:

Јаманның јолы јайтақ полор,
Јаза пасса көң полор;
Јақшының јолы чындық полор,
Јаңылбай пасса чек полор.
У худого (человека) дорога (хоть и) широкая,
Но если (он) оступится – угодит в болото;
У доброго дорога праведная,
Если не собьется, не будет замаранным.

Уурчының (қадраңдың) јўрўжи уйқуда[1] полор,
Уйқуда јўрип туттырза,
Узаққа полор қыјыны.
Вор бродит во время сна (других),
Но если в это время он будет пойман,
Долгими будут его муки.

Қазрачының јорығы қарачқыда[2],
Қаниип (қанайып) та туттырза
Қату полор јарғызы.
Конокрад ездит в темноте,
Если как-нибудь он будет пойман,
Жестоким будет наказание.

[1] В оригинале в обеих строках: *јјуқуда*. – *Д.Ф.*

[2] М.Г. Токмашев опустил в данной строке слово *полор*, что, впрочем, не меняет смысл высказывания. – *Д.Ф.*

Јаманға јанашқан јат јеринде,
Јақшаа јанашқан јаду јеринде,
Кто был рядом с худым – на чужбине,
Кто был рядом с добрым – на земле, где жил[1].

Кижиниң саназы салқын ошқош, јаланда турған јаңыс ағаш ошқош, салқын қанаары қақса, анаары кижиниң саназы[2] сала перер.

Думы человека ветру подобны, одинокому дереву в поле подобны, куда подует ветер, туда клонятся и думы человека.

Қан Қудайдың јајаған пудай қалажы чочқоо перзең, ааны јийгеле артқанын таштап сала перер. Паза ол ошқош тенек кижее. Қаан Қудайдың алтынду алтын ошқош јақшылықтың сöзўн айтсаң, тенек кижи ааны уқпай таштап керектебей паза перер.

Если Господом Богом сотворенный пшеничный хлеб отдашь свинье, она пожрет, а объедки бросит и уйдет. Еще это похоже на глупца. Если скажешь золотые слова о божьей благодати, глупец, их не слушая, отринет как ненужные, и уйдет.

[1] Ср. с переводом на немецкий В.В. Радлова: «Wer dem Bösen nahe steht, kommt in ein fremdes Land; / Wer dem Guten nahe steht, bleibt in der Heimath» (*Radloff* 1866: 7) – «Кто близко к плохому стоит, придет на чужбину; кто близко к хорошему стоит, останется на родине». – *Д.Ф.*

[2] В оригинале: *санағазы*. – *Д.Ф.*

Литература

Словари

Бутанаев 1999 – Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан, 1999.

КТРС 1994 – Краткий тувинско-русский словарь / Отв. ред. Д.А. Монгуш. Кызыл, 1994.

ОРС 1947 – Ойротско-русский словарь / Сост. Н.А. Баскаков, Т.М. Тощакова. М., 1947.

ОХС 1961 – Орыс-хакас словарь. Русско-хакасский словарь / Под ред. Д.И. Чанкова. М., 1961.

Радлов 1888–1911 – *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. I–IV. СПб., 1888–1911.

Словарь 1884 – Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка / Сост. Протоиерей В. Вербицкий. Казань, 1884.

ТРС 1995 – *Рюмина-Сыркашева Л.Т., Кучигашева Н.А.* Телеут-орус сӧзлик. Телеутско-русский словарь. Кемерово, 1995.

Тумашева 1992 – *Тумашева Д.Г.* Словарь диалектов сибирских татар. Казань, 1992.

Функ 1999 – *Функ Д.А.* Заметки на полях шорско-русского словаря // Сибирский этнографический сборник. Вып. 9: Народы Российского Севера и Сибири. М., 1999. С. 141–167.

ХРС 2006 – *Субракова О.В.* (ред.) Хакасско-русский словарь (Хакас-орыс сӧстік). Новосибирск, 2006.

ШРС 1993 – *Курпешко-Таннагашева Н.Н., Апонькин Ф.Я.* Шор-казак пазок казак-шор ӱргедиг сӧстӱк. Шорско-русский и русско-шорский словарь. Кемерово, 1993.

Esipova, Arbačakova 2006 – *Esipova L., Arbačakova L.* Archaic vocabulary in Shor heroic epics // Exploring the Eastern frontiers of Turkic / Eds. M. Erdal, I. Nevskaya. Wiesbaden, 2006. S. 19–40.

Тюркские фольклорные тексты без перевода на европейские языки

Алтай алкыштар 1993 – Алтай алкыштар / Ред. М.А. Толбина. Горно-Алтайск, 1993.

Алтай баатырлар 1958 – Алтай баатырлар. Т. 1. Горно-Алтайск, 1958.

Алтай баатырлар 1974 – Алтай баатырлар. Т. 8. Горно-Алтайск, 1974.

Алтай кеп сӧстӧр 1956 – Алтай кеп сӧстӧр ло укаа сӧстӧр. Горно-Алтайск, 1956.

Алтай кеп-куучындар 1994 – Алтай кеп-куучындар / Ред. К.Е. Укачина. Горно-Алтайск, 1994.

АФ 1988 – Алтайский фольклор. Горно-Алтайск, 1988.
АФ 1995 – Алтай фольклор (К.И. Максимовтың телеут диалект тилле јууган фольклор бичимелдеринең) / Јуунтыны тургузып, кире сöс лö алтай-телеут сöзликти бичип-јазаган Т.М. Садалова. Горно-Алтайск, 1995.
Очы 1926 – *Очы Г.* Тапкактар / Под ред. М.А. Борисова. М., 1926.
Очы 1927 – *Очы Г.* Ак-Олдош. М., 1927.
Радлов 1866 – *Радлов В.В.* Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. 1: Поднаречия Алтая: алтайцев, телеутов, черновых и лебединских татар, шорцев и саянцев. СПб., 1866. Ч. XXIV.
Тыдыков 1994 – *Тыдыков А.А.* Байат чöрчöктöр (Баятские сказки). Горно-Алтайск, 1994.
Тыдыков 2011 – *Тыдыков А.А.* Ана-Байаттың эрјине сöзи. Горно-Алтайск, 2011.
Јўс сагыш 1987 – Јўс сагыш (Сто умов) (тел. сказки на алт. яз.). Горно-Алтайск, 1987.
Radloff 1967 – *Radloff V.V.* South-Siberian Oral Literature. Turkic Texts: Uralic and Altaic Series. Vol. 1. Bloomington, 1967.

Тюркские фольклорные тексты в переводе/с переводом на другие языки

Алтайские народные сказки 2016 – Алтайские народные сказки / Сост.-переводчик, автор вступит. статьи, примеч. и коммент., словаря непереведенных слов, списка сокращений, списка источников и литературы М.А. Демчинова. Горно-Алтайск, 2016.
Вербицкий 1858 – *Вербицкий В.* Народные легенды Кузнецких телеут о подданстве их России // Томские Губернские Ведомости. 1858. № 29 (25 июля): часть неофициальная. С. 230–232.
Восточный поэт 1874 – Восточный поэт. Мырат-пи (С теленгитского языка в Алтае) // Камско-Волжская газета (г. Казань). 1874. № 8 (18 янв.). С. 1 (30).
Катанов 1907 – *Катанов Н.Ф.* Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов: тексты. (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. Ч. IX). СПб., 1907.
Колчан сердечных стрел 1995 – Колчан сердечных стрел / Переводы и переложения А. Преловского. Красноярск, 1995.
Никифоров 1915 – *Никифоров Н.Я.* Аносский сборник. (ЗЗСОИРГО, Кн. 37). Омск, 1915.
Песни… 1993 – Песни села Челухоево / Сост. В.И. Челухоев; зап. и пер. с телеутского Д.А. Функа. Белово, 1993.

Потанин 1883 – *Потанин Г.Н.* Очерки северо-западной Монголии. Вып. IV. СПб., 1883.

Телеутские сказки 1990 – Телеутские сказки (запись и лит. обработка Н. Калишева) // Литературный Кузбасс. 1990. № 4. С. 87–88.

Токмашев 1915 – *Токмашев Г.М.* Телеутские материалы // Труды Томского общества изучения Сибири. Томск, 1915. Т. 3. Вып. 1. С. 62–91.

Токмашев 1918 – *Токмашев Г.* Борозы Каан // Школа и жизнь Сибири. 1918. № 2–3. С. 8–22.

Тувинские сказки 1994 – Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 8: Тувинские народные сказки / Сост., вступ. статья, подгот. и подстроч. пер. текстов, коммент. и слов. З.Б. Самдан. Новосибирск, 1994.

Устное народное творчество 2001 – Устное народное творчество коренных народов Кузбасса – телеутов и шорцев. Историко-литературная хрестоматия. Учебное пособие / Сост. Д.В. Кацюба. Кемерово, 2001.

Фисакова 1977 – *Фисакова Г.Г.* Бачатско-телеутские тексты – поговорки и загадки // Языки народов Сибири / Под ред. Е.И. Убрятовой. Кемерово, 1977. С. 101–102.

Фисакова 1990 – *Фисакова Г.* Телеутский фольклор // Кузбасс (г. Кемерово). 1990. 4 марта. С. 6.

Фисакова 1990а – *Фисакова Г.* Телеутский фольклор // Кузбасс (г. Кемерово). 1990а. 10 мая. С. 3.

Фисакова 1990б – *Фисакова Г.Г.* Образцы фольклора бачатских телеутов // Телеутская землица и ее коренные жители. Вып. 1. Кемерово, 1990б. С. 26–33.

Фисакова 1992 – *Фисакова Г.Г.* Алтындый тыны пек ползын – душа пусть будет крепкой, как золото // Левый берег (Кемерово). 1992. № 5. 3 февраля.

Функ 2003 – *Функ Д.А.* Молочно-белые кони в сказаниях таёжных охотников, рыболовов и собирателей // Этнографическое обозрение. 2003. № 3. С. 53–60.

Функ 2004 – Телеутский фольклор / Сост., вступит. статья, запись, перевод на русский язык и комм. Д.А. Функа. М., 2004.

ШГЭ 2010 – Шорский героический эпос. 2-е изд. Т. 1 / Сост., подгот. к изданию, вступит. ст., пер. на рус. яз., примеч. и коммент. Д.А. Функа. М., 2010.

Шорский фольклор 1940 – Шорский фольклор / Записи, пер., вступит. статья и примечания Н.П. Дыренковой. М.; Л., 1940.

Radloff 1866 – *Radloff W.* Proben der Volkslitteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens. Th. 1: Die Dialekte des eigentlichen Altai: der Altaier und Teleuten, Lebed-Tataren, Schoren und Sojonen. St.-Pbg., 1866.

Samandobok 1974 – Samandobok, szoljatok: Sziberia oslakossaganak nepkoteszete. Budapest, 1974.

Исследования

Анохин 1912 – *Анохин А.В.* Предания алтайцев о своих царях-богатырях // Томские епархиальные ведомости. 1912. № 14. С. 719–729; № 15. С. 765–779; № 16. С. 825–833.

Анохин 1929 – *Анохин А.В.* Душа и ее свойства по представлению телеутов // Сборник МАЭ. Л., 1929. Т. 8. С. 253–269.

Баскаков 1958 – *Баскаков Н.А.* Алтайский язык (Введение в изучение алтайского языка и его диалектов). М., 1958.

Баскаков 1973 – *Баскаков Н.А.* Душа в древних верованиях тюрков Алтая (Термины, их знание и этимология) // Этнографическое обозрение. 1973. № 5. С. 108–113.

Батьянова 1987 – *Батьянова Е.П.* Структура телеутского сеока // Полевые исследования Института этнографии. 1983 / Отв. ред. С.И. Вайнштейн. М., 1987. С. 100–102.

Батьянова 2007 – *Батьянова Е.П.* Род и община у телеутов в XIX – начале XXI века. М., 2007.

Батьянова, Рюмина 2003 – *Батьянова Е.П., Рюмина Л.Т.* Георгий Маркелович Токмашев: просветитель, этнограф, фольклорист // Репрессированные этнографы. Вып. 2. М., 2003. С. 105–127.

Бурыкин 2007 – *Бурыкин А.А.* Рец. на: Функ Д.А. (сост.) Телеутский фольклор. М., 2004 // Этнографическое обозрение. 2007. № 3. С. 169–173.

Бутанаев 1984 – *Бутанаев В.Я.* Культ богини Умай у хакасов // Этнография народов Сибири / Отв. ред И.Н. Гемуев, Ю.С. Худяков. Новосибирск, 1984. С. 93–105.

Бутанаев 1988 – *Бутанаев В.Я.* Погребально-поминальные обряды хакасов в XIX – начале XX вв. // Историко-культурные связи народов Южной Сибири / Отв. ред. Я.И. Сунчугашев. Абакан, 1988. С. 107–132.

Вербицкий 1870 – *Вербицкий В.* Алтайцы. Томск, 1870.

Вербицкий 1882–1883 – *Вербицкий В.* Сказка у алтайских инородцев… // Томские Губернские Ведомости (неофициальная часть). 1882. № 33. С. 44, 45; 1883. № 8. С. 14–16.

Вербицкий 1893 – *Вербицкий В.И.* Алтайские инородцы. М., 1893.

Дыренкова 1926 – *Дыренкова Н.П.* Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Вып. 1 / Под ред. В.Г. Богораза, Л.Я. Штернберга. Л., 1926. С. 247–259.

Дыренкова 1927 – *Дыренкова Н.П.* Культ огня у алтайцев и телеут // Сборник МАЭ. 1927. Т. 6. С. 63–78.

Дыренкова 1928 – *Дыренкова Н.П.* Умай в культе турецких племен // Культура и писменность Востока. Т. 2. Баку, 1928. С. 134–139.

Дыренкова 1937 – *Дыренкова Н.П.* Пережитки идеологии материнского рода у алтайских тюрков (духи «emegender ~ örökenner») // Памяти

В.Г. Богораза (1865–1936): сборник статей / Отв. ред. И.И. Мещанинов. М.; Л., 1937. С. 123–145.

Дыренкова 1949 – *Дыренкова Н.П.* Материалы по шаманству у телеутов // Сборник МАЭ. 1949. Т. 10. С. 107–190.

Дьяконова 1975 – *Дьяконова В.П.* Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975.

Дьяконова 2001 – *Дьяконова В.П.* Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). Горно-Алтайск, 2001.

Ефимова 1926 – *Ефимова А.* Телеутская свадьба // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Вып. 1 / Под ред. В.Г. Богораза, Л.Я. Штернберга. Л., 1926. С. 225–246.

Иванов 1979 – *Иванов С.В.* Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. XVIII – первая четверть XX в. Л., 1979.

Кандаракова 1999 – *Кандаракова Е.П.* Обычаи и традиции чалканцев. Горно-Алтайск, 1999.

Каруновская 1927 – *Каруновская Л.Э.* Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком // Сборник МАЭ. 1927. Т. 6. С. 19–36.

Каташ 1957 – *Каташ С.С.* Опыт сравнительного изучения алтайского и казахского эпоса (Сопоставит. анализ эпоса «Козын-Эркеш» и «Козы-Корпеш – Баян-слу»). Автореф. дис. … канд. филол. наук. Академия наук КазССР. Институт языка и литературы. Алма-Ата; Л., 1957.

Каташ 1961 – *Каташ С.С.* Алтайские варианты казахского эпоса «Козы-Корпеш и Баян-Слу» // Ученые записки Г-АНИИИЯЛ. 1961. Вып. 4. С. 73–90.

Каташ 1978 – *Каташ С.С.* Мифы, легенды Горного Алтая (Мифы, легенды, предания, благопожелания). Горно-Алтайск, 1978.

Кондратьева 1989 – *Кондратьева Н.М.* Колыбельные телеутов, тубаларов, кумандинцев, чалканцев // Фольклорное наследие Горного Алтая / Отв. ред. В.И. Эдоков. Горно-Алтайск, 1989. С. 20–48.

Львова и др. 1988 – *Львова Э.Л. и др.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Новосибирск, 1988.

Майнагашев 1915 – *Майнагашев С.* Загробная жизнь по представлениям турецких племен Минусинского края // Живая старина. Год XXIV. 1915. Вып. III. С. 277–292.

Потапов 1969 – *Потапов Л.П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969.

Потапов 1973 – *Потапов Л.П.* Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник, 1972. М., 1973. С. 265–286.

Потапов 1991 – *Потапов Л.П.* Алтайский шаманизм. Л., 1991.

Радлов 1989 – *Радлов В.В.* Из Сибири. Страницы дневника. М.,1989.

Руденко 1982 – *Руденко М.Б.* Курдская обрядовая поэзия (Похоронные причитания). М., 1982.

Рюмина-Сыркашева 2003 – *Рюмина-Сыркашева Л.Т.* Телеутский фольклор – телеут қалықтың фольклоры. Кемерово, 2003.

Самаев 1991 – *Самаев Г.* Один из первых // Эл-алтай. 1991. № 1–2.

Сатлаев 1974 – *Сатлаев Ф.А.* Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX в.). Горно-Алтайск, 1974.

Словцов 1844 – *Словцов П.А.* Историческое обозрение Сибири. Кн. вторая с 1742 по 1823 год. СПб., 1844.

Спасский 1821 – *Спасский Г.И.* Телеуты, или Белые Калмыки // Сибирский вестник. 1821. Ч. 13. С. 2–14; Ч. 16. С. 280–287.

Суразаков 1960 – *Суразаков С.С.* Алтай албатынынг оос-поэтический творчествозы (Алтайское народное устно-поэтическое творчество). Горно-Алтайск, 1960.

Суразаков 1961 – *Суразаков С.С.* Героическое сказание о богатыре Алтай-Буучае. Горно-Алтайск, 1961.

Суразаков 1985 – *Суразаков С.С.* Алтайский героический эпос. М., 1985.

Сыркашева 1971 – *Сыркашева В.Т.* О плаче по покойнику «сыгыте» у бачатских телеутов // Языки народов Сибири. Вып. 1. Кемерово, 1971. С. 123–126.

Токмашев, Рюмина-Сыркашева 2007 – Токмашев М.Г., *Рюмина-Сыркашева Л.Т.* Тууған сöс. Родное слово. Книга для чтения на телеутском языке. Кемерово, 2007.

Тыбыкова, Чумакаева 1981 – *Тыбыкова А.Т., Чумакаева М.Ч.* О диалектах алтайского языка // Вопросы изучения алтайского языка / Отв. ред. А.Т. Табыкова. Горно-Алтайск, 1981. С. 60–86.

Тюхтенева 1994 – *Тюхтенева С.П.* О некоторых параллелях в календарных обрядах телеутов и алтайцев (по полевым этнографическим материалам) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. М., 1994. С. 100–105.

Укачина 1984 – *Укачина К.Е.* Алтайские народные загадки. Горно-Алтайск, 1984.

Укачина 1989 – *Укачина К.* Песни и благопожелания в свадебном обряде алтайцев // Фольклорное наследие Горного Алтая / Отв. ред. В.И. Эдоков. Горно-Алтайск, 1989.

Уманский 1980 – *Уманский А.П.* Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1980.

Фисакова 1976 – *Фисакова Г.Г.* Заметки об орудном, продольно-сравнительном и сравнительном падежах в языке бачатских телеутов // Язык бачатских телеутов / Под ред. Е.И. Убрятовой. Кемерово, 1976. С. 95–100.

Фисакова 1976а – *Фисакова Г.Г.* Поговорки ülger söstör, загадки tabyškaktar, наставления (благословления) alkyš söstör // Язык бачатских телеутов / Под ред. Е.И. Убрятовой. Кемерово, 1976а. С. 130–131.

Функ 1992 – *Функ Д.А.* Устное творчество, игры и развлечения бачатских телеутов // *Функ Д.А., Батьянова Е.П.* Телеуты. М., 1992. С. 5–140.

Функ 1993 – *Функ Д.А.* Бачатские телеуты в XVIII – первой четверти XX века: историко-этнографическое исследование. М., 1993.

Функ 1995 – *Функ Д.А.* Бытовой шаманский фольклор телеутов: новые записи // Народы Сибири (Сибирский этнографический сборник. Вып. 7). М., 1995. С. 21–37.

Функ 1995а – *Функ Д.А.* «Чымыр» – телеутский обряд изгнания злого духа: новые материалы // Этнографическое обозрение. 1995а. № 4. С. 107–114.

Функ 1997 – *Функ Д.А.* Рец. на: Алтай фольклор. Горно-Алтайск, 1995 // Этнографическое обозрение. 1997. № 3. С.170–174).

Функ 1997 – *Функ Д.А.* Телеутское шаманство: традиционные этнографические интерпретации и новые исследовательские возможности. М., 1997.

Функ 2002 – *Функ Д.А.* Причеть (сыгыт) у бачатских телеутов // Расы и народы. Вып. 28. М., 2002. С. 243–269.

Функ 2005 – *Функ Д.А.* Миры шаманов и сказителей. М., 2005.

Функ 2012 – *Функ Д.А.* Предисловие к публикации сказания «Сыбазын-Олак» // Шорский героический эпос. Т. 3: Сыбазын-Олак. Выспоренная Алтын-Торгу. Кара-Хан / Сост., подгот. к изд., статьи, пер. на рус. яз., приложения, примеч. и коммент. Д.А. Функа; сказитель В.Е. Таннагашев; сост. компакт-диска Д.А. Функ; подгот. мастер-диска К.Г. Шаховцов. Кемерово, 2012. С. 26–37.

Функ, Батьянова 1992 – *Функ Д.А., Батьянова Е.П.* Телеуты. М., 1992.

Харитонова 1981 – *Харитонова В.И.* К вопросу о внутрижанровой классификации причитаний // Филология. Исследования по древним и новым языкам. Переводы с древних языков. Вып. 1. М., 1981. С. 43–53.

Харитонова 1983 – *Харитонова В.И.* Восточно-славянская причеть (проблемы поэтики, типологии и генезиса жанра). Автореф. дис. … канд. филол. наук. МГУ. М., 1983.

Шаханова 1992 – *Шаханова Н.Ж.* О семантике шеста «бакан» в родильной обрядности тюрко-монгольских кочевников // Краткое содержание докладов Лавровских (Среднеазиатско-Кавказских) чтений 1990–1991 гг. СПб., 1992. С. 112–114.

Ярхо 1947 – *Ярхо А.И.* Алтае-Саянские тюрки. Антропологический очерк. Абакан, 1947.

Funk 1996 – *Funk D.* The Teleut Ritual Chymyr: Exorcism and Explanation // Anthropology and Archeology of Eurasia. 1996. Vol. 35. No. 1. P. 83–104.

Funk 2012 – *Funk D.* Die Tjul'bere und ihre Schamanentrommel – Zur Rolle schriftlicher Quellen aus dem 18. Jahrhundert bei ethnographischen Forschungen // Die Erforschung Sibiriens im 18. Jahrhundert Beiträge der Deutsch-Russischen Begegnungen in den Frankeschen Stiftungen / Hrsg. W. Hintzsche, J.O. Habeck. Halle, 2012. S. 133–145.

Radloff 1884 – *Radloff W.* Aus Sibirien: Lose Blätter aus dem Tagebuche reisenden Linguisten. Leipzig, 1884. Bd. 1–2.

Сведения об исполнителях

Алагызова Анна Кирилловна (девичья фамилия Ускоева), 1936 г.р., сеок (род) Меркит, д. Шанда Гурьевского р-на Кемеровской обл.

Борисов (Поросёнков) Василий Осипович, 1927 г.р. (родился в Большом Улусе), сеок (род) Чалмалу, г. Новокузнецк Кемеровской обл. Младшим братом его матери был прекрасный сказитель-*чӧрчӧкчи* Никита Васильевич Накаев.

Накаев Михаил Максимович, 1937 г.р., сеок (род) Тётпёр, д. Телеуты (Томдор), г. Новокузнецк Кемеровской обл.

Поросёнкова Пелагея Павловна (девичья фамилия Тодышева), 1902–1991 гг., сеок (род) Мундус, юрт Канду-Йуты, д. Телеуты (Томдор), г. Новокузнецк Кемеровской обл. Ко времени нашего знакомства она уже была слепой, почти все время проводила дома, а летом часто выходила погреться на солнце на лавочку возле дома со стороны улицы. Пелагея Павловна была дважды замужем, первый раз за телеутом А.П. Поросёнковым, второй – за шорцем В. Уртегешевым. Вырастила пятерых детей. Во время моего пребывания в д. Телеуты мне много помогал в работе ее старший сын Михаил Александрович Поросёнков. Среди известных почти всем сегодняшним телеутам предков Пелагеи Павловны были сестра ее прадеда, шаманка Пӧдӧк/Федосья Степановна Тыдыкова (по мужу) (1862/63–1929) и ее дядя Роман Алексеевич Хлопотин, сын сестры (Нуунаш) ее деда (Семей) и сказителя-*кайчы* Алёшке Хлопотина.

Поросёнкова Анна Михайловна (девичья фамилия Андрюшкина), 1913 г.р., сеок (род) Мундус, г. Новокузнецк Кемеровской обл. Ее прадедом был сказитель-*кайчы* Роман Андрюшкин.

Сыркашева Анна Ахметовна, 1926 г.р., сеок (род) Меркит, с. Бековo (д. Верховская) Беловского р-на Кемеровской обл.

Хлопотина Варвара Степановна (девичья фамилия Шадеева), 1900–1991 гг., сеок (род) Тумат, с. Бековo (д. Челухоево) Беловского р-на Кемеровской обл. Варвара Степановна – жена Романа Алексееви-

ча Хлопотина, помощника и корреспондента А.В. Анохина. Она хорошо помнила как самого Андрея Викторовича, так и сопровождавшую его в поездках художницу С.К. Просвиркину.

Челухоев Василий Николаевич, 1930–1998 гг., сеок (род) Йуты, с. Бековo (д. Челухоево) Беловского р-на Кемеровской обл. В последние годы жизни заведовал этнографическим музеем в с. Бековo. Эта ветвь Челухоевых особенно богата на шаманов и сказителей. Сказителями-*чӧрчӧкчи* были отец Василия Николаевича – Николай (1905–1983) и дед Степан (1878–1971/72?). Двоюродным братом Степана был известный шаман Николай (Канакай), с которым очень много работал А.В. Анохин. Федор – один из братьев Василия Николаевича (умер в марте 1971 г.; с 1937 по 1952/53 гг. находился в ссылке) – был прекрасным сказителем-*чӧрчӧкчи*.

Челухоева Ульяна Андреевна (девичья фамилия Иктина), 1922 г.р., сеок (род) Йуты, с. Бековo (д. Челухоево) Беловского р-на Кемеровской обл. Ульяна Андреевна рано осталась без мужа, вырастила одна пятерых детей. Всю сознательную жизнь она работала в колхозе. Долгие годы была одним из самых активных участников фольклорного коллектива с. Бековo «Солоӈы» (Радуга), для которого сама писала новые песни.

Шабин Василий Михайлович, 1910 г.р., сеок (род) Очу, д. Телеуты (Томдор), г. Новокузнецк Кемеровской обл. Василий Михайлович много и подробно рассказывал мне об охоте, рыболовстве и коневодстве телеутов, учил плести камчу из сыромяти, ставить пленки (қыл) на птиц.

Научное издание

ТЕЛЕУТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Издание второе, исправленное и дополненное

Редактор *М.Ф. Кучерова*
Оригинал-макет *Л.Д. Кривцова*
Дизайн обложки *Е.В. Орлова*

Подписано к печати 20.12.2020 г. 70×100 $^{1}/_{16}$.
Гарнитура PT Serif. Печ. л. 26,7. Усл печ. л. 24,8.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-4211-0267-0

ISBN 978-5-4211-0267-0